

АЛЬМАНАХ ЧАЙКА

№ 16

Январь – Декабрь

2024

CHAYKA – ALMANAC n 16

January 2024 – December 2024

Copyright © 2025 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya
Cover and Chapter Illustrations: Ilya Repin
Layout: Alex Marin

Printed in the United States of America
Lulu Press, Inc., Morrisville, NC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN: 978-1-300-68353-7

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ЧАЙКА

№ 16

Январь – Декабрь

2024

Проза
Стихи
Статьи
Эссе

Редактор-составитель

ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

АЛЬМАНАХ ЧАЙКА № 16, 2024

Альманах ЧАЙКА № 16 за 2024 год включает произведения 46 авторов из 10 стран (Америки, России, Израиля, Украины, Беларуси, Чехии, Болгарии, Италии, Канады и Новой Зеландии). В Альманахе содержатся следующие разделы: «Война и мир» (проза и стихи на темы войны и мира). «Исторические штудии и Воспоминания», «Наука и ученые», «Искусство», «Проза», «Детский альбом» и «Юмор». Наши авторы говорят о «неизвестных» героях, публикуют редкие архивные материалы, открывают малознакомые, а порой и совсем не знакомые имена и факты... Ждем читательских отзывов о нашем Альманахе ЧАЙКА № 16. Будем счастливы, если Альманах заставит наших читателей уйти от повседневных забот и волнений.

ALMANAC CHAYKA n 16, 2024

The Anthology CHAYKA (Almanac CHAYKA) No. 16 for 2024 includes works by 46 authors from 10 countries (the USA, Russia, Israel, Ukraine, Belarus, the Czech Republic, Bulgaria, Italy, Canada, and New Zealand). The Anthology features the following sections: "War and Peace" (prose and poetry on the themes of war and peace), "Historical Studies and Memories," "Science and Scientists," "Art," "Prose," "Children's Album," and "Humor." Our authors focus on "unknown" heroes, publish rare archival materials, and reveal little-known, sometimes entirely unfamiliar, names and facts. We look forward to readers' feedback on our Anthology CHAYKA No. 16. We will be happy if the Anthology helps our readers escape from their daily worries and concerns.

Содержание

От редактора – составителя	7
<i>Лариса Миллер. Пожар - немыслимое дело.....</i>	10
ВОЙНА И МИР	11
<i>Абрам Маляр. Взросление (дебют).....</i>	12
<i>Светлана Новик. Мир создан для добра.....</i>	15
<i>Александр Муленко. Вкус изабеллы</i>	17
<i>Ирина Чайковская. Иосиф из Аримафеи. Пьеса в десяти картинах с Эпилогом</i>	29
<i>Виктор Есипов. Над Староместской флаги, флаги, флаги.....</i>	48
<i>Виктор Голков. Конец утопии.....</i>	49
<i>Евгений Пальцев. Помнишь, Юнна ещё не сошла с ума.....</i>	51
<i>Григорий Оклендский. Искренне Ваш... ..</i>	52
<i>Михаил Синельников. На многих столь похожий.....</i>	53
<i>Виолетта Гребельник. Обычный двор</i>	54
ИСТОРИЧЕСКИЕ ШТУДИИ И ВОСПОМИНАНИЯ.....	55
<i>Фауст Миндлин. К истории запрета еврейского театра в Российской Империи. Архивные находки</i>	56
<i>Нина Аловерт. Александр Годунов. Глава, не вошедшая в книгу «Две жизни. Воспоминания театрального фотографа».....</i>	80
<i>Раиса Сильвер. Мой друг Борникаич и другие, которых невозможно забыть</i>	85
<i>Юлий Зыслин. Драматичная встреча актрисы Жанны Владимировой с Анастасией Цветаевой</i>	92
<i>Сергей Бычков. Свет и воздух голубой. Заметки о творчестве Дмитрия Лихачева. 100</i>	
<i>Лина Нейгауз. Генетик Михаил Евсеевич Нейгауз.....</i>	105
<i>Лев Бердников. “Ах, счастье моё нечаянное!”. К 300-летию казни Виллима Монса</i>	113
<i>Михаил Гаузнер. «Стоишь на сцене одна и держишь зал». Изабелла Юрьева</i>	121
<i>Семен Резник. Илья Мечников, Николай Вавилов. Два этюда. Из архива писателя 133</i>	
<i>Анна Варпаховская. Архивное интервью Дмитрия Шостаковича о Всеволоде Мейерхольде, взятое Леонидом Варпаховским 3 марта 1972 года</i>	145
НАУКА И УЧЕНЫЕ.....	161
<i>Михаил Голубовский. Сколько у человека полов? – Два.</i>	162
<i>Александр Рабинович. Современная физика и тайна живой материи</i>	173
<i>Генрих Голин. К 110 – годовщине со дня рождения Якова Зельдовича</i>	177

ИСКУССТВО.....	183
<i>Вера Чайковская.</i> Море эмоций в маленьком зале. О ретро-выставке четырех.....	184
<i>Игорь Волошин.</i> Чилийский еврейский художник Маурисио Авайю	188
<i>Наташа Черняк.</i> Загадочный коллекционер Нортон Додж.....	194
<i>Нелли Эпельман-Стеркис.</i> Неожиданное открытие	196
<i>Алла Цыбульская.</i> Новое сценическое воплощение старой сказки	200
<i>Александр Сиротин.</i> Мария Владимировна Миронова: Я осталась одна.....	205
<i>Владимир Фрумкин.</i> "Я и раньше знал, что общество наше деградировало, но что до такой степени – не предполагал". К столетию со дня рождения Булата Окуджавы	214
ПРОЗА	225
<i>Юрий Бриль.</i> О чем шепчутся деревья. Главы из книги.....	226
<i>Владимир Шамов.</i> Красное Солнце в солёной воде. Из истории чукчей.....	236
<i>Николай Божиков.</i> Уязвленная душа.....	239
<i>Нина Гольдмахер.</i> Зелёные брызги и белая пена	244
<i>Евсей Цейтлин.</i> Из писательского архива. Завещание Самуила Маршак.....	251
<i>Роман Рязанов.</i> Смерть в Педагогическом музее	255
<i>Вадим Чирков.</i> Королевское «Яблочко».....	269
<i>Яков Фрейдин.</i> Как распознать дурака?.....	272
<i>Юрий Токарь.</i> Птичье молоко	276
ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ.....	281
<i>Борис Пукин.</i> Моя собачья жизнь.....	282
ЮМОР	293
<i>Владимир Белорусец.</i> Садисты Петровы. Победитель конкурса Юмора 2024 года	294
<i>Арон Корби.</i> Мюнхенский лифт	295
<i>Илья Криштул.</i> Сфумато.....	297
<i>Григорий Яблонский.</i> Необходимость женщины. Быль.....	299
Сведения об авторах.....	302

От редактора – составителя

Наш Альманах ЧАЙКА № 16 за 2024 год включает произведения 46 авторов из 10 стран. Наибольшее число авторов – из Америки (23), за ней идет Россия (10), далее Израиль (4), Украина (3) и по одному из Беларуси, Чехии, Болгарии, Италии, Канады и Новой Зеландии.

В этот раз мы решили поэкспериментировать с первым разделом Альманаха. Раздел носит название «Война и мир», и мы включили в него как прозу, так и стихи на темы войны и мира.

В 2024 году война шла на территории Украины и на границе с Израилем. Тема арабского «терроризма» проходит через дебютный рассказ израильтянина Абрама Маляра; об обстреле русскими ракетами мирного Чернигова рассказывает Светлана Новик. В рассказе автора из Оренбургской области Александра Муленко «Вкус изабеллы», повествуется, как два человека один русский, другой украинец на протяжении жизни пытались друг друга убить, но теперь один из них умер, а другой находится в больнице – и им уже нечего делить...

В моей пьесе-притче «Иосиф из Аримафеи» воспроизводится «колесо» русской жизни, с бесконечными войнами, голодом, террором, бесчеловечностью – и отдельными личностями, поборовшими страх и поднявшимися против несправедливой власти.

В этот же раздел включены стихи поэтов, написавших о войне (Виктор Голков, Евгений Пальцев), и тех, кто говорит о тех вещах, которые связаны с мирной жизнью (Григорий Оклендский, Михаил Синельников, Виолетта Гребельник).

Еще одно стихотворение Ларисы Миллер «Пожар – невысказанное дело» открывает наш Альманах в качестве эпиграфа. У поэтессы в квартире случился не фигуральный, а самый обыкновенный пожар. Так совпало, что-то состояние, которое описывается в этом стихотворении – оцепенение перед стихией, хаосом, разрушением, было свойственно очень многим из нас в начале русско-украинской войны.

Да, мы старались и стараемся его побороть, из него выйти, но кто-то до сих пор не может опомниться от шока и прийти в себя. Вопрос: как это все могло произойти, увы, не находит рационального ответа.

В нашем новом Альманахе мы попытались рассказать о людях и событиях, которые не всегда на виду и на слуху, опубликовать те материалы, которые долгое время лежали в архивах...

В разделе «Исторические штудии и Воспоминания» мы публикуем архивное исследование актера и режиссера Фауста Миндлина из Одессы «К истории запрета еврейского театра в Российской империи». На основе писем из семейного архива написаны воспоминания дочери Лины Нейгауз об ее замечательном отце, генетике Михаиле Нейгаузе, Нее - как звали его сотрудники. Михаил Евсеевич погиб под Ельней в самом начале войны, его миновала участь услышать объявление его любимой генетики «лженаукой» на печально знаменитой Сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Но его семья и те из его учеников и коллег, которые пережили эту катастрофу, продолжают хранить память об этом редком человеке и талантливом ученом...

На личные впечатления опирается статья Юлия Зыслина «Драматическая встреча актрисы Жанны Владимировой с Анастасией Цветаевой» при том, что

костяк ее составляют воспоминания самой актрисы, выдержавшей нелегкий экзамен: чтение стихов великой Марины перед ее заиклившей на себе сестрой. Текст получился драматический и вызывающий целый спектр эмоций. Великолепный театровед, знаток балета, писатель и блестящий фотограф Нина Аловерт отдала в наш Альманах не вошедшую в ее книгу главу об Александре Годунове, рано умершем первоклассном танцовщике, «невозвращенце», чья судьба на Западе не сложилась... Материал снабжен фотографиями, сделанными самой Ниной.

Об еще более драматической судьбе рассказывает Раиса Сильвер в своих Воспоминаниях «Мой друг Борникаич и другие, которых невозможно забыть». О Борисе Николаевиче Симолине, искусствоведе от Бога, приобщившего к искусству массу людей, я читала и в воспоминаниях Смехова и Басилашвили – он преподавал в театральном училище, и в сборнике памяти Феликса Розинера – они дружили. Раиса Сильвер рассказывает об этом редком красивом человеке с близкого расстояния, они жили рядом, часто встречались, он с нею делился подробностями жизни. Человек, которого, казалось, знала и любила «вся Москва», по существу, был страшно одинок и не очень счастлив, что и привело его к самоубийству...

Еще об одной драматической судьбе, закончившейся на плахе, рассказывает в своем историческом очерке о Виллиме Монсе Лев Бердников.

Здесь же помещены прекрасный материал-воспоминание Сергея Бычкова об академике Лихачеве, двойной этюд Семена Резника об Илье Мечникове и Николае Вавилове, очерк Михаила Гаузнера об исполнительнице романсов Изабелле Юрьевой.

Раздел завершается большим интервью, извлеченным из архива режиссера Леонида Варпаховского. Леонид Викторович взял его в 1972 году у Дмитрия Шостаковича, говорили они о Всеволоде Мейерхольде, которого Шостакович хорошо знал и любил с юности... Мы искренне благодарны за этот интереснейший материал дочери режиссера, актрисе и автору журнала Анне Варпаховской.

В разделе «Наука и ученые» помещены статьи Михаила Голубовского «Сколько у человека полов? – два», москвича Александра Рабиновича, выдвинувшего гипотезу о происхождении живой материи, Генриха Голина - об академике Якове Зельдовиче (к 110-й годовщине со дня рождения).

Раздел «Искусство» представлен статьей московского искусствоведа Веры Чайковской о неприметной ретро-выставке четырех талантливых российских художников, автора из Чикаго Игоря Волошина, собравшего обширный материал об еврейском живописце из Чили Маурисио Авайю, а также очерком бостонки Наташи Черняк об американском коллекционере картин «загадочном» Нортоне Додже. В этом же разделе помещен очерк Нелли Эпельман - Стеркис, неожиданно на кладбище Роквилла наткнувшейся на могилы двух известнейших американцев, писателя Скотта Фицджеральда, автора «Великого Гэтсби», и его жены Зельды.

Театральному искусству посвящена рецензия Аллы Цыбульской о «новом сценическом воплощении» - на этот раз в форме мюзикла - сказки о Пинокио, предложенном бостонским режиссером и композитором Александром Прохоровым-Толстым. Постоянный автор журнала Александр Сиротин представлен архивным интервью с Марией Владимировной Мироновой, матерью замечательного актера Андрея Миронова и бабушкой внучек-актрис.

Завершается этот обширный раздел статьей старейшего музыковеда Владимира Фрумкина, посвященной 100-летию Булата Окуджавы.

Отдел прозы представлен главой из книги екатеринбургского писателя и путешественника Юрия Бриля «О чем шепчутся деревья» и рассказами автора из Болгарии Николая Божикова («Уязвленная душа»), писателя из Украины Юрия Токаря («Птичье молоко»), бостонки Нины Гольдмахер, дебютировавшей с рассказом «Зеленые брызги и белая пена», автором из Беларуси Романом Рязановым («Смерть в Педагогическом музее», нашими постоянными авторами Вадимом Чирковым (Королевское «Яблочко») и Яковом Фрейдиным («Как распознать дурака»).

Два рассказа хочется выделить. Это «Красное солнце в соленой воде» калужанина Владимира Шамова и «Завещание Самуила Маршака» писателя из Чикаго Евсея Цейтлина. Первый рассказ посвящен истории чукчей, единственному народу не покорившемуся русскому завоеванию и не платившему ясак.

Евсей Цейтлин рассказывает о якутском поэте Семене Руфове, долгие годы переводившем русскую и зарубежную классику на родной язык. Переводил он и «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. По поводу своих переводов сонетов Шекспира Руфов написал Маршаку. Самуил Яковлевич получил это письмо незадолго до кончины – но ответил якутскому собрату. Нам показалось, что два эти сюжета о представителях двух сибирских народов, живущих вдали от центров, будут интересны читателям.

Заканчивается Альманах двумя традиционными разделами - «Детский альбом» и «Юмор».

В первом мы поместили рассказ от имени собаки «Моя собачья жизнь» Бориса Пукина, второй вместил четыре рассказа разных авторов – Владимира Белорусеца, победителя нашего конкурса Сатиры и Юмора («Садисты Петровы»), Арона Корби («Мюнхенский лифт», Григория Яблонского («Необходимость женщины») и Ильи Криштула («Сфумато»). Первые три автора – из Америки, последний – россиянин, москвич. Хотелось бы, чтобы все четыре рассказа, если не развеселили, то хотя бы позабавили читателя.

Ждем читательских отзывов о нашем Альманахе ЧАЙКА № 16. Будем счастливы, если Альманах, пусть на время, заставит наших читателей уйти от повседневных забот и волнений.

Моя благодарность всегдашним моим помощникам – Александру Марину, сделавшему макет и всю полиграфическую и дизайнерскую работу, а также Евсею Цейтлину, помогавшему советами и консультациями...

Ваша Ирина Чайковская

Лариса Миллер

Москва

Пожар - немыслимое дело...

Пожар - немыслимое дело.
А где «вчера»? Оно сгорело.
Верней, оно ещё горит
И даже что-то говорит,
Что досказать нам не успело.
В огне слепяще-золотом
Сгорит манящее «потом»,
От дыма «завтра» задохнётся,
И время съест, не поперхнётся
Твой мир, твой сон, твой милый дом.
Скорей! Ну что же ты стоишь?
Беги, кричи, пугая тишь.
Кричи: «Горим! Пожар! Спасите!
Гасите всё! Скорей гасите!».
А ты молчишь, стоишь, дрожишь.

19 сентября 2024 г.

Война и мир

Илья Репин. Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения

Абрам Маляр

Израиль

Взросление (дебют)

С Борей и Гришей мы выросли в одном дворе, вместе ходили в школу, а потом и в синагогу. В Израиль мы приехали ещё детьми. Несмотря на все трудности переезда, я и мои друзья ещё долго оставались пацанами. Мы с оптимизмом смотрели в будущее, жаждали приключений и потому наши разборки с местными - "марокканцами", потомками польских евреев и "эфиопами" были для нас захватывающей игрой. Напрасно нам приписывают ненависть друг другу. Это было нормальное взросление, когда тебя пробуют на слабину, а убедившись, что ты свой, относятся уже совсем по-другому. В армии, мы - вчерашние "русские", "эфиопы", "марокканцы", стали одной семьёй, братьями не только по оружию, но и почти в буквальном смысле слова. Мы жили в одной палатке, оберегали друг друга в минуты опасности, тащили на себе в буквальном смысле слова, если кто-то давал слабину или был ранен.... Это - братство на всю жизнь.

Кто не служил в нашей армии, тот этого не поймёт. Самые яркие воспоминания в жизни, незыблемые принципы ответственности и взаимопомощи - это всё оттуда. Нам казалось, что из армии мы вернулись уже совсем другими людьми, взрослыми, имеющими богатый жизненный опыт, знающими, чего хотим. Ведь за время нашей армейской службы всякое бывало...

Вернувшись к гражданской жизни, мы начали готовиться к психотесту, а поступив, кто в университет, кто в колледж, уже не вылазили из подготовки к бесконечным семинарским занятиям и экзаменам. Учёбу приходилось совмещать с работой - мы ведь уже взрослые люди. несущие ответственность за свою жизнь. Работали мы, естественно, в охране. Но не просто сторожами где-нибудь на складе. Мы ведь после боевых частей, и нам доверили охранять больницу - святая святых. Дело ответственное, кругом полно арабов и, чего от каждого из них ожидать, ты не знаешь.

Но мы были уверены, что к нам, 22-летним ветеранам Гивати*, едва ли кто сунется. Мы - это Боря, Гриша, ставший в Израиле Ганди, и я, Ави. Когда я родился, бабушка настояла на том, чтобы меня назвали в честь деда - Абрамом. Конечно же, записан я был в метрике Аркадием. Но уже перед отъездом стал тем, кем и был всегда в нашей семье, - Абрамом. В Израиле меня все называли и называют Ави. Мне это нравится, хотя деда моего, в честь которого мне дали имя, в семье звали Бума.

Ганди был помешан на учёбе, и вообще парень он был серьёзный во всех отношениях. Если он готовился к экзамену, то должен был получить не менее 97. Если встречался с девушкой, то не ради забавы, а исключительно для создания семьи. Правда, расставаясь с очередной своей девушкой, на вопрос, что не так, он всегда отвечал односложно: "не серьёзная".

За Борей же прочно закрепился имидж Дон Жуана. Он, что называется, не пропускал ни одной юбки. Впрочем, флирт его был всегда лёгким как танец. Он запросто сходил с девушками и так же легко с ними расставался. Парень он был видный - 190 см. росту, широкоплечий, черноволосый и при этом

голубоглазый. Девушкам Боря нравился, но все его знакомства дальше флирта не шли.

Эта его особенность была поводом для наших постоянных насмешек. Подсмеивались мы над ним не зло. Да ему и самому такой имидж нравился. Даже на работе Боря постоянно заигрывал с девушками, которых в больнице было очень много - медсёстры, санитарки, будущие врачи... После ночной смены, в ожидании окончания работы, мы пили кофе, курили и шутили. Раннее утро, когда народу почти нет и можно немного расслабиться после напряженной ночи, когда ты безостановочно следишь за подозрительным транспортом, каждые полчаса осматриваешь заграждения, проверяешь датчики или следишь за экраном монитора, было для нас самым сладким временем. Конечно, бывали и серьёзные инциденты во время любой смены. Но это уже отдельная история.

Ну так вот, каждое утро, очень рано, приезжала к нам в больницу арабка, совсем ещё молодая девушка. Она была фантастически красива - правильные черты лица, белокожая, а взгляд её темно-карих глаз вообще разил наповал. Одевалась она в традиционную мусульманскую одежду, но строгость её одеяний только подчёркивала необычайную женственность этой девушки... Короче, она сводила нас с ума. Арабка была приветлива и улыбчива, но сколько Боря ни пытался с ней заговорить, она вежливо и всегда решительно уходила от любых разговоров.

Её умение держаться внушало уважение, и мы с Ганди даже прониклись к ней симпатией, убеждая Борю не пытаться с ней говорить. Ведь у них, у арабов, с этим строго. Короче, чтобы не было у неё проблем, мы просили нашего друга вести себя с этой арабской нимфой как можно более корректно.

Ведь все трое мы помнили жуткий летний вечер во время нашей службы на базе возле Шхема, когда однажды, остановив местного араба для обычной проверки, мы обнаружили у него в багажнике расчлененный женский труп. На вопрос о том, чьё это тело, араб спокойно ответил, что это его родная сестра, а убил он её и расчленил за то, что она "была проституткой". Он так и сказал: "была проституткой". На самом деле, вся вина этой несчастной девушки заключалась только в том, что она пару раз в колледже разговаривала со своим сокурсником, тоже арабом из другого клана.

Безумцы! Если девушка перекинется с парнем несколькими словами, это уже могло быть легко воспринято в их деревнях как прелюбодеяние.

Боря, зная местный менталитет, весело шутил, но конкретно к девушке ни разу не обращался и не говорил ей ни слова, хотя видно было, что она ему нравится. Смотрел он на неё как-то по-особенному. Во всяком случае, я не помню, чтобы он так смотрел на кого-то из девушек в нашей компании.

Правила безопасности требовали, чтобы мы проверяли абсолютно всех, независимо от того, сколько знаем человека и в каких отношениях с ним. Оно и понятно - время было неспокойное, каждый день что-то происходило. Самым обычным явлением были камнепады, которым подвергались израильские машины на дорогах. И всё-таки, красота и обаяние этой девушки как будто ослепили нас.

От своего начальника мы знали, что отец этой девушки был помощником наших спецслужб в Газе и после ословских аккордов его вместе с семьёй перевезли в Израиль. Девушка закончила израильскую школу, выучилась на

медсестру и теперь делала академическую степень в университете, одновременно работая в больнице.

Честно говоря, мы не особо её проверяли - так, для виду...Ну как такой ангел может оказаться террористом?! Это же немыслимо! Да и мы, служившие в Газе и прошедшие специальную подготовку под эгидой офицеров безопасности, уж точно могли отличить террористку от обычной девушки. Вот эта, наша прекрасная знакомая незнакомка, ходит всегда в туфлях на высоком каблуке. Если бы она что задумала, то наверняка пришла бы в более простых туфлях или кроссовках. Есть ещё масса признаков, по которым можно идентифицировать террориста..... Так мы думали до того рокового дня.

И вот одним прекрасным утром, когда было почти не жарко в преддверии зимы, она, как всегда, приехала на работу, пришла на наш КПП и с привычной доброжелательной улыбкой предъявила нам свои сумки. На этот раз с ней было гораздо больше вещей и девушка всё это поставила на наш стол для проверки. Ганди ещё успел у неё спросить, не собралась ли она уезжать?

Пока мы были заняты её сумками, она с виртуозной ловкостью выхватила из складок одежды нож и пырнула Борю прямо в живот. Я ещё поразился тогда, как это она так профессионально нанесла удар.... Человек, который так ловко орудует ножом, явно умеет убивать. За время службы мне довелось повидать самые разные типы врагов, пытавшихся нас убивать. Были среди них даже подростки и совсем молодые девушки, которые толком не умели держать в руках оружие, будь то нож или даже праща для метания камней. А эта... Эта хорошо знала, куда и как наносить удар в человеческое тело. Конечно, у неё медицинское образование.... Но её явно кто-то учил убивать. Это было совершенно очевидно по её движению - она использовала нож как штык, вспорола Боре живот - и ещё одно мгновение или даже доля секунды проткнула бы ему сердце...

Но мы вовремя успели обезвредить её. Потом с этим чертом в ангельском обличье разобрался ШАБАК, а нас ещё долго таскали на следствие. Но что нам следствие, когда собственная совесть мучает тебя ежедневно, ежечасно, особенно ночью, как боль?!

В тот злополучный день кончилась наша юность. Как будто та террористка ножом рассекла нашу жизнь надвое. Раньше мне приходилось видеть раненых товарищей и убитых террористов. Но такого в моей жизни не было ни до, ни, слава богу, потом.

Боря перенёс 11 операций. Он остался жив, но с тех пор он прикован к инвалидной коляске... Ну а мы с Ганди выбрали военную карьеру и никогда об этом не жалели. Ганди дослужился до командира базы и на пенсию ушёл полковником. Ещё будучи молодым офицером, в одной из операций, он потерял руку по самое плечо. Но за боевые заслуги, таланты и опыт его оставили служить. Именно тогда, после столь тяжёлого ранения, Ганди нашёл, наконец, свою избранницу. С тех пор они вместе родили и воспитали 6 детей, сейчас у них растут уже внуки.

Борю мы регулярно навещаем. Семьи он так и не создал и смотрит за ним мать - уже старенькая, но очень энергичная и волевая женщина.

- Он держит меня на этом свете!- говорит она.

Что до меня, то я уже тоже давно отслужил положенное количество лет и уже не раз собирался вернуться в мирную жизнь. Но где она, эта мирная жизнь? Как только я думаю о том, чтобы заняться чем-то мирным, бизнесом

или даже просто путешествиями, обязательно что-то случается. Так уж лучше я останусь на службе. Да и что я буду делать в гражданской жизни? Умру от тоски. Я ведь только воевать в этой жизни и умею.

Начальство тоже отпускать меня не намерено. - Ты нужен здесь, - говорит мне мой непосредственный начальник, который и сам уже давно не молод. Да, мы ещё долго будем востребованы. Я это особенно ясно осознал в тот день, когда в рамках очередной сделки с арабами, Сафу - так звали ту террористку - освободили из тюрьмы, хотя до этого дали ей пожизненное.

Те, кто принял это решение, объясняли его тем, что нам нужно вернуть своих пленных. Про нашего Борю и тех, кого эти освобожденные террористы убили или искалечили, естественно, инициаторы сделки не упоминали.

* Гивати — пехотная бригада Армии обороны Израиля, относящаяся к Южному военному округу (прим. ред.)

Светлана Новик

Чернигов, Украина

Мир создан для добра

Это было в начале марта 2022 года, когда Чернигов активно обстреливался всеми видами орудий и оккупанты стремились захватить трассу, ведущую на Киев. Всего 140 км до самого центра Киева! А до его предместья и того меньше. Мы в то жуткое время жили в загородном доме в селе, недалеко от этой трассы, за которую шли бои и днём, и ночью. На её обочинах чернели сгоревшие перевёрнутые машины, и страшно было подумать, что случилось с теми людьми, с целыми семьями, которые бежали из разрушаемого города. Железными мастодонтами смотрелись подбитые танки. Наши и танки с буквой Z. Прострелянные навывлет дома и обугленные постройки. От некоторых остались огромные воронки, точь-в-точь, как в фильме «Война миров», от других – печные трубы. Вывороченные с корнями деревья.

Все наши родные жили в Москве и в Минске. «Три республики – три сестры!» Ещё свежо воспоминание, когда праздновались в приграничной Сеньковке дни дружбы трёх славянских братских народов. Но случилось немыслимое и непоправимое! Мы поймали тот миг, когда была связь, и отослали родным фото разрушений. Из Минска ответили: «Да вы бредите! Разве русские на вас напали?! Они мирные люди! Они победили фашизм, они погибли, чтоб освободить Европу!» Нас посчитали безумцами!! А может, мы такими и были, осознавая весь ужас свершившегося! И они надолго замолчали. Им даже было не интересно: живы мы или нет?

Из Москвы ответили, что все эти фото – фейки! Зачем мы занимаемся такой дешёвой пропагандой! Разрушают только военные объекты, и с нашей милицией русские патрулируют территорию Чернобыля и другие важные места. Они видели новости об этом!! Потерпите - и через недельку всё это закончится! Ребята! Вы откуда вынырнули? У нас уже 30 лет, как нет милиции. У нас полиция...

Обида с оттенком ярости...

К нам хлынул поток беженцев, стараясь спастись здесь от бомбёжек. Село приняло в себя столько людей, что их число превышало раз в сто местное население. Даже когда взорвали мост через Десну, беженцы переправлялись на лодках через нагромождения льда и промоины с риском для жизни. Я выглянула на улицу, чтоб увидеть молочника-фермера, он раздавал всем желающим молоко, не выливать же его на землю. Но его ещё не было.

-Тётя! Тётя! – испуганно кричал мне мальчик на велосипеде и указывал пальцем на обочину. – Там человек умер!

Там лежал мужчина без признаков жизни. Молодой. Хорошо одетый. Рядом валялась шапка. Чтобы успокоить мальчика и себя, я авторитетно заявила:

- Он не умер! Откуда ты знаешь....

- Но он так кричал: умираю! Прощай, мир! Прощайте, други! Я чуть с велосипеда не упал!

Мне стало так жутко, как и тогда, когда впервые попала в морг. В универе ввели военную кафедру и медицину, которую мы изучали три года. Наши девчонки, в том числе и я, падали в обморок, когда попадали в морг, а студенты медики ржали над нашей робостью и ели пончики. В морге!! Я собрала остатки сил, чтоб не упасть рядом с мужчиной и не напугать ребёнка. Поблещими непослушными губами еле выговорила:

- Мы его спасём!

Вспомнила, что у соседки невестка-медик и побежала к ним. На дороге умирает молодой мужчина!! Скорее! Трусиха, я умолчала, что у меня диплом медсестры! Но я ни дня не работала медиком! За нами увязался огромный, как телёнок, и долговязый их пёс Чип. А тут уже и публика случилась, но никто не знал лежащего. Люда-медик смело шагнула к нему, приподняла и расстегнула куртку, взяла за руку. Мужчина захрипел. Отходит! Всплакнула толпа. Люда стала трясти его изо всех сил за плечи и бить энергично по щекам.

- Вам плохо?

- Умираю... Отстаньте от меня! – выдохнул перегаром мужик и снова упал в снег на спину.

- Было очень хорошо, а потом резко плохо! Да пьян он до потери сознательности! Поднимайся!

Толпа облегчённо выдохнула, а Чип стал радостно повизгивать, нарезая вокруг нас круги.

- Где мобилка? Позвоним родным, и вас заберут! – мы с Людой держали его за плечи, чтоб он не упал, а Чип таскал в зубах его шапку.

- Умирааааю! Прощай, мир! Не кантовать!

Толпа увеличивалась, и все дружно стали осуждать «умирающего». С утра так нажрался! Напугал людей! Раздолбай конченный! Зачем напился? И в такое время!

- От страха... бомбят ведь, могут и попасть!

Чип принёс ему шапку и стал обнимать неуклюже, но очень искренне. Повизгивал и радостно лизал ему лоб и щёки.

- Друг! Единый друг! Один ты не ругаешься! – мужик расплакался и повис на собаке. Он рыдал, а пёс слизывал слёзы и утешал, поскуливал.

Мы с Людой подтащили его к скамейке и усадили. Благодарность поступила незамедлительно:

- Ах, чтоб вы, девки, Обоср....!

А Чип от него не отходил: пёс твёрдо знал, что страдающему нужна поддержка и любовь. Карие глаза собаки были до невозможного человечими и глубокими. Он всем своим видом говорил толпе: ребята, мир создан для добра! Оглянитесь, хватит ужасов и злобы! А тут случился и знакомый мужчины и увёл пострадавшего домой.

Подъехал молочник, и все переключились на заботы военные, насущные. Когда же привезут хлеб? Месяц не ели хлеба! Так надоели овощи, каши, деруны и оладьи. Это у того, у кого был запас муки. Когда можно будет снять деньги с карты? Когда аптеки откроют? Но о хлебе говорили много и уважительно, как о достойном, давно знакомом человеке. И так говорили вкусно, что просто запахло в морозном воздухе печёным ржаным духом. Вот бы хлебушка к топленому молоку! С хрустящей корочкой!

Я вдыхала разговоры о хлебе, стараясь понять: что оно такое – собака? Посланник Бога? Несостоявшийся ангел? А может, и то, и другое?! Я поняла другое. Собака так нужна для пошатнувшейся гармонии Мира.

Александр Муленко

Россия

Вкус изабеллы

1. Если бы не Предтеча

Не имея отличий и наград, я носил на рубашке чужеземный значок величиною с копейку. На нём была изображена косматая голова, похожая на солнце. «Наверно Бетховен», — впервые подумал я, покупая это художество в туристическом павильоне. В Теплицах почитают немецкого музыканта. Его именем названы парк и Дом культуры, в котором проводился шахматный фестиваль. Уже потом, воротившись из Европы, я отыскал материалы о том, что покровителем города, где мы соревновались, является другой человек. Самый, пожалуй, старший в мире христианин – Иоанн Креститель. Словно икона или крестик, значок меня повсюду оберегал и спас однажды от смерти.

Впрочем, выручали гуртом, а не крестом. Но как объяснить счастливое стечение обстоятельств в деле, где каждый участник оказался на месте в нужное время? В ходе шахматной игры со мною случился сердечный приступ. У соперника был небольшой материальный перевес. Я надеялся на атаку белого короля. Расставил свои фигуры по центру. За пешку пожертвовал качество и прицелился к неприятельской рокировке. В турнирном зале было не продохнуть. Чтобы отдышаться, я поднялся из-за доски и отправился на

свежий воздух да не дошёл. У выхода на лестничную площадку моё ослабшее тело качнуло в сторону занавесок. Из последних сил я метнулся к двери и упал, хватаясь за воздух.

В прибывшей машине скорой помощи находились две пожилые врачихи. Они измерили кровяное давление, что-то вкололи в живот, но не сумели меня поднять и оставили лежачим. Примчалась другая неотложка. Дюжие санитары положили моё «ватное» тело на служебное одеяло и перенесли в медицинский автомобиль. В больничке дежурил опытный кардиолог. Врач произнёс: «Обширный инфаркт. Найдите его родных». В моём кармане обнаружили кнопочный телефон и позвонили сестре. Она дончине работает учительницей в школе. Ей тоже немало лет. «Только десять процентов на девяносто, что ваш брат сегодня останется жить, — промолвил врач. — В моей медицинской практике это второй такой пациент. Первый не оклемался».

Он напугал сестру.

«Неправда, — подумал я в ту минуту. — Я — упрямый, я буду жить много лет: ведь я ещё не огранил свои шахматные задачи, не дописал свои правдивые рассказы, не досудился до справедливости, и самое страшное — я не был счастливым». Такие слова вертелись в голове. Язык же обмяк совместно с телом. Попытка разговориться не получалась.

«Молчите», — цыкали медсёстры, едва я что-то бурчал.

Разве не чудо, что в забытом провинциальном городке, где ямы на асфальте уже никогда не зарастут и дороги повсюду в шрамах, появилось новое оборудование для стентирования коронарных сосудов. Уже нашёл хирург, умеющий это делать. Он покинул столицу и перебрался в наш полуразрушенный мир для подвигов в медицине. Только лицензию на проведение операций больничка ещё не получила.

— Что будем делать? — спросил главный врач. — Отправим сердечника в областную клинику?

— По нашим дорогам его не доvezут, — ответил кардиолог.

Когда я учился на спасателя, инструктор, проводивший занятия в горах, однажды поведал о том, как можно оперативно совершить вентиляцию лёгких иглою от шприца.

— Но не имея лицензии, этого делать нельзя. Вас посадят на десять лет. На глазах задыхается человек, жить этому человеку от силы осталась одна минута. Если вы неплохо знаете, как ему помочь, то делайте это незамедлительно, не бойтесь неволи. Чтобы всю оставшуюся жизнь, потом, не мучиться вопросом, что своевременно могли выручить друга и не решились. Вертолёт с медициной возможно прилетит через несколько часов, а то и вовсе не прилетит — не будет топлива в баке или другие причины.

Врачи решили меня спасти, не дожидаясь лицензии из Москвы.

Несколько лет назад зимою в эту больничку попал мой отец. Как ныне меня, на каталке его бегло повезли в сторону лифта. Папка дрожал, укрытый шубами. Двусторонняя пневмония — нелёгкое испытание для старика, которому исполнилось восемьдесят лет. Лифт тогда спустился не скоро. Я это вспомнил и приказал себе держаться. Уже потом, поднимаясь, окунулся в тьму и очнулся в палате реанимации. Под носом посвистывала трубка, откуда сочился кислород. На пальце висела прищепка. Через неё на мониторе отражалась работа сердца. Наблюдательный пункт находился в центре палаты. Над столом висело изображение Иисуса Христа. Где-то за окошком на

воле звенели колокола, угадывалась осень. Мне улыбнулась санитарка, убиравшая помещение.

— Кто это намалёван?

— Разве не видно? — удивилась она. — Иисус Христос.

— А почему не доктор Пирогов или доктор Павлов?

— Хороший вопрос, — рассмеялась уборщица. — Так решил доктор Жмудь.

Спустя минуту, протирая повторно полы в проходе, она поглядела на изображение Божьего сына и незамысловато добавила:

— Вы же живы, а Пирогов уже умер, но вечен Бог. На всё его воля. Этот лик помогает больным подняться на ноги и окрепнуть.

— Я слышу благовест за окошком. Какой сегодня праздник?

— День продолжения вашей жизни.

— Кто я такой, чтобы по мне звонили в колокола?

— Сегодня день усекновения головы Иоанна Предтечи и строгий пост. Но вы не бойтесь, вам можно кушать всё.

— Тут каждый день — строгий пост, — сосрили рядом.

Я лежал под одеялом раздетый догола.

— Сестрица, где моя одежда?

— Ваша одежда в раздевалке. Она не пропадёт.

— Там на рубашке прицеплен один значок. На нём изображён Иоанн Предтеча. Тот человек, по которому сегодня звонят в колокола.

— Вы не волнуйтесь.

— Я хочу показать этот значок всей палате и похвастаться, что Предтеча — мой опекун

— Мы в это верим, — ответила санитарка.

Чуть позже я узнал, что врачи провозились со мною шесть часов. Об этом рассказала моя родная сестра. За четверть дня она успела найти и привезти в больничку все мои страховки и паспорт.

Семь дней я провалялся в реанимации. Пил слабительные таблетки. Лежа мочился и испражнялся. Мне было неудобно просить о помощи, да приходилось.

Каждую ночь в палату привозили горьких пьяниц. Они сопротивлялись, ругались, порою нецензурно. Под эту безбожную матершинщину дежурные с ними боролись, привязывая смирительными ремнями к койкам, чтобы спокойно сделать какой-нибудь укол, ввести в тело катетер или совершить иную болезненную процедуру. Утром такие больные уходили. Домой ли, в другую палату, я не гадал.

На особом внимании у врачей находился с виду немолодой бессознательный человек. Его диагноз я не знаю, думаю, что рак. Он бредил и часто повторял имена Серёги и Ольги. Должно быть, Серёга был его сыном, а Ольга могла быть женой. С нею он разговаривал строже: «Ольга! Немедленно подойди ко мне, где Серёжка? Какие же вы у меня нерасторопные». В такие минуты из дежурного персонала кто-нибудь оставлял дела и направлялся к пациенту, трогал его за руку или подтягивал на нём простыню, чтобы тот успокоился, замолчал и подумал, будто Серёжа или Ольга пришли к нему на помощь.

Как-то в палате на несколько минут не оказалось ни одной медсестры. Беспокойный больной заволновался.

— Серёжка! Где твоя мамка? Я кому говорю?

— Печалится, — сердечно вздохнула моя соседка.

И мужчины, и женщины выживали в одном помещении, не стесняясь друг друга. Были, конечно, ширмы, но для блезира.

— Никто не знает этого человека. Уже звонили в полицию, — шепнула больная.

— И что же?

— Оттуда ответили, что в розыск никто ни на кого не подавал.

Врачи спасали больного, не имея его страховок, без всякой оплаты, на совесть, не зная фамилии пациента. С годами меняется внешность. Но прежней остаётся манера разговаривать и ругаться.

— Кажется, что я где-то слышал голос этого человека, — вмешался я.

— Вы попробуйте это вспомнить.

— Уже пытаюсь, да не могу.

— Покушайте виноград.

Между мной и собеседницей находилась тумбочка, на которой лежали ягоды изабеллы. Я отказался:

— Не хочу. Она очень кислая.

После этих слов неопознанный больной повернулся в мою сторону и настороженно стал прислушиваться к нашей болтовне. Когда умирал мой отец, исколотый морфином, я заметил, что многое, происходящее в мире, он всё-таки понимал, не открывая глаз, по звукам от телевизора или от нас — его детей. И реагировал на это движением или стоном.

— Ольга, Серёжа, Саня...

Я вспомнил этого человека. Однажды я попытался его убить. Уже потом, через несколько лет, в отместку он ударил меня ножом.

— Это Шуба из девятого дома по улице Мира. Звать его Генкой.

— Может быть, это — Шубин? — осторожно переспросила подошедшая медсестра.

— Может быть, и Шубин. Прошло полвека. Нам за шестьдесят.

2. Изабелла

Выращивать виноград это — подвиг. Богатые на сахар сорта боятся морозов. Только Изабелла плодоносила из года в год. Её чёрные ягодки были кисловатыми и мелкими. Папка кропотливо работал на огороде. Нянчился с каждым стебельком. К зиме, как ребёнка, укладывал и накрывал Изабеллу от холода ватными одеялами. Во время весеннего паводка грядки топило водой. Надев болотные сапоги, отец приходил на приусадебный участок. Из-за забора подолгу смотрел, переживая, на виноград: «Не вымокнет ли он, не погибнет ли в эти минуты от избыточной влаги?». Яблочные деревья, крыжовник, смородина — более устойчивые к стихиям, но и для них наводнение бывает смертельным. Когда, наконец, разнuzданная река убиралась восвояси, подсыхала земля, в первую очередь папка стеклил виноградные грядки — солнце было ещё не в силе. Далее, летом, он снимал это остекление и направлял по верёвочкам к небу вьющиеся стебельки. До осени с любовью поливал голодные виноградные листочки, спасая свое капризное детище от жары.

Каждая ягода выращивалась для меня. Но кисловатая Изабелла мне не нравилась, и мамка покупала другие сорта винограда. Их ягоды привозили из жарких стран. Я наслаждался продуктами торговли. Отец огорчался.

Дядя Володя, двоюродный брат моей мамы, частенько приходил к нам в гости немного пообщаться. Выпивал принесённую с собою горькую водку, вдогонку пропускал стопаря из наших запасов, потом — на посошок. Прощаясь, папка подавал ему кулёк с виноградом и провожал со словами: «Сашка его не ест, стал привередливым. Возьми для Маринки». Моя троюродная сестрёнка была больной от рождения. Говорили, что она долго не проживёт. Мы этого не хотели. Забравши виноградец, дядя Володя уходил. Я же виновато прятался от отца. Тот улыбался. Главные плоды его садового творчества нашли едоков.

Четыре района нашего города стыковались в месте, где находились строительные склады. Часть материалов хранилась под навесами или в закрытых на замок помещениях. Дети туда проникнуть не могли. Доступными оставались лишь площадки для складирования сыпучих материалов: горы песка, щебёнки, известняка. Под мостовым подъёмным краном, как баррикады стояли фундаментные блоки и плиты перекрытий. Из-за них, набрав дроблённых камней, детвора нападала друг на друга, случались драки. У нас оставались набитые шишки да синяки. Как-то около базы расположился железнодорожный состав. К его платформам были привязаны большие железобетонные трубы — цаги. Новый полигон мы освоили слёту. Прячась за трубами и в трубах, играли в пятнашки.

Генка был выше любого из нас. Он шишкарил. Всякий раз важно приказывал какому-нибудь салаге гоняться за остальными. Исполнительный слабачок становился мальчиком для битья. Чтобы отмяться, ему нужно было кого-нибудь запятнать, кинув камень так, чтобы при попадании другой участник игры вскрикнул от боли.

— Кричал, значит майся, — требовал Генка.

Роли менялись. Теперь истязали человека, попавшего под удар. Дразнили его, смеялись, доводили до слёз. Если малец убегал, чтобы поплакаться, к мамке, ему свистели вслед. Больше с таким пацаном не водились. Я не вызывал страха перед Генкой, но очень его боялся. Мне не хотелось оказаться изгоем. Терпел все удары камней и не хныкал, пока не столкнулся с неправдой.

Осень была, как лето, тёплой. Ещё не пожухла трава. Пылило. Желтели берёзы, клёны, тополя. Звенела маленькая речушка. В ней можно было ещё купаться, не опасаясь простуды. Мы играли в свою непутёвую игру, когда появился дядя Володя. Он был пьян. В руках находился огромный кулёк с виноградом для Маринки. Мальчишки повыпрыгивали из убежищ и побежали дядьке наперерез. Первым домчался Генка. Он выхватил из кулька самую большую гроздь. Дядька чуть было не упал, покачнулся, вскрикнул, прижал сильнее к себе остатки винограда и двинулся быстрым шагом. Вдохновлённая Генкиным разбоем ватага кинулась вслед. Через полминуты в руках у пьяного великана остались обрывки газеты. Шпана, как птицы, разлетелась и чирикала, смакуя ягоды. Хватило всем. Только я стоял и плакал, понявши, что больная Маринка сегодня не дождёт гостинца.

— Чего ревёшь? — спросил Генка. — Не досталось? Возьми у меня и хавай.

Задатки вельможи он имел. Я сердито отказался:

— Не хочу.

— Антракт окончен! Пацаны, этот чухан не прошёл естественный отбор. Он будет маяться всегда.

Генка оказался пророком. Я маялся всю жизнь. Кто-то кинул в меня булыжник. Я его поднял и ударил им главного обидчика по голове.

— Я убью тебя, Генка.

Фонтаном хлестала кровь. Бросив свою ватагу, побитый командир помчался домой, зажав свою голову руками. За ним я гнался до самого конца. Около подъезда сидели женщины.

— Бабушка, — крикнул окровавленный Генка. — Меня убивают.

Она защитила внука. Ударить старуху камнем я не решился и отступил.

Назавтра прямо из школы меня забрали в милицию. Перепуганная директриса семенила рядом с конвойными. Менты боялись побега, держали за рукава. От страха я сопел. Душили слёзы. Подъехала зарешёченная машина. В ней меня отвезли в детскую комнату милиции как малолетку — для постановки на учёт.

В коридоре сидел незнакомый мальчишка.

— Ты сам откуда? — спросил он.

— С Шоссейки.

— Ах, да-а, я тебя вспомнил. Ты кидался в меня камнями.

— А ты докажи.

— Я тоже в тебя кидался. Ты — Саня, а я — Олежек.

— Тебя за что сюда привезли?

— Пустяк, отпустят. Не в первый раз.

— Если ты начал каяться, то колись.

— Я у папаши стырил коробку с капсулями, ну с теми, которые охотники вставляют в патроны перед охотой.

— Ух, ты! А у меня отец — садовод.

— Неплохо. Яблоки, груши.

— А дальше? Что было дальше? Ты стырил коробку с капсулями?

— Теперь мой папаша будет лупить меня ремнём. Видишь эту звезду?

Он приспустил свои штаны. На теле синела отметина от солдатского ремня. Мне стало неловко перед этим мальчишкой за то, что дома меня так не бьют. Олежек раскаялся:

— За дело лупят. Я же сам виноват. Разложил свои капсули на рельсах и не спрятался. Поймали с поличным... Прошла трамвайка — трах-тарарах. Как на войне из автомата. Люди на остановке перепугались. Ментавры насторожились. И вот он — я, опять в кутузке.

— Вот бы мне такое дельце повернуть...

— Я тебя обязательно научу, когда отпустят.

— А если поймают?

— Уже не поймают. Мы с тобой поднимем пальбу и сразу убежим.

Его повели на выход, меня на дознание.

Молодая женщина, проводившая опрос, была сердита. Фамилия, имя, отчество, когда родился? Заикаясь, я отвечал и размазывал слезы по щекам.

— Вчера ты был такой смелый, хотел убить человека, а сегодня — весь мокрый и жалкий.

После этих слов я заплакал по-взрослому.

— Я всё равно его найду и убью.

Как на духу я рассказал обо всём.

— Что Маринка? — грустно спросила милиционерша.

Она уже выглядела нестрашной. Основная беседа была окончена в мою пользу.

— А что Маринка? Отец у неё бухает. Не может остановиться. Моя сестрёнка осталась без винограда... Жива Маринка.

— Ты приходи, отмечайся и мирно играйся, не дерись. Для вас откроют шахматный кружок, также будут походы по Уралу.

— Ладно, — ответил я.

Почти весь год на каждой пионерской линейке говорили только о том, как опасно кидаться камнями и посещать строительные площадки. При этом перечисляли и разбирали всякие случаи травматизма да обязательно вспоминали о том, как я ударил Генку камнем по голове.

3. Тяготы и лишения

Через десять лет я оказался в строительной роте. Мы выполняли подземные работы по реконструкции ракетного ствола. Это был засекреченный объект. Воеводы галдели про тяжести и лишения при прохождении службы, требовали от молодых бойцов полного послушания. Все письма прочитывала цензура. Пугливые солдаты сообщали домой о том, как младшие командиры лупцуют свою пехоту. Искали правду в политотделах. Но попробуй, выпусти под шкуру штабного функционера: пожалуйся, поплачься. С его же подачи тобою станет распоряжаться любой столовый работник. От страха первогодки убегали со службы в роковую неизвестность — в бескрайнюю оренбургскую степь. Бывало, вешались...

Мясом кормили только, когда привозили продукты из далёкого города, раз или два в неделю под руководством старшины. Но вот он уезжал к жене на несколько дней, и маслокрады опустошали запасы, как саранча. Однажды во время наряда по столовой я увидел обильно накрытый стол и продолжительно наблюдал за едоками. Мои командиры большими порциями поглощали горячее мясо. На это никчемное созерцание ефрейтор Ибрагимов назидательно произнёс:

— Товарищ рядовой, вы тоже когда-нибудь станете «дедушкой» и будете питаться в полную меру. А пока идите в кочегарку и выполняйте работу по заготовке дров.

Разве не так по сей день обещают люди, имеющие достойную должность и возможность что-либо украсть?

Другие молоденькие солдаты в это время, передвигаясь вприсядку, скребли в обеденном зале мокрые деревянные полы осколками стёкол. Над ними размахивали ремнями распоясанные пьяные дембели из хозяйственного звзда и орали:

— Вы чуханы и полемойки.

Это было то небольшое цензурное из того, что они несли.

Меня назначили мастером на участке по производству изоляционно-покрасочных работ. Лето промчалось, округу обложили дожди, в подземелье поднялся уровень грунтовой воды. Ракетную шахту затопило. Вся водозащитная кампания пошла насмарку. Военные строители без отдыха боролись с потопом. Вёдра с водой из бездны они поднимали верёвками. Опорожняли под косогор. Работяги дрожали от холода, мокрые с ног и до головы. Но вода не убавлялась. Мне казалось, что наводнение не окончится

никогда. Подоспели насосы, стало легче. Появились дренажные трубы. Когда усилили вентиляцию, в ракетном стволе подсохло. Покрасочные работы возобновились. Теперь они проходили в ускоренном темпе. Но тут пришла иная беда.

Пазухи между пусковой установкой и стенками ямы, в которой она находилась, были узкие, вязкие. Наши командиры никогда не марались. Сверху никто из них не видел того, что творится внизу. Как тараканы, изворотливые солдаты скрывались в яме от лишних взглядов, чтобы немного покемарить.

Вовка Шахрай получил из дома посылку. Держиморды нашей роты многое отобрали. Но кое-что из коврижек солдат утаил и припрятал на стройплощадке. Выйдя работать в ночную смену, он и его товарищ Тимоха Ситник незаметно спустились в яму, чтобы съесть эти гостинцы. Земля излишне раскисла, стала подвижной. Случился оползень. Вовка погиб, а приваленный Тимоха был неподвижен. Он кричал. С оказанием помощи оплошали. Шаткие лестницы опрокинуло землёй.

Было за полночь. Я отдыхал в казарме после наряда на кухню.

— Вставай, — растолкал дежурный по гарнизону. Самоуверенный, циничный человек.

— Ты — мастер по покраске ракетного ствола?

— Так точно.

— Я — капитан Берг. Одевайся и бегом...

— Куда бежать? Обратно в столовку?

Залётный «полководец» задыхался от гнева.

— На твоём рабочем участке...

— Что-то случилось?

— Погиб солдат.

— Я туда никого не посылал.

— Об этом ты завтра расскажешь военной прокуратуре, а пока за мною — в кузов автомобиля. Я тебе покажу, где раки зимуют. Ты у меня сегодня голыми руками отроешь каждого человека. Зубами будешь рвать мокрую землю.

— Кто погиб?

— Похоже, Шахрай, — подсказал сержант Адамян.

Берг вошёл в канцелярию роты. В полуоткрытую дверь было слышно, как он совещался с командиром нашей управы, не зная, что предпринять.

— Глубина — тридцать метров, — оправдывался вояка. — На стройке один прожектор, товарищ полковник. Он с другой стороны объекта.

— Как солдаты попали в яму? — ревел репродуктор.

— Откуда я знаю, товарищ полковник.

— Спуститесь вниз и узнайте!

— На бровке ямы, товарищ полковник, появились многие новые трещины. Это усугубляет ситуацию, может случиться повторный обвал.

— Ищите виновных.

— Одного виноватого я уже нашёл. Это мастер.

— Второй виноватый, товарищ Берг, это — вы, — съехидничал вышестоящий говорило.

— Объявите всеобщую тревогу.

— Есть, товарищ полковник, только люди устали!

— Мои приказы не обсуждайте, а выполняйте и никогда не пекитесь о людях!

— Слушаюсь, товарищ полковник. Я уже приступил к выполнению вашего приказа.

Сердитый разговор закончился. Покидая казарму, воитель наказал Адамяну:

— Сержант, немедленно поднимайте личный состав и аллюром на производство — откапывать пострадавших. На трупы слетится вся управа, будет «апофеоз».

Первые прибывшие офицеры суетились, заглядывая в прорву с площадки ракетного ствола. Капроновые веревки, которыми мы недавно поднимали воду из шахты, валялись под ногами. Одна из них была уже в деле, её свободный конец болтался в яме. Раскачивая эту «соломинку» то вправо, то влево гореспасатели надеялись, что кто-нибудь из попавших под оползень её увидит.

— Что слышно? — спросил дежурный по гарнизону.

— Уже ничего не слышно, товарищ Берг. Слышно было в последний раз пятнадцать минут назад. Похоже — как-то обоим.

К нам подошёл кинолог. На поводке у его собаки был большой карабин.

— Вот мастер, это — его объект, — представил Берг.

Меня осветили карманными фонарями.

— Как спуститься в яму, товарищ мастер? — спросил кинолог.

— Тут были лесенки. Они упали.

— Кто отвечает за эту яму? Вы?

— Я отвечаю за покраску металлоконструкций.

Снова вмешался Берг:

— Как хочешь, зараза-мастер, но отправляйся вниз и вынимай из ямы пострадавших людей. Это приказ.

Капитан показал на верёвки.

— Есть, товарищ дежурный.

Будучи мальчишкой, я посещал туристический кружок. И хотя в далёкие походы не брали, научился вязать страховочные системы и узлы.

— Я жду, товарищ солдат, твоих великих действий!

Воитель издевался, имитируя добросовестную службу. Разогретый этими криками я связал на себе из верёвок беседку, выпросил у кинолога карабин, и бросился в бездну на тормозящем узле.

Тимоха ещё дышал. Его придавили тяжёлые валуны, один из которых лежал у пострадавшего человека на животе, мешая ему пошевелиться. Другой валун прижал Тимоху к стене ракетного ствола. Когда я убрал эти глыбы, пострадавший солдат очнулся, но тело его не слушалось. Земля была холодной, местами липкой. Отрывая человека от смерти, я сломал себе несколько ногтей, саднили ладони. К этому времени в яму спустились сапёрную лопату. Ей я отрубил два метра бечевы и обвязал спасённого друга. Того успешно подняли из прорвы. Второго человека я отрыл под самое утро. Шахрай был мёртв. Покойника отправили в расположение части. Более суток он лежал на плацу в грязной одежде, с почерневшим раскрытым ртом, забитым землёй. Рядом разбросали печенюшки да конфетки, полученные погибшим из дома перед смертью. В назидание командиры проводили строем своих солдат перед человеком, нелепо погибшим на производстве.

Около месяца на меня повсюду орали, грозили тюрьмой. Я мыл полы на кухне и рубил дрова в кочегарке. Всякому невеликому командиру хотелось

принять участие в моём воспитании — поизмываться, плюнуть в душу. Но комиссия, которая расследовала Вовкину смерть, не признала меня виновным. Напротив, мои ночные действия оценили по-настоящему и объявили отпуск на родину. Четыре дня на дорогу, плюс десять дней гражданской жизни стали временной защитой от тягостей и лишений на воинской службе. Я провёл их бессовестно. Пил водку и героически выпячивал грудь, пока не встретился с Генкой. Это случилось в последнюю ночь перед отъездом из дома. Мой друг Олежек решил меня женить и привёл в женское общежитие. Туда же заявился Генка. На глазах у подружек мы затеяли скандал. В руках у неприятеля оказался кухонный нож. Он ударил меня в живот. Порез был поверхностный. Во время второго замаха я схватился за лезвие ножа и сломал его. На ладони осталась глубокая рана, откуда вытекала густая кровь. Мы пожелали друг другу смерти. Генку быстро уняли. Мне вызвали неотложку. Врачи заштопали тело, наложили тампоны, забинтовали и пообещали выписать больничный лист, да я всё-таки отправился на службу в положенный час. Вздыхала мамка.

— Останься, не доедешь.

— Я не могу.

Всё дело было в том, что предыдущий отпускник задержался на родине несколько дней. В наказание людей из нашей роты долго «мариновали» без всяких отгулов. Это табу нарушили для меня, но пообещали его вернуть, если опоздаю.

4. В палате

В палате, куда меня определили лечиться после реанимации, прозябали без дела трое. Старшему, как и мне, было за шестьдесят, пузатый, звали Иваном. В больницу его доставили с гулянки: разнузданное давление, одышка, весёлый пульс. Диагноз – стенокардия. Всю свою жизнь Иван шоферил, мотался в далёкие рейсы и преуспел. Его тумбочка была похожа на бакалейную лавку: чай, халва, конфеты, печенье. Супруга ежечелно приносила в трёхлитровых банках то пельмени, то котлеты. Иван не скупился. Приглашал отведать вместе с ним дары его старухи, дабы не выбрасывать их понапрасну в мусорный бак. «Пропадут», -- огорчался бывший дальнотойщик, питаюсь, как боготол, без остановки. На его обжорство врачи махнули руками.

Сосед Ивана Андриюшка был моложе. Он оказался таксистом. На медкомиссии у парня в груди услышали хрипы и отправили на обследование в клинику. Чего-то страшного не нашли, но, волнуясь, Андриюшка всё же по несколько раз на дню задавал бывалому Ивану вопросы о своём будущем. Очень боялся остаться без руля.

— От надоел, — посмеивался старик. — Ну, поработаешь в слесарке.

— Там тоже не сахар.

— Тогда ступай в свою контору. Ты пойми, голова, по трудовому законодательству, тебя уволить сразу не можно. Прежде предложат сменить основную работу на подсобную с доплатой.

— Не знаю такой работы.

— Скажем, охранником...

— Водителю это не к лицу. Не канает.

Полдня они по очереди листали старенький журнал «За рулём». Обсуждали заморские машины, ругали российский автопром – согласованно, дружно.

Ближе к ночи, когда на всю больницу оставался один дежурный врач, Андрюха разогревал палатный телевизор до истеричности и духовно питался, ожидая скорой победы на украинской земле.

— Выключи телик, — сердился старый Иван, скрипя зубами. Ему хотелось уснуть. Но молодой товарищ возражал и перекрикивал новости.

— Мы небесная сила, исполняющая волю истории, — воистину это был трибун. — В нашей армии все святые и нет предателей.

— Андрюшенька, — умолял его сосед, — какой смысл от необъятного мира, если ботинки малы.

— Ты — пацифист, — не унимался оратор, доедая последние пельмени Ивана. — Такие, как ты, служили фашистам.

Ещё один пациент в палате каждый день изучал медицинские материалы. Он находил их по ноутбуку. На мониторе мелькали картинки, отображающие неловкую работу сердец, бегло передвигался курсор, появлялись объёмные научные тексты. Диагноз этого мужчины мне не известен. Звали Жаном. В больнице он скрывался от внеплановой проверки в финансовом отделе, где был, по-видимому, старшим. Человека ежедневно навещала молоденькая сотрудница. Чинно поджав коленки, она сидела на табурете перед больным, как фотомодель.

— На работе все сбесились, — мурлыкала женщина. — Пропали отчётные журналы. Ищут виновных.

— Ты подойди к врачу, порисуйся, и, пожалуйста, попроси его о том, чтобы меня отправили на лечение в Оренбург, — поручил начальник.

Так и случилось.

Собираясь в дорогу, Жан загадочно улыбнулся.

— Саша, у тебя — обширный инфаркт.

— Ты это к чему?

— У меня его ещё нет. Не довели.

— Это ж неплохо.

— На этом свете, Саша, тебе осталось жить несколько дней, от силы — год или два. В ординаторской про это говорили врачи.

— Я понимаю.

— Крепись.

Его улыбка была никчемной.

Ближе к ужину я от скуки шатался по этажам. Дверь в палату реанимации оказалась открыта. Одинокa санитарка нерасторопно выталкивала в проём медицинскую транспортную тележку. На ней лежал неподвижный человек, накрытый простынёй.

— Помогите, — попросила женщина. — Вместе сподручней.

— Куда поедем?

— Оставим тележку около подоконника.

Рядом находились двери лифта и служебный выход на лестничную площадку.

— Сюда придут люди из морга.

— Кто-то сегодня умер?

Волнуясь, я заглянул в палату реанимации. Генкино место было чисто заправлено.

— Да, это — он, — ответила санитарка.

— Вы уже отыскиали его родных?

— По адресу, который вы нам назвали, никто из них не проживал, но в полиции проследили миграцию семьи.

— Удачно?

— Почти... Сам он — Шубейко Геннадий Петрович. Одинокий пенсионер. Бывший электросварщик. В последнее время проживал в соседнем городе Орске. Ольга, которую он всё время призывал к себе на помощь, вы помните, его дочка. Серёжка — её сынок.

— Получается Генкин внук?

— Они проживают в Чернигове. Украинцы. Около года назад Ольга приехала к больному отцу на побывку и по-христиански хотела его увезти к себе домой навсегда, да случились проблемы. Женщина не сумела собрать необходимые бумаги для переезда отца в другую страну. К тому же последняя квартира у Гены не оплачена много лет. Дочка отправилась в Чернигов одна, желая воротиться с кое какими деньгами для уплаты долгов. А тут — военная операция.

— Понимаю... Границы закрыты.

— Час назад мы по скайпу всё-таки дозвонились до Чернигова. «Вы, -- обвинила Ольга, — убили моего отца». А мы его спасали. Разве это не так?

— Я согласен.

— Побудьте с Геннадием до приезда моих коллег из морга.

Санитарка ушла работать. Я уселся на подоконник. Мёртвое тело лежало на расстоянии протянутой руки. Проходивший мимо завхоз назидательно приказал мне подняться.

— Больной, вы не уважаете труд. Сегодня наши строители поставили этот новый подоконник, а вы его уже обтираете грязными штанами.

Я огрызнулся:

— Давайте стул.

Через минуту принесли табуретку.

На тележке находился мой враг. Когда-то я очень хотел его убить или увидеть мёртвым, и вот моё желание стало явью. Некому было печалиться над Генкой. Издалека с опаской косились в нашу сторону бродившие без дела больные. Пиликало радио. Любимые люди покойного не смогли проехать кордоны, чтобы в последний раз увидеть деда и отца. Самым близким человеком для Генки в округе остался я один. На сердце лежал тяжёлый груз прошлого. На этом свете, уничтожая врагов, мы от души добавляем: «Умрите, сгиньте», и... славим Бога. А что на том?

— Послушай, Геннадий. Разве мне стало легче от того, что ты сегодня скончался от боли в палате реанимации, в безродной тебе стране. Я не злорадствую. Я, ведь, тоже скоро умру проклятым и одиноким. Если на небесах твоя душа окажется в раю как праведная, то пускай она останется там, я не против. Но в аду я буду биться с тобою, как в детстве, куда ты не воскреснешь. Вдруг после этого, Гена, ты увидишь своих детей на этом свете и повторно умрёшь уже счастливым. Не надо тебе в аду с такими уродами, как я...

Ирина Чайковская

Вашингтон, США

Иосиф из Аримафеи. Пьеса в десяти картинах с Эпилогом

Картина Первая. Вывеска. «Выставка художника Павла Сурепина «Возвращение к истокам»

Павел. Почему нет посетителей? Обычно на мои выставки ходят.

Ольга. Время такое. Не до выставок. Голодно, холодно, идут военные действия. Лет через 5–10, если восстановимся, – снова начнется выставочный бум.

Павел. Через пять. Гм. Через пять лет? Это много. Вы молодая, вам что, а вот таким, как я, которым уже к семидесяти... Чего ждать?

Ольга. Да вы, Павел Исаевич, уже дождались. Народный художник. Получили орден «за заслуги перед отечеством» 4 степени из рук САМОГО.

Павел (тихо). Мне показалось, что это был двойник. Он говорил, запинаясь и смотрел в сторону.

Ольга. (громче, но глядя по сторонам). А какая разница? Орден-то без обмана.

Павел. Четвертой степени.

Ольга. За культуру больше не дают. Давайте я вас сфотографирую на фоне названия выставки. Вообще-то меня послали взять у вас интервью...

Павел. Лучше у кого-нибудь из посетителей... может, все же дождемся...

Ольга. А вот и посетительница.

Павел. Я ее уже видел. Она здесь была с утра. Стояла возле одной картины...

Ольга. Сейчас тоже стоит. Вот эта, большая, в центре зала. Как она называется, не напомните?

Павел. Снятие с креста.

Ольга. А, это древнее... Мифы Древней Греции.

Павел. Нет, это Ближний Восток, и совсем не мифы. Это было, я в этом уверен.

Ольга. Сказки. Сейчас много таких, которые верят в сказки. Мой парень, к примеру, верит в нечистую силу – домовых, леших, всяких кикимор. У них в школе «Русский народный быт» вел один учитель полоумный, говорил, что, кто во всю эту чертовню не верит, тот не русский. А у нас в школе было другое - на уроке «Русского народного быта» лапти плели. (мечтательно) Хорошее было время.

(к Павлу) Куда вы? За вами не угонишься.

Павел (подходит к женщине). Простите, я вижу, вы уже давно стоите возле этой картины. Она вам понравилась? Я художник, автор.

Женщина. Меня здесь интересует один человек. Мне кажется, вы не точно его изобразили. Он у вас мощный телесно - в сравнении с Христом, тело которого с креста снимает, он просто атлет.

Павел. Вы говорите об Иосифе из Аримафеи?

Женщина. Да, о нем.

Павел. Но подумайте сами, как бы этот персонаж мог снять тело с креста, если бы был немощным, хилым, в общем бессильным? Он бы и на лестницу не залез, и тело бы выронил. Я, знаете, реалист.

Женщина. Реалист? Но... но... разве такие картины реалисты пишут?

Павел. Да что вы в самом деле! Обычный сюжет – евангельский. Вся дорогу художники писали. Рубенс, Рембрандт... Правда, мне пришлось просить специальное разрешение – в наше время, знаете ли... (тихо) В наше безбожное время ...

Ольга (подходит к женщине) Ольга Безуглова. Московские новости. Вы разрешите задать вам пару вопросов?

Женщина (смешалась) Но ... но я не знаю... я здесь почти случайно. Меня выгнали из дому, и я пришла сюда.

Ольга (отходит, тихо Павлу). Осторожно, это сумасшедшая. Для интервью не подходит.

Павел (женщине). Кто вас выгнал из дому?

Женщина. Соседи. Они сказали: ты одна, а нас много, нам нужна твоя комната.

Павел. Но как же... Это незаконно. Разве так можно?

Женщина. Меня некому защитить. Я действительно одна.

Павел. Как? Ни мужа, ни детей? И даже кошки нет... или этой... собаки?

Женщина (отрицательно качает головой). Никого.

Павел. Где же вы предполагаете жить?

Женщина. Пока не знаю. Верю, что Господь вразумит.

Павел. Верующая?

(Женщина кивает)

Павел. А это... какой религии? Православная? Вы на русскую не очень похожи...Евреечка?

Женщина. Я верую в Бога. А церковь мне без разницы, я туда не хожу.

Павел. Куда же вы ходите?

Женщина. В музее хожу. Вот пришла на выставку... вашу - и увидела эту картину. Меня тема заинтересовала. Вы знаете, как раз на днях мне приснилось одно стихотворение, на эту тему... об Иосифе Аримафейском. Хотите послушать?

Павел. Стихи? Но здесь выставочный зал. Хотя никого нет, но все же неудобно...

Женщина. Я тихо буду читать (читает)

Жил старый человек в Аримафее –
Почет, богатство, дружная семья...
Вдруг слух прошел, что где-то в Иудее
Явился тот, кого ждала Земля.

Хоть в теле нет ни бодрости, ни силы,
Но сердце вострепелось в груди.
- Я вижу впереди лишь мрак могилы.
Идти ли мне? И Бог сказал: «Иди».

И он пошел, и путь его был светел –
Господня длань простерлася над ним.
И он в дороге весть благую встретил –
Тот, Посланный, вошел в Иерусалим.

И он спешит, хоть сил запас истрачен.
Вот он уже у городских ворот.
И снова весть: «Посланник божий схвачен.
И казнь лихая мученика ждет.

- Вот я пришел и казни стал свидетель.
При мне вонзились в небо три креста.
Ругались два разбойника как дети.
А Он однажды лишь раскрыл уста.

- О мой отец, почто меня покинул?
Почто оставил в этот страшный час?
Прощальным взором этот мир окинул –
И жизнь его земная прервалась.

Тряпье казненных стражники делили.
Все что имел я стражникам отдал.
Свидетели луна и звезды были,
Как тело в ранах я с креста снимал...

И вот сижу. И ночь идет глухая,
И эта ночь длиною в тыщи лет.
А рядом свет горит не потухая,
Тот негасимый, тот небесный свет.

(Кончает читать. Пауза. Художник замер)
Ну я пойду. Спасибо, что послушали.

Павел. Куда же вы? Вам же некуда идти?

Женщина. Некуда.

Павел. Как вас зовут?

Женщина. Мариам.

Павел. А меня **Павел.** Павел Сурепин. Вот и познакомились. Пойдемте ко мне. У меня квартира – на одного три комнаты. Плюс Мастерская рядом.

Женщина. Вы правду говорите? Вы действительно один? Я вас не стесню? Я ночами иногда кричу...

Павел. Квартира еще сталинской постройки. Стены толстые, ничего не слышно.

Мариам. Но... я вас не знаю... и вы не знаете меня...

Павел. Значит, мы в равных условиях. Соглашайтесь, пока я не передумал...
(Появляется Человек в сером).

Ольга (Павлу) Вот какой-то гражданин подошел, попробую взять у него интервью.

Павел. Этот? Он больше смотрит на нас с вами, чем на картины. Скорее всего, он из «этих».

(Женщине). Решайтесь скорее. За нами уже следят. Так идете?

Ольга (подходит к человеку в сером) Ольга Безуглова. Московские новости. Можно узнать, какие у вас впечатления от выставки?

Человек в сером. Никаких. Я здесь по другому делу. Понятно вам?

Ольга. Ага, понятно. Извиняюсь.

Павел. (к Мариам) Так вы идете?

Мариам. Иду.

Картина вторая. Квартира Павла. Мастерская. Павел и Мариам

(Павел пишет портрет Мариам)

Павел. Вам, наверное, скучно сидеть и позировать.

Мариам. Я не позирую, просто сижу, думаю о своем...

Павел. О чем?

Мариам. О своем.

Павел. Вы, Мариам, очень скрытная. Вот уже несколько дней живете в моей Мастерской, а я ничего о вас не знаю.

Мариам. Спросите.

Павел. Даже не знаю, что спросить. Сколько вам лет?

Мариам. Сорок.

Павел. Я так и полагал, в амплитуде от 20 до 60. Вы кажетесь и молодой, и старой в разные дни и в разное время.

Мариам. Внутри я одинакова.

Павел. Откуда вы пришли? (сам себя перебивает). Вы словно эльф... явились из воздуха... Я имею в виду... что, собственно, я имею в виду?

В общем, кто ваши родители?

Мариам. Не знаю. Думаю, что отец был художник, запомнила запах краски в нашей квартире. Была война, мне было три года – меня вывезли и определили в Детский дом. И до 18 лет я воспитывалась в Детском Доме. И потом там осталась – работать.

Павел. А что-нибудь помните из раннего детства? родителей помните?

Мариам. Я помнила свое имя, Мариам, но меня записали Марина. Я не хотела, но что я могла сделать? – ребенок. Папу звали Ося, Иосиф, маму – Ни, Нина. Папа ушел на фронт.

Павел. Откуда вас эвакуировали, из какого места?

Мариам. Антоновск. Это поселок, его уже нет на карте, он был разбомблен... полностью...

Павел. Знавал это местечко. В юности. Лет сорок назад... Нас перебросили туда как раз для эвакуации жителей, я был в конвое...

Мариам. Вы могли видеть мою маму ... и меня...

Павел. Куда делась мама?

Мариам. Нас обстреливали... в состав врезался дрон...я чудом осталась жива, а мама... мама... (кричит) Здесь трудно дышать... Давайте откроем окно. Или у вас тоже на окнах решетки?

Павел. Решеток нет, но есть постоянное наблюдение. Камеры. Чай будете пить? Я что-то утомился. Сеанс закончен. Чайник на плите. Чашки в шкафу. Ха. Мне как Народному художнику и орденоносцу выдали печенье в наборе. Юбилейное. Угощайтесь. Я его ел в раннем детстве... Видно, возобновили производство. Вы пейте, пейте чай. А я, пожалуй, выпью водочки... вам даже не предлагаю. Вы ведь не пьете?

Мариам (отрицательно машет головой). Не пью.

Павел. А для меня, знаете, это зелье временами как Святой Грааль нашего с вами Иосифа Аримафейского (пьет).

Кстати, почему у вас в стихке Грааль не фигурирует? Святой Грааль! Он сейчас у нас весьма моден. Говорят, наш новенький, но престарелый Правитель мечтает о бессмертии. И даже отдал распоряжение найти чашу с Граалем, чтобы, влив в себя этот кровавой напиток, жить вечно (боязливо оглядывается, затыкает себе рот). (тихо) Вы, Мари, меня останавливайте, я бываю неводержан на язык, а кругом камеры, прослушка...

Мариам. Иосиф не собирал в чашу кровь распятого. Все было не так. Не верьте написанному...

Павел. Не так? А ты почему знаешь, как было? Не читала Евангелий? У тебя в стихе, если я правильно помню, сплошной апокриф – все перепутано, перевернуто. (загибает пальцы) Иосиф Аримафейский – по всем раскладам, был богачом из Иерусалима, у тебя он живет в Аримафее. Он - тайный приверженец доктрины Христа, так сказать, тринадцатый апостол, у тебя же он пошел в Иерусалим, случайно услышав о появлении божьего посланца. Евангелисты хором утверждают, что тело снимает с креста группа близких людей и сразу после казни. А у тебя Иосиф делает это один, ночью. И еще одна серьезная ошибка: у тебя Иосиф договаривается о снятии тела не с Пилатом, а со стражниками.

Сплошные ошибки! Кажется, я все перечислил. А ведь всего один раз твой стих прослушал. Шестьдесят с гаком, а какая память!!! Итак, резюмирую: вы, дорогая Мари, проявили полную некомпетентность в этом вопросе. (пьет) Поработайте над текстом!

Мариам. Все было так, как у меня в стихе. И конец у Иосифа был печальный, совсем не такой, как пишут. (с насмешкой) Умер в Британии... Похоронен... Его разбойник убил, а тело бросил в реку, так что у него даже нормальной могилы нет, у нашего с вами Иосифа...

Павел. Ну, знаете (пьет). И чего тебе дался этот сюжет?

Мариам. Мне было видение.

Павел. А, понятно. (развязно). Так ты евреечка? Или кто? На русскую не похожа. Фамилию свою помнишь? Чего молчишь? Думаешь, небось, я русский? Я свой паспорт в 20 лет разорвал – и новый оформил. Там вместо Пинхас Исаакович значилось Павел Исаевич – так что вот уже сорок с верхом обживаю чужую жизнь. И ничего... привык. Даже радуюсь... А! слышала про такое? Тебе первой рассказываю. Многого добился. Народный художник, орденоседец, квартира в центре, Мастерская... Но бывает такая дербедень находит, прямо вьть хочется. Схватить бы какого-нибудь Пиню разнесчастного, да порасспросить, как ему, бедолаге, живется в нашей достославной стране... Сравнить, так сказать... Как живется, а? Какие коврижки обламываются? Ведь полный отврат, все презирают, бьют, унижают, говорят, вы нашего господу убили. А? Правильно я понимаю? И Пиня молчит, молчит... Нет чтобы прокричать им в рожу: «Да вы сами и убили, а теперь вешаете на нас». (Звучит еврейская музыка, Павел начинает танцевать еврейский танец. Быстро кружится, потом, обессиленный, падает).

Мариам. Вы, Павел Исаевич, выпили лишнего. Давайте я доведу вас до постели.

Павел. (вырывается из ее рук). До постели сам дойду. Ты же мне компанию не составишь? (смотрит на Мариам). Нет?

Мариам. Нет.

Павел. Ну нет, так нет. Спокойной ночи... и чтобы без видений.

Картина третья. Квартира Павла. Он в гостиной с Ольгой.

Ольга (смотрит в блокнот) Ну и немножко пробежимся по биографии. Вы ведь, Павел Исаевич, воевали?

Павел. Как иначе? Был мобилизован. Воевал. Тогда был совсем юным, 20-летним. Служил в конвое. Охранял эвакуированных, женщин и детей.

Ольга. И есть награды?

Павел. Значок. За доблестную защиту Отечества 3-й степени (в сторону). Хотя бы не 4-й.

Ольга. Чем вам запомнился фронт?

Павел. Это был, собственно, не фронт. Приграничье. Женщины, дети. Мы, конвой, распределяли их по вагонам. Состав с эвакуированными, как мы позднее узнали, бомбили. Многие погибли. Маленькие дети остались сиротами и были распределены по Детским домам. Сейчас эти дети уже выросли и приносят посильную пользу нашему государству.

Ольга. Ваша персональная выставка называется «Возвращение к истокам». Что вы вкладываете в эти слова?

Павел. Ну, это просто. Возвращение к традиционным ценностям. Семье, детям, православию...

Ольга. Павел Исаевич, начальство меня просило спросить вас об этой картине, которая висит в центре выставки. Она вроде никак не вписывается в тематику и сильно отличается от остального вашего творчества. Объясните, хорошо? А я запишу. Итак, в чем смысл картины (смотрит в блокнот) «Снятие с креста»? Вы говорили, она из древней истории.

Павел. Да, есть такая книга «Библия», она делится на «Ветхий завет» и «Новый завет». Моя картина тематически восходит к «Новому завету», на котором стоит православие. Хотя эти сюжеты сейчас не популярны, и даже в некоторой степени... под запретом, мне было разрешено, в порядке исключения, написать картину о Снятии с Креста... э... некоего божественного посланника... В картине можно увидеть прославление дружбы и сотрудничества. Она написана в традициях русского сказочного фольклора, я ориентировался на великого русского художника Виктора Васнецова... Кроме того, один из персонажей картины, Иосиф Аримафейский, по легенде, получил чашу со Святым Граалем, дарующим бессмертие, что очень созвучно научным изысканиям нашего времени и текущего момента (вытирает лоб платком). Этот ответ удовлетворит ваше начальство?

Ольга. Будем надеяться. Если что, придется переписать. Никогда не знаешь, что они вычеркнут.

(складывает блокнот, смотрит по сторонам) У вас красиво... Это такая гостиная?

Павел. Да, у меня хорошая квартира. Прежнюю, больше метражом, я отдал жене после развода.

Ольга. И давно вы в разводе?

Павел. Да лет двадцать уже. Я недолго выдержал, очень быстро убежал....

Ольга. И дети есть?

Павел. Станным образом, да. И даже двое. Двойня.

Ольга. Мне у вас нравится. В большой квартире приятно жить. Моя мамаша говорила про такое: «Шик-блеск-красота». Вы и картины здесь рисуете?

Павел. Нет. У меня к квартире примыкает Мастерская. Я работаю там.

Ольга. Не покажете?

Павел. Нет, не покажу. Там сейчас один человек... живет.

Ольга. А, это та, сумасшедшая?! Она, значит, у вас поселилась? У меня к ней тоже есть пара вопросов.

Павел. Да? И каких же?

Ольга (тихо) Мне кажется, она подсланная. (злобно) Стихи-и-и читает. Иосиф как там его... Ясно: оттуда.

Павел (встревоженно). Откуда - оттуда? Бросьте, я вас прошу. Она чистый, очень несчастный человек, детдомовка.

Ольга. Эх... она уже вас оплела, (с издевкой) очень несчастный человек... Вы же сами говорили... Святой Грааль, бессмертие... наш Правитель всем этим сильно интересуется... тут пахнет изменой...

Павел (испуган). Оля, какой изменой? О чем вы? Женщина прочитала стихи. На религиозную тему. У нас религия еще не под запретом.

Ольга. Смотря какая религия. Религия религии - розница.

Павел. Розница? Послушайте, давайте я покажу вам квартиру. Вы ведь еще кухни не видели, а у меня чудесная кухонька и есть чем вас угостить... За особые заслуги мне в продуктовом наборе выдали ванильное печенье.

Ольга. «Земляничное»? Я о нем от мамы слышала...

Павел. «Юбилейное». Печенье моего детства. Пойдемте, я вас чаем напою...

(уходят)

Картина четвертая. Павел, Ольга и Анжелина

(Звонок в дверь. Павел открывает, вбегает Анжелина)

Павел. Ты? Что тебя принесло?

Анжелина. Мужлан! (проходит на кухню, Ольге) Привет, я Анжелина, когда-то имела счастье быть женой этого человека. Слава богу, быстро избавилась от такого счастья. (к Павлу) Я затеяла ремонт. На этот период мы, все трое, переезжаем к тебе. Дня через два. Тебя устроит?

Ольга. Я пойду, Павел Исаевич.

Анжелина. Куда же вы? Вижу, вы так уютно здесь расположились. Если б знала, никогда бы без предупреждения не ворвалась. Я ведь понимаю: еще не очень старый одинокий мужчина тянется к молодым девушкам... А для молодой девушки это так привлекательно – интимное свидание со знаменитым художником Павлом Сурепиным...

Ольга (без эмоций) Ольга Безуглова. Московские новости. У нас с Павлом Исаевичем рабочая встреча. Редакция поручила взять интервью. Я пойду, Павел Исаевич. Сегодня вечером должно появиться... (уходит)

Анжелина. У нас действительно ремонт – и мы переберемся сюда, если ты, конечно, не возражаешь. Через два дня.

Павел. Не мешало бы заранее предупредить. Я бы уехал на это время.

Анжелина. А эта... бойкая девица, журналистка, она разве не у тебя живет?

Павел. А тебе какое дело?

Анжелина. Мне до всего есть дело. Мне доложили, что у тебя кто-то поселился.

Павел. И дальше?

Анжелина. Что дальше? Я испугалась за тебя. Женщины такие коварные. Вот эта девчонка, например, что ты в ней нашел? У нее совершенно рыбки глаза и фигура как доска, абсолютно плоская...

Павел. А в чем ее коварство?

Анжелина. Как? Разве непонятно? Увидела свободного мужика, известного художника, еще не совсем дряхлого, живущего в центре, в большой квартире...

Павел. Угрюмого мизантропа, временами сильно пьющего...

Анжелина. Издеваешься?

Павел. Как Митя?

Анжелина. Все так же. На ингаляторах. Астматик, практически инвалид... Резкие запахи ему противопоказаны. В Мастерской я поселю Никошу.

Павел. Мастерская занята.

Анжелина. Занята? Кем же?

Павел. Одним человеком.

Анжелина. Женщиной?

Павел. Какое твое дело - женщиной? мужчиной? Мы в разводе больше двадцати лет. Не знаю, сколько за этот срок ты сменила партнеров. Не интересовался. Слышал, что много.

Анжелина. Ну и неправда, всего троих... Все такие... малоинтересные. И мальчики ни одного из них не приняли.

Павел. Чем они сейчас занимаются?

Анжелина. Никоша пошел в Росгвардию, в молодежную группу, проходит обучение. А Митя... ну Митя пока дома, слава богу, с таким здоровьем армия ему не грозит... Все книжки читает. Не современный, диковатый... Даже не знаю, как его приохотить к компьютеру, сопротивляется... Говорят, у тебя выставка открылась? Я за своими делами пропустила...

Павел. Какие же у тебя дела?

Анжелина. Какие дела? А денежки зарабатываю. Все же нас трое, твоих подкачек недостаточно (с гордостью) Я с некоторых пор занимаюсь могильным дизайном. Из любой ветхой фотки сделаю первоклассный цветной портрет для могилы. Умею создать у посетителей приподнятое праздничное настроение.

Сейчас работаю все больше для солдатиков, погибших на прошлой войне. И патриотично, и пользуется спросом, и оплачивается неплохо. А эта... женщина... которая у тебя в мастерской... что она там делает? Кто она?

Павел. Хочешь познакомиться?

Анжелина. Почему нет?

Павел. Ну хорошо. Только ты ее не спугни. Она дикая. Сейчас позову. (Идет в глубь квартиры, к Мастерской. Возвращается обескураженный). Ее нет. Мастерская пуста. Там есть другой выход. Наверное, она вышла через ту дверь.

Картина пятая. Павел сидит на кухне, пьет

(Звонок. На звонок идет открыть дверь. Входит Мариам)

Павел. Мари! Какая приятная неожиданность. Не ждали. У моего предшественника Ильи Ефимовича Репина была такая картина. Я думал, ты сбежала.

Мариам. Я искала работу. Можно устроиться в семью – ухаживать за стариками или за детьми. Но у меня нет рекомендаций.

Павел. А где ты вообще работала?

Мариам. Как где? В Детском доме. Я его ненавидела. У меня был тяжелый опыт, когда я только туда поступила, крошкой трехлетней. Не хочу об этом... Я ненавидела свой Детский дом, но больше деться было некуда. Как детдомовке мне полагалась площадь. Но ее дали совсем недавно. Соседи обещали меня убить, если я ее не освобожу.

Павел. Голодная? Угощайся: печенье из продуктового набора. «Юбилейное». А уж в честь какого юбилея – бог весть. Возможно, производство возобновили к столетию нашего достославного Правителя. И чай можно согреть. Я, как видишь, другое пью... (Мариам наливает себе воду из чайника, берет печенье). Спасибо, я действительно проголодалась.

Я вот подумал, что мог бы предложить тебе работу. Сейчас нас будет здесь больше: приезжает моя бывшая с двумя отпрысками. Нужно, чтобы кто-то следил за порядком. Прибирался. Мальчишки всегда все разбрасывают... Подойдет тебе?

Мариам. Конечно, подойдет. А сколько лет мальчишкам?

Павел. Чуть больше двадцати. Взрослые.

Мариам. Меня лет до двадцати война не отпускала. Все снилась бомбежка... и как маму убило. Я не хотела, чтобы меня брали в чужую семью. Ждала отца, что придет за мной. А потом... потом нашла его на сайте погибших. Было написано: «геройски погиб за родину».

У меня к вам просьба, Павел Исаевич: Можно мне использовать бумагу и краски для рисования, которые лежат в мастерской.

Павел. Рисуешь?

Мариам. Решила попробовать.

Павел. Я тебе помогу. Можно акварелькой, гуашью, да и акрилом... Что лучше пойдет... Можно и просто карандашом... Я с юности в блокнотах делал зарисовки. Особенно в годы военной службы. Карандашом, конечно, там не до красок было. Вот подожди, сейчас что-то покажу. (Уходит и быстро возвращается): Р-раз – умбаквили – мелитולי-комунадзе - и два (вытаскивает из-за пазухи старый блокнот). Вот этот блокнотик... из прошлого - мне недавно понадобился. Как раз для той самой картины «Снятие с креста». Мучился над изображением матери Иисуса, не мог найти выражения лица. И вдруг вспомнил про старый военный блокнот. Вот взгляни... тут довольно много рисунков... женщины дети... А вот эту женщину в полосатой косынке я как-то сразу приметил. До сих пор помню, что косынка была в красно-белую полоску, жаль, карандашом цвета не передашь.... Мне она сразу в глаза бросилась, взгляд такой глубокий, сосредоточенный, да и косынка полосатая выделялась...

Мариам. (волнуясь). А девочку рядом видели?

Павел. Девочку? Да вроде не было там никакой девочки.

Мариам (скрывается)

Павел. (он опьянел) Мариам, где ты? Опять я один? Почему ты всегда уходишь? Ты дух? Эльф? Откуда ты взялась? Ты мне приснилась?

Мариам (возвращается с косынкой в руках) Павел Исаевич, не нужно вам больше пить. (показывает косынку) Она? Та самая?

Павел. Та вроде была красно-белая, а эта с фиолетовыми разводами. .

Мариам. Так выгорела же. Сколько лет храню. Это мамина косынка. Я была рядом с мамой. Вы должны были меня видеть. Видели?

Павел. Давно было. Уже трудно что-то вспомнить. И голова у меня тяжелая. Но, кажется (хватается за голову), кажется, видел. Маленькая такая, с косичками... Так это ты была?

Мариам. Только не с косичками, а с короткой стрижкой...

Павел. Может, и с короткой ... Разницы нет.

Главное, что видел.

Картина шестая. Анжелина, Никоша и Митя в гостиной

Анжелина. Никоша, ты когда на службу?

Никоша. Сегодня иду в ночь, ночное дежурство, будем на мотоциклах объезжать город.

Анжелина. На мотоциклах? Так всех же перебудите! Они так громяют...

Никоша. Зато порядка будет больше. Нам старшой говорит: народ нужно поугатать, много стало непуганых.

Митя. А зачем пугать? Пусть себе живут. Кому люди мешают?

Анжелина. Вот заступник нашелся. Ты всех по себе судишь, что с тебя взять – смирный, больной, никуда не ходишь. А народ разный, есть и бунтари, и предатели, (тихо) власть всегда боялась бунта.

Никоша. К нам на днях новое оборудование поступило – как раз для тех, кто бунтует, - дубинки, электрошокеры, кандалы...

Митя. Какое же это новое оборудование? Все эти инструменты с прошлого или даже позапрошлого века...

Анжелина. Ты у нас, Митя, больно умен. Да все по-книжному. А настоящей жизни не знаешь... Послушай брата. Он сейчас в самом центре жизни...

Я видела, ты с этой... уборщицей долго беседовал. Что она тебе говорила?

Митя. Она мне старинные предания рассказывала, сказки...

Анжелина. Какие же? Мы с Никошей тоже послушаем.

Митя. Жил один человек. Старый, больной и слабый – и он услышал, что где-то в их земле появился чудесный Посланник, который несет людям мир и счастье.

Анжелина. Уже чувствую, что не все ладно в этой сказке. Что-то меня страх пробирает. Ты как, Никоша?

Никоша. Спокойно, маманя. Я на месте.

Митя. Можно продолжать? И вот этот человек все бросил и пошел, чтобы поглядеть, что за Посланник такой. Но когда пришел, оказалось, что Посланника схватили, по приказу властей, и приговорили к казни.

Анжелина. Так я и знала, что конец будет в этом роде. И что, казнили его?

Митя. Казнь была особая. Взяли крестовину – и прибили его к ней за руки и ноги.

Никоша. Это что-то новенькое. Я про такую казнь не слышал.

Анжелина. Да не новенькое, а очень даже старенькое. Я девочкой что-то такое слышала от бабушки. Все это случилось еще до последнего освободительного похода и до того, как интернет отключили.

Митя. А ночью этот слабomощный и больной снял тело с крестовины и предал земле. И это место стало местом всеобщего поклонения. Поначалу власть всех оттуда гнала и цветы, что люди приносили, уничтожала, а потом они и сами приходить стали - вроде для исцеления, слава такая об этом месте шла. И вот еще такая подробность: Есть легенда, что у того, кто тело снял и похоронил, хранилась Чаша со святым Граалем.

Никоша. А что это такое?

Анжелина. Никоша, ты просто обязан это знать. Наш Правитель повсюду ищет Грааль, ему не терпится получить бессмертие. Ты, Никоша, своего не упусти. Это может быть шансом для тебя.

Никоша. Не понял.

Анжелина. Ну как же. Эта «рассказчица сказок» говорит про святой Грааль. Не нужно ли ее хорошенько порасспросить, что он такое, где находится, можно ли достать. Порасспрашивать как вы умеете, с нажимом, чтобы все без утайки узнать...

Митя. Мама, зачем? Это сказки. Им никто не верит, даже я... А Мариам хорошая, очень добрая, она меня сахарным петушком угостила – на палочке...

Анжелина. Можно подумать, я вас не кормлю. Петушок на палочке. Ты понял, Никоша! Скажи вашему, как там его, старшОму, что ты знаешь одну подозрительную особу, которую неплохо бы проверить... **Мариам...** И имя-то какое! Эфиопское или...это... грузинское... Один дьявол...

Митя (рыдает). Мама, зачем? Выходит, я донес на нее. Это сказки. Это неправда все. Нет никакого Святого Грааля, и Посланника тоже не было, и его могилы... Мариам хорошая, добрая. Зачем ей к ним в лапы? Они ее не выпустят...

Анжелина. Все. Пошла к себе. Мой перерыв кончился, пора и за работу. Денешки зарабатывать. А ты, Митя, думай прежде чем вступать в разговоры. Ты молодой, неопытный, из дому редко выходишь. Жизни не нюхал. Тебя так легко обмануть... (уходит)

Картина седьмая. Никоша и Митя

(Митя сидит в слезах, закрыв лицо руками)

Никоша. Ты, Митька, того, не думай. Я к СтаршОму не пойду. Да он и слушать не будет. Он должен нас в порядке держать, Молодежный отряд. Какое ему дело, кто там что рассказывает? Мамаша – отживший кадр, не понимает, как это работает.

(с просветлевшим лицом). Не скажешь? Не донесешь на нее? Она, правда, очень хорошая.

Обещала за меня молиться. И, знаешь, когда мы с ней разговариваем, у меня приступов не бывает.

И все истории у нее... такие... человеческие.

Никоша. А я, Митюня, надумал на войну идти. Ты только мамаше не говори - это еще не точно.

Я в себе такие силы чувствую. Гуляют. Посмотри, какие мышцы! Ежедневные тренировки, мужская еда без всяких сладостей. В узде себя держу, не даю расслабляться. Не как некоторые, у которых что ни день, то пьянка-гулянка. У меня ни пьянок, ни гулянок... Такие, как я, образцовые, и должны за родину воевать. А ? Как считаешь?

(Митя молчит)

Конечно, если подумать подольше, то можно испугаться. Все же на войне убивают или... или делают калеками... Будешь, как ты, всю жизнь сидеть на инвалидности, со своими ингаляторами...

Но я уверен, меня не убьют, нет.

Митя. Она мне свои рисунки показывала. На белой бумаге карандашом человеческие лица... Там и мы с тобой есть, и Павел, и даже мама **Анжелина.**

Никоша. Мамаша меня может не отпустить. Скажет, у меня один сын, второй, инвалид, не в счет.

Не имеете права забирать. Но я ведь не по мобилизации. Я сам. Что скажешь?

(Митя молчит)

Ты, Митюня, не тушуйся. Будь побойчее. А то мамаша, если меня не будет, слопает тебя без соли. Заездит своими наставлениями. Уж я вроде целыми днями дома не нахожусь, а и то тяжело, когда прихожу: зудит без остановки. Понимаю, почему папаша не выдержал – убежал.

Митя. И там есть один рисунок. Ну точно, как она рассказывала. Старичок маломощный взбирается по лестнице на самый верх, к крестовине, на которой висит тот самый казненный, гвоздями прибитый к доскам. Ночь, темнота кромешная, только, непонятно откуда, лучик света пробивается... а кругом – ни души, голая местность. Страшный рисунок. Но при этом в нем есть какая-то... просветленность...

Никоша. Да что ты заладил: крестовина, казнь, гвозди... Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему. Говорю: хочу на войну идти. Что скажешь?

(Митя молчит)

Картина восьмая. Павел и Мариам

Павел (пишет портрет Мариам). Что, устала сидеть? Осталось немного. Без тебя уже буду доканчивать... (задергивает портрет)

Мариам. Нет, я не устала, сажу, думаю.

Павел. О чем же ты думаешь, божественная Мари, вот бы узнать. Да ведь не скажешь...

Мариам. Почему? О простом думаю. Какая у вас интересная семья. Все такие разные... И судьба у всех будет разная...

Павел. Судьба? Кто знает, какая у кого будет судьба? Разве я знал сорок лет назад, что буду жить так, как сейчас живу и как живут мои несча... счастливые соотечественники? (оглядывается). Заткните мне рот, Мари, иначе я сейчас начну высказываться, а кругом камеры... сыск... И я молчу, молчу. Как Пиня молчит, когда толпа привычно его обвиняет: «Ты и твои соплеменники распяли Того, Посланного, Богоданного», молчит Пиня, не кричит им в ответ в их отвратные рожи, морды, хари: «Вы и распяли, изверги, а на нас вешаете». И две тысячи лет назад распяли, и совсем недавно. Именно вы, вы распяли». (останавливается) Однако мне нужно выпить...

Мариам. Погодите, Павел Исаевич, не нужно вам пить. Хотите посмотреть мои рисунки? У меня их уже много накопилось (приносит рисунки)

Павел. Так ты портреты пишешь? С натуры?

Мариам. В основном из головы, по воображению. Но бывает, что и с натуры. Вот – смотрите – ваша семья. Вот **Никоша**... Узнаете? У него впереди нелегкая жизнь. Станет большим военным начальником, образцом для подчиненных. А потом по доносу завистника пройдет через круги ада, поношенье, тюрьму ... Рано погибнет, даже семью не успеет завести...

Павел. Та-ак. А что про Митю скажешь?

Мариам. Митя, вроде и слабый, и больной, а сумеет выучиться. К тому времени страна преобразится, понадобятся грамотные люди. Митя пойдет в науку, станет ученым-биологом. И семья у него будет хорошая, жена–коллега и сын-ангеленок... Хорошо будут жить, дружно и счастливо...

Павел. Та-ак. А это кто? Неужто Анжелина? Больно на дьяволицу смахивает. Что о ней скажешь, Кассандра ты наша новоявленная?

Мариам. А с Анжелиной ничего не делается. У нее долгая будет жизнь, всех переживет... С Митей на старости лет поссорится, с внуком тоже разойдется, одна будет жить, кончит жизнь в Престарелом Доме...

Павел. Вот как. Ты словно по книге читаешь.

Мариам. Так все в книге и записано... Нужно только глаза закрыть – все и увидишь...

Павел. Та-ак. Ну хорошо. А со мною что? Какой мне конец заготовлен?

Мариам. С вами... с вами... мне трудно сказать... очень все не ясно. У вас дорога раздваивается, а по какой пойдете, пока непонятно...

Павел. А портрет? Мой портрет?

Мариам. Портрет? Я еще над ним работаю... Вы будете в образе... Пока не знаю, в каком... Ваше будущее еще не определилось...

Картина девятая. Гостиная. Павел и Человек в сером

(Павел сидит в гостиной, пьет. Появляется Человек в сером).

Павел (видит Человека в сером) Вы за мной?

Человек в сером. Может, и за тобой. Пока нам нужна гражданка (вынимает лист, читает) Марина Осиповна Герасимова. Где она?

Павел. Если ее нет в Мастерской, значит, вышла прогуляться. Она свободный человек.

Человек в сером. Пока. Пока свободный. Мне нужны сведения о ней. Мы получили информацию о ее неблагодетельности и нелояльности государству. Можешь ты это подтвердить?

Павел. Нет, не могу. Это оговор. Я хотел бы знать, в каком мы с вами статусе – следователь и свидетель? Вы собираете материал для судебного разбирательства? Или я не так понимаю?

Человек в сером. Ты не так понимаешь. Все эти «судебные разбирательства» ушли в прошлое. Сейчас все проще. Есть подозреваемый и есть доказательства его вины. Затем следует наказание.

Павел. И кто все это осуществляет?

Человек в сером. Я.

Павел. Как? И опрос свидетелей, и сбор доказательств, и определение наказания?

Человек в сером. Такой порядок существует уже давно и утвержден Генеральной Комиссией по ревизии Законов. Но хватит вопросов. Спрашивать буду я.

Павел. Однако... я бы хотел...

Человек в сером (злобно). Мало ли, что бы ты хотел Пинхос Исаакович, здесь спрашиваю я. Понял?

Или нужны подручные средства для объяснения?

Павел. Подручные средства? Нет, нет, они, пожалуй, здесь лишние. Я вас слушаю, гражданин... вы не представились...

Человек в сером. Я НИКОГДА не представляюсь. Что ты знаешь о подозреваемой в измене Марине Герасимовой?

Павел. Так нелояльность или измена? Это разные вещи и разная степень вины.

Человек в сером. Что прикажете делать с этими умниками! Ты будешь отвечать или нет?

Павел? Что отвечать?

Человек в сером. Что подозреваемая в измене Марина Герасимова совершила искомый акт измены и должна быть осуждена по всей строгости Закона, выработанного Комиссией по его ревизии.

Павел. Но... но это не так. Я не могу это подтвердить!

Человек в сером. Тем самым ты становишься пособником акта измены и предательства.

Павел. Теперь уже и предательства. Вы живой человек или машина? Разве можно так осуществлять правосудие?

Павел. Хватит. Мое терпение кончилось. Именем Закона, принятого Комиссией по его ревизии, ты будешь арестован. Если не дашь признательные показания. В этом случае тебе и вышеуказанной гражданке грозит смертная казнь через удушение.

Павел. Удушение?

Человек в сером. Так дешевле. Государство, в связи с новой войной, перешло на режим экономии.

Если не хочешь быть удушенным, должен признаться, что держал у себя в доме вышеперечисленную гражданку, совершавшую акты измены и предательства.

Павел. А если признаюсь, вы от меня отстанете?

Человек в сером. По поведению. Смотри как будешь себя вести, Пинхос Исаакович.

Павел. Я должен подумать. Дайте мне одну ночь. Всего одну. Завтра я вам отвечу.

Человек в сером. Ну, гляди у меня...

(скрывается)

Картина десятая. Мастерская. Павел и Мариам

(Павел пьет в одиночестве. Появляется Мариам)

Мариам. Добрый вечер, Павел Исаевич!

Павел. Это ты, Мари? Ты всегда появляешься внезапно. Словно видение или сон.

Мариам. Я гуляла. Вы живете в чудесном месте.

Павел. Живые пруды... Когда-то и я любил здесь гулять... С милой девушкой. Вот я тебе расскажу.

У меня сегодня ночь откровений. Только сначала, если ты не возражаешь, дверь в Мастерскую я закрою на ключ. Чтобы никто нам не мешал. Ты ведь меня не боишься?

Мариам. Нет.

Павел. Вот и хорошо. А больше мне здесь никто не нужен... У нас с тобой будет ночь любви. (Мариам отшатывается) Не бойся, не бойся, дурочка... Я неправильно выразился – ночь любовных откровений. Ведь любовь... она есть... или хотя бы была у *всех*. Так? (не ждет подтверждений) И это самое лучшее, что есть или было в жизни. Согласна? (не ждет подтверждений и продолжает как в бреду). И когда жизнь кончается, что остается на ее доньшке? Свершения? Достижения? Планы? Да нет, вовсе нет, только то, затаенное, что лежит в самой твоей глубине...

Мне было двадцать лет. И я был на войне. Не в самом ее пекле – в приграничье, занимался эвакуацией населения... А она, Маруся, работала в штабе, при командующем, секретаршей. Беленькая, легкая, стремительная. Не ходила – летала. Наверное, не я один на нее заглядывался... На следующий день нас должны были перебросить в другое место... И я набрался храбрости – и каким-то чудесным образом сумел с ней познакомиться, когда она выходила из своей конторы... И мы с ней всю ночь прогуляли... О чем говорили – не помню, но было ощущение такой радости и свободы, какого я больше никогда не испытывал. Мне было ясно, с первого на нее взгляда и с первого произнесенного ею слова, что вот существо, рядом с которым я бы хотел провести жизнь...

На следующее утро мы меняли дислокацию, у меня в блокноте был записан Марусин адрес... Но... под утро случился налет вражеской авиации, мы успели проскочить, а штаб был обстрелян. Выживших не было. Тем и кончилась моя любовь...

А потом, уже на гражданке, я встретил Анжелину, вернее, она бросила на меня свой хищный взгляд и сгребла в охапку. В первую минуту, подавшись дьявольскому соблазну, я не смог увернуться от напасти, но потом Господь вразумил, шепнул мне: беги, беги без оглядки. И я побежал что есть духу... Бегу до сих пор. Но как видишь, от нее трудно убежать... (трет лоб).

Да, Живые пруды... прогулки с милой девушкой... Это тоже было... было... Уже после. Когда мы разбежались с Анжелиной. Я, понимаешь ли, был большой ходок, женщин не пропускал, но во всех встреченных мною девицах и дамах искал черты той, Маруси... Черты Маруси... Вот странность: ты вроде внешне на нее не похожа... совсем не похожа, а по существу... Мне с тобой так же легко (трет лоб, прерывает себя). Но я о другом. И вот мне показалось...

Аня была моя студентка... откуда-то из Сибири... И я, глупая башка, подозревал, что нужен ей, чтобы остаться в Москве, и все тянул, тянул, говорил, что нужно проверить свои чувства, что еще не время... Видно, ей надоело – и она вышла замуж... за однокурсника... И снова я остался с носом...

Смешно? Грустно? Чего только жизнь не намешала мне в свой коктейль.. Это пошло не было Святым Граалем, увы. Приходилось лгать, изворачиваться, прикрываться ИХ лозунгами... всю жизнь мечтал написать большое полотно на сюжет из Евангелия. Что-то вроде «Христа в пустыне», или «Явления Христа народу»... Годы потратил на то, чтобы дали разрешение. И что? На выставку никто не пришел. О ней написала одна протухшая официальная газета. И, если по-честному, я сам вижу, что никакой это не шедевр. Фигуры мертвые, ватные... Разве что Мария... Да, Мария живая, она удалась... Но одна фигура не делает картины... Получается, что и мое художество, как и любовь, потерпело фиаско... Так?

И что теперь? Что мне осталось в качестве жизненного итога?

Что скажешь, Мари?

Мариам. ...Вы говорите, что у всех в жизни есть или была любовь. Я пережила страшный опыт, когда была маленькой девочкой. Я претерпела... претерпела... короче претерпела. Потом я выросла и решила поставить крест на человеческой любви, стать монашкой и посвятить себя Богу. Любовь к Богу – это ведь и любовь к людям... Мне помогла одна женщина... она ходила в наш Детский дом, читала нам разные книжки. Меня она выделяла - и как-то принесла мне книжку в какой-то нелепой, очень яркой обложке – а внутри было Евангелие. И я тайком его читала... это спасло мне жизнь...

Теперь о вашем вопросе. Мне кажется, можно посмотреть по-другому. Вот я вижу: Ваш Митя, лет этак через двадцать, разговаривает со своим пятилетним сыном, вашим внуком. Тот просит: - Папа, расскажи мне о дедушке, какой он был?. - И Митя ему говорит: -Твой дед был известным художником, но он решился выступить против тогдашней несправедливой власти. – И что с ним стало? - Они, мой мальчик, его убили, он погиб защищая правду, – как герой.

Павел. Мари, мне страшно. Я не готов к смерти. Я бы очень хотел пожить еще хоть пару лет, хоть годик и даже хоть один лишний денек...

Мари. У вас есть выход... Ваша судьба еще не решена... Вы можете отказаться...

(громкий стук в дверь)

Голос Анжелины: Павел, открой. Почему дверь закрыта? Ты не один? Ты с этой...? Чем вы занимаетесь?

Павел. Чем мы занимаемся? Разве непонятно? Разумеется, любовью.

(Стуки усиливаются, наконец дверь ломается и Анжелина оказывается в Мастерской. Павел смотрит на нее и начинает хохотать, указывая на нее рукой. Вслед за ним начинает смеяться Мариам, а затем и сама **Анжелина**... Все трое неестественно громко и нервно хохочут...)

Эпилог. Через 20 лет. Митя и Павлик, его сын

Вывеска. «Выставка одной картины: Павел Сурепин. «Снятие с креста»

Митя. Павлик, пожалуйста, не бегай, остановись. Видишь, эту большую картину? Ее написал твой дед Павел Сурепин, в честь которого ты назван. Понял?

Павлик. А мороженое? Ты обещал мороженое.

Митя. Сейчас посмотрим картину – и пойдем есть мороженое. Вот взгляни. Она называется «Снятие с креста», сюжет пока тебе непонятен. Но ты должен знать, что за эту картину твой дед пострадал – его убили в тюрьме.

Павлик. А почему этот человек на картине лезет по лестнице?

Митя. А как ты думаешь?

Павлик. Он хочет залезть на небо.

Митя. Ты прав. Его зовут Иосиф Аримафейский – и он хочет залезть на небо...

Когда я был юным, мне о нем рассказала одна женщина, святая. Мы не знаем, где могила твоего дедушки и где похоронена эта женщина. Но давай минуточку о них подумаем.

Павлик. А как думать?

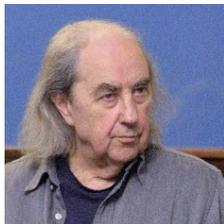
Митя. Хорошо. О хороших людях подумаем хорошо.

Павлик. Я уже подумал. Я очень хорошо подумал. Идем за мороженым?

Митя. Идем.

Виктор Есипов

Прага, Чешская Республика

Над Староместской флаги, флаги, флаги

Над Староместской флаги, флаги, флаги
цвета сливают жёлтый и блакитный —
не нужно в Праге никакой отваги,
чтобы людской услышать говор слитный.

Не то что нам на Пушкинской когда-то,
где ждали нас росгвардии дубинки —
теперь об этом память слабовата,
хотя ещё хранятся фотоснимки...

А голоса звучат, то замирая,
то возвышаясь в гневе и обиде —
уже вершится третья мировая,
и жаль того, кто этого не видит.

А мова украинская и чешский
свободно льются в мир из микрофона...
И ястреб высоко над Староместской
парит подобьем вражеского дрона

Виктор Голков

Израиль

Конец утопии

1

От Хиосской
до Израильской резни
Мировые лишь утопии одни.

Умираем от войны и от чумы,
Но зачем-то по земле бродили мы.

Я не верую в бессмысленность творца,
Хоть всегда он только маска без лица.

2

Мы живем в невозможное время
В роковой исторический час
Дико взвоят безумное племя,
И посыплются бомбы на нас.

Натурально, ведь мир – передышка
Между войнами. Пули визжат.
И застыла душа, как ледышка,
Только тонкие губы дрожат

3

Две фигуры чёрных у дороги,
где машин сплошная толчея.
Всюду люди ...Но и мы не боги,
ничего не сделаешь, друзья.

Как свой путь прокладывают реки
к морю, приближаемся к концу.
Что известно, брат, о человеке

нам с тобой – ребёнку и слепцу?

Чужал век войны и крови запах,
не считал бессмысленных утрат.
Мы, как встарь, застыли в чёрных шляпах:
не заметно благодати, брат.

4

Если ты обитаешь от Азии невядалеке –
Указательный палец почаще держи на курке,
Чтоб верней был прицел, хотя отроду ты – филантроп.
Здесь давно не работает метод ошибок и проб.

Здесь, как в джунглях, приемлют один только древний обряд,
И глаза налитые бессмысленной злобой горят,
Чтобы, тихо подкравшись, вонзить тебе в горло клыки,
И дрожат, как пружины, на черных щеках желваки.

Потому-то, приятель, скорей передерни затвор –
Это первое; дальше – ни с кем не вступай в разговор.
Так как нет в этом смысла, одни только глупость и вздор.
И внимателен будь, когда в черный войдешь коридор.

Евгений Пальцев

С.-Петербург, Россия

Помнишь, Юнна ещё не сошла с ума

Помнишь, Юнна ещё не сошла с ума,
А божественным светом была сама?
Жизнь давала сокровища задарма,
А бесчинствовала тайком;
Помнишь, был смыслом жизни гитарный лад,
И на лестнице чёрной курил Булат,
И эпоха распахивала халат,
Стоя в клевере босиком.

Помнишь, Юрий Петрович крутил штурвал?
И мгновенья у вечности воровал,
А ещё мы пели про перевал,
На троих делили стакан;
Помнишь, мы прорастали лесной травой
Где всю сапогами гремел конвой,
И учились премудрости половой
По общагам и чердакам.

Помнишь, думали мы, что возврата нет?
Впереди — только воздух, любовь и свет;
Но уже нам легавых пустили вслед,
Занесли над плечами плеть;
Помнишь, пыхало солнце жарой тупой,
Как Володя в последний ушёл запой,
И одной мы учились молчать толпой,
Как до этого вместе — петь.

Это вам не слюнявое ностальжи —
Это в шею засаженные ножи,
Вавилонской лестницы этажи,
А на верхний взойдётся этаж —
То услышишь сразу, сквозь небосклон:
Зарыдают скрипки, взревёт тромбон,
Только тише и тише играет он —
Тот оркестрик надежды наш.

Григорий Оклендский

Новая Зеландия

Искренне Ваш...

Почему-то с годами труднее услышать друг друга.
Как глухие упрямы, мы внутрь обращаем свой взор.
И неясной тоской одиночество ходит по кругу,
вызывая к барьеру - на долгий мужской разговор.

Посреди обеспеченной, сытой, осмысленной жизни
не хватает порою пристрастных оценок друзей,
обжигающих взглядов, безумных любовных коллизий,
молодого задора, хороших живых новостей.

Привыкаешь к такому раскладу, как к тесной обновке,
поредевший от времени список читаешь, скорбя,
и упрямо шагаешь вперед, обходя остановки,
где забытых желаний трамвай поджидает тебя.

Михаил Синельников

Москва, Россия

На многих столь похожий

На многих столь похожий,
Вдруг устаёшь от лжи.
Но кто ты в жизни, кто же,
По совести скажи!

Не тот ли, кто изведал
Сомненья столько раз,
Тот, кто кого-то предал,
Но и кого-то спас?

Кто, занятый игрою,
Сводил в делах своих
Добро и зло, порою
Не разделяя их.

Был хрупким в жизни краткой
Изделием Творца
И для себя загадкой
Остался до конца.

Виолетта Гребельник

Италия

Обычный двор

Мальчики и девочки нашего двора,
Игры всем известные с криками «Ура!».
Побеждает армию белую всегда
У кого на шапке красная звезда.

Пролетели годы, как ни тяжелы,
Свадьбы и поминки, крытые столы.
Изменились игры раз и навсегда,
Утонула в прошлом красная звезда.

Исторические студии и Воспоминания

Илья Репин. Царевна Софья Алексеевна. 1879. Холст, масло

Фауст Миндлин

Украина

К истории запрета еврейского театра в Российской Империи. Архивные находки

...Всем, кому по каким-либо причинам доводилось листать историю еврейского театра, не говоря уже о профессиональных исследователях, знаком один из важнейших её моментов - запрет в 1883 году театра на идиш в Российской Империи.

Этот момент абсолютно не исследован. Нигде в повременной прессе того времени нет никаких внятных пояснений сего события. Есть лишь тиражируемое многими газетами сообщение о том, что:

«...по распоряжению Товарища Министра внутренних дел генерал-лейтенанта Оржевского воспрещается вообще давать впредь театральные представления на еврейском наречии. Оказалось именно, что представления некоторых пьес на этом наречии, хотя прежде и разрешённых, ныне представляется весьма неудобным». (1)

Удивительное дело, но по сию пору все публикующие это газетное сообщение не замечают в нём отсутствия малейших признаков документа. Парадокс в том, что публикаторами оно возведено именно в документальный статус. С комментариями исключительно конъюнктурного характера: «Проклятый царизм», «Антисемитская политика Империи», и т. п.

Это далеко не единственное «белое пятно» в существующей на сегодня истории еврейского театра на идиш.

Но дело движется. Очевидное «белое пятно» начинает исчезать. В своей статье я также преследую эту цель. Возможно, ещё чьими-то усилиями эта страница истории будет, наконец-то, заполнена окончательно.

Вернёмся к рассматриваемому вопросу.

Итак, публикации 1883 года, вернее, тиражирование сообщения о запрете генерал-лейтенантом Оржевским еврейского театра в России выглядят, в отсутствие каких-либо документальных обоснований, ничем не обусловленным капризом высокопоставленного чиновника. Не более.

Публикации в столичных газетах и журналах 1905 года, содержащие попытки разобраться в истинных причинах закрытия еврейского театра, обнаружения механизма, организующего и регламентирующего запрет, выявляют уже некоторых участников этого действия.

Звучат имена.

Министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева:

«...Еврейский театр, основанный в 1877 г. еврейским поэтом А. А. Гольдфаденом, был временно закрыт графом Игнатьевым в разгар еврейских погромов в 1883 году...». (2)

«...В 1883 году Министр внутренних дел Граф Н. П. Игнатьев закрыл еврейский театр. Почему? Сначала всё связывали с еврейскими погромами. Это была та "смутная пора", когда антисемитизм бюрократии только ещё начинал присыпать своё немного разгоревшееся лицо пудрой из белого пуха еврейских перин. Но какое отношение имели погромы к еврейскому театру и обратно? Кому были опасны еврейские пьесы?..». (3)

Миссионера лондонского общества доктора Бен-Циона:

«...В настоящее время выяснилось, что виновником этого запрета был миссионер Лондонского общества д-р Бен-Цион. Последний, прибыв в 1882 году в Одессу, и посещая спектакли еврейской труппы в Мариинском театре, задумал эксплуатировать этот театр для своей миссионерской деятельности. Он написал несколько пьес миссионерского содержания, добился разрешения постановки их на сцене, и явился к Гольдфадену с предложением поставить их. Гольдфаден отказался от этого, и вскоре в Министерство посыпался целый ряд жалоб на Гольдфадена, в результате которого последовал запретный циркуляр». (4)

Петербургского градоначальника генерала Грессера:

«Из прошлого еврейского театра в СПб. "Петербургская газета" рассказывает, между прочим, следующее:

"Долго, быть может, продолжалось благополучие этого театра в Петербурге, если бы один из его спектаклей не посетил тогдашний Петербургский Градоначальник, покойный генерал Грессер. Видит он, что один из еврейских актёров стоит на сцене, поёт какие-то куплеты, и плачет, а вместе с ним плачут и заливаются слезами почти все зрители в театре. Вот и спрашивает генерал Грессер у антрепренёра Гольдфадена - О чём это публика ваша так плачет? - Извольте ли видеть, Ваше Превосходительство, - ответил Гольдфаден, - актёр поёт на сцене о том, как еврей всюду загнан, не имеет пристанища, как ему отовсюду говорят - Иди! Иди! - и, в результате, ему некуда голову склонить, и он остаётся без куска хлеба.

Генерал Грессер нахмурился, и решительно заметил - Ну, если вы жалуется, что у вас нет хлеба, так вам не надо и зрелищ" ...». (5)

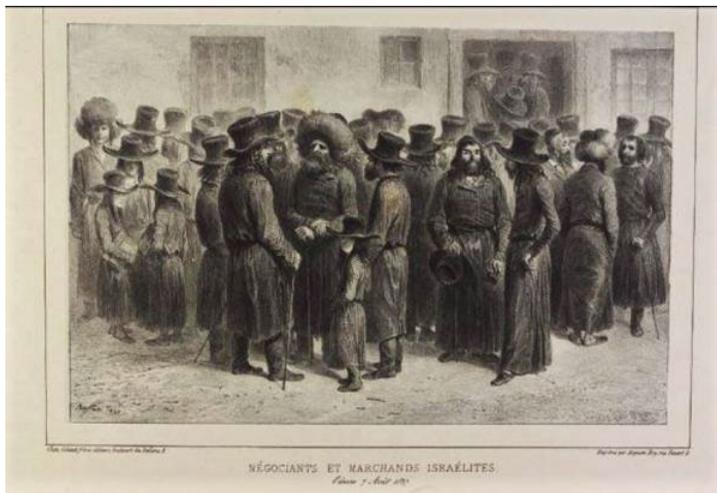
Причинно-следственная связь, приведшая к известному запрету, и здесь не выявлена, носит характер догадок, лишённых документальной основы, и, как следствие, зияет спасительными ссылками на погромы того времени, иными удобными логическими «костылями», и совсем уж литературными «детальями»

... А покорное, лишённое элементарного любопытства согласие с однажды предложенным «пакетом документов», и «выводами», в них содержащимися, закрывает истинную историю. Наша задача прямо противоположна.

Давайте же отправимся в Одессу того времени. Город, где создавались предпосылки для принятия обсуждаемого исторического решения, где в архивах обнаруживаются документы, которые и послужили основой для его формирования. Познакомимся и с людьми, участниками этой истории, пресловутым «человеческим фактором». Ибо не из воздуха возникают документы. Они – следствие изучения людских поступков, и опираются на них.

...Одесса - один из самых крупных, ярких и развитых городов Российской Империи. «Жемчужина в короне», абсолютно европейский город. А ещё – столица еврейского театра в России.

И при этом – столица вполне средневекового изобретения - Черты оседлости. Образцовая еврейская община в Одессе создавалась как пример, для дальнейшего распространения по всей Империи. Евреи здесь должны были пройти эволюцию в следующих стадиях: еврей – «русский еврей» – русский. На промежуточных стадиях происходила «чистка от дикости».

«Еврейские торговцы и купцы в Одессе». – Литография по рисунку худ. Огюста Раффо. Париж, ок. 1840 г.

Одним из инструментов в политике ассимиляции стало созданное под эгидой МВД, фактически ставшее его структурным подразделением, «Общество Лондонских миссионеров для обращения евреев в христианство». Именно об этой организации, о её функционере Бен-Ционе мельком упоминается в публикациях 1905 года.

Но создана она была ещё в ноябре 1875-го, и поначалу предназначалась для деятельности лишь в губерниях Царства Польского. А уже в 1876 году, после «обкатки», готовилась к применению в губерниях черты:

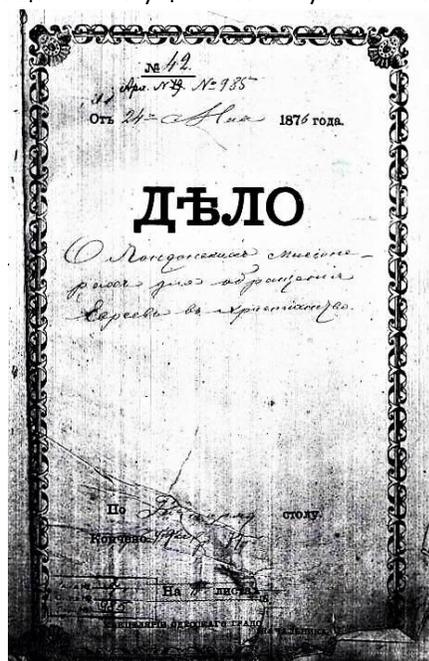
«Министерство Внутренних Дел. Департамент Духовных Дел иностранных вероисповеданий. Отделение 2, Стол 2, 24 мая 1876 г. № 1728

Господину Одесскому Градоначальнику

Высочайше утверждённым в 29 день Ноября 1875 г. Положением Комитета по делам Царства Польского установлены правила о деятельности Лондонских миссионеров для обращения евреев в христианство в губерниях Царства Польского. При сём предоставлено Министру Внутренних Дел, по составлении проекта правил для допущения Лондонских миссионеров к проповедованию Евангелия евреям в губерниях Империи, входящим в черту постоянной оседлости евреев, внести проект сей на Высочайшее утверждение в установленном порядке чрез Комитет Министерства.

Ввиду того, что на основании одновременно составленных распоряжений Правительства, постоянное пребывание, разрешённое евреям в некоторых губерниях Империи повсеместно, в других за исключением лишь некоторых городов, в иных, напротив того, разрешено в городах, но воспрещается в селениях, а посему для предотвращения могущих возникнуть от того недоразумений, необходимо указать с точностью те местности Империи, где деятельность Лондонских миссионеров будет дозволена. Кроме того, необходимо сообразить правила по сему предмету с прочими относительно обращения евреев в христианство постановлениями, которые действуют в Империи, не касаясь губерний Царства.

Обложка «Дела о лондонских миссионерах». 24 мая 1876 г. ГАОО. (Личный архив Ф. Миндлина)

Вследствие сего, препровождая к Вашему Превосходительству копию с правил для Лондонских миссионеров в Царстве Польском, я почтнейше прошу Вас, Милостивый Государь, по соображении означенных правил с настоящими условиями быта Еврейского населения в вверенном Вам Градоначальстве, уведомить меня о Вашем по настоящему предмету заключении.

Министр Внутренних Дел – подпись

Товарищ Министра

Статс-Секретарь – подпись

Управляющий Департаментом Сенатор – подпись

Копия с Высочайше утверждённых правил для Лондонских миссионеров в Царстве Польском.

1) – Президент Лондонского общества обращения евреев в христианство должен доставить в Министерство Внутренних Дел именной список миссионеров, отправляемых в губернии Царства Польского с указанием мест назначения каждого, и сообщать тому же Министерству о всяком изменении в личном составе миссионеров. Список миссионеров препровождается Министерством к губернскому начальству для распоряжения, для наблюдения за образом действий миссионеров, и за тем, чтобы никто, кроме лиц, уполномоченных Лондонским обществом, не присваивал себе права заниматься означенным миссионерством.

2) – Миссионеры Лондонского общества, по прибытии на место их деятельности, должны представить Губернатору документы о своей личности

и принадлежности по обществу, с объяснением, где и в какое время они будут проповедовать.

3) – По открытии деятельности миссионеров они должны находиться в ведении Варшавской Евангелическо-Лубургской Консистории, чрез посредство которой сообщаются им всякие распоряжения Правительства, в которых может встретиться надобность. Распоряжения эти обязательны для миссионеров во всех действиях, составляющих предмет их назначения.

4) – Миссионеры должны заниматься исключительно обращением евреев в христианство, и могут, сверх того, заниматься преподаванием религии и совершением треб только лицам Англиканского исповедания. Богослужение может быть отправляемо миссионерами также единственно для лиц Англиканского исповедания и для обращаемых...

Этот документ публикуется впервые. Безусловно, он имеет значительную историческую ценность. Но замечу, что перед вами и образчик высочайшей культуры делопроизводства в Российской Империи, соблюдавшейся непреклонно и повсеместно. Тогдашние бюрократы работали тщательно, щепетильно, создавая подробное описание всего, что позже становилось регуляторными документами с описанием механизма исполнения.

Так что никакого каприза, как это выглядит в публикации 1883 года, в действиях сенатора, генерал-лейтенанта Оржевского, Товарища (Заместителя) Министра МВД, возглавлявшего Департамент полиции, не могло быть по определению. В такой серьёзной структуре?! На такой должности?! Бросьте!

Стало быть, чиновник транслировал тогдашним СМИ лишь адаптированный для населения смысл Высочайшего Указа, закрытого документа, имевшего в своём содержании основания для его создания и применения. И одним из оснований явился, как мне представляется, именно результат деятельности Лондонских миссионеров и, в частности, д-ра Бен-Циона, о которой речь пойдёт ниже.

Но не только. Неудачи этого формирования в выполнении государственного задания были всё же недостаточными для принятия и обоснования столь жёсткого и резонансного решения. Были и другие основания. О них позже. А пока «Лондонских миссионеров» МВД уже достаточно нетерпеливо требовало обеспечить условиями для выполнения своих задач:

...Министерство Внутренних Дел. Департамент Духовных Дел иностранных вероисповеданий. Отделение 2, Стол 2, 25 января 1877 г. № 306

Господину Одесскому Градоначальнику

Обращаюсь к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою о доставлении отзыва на отношение Министерства Внутренних Дел от 16-го Мая 1876 г за № 1717 по вопросу о допущении Лондонских миссионеров к проповедованию Евангелия Евреями в губерниях Империи, входящих в черту постоянной оседлости Евреев, так как за неполучением Вашего отзыва задерживается разрешение дела по означенному вопросу.

За Министра Внутренних Дел Товарищ Министра – подпись

Управляющий Департаментом, Сенатор – подпись». (7)

...Оперы на итальянском, водевили на французском, драмы и комедии на русском. Греческие и украинские труппы, английские гастролёры. Театральные действа на многих и многих языках всегда находили в Одессе своих зрителей.

Но осуществлялось это яркое и малодоступное для большинства губерний России театральное пиршество на очень скромном количестве театральных площадок города. Сезонные балаганы, летние театральные площадки, среди которых стоит выделить роскошный театр Форкатти, театры различных Обществ, театр в цирке - были, и в изрядном количестве. Но настоящих театральных зданий было удручающе мало.

Городской театр. Но, увы, сгорел красавец... Пока на его месте строился сегодняшний, известный всему миру театр оперы и балета, главной площадкой города становится Мариинский на Театральной улице (ныне Театральный переулок), 14. Перестроенный из цирка Гютемана, он принимал всех гастролёров, все антрепризы, но своей труппы не имел. И ещё один театр – Русский. Это всё.

Здание Мариинского театра в Одессе. Театральный переулок, (б. Театральная ул.) д. 14. Здесь 12 мая 1879 года начались спектакли труппы А. Гольдфадена. Здание театра перестроено

...В перечне «городских чудес» Одессы тех лет непременно упоминаются прославленные на всю Европу хлебные магазейны, а попросту - склады, закрома. Один из таких магазейнов принадлежал семейству одесских негоциантов Великановых. Но с приходом в Одессу железных дорог и возведением огромных элеваторов Хлебного городка на окраинах, пользоваться землёю в центре Одессы под склад стало делом убыточным.

И тогда купец Александр Великанов, погоревав вместе со всей Одессой об утрате Городского театра, решил приспособить свой хлебный магазейн под выступления драматических трупп. Однако в антрепренёрах-содержателях театра Великанов оставался всего ничего. Экономический кризис, ежели и не пустил его по миру, но изрядно разорив, вынудил в 1875 году уступить театральное дело своему старому знакомцу, компаньону и соседу по хлебным магазейнам Греческой улицы Фёдору Рафаловичу. Сей именитый негоциант в уважение заслуг предшественника переименовывать театр Великанова в театр Рафаловича не покушался. Более того, будучи человеком дальновидным и просвещённым, он сразу смекнул, какое название театра привлечёт в него

наибольшее количество зрителей. И занёс своё приобретение во все городские реестры как Русский театр.

Первое здание Русского театра (т-ра Великанова, т-ра Рафаловича) на углу ул. Греческой и Колодезного переулка (ныне пер. вице-адмирала Жукова)

Это был мудрый ход. После классической итальянской оперы русские драмы и комедии неизменно собирали самую большую публику, а соответственно, обеспечивали прибыль. Тем более, если их играли такие мастера, как Николай Карлович Милославский. Рафалович предложил Милославскому и его труппе украсить подмостки нового в Одессе театра.

Актёр, режиссёр и антрепренёр Милославский – ещё один участник создания запрета еврейского театра в России. Несколько слов об этом, несомненно, крупном и серьёзном артисте.

Родился Николай Карлович фон Фриденбург в дворянской семье. Служил в кавалерии офицером. Приняв псевдоним, Милославский, сценическую карьеру начал в Санкт-Петербурге, но потерпел неудачу: столичные зрители не приняли молодого актёра. Работал на сценах Москвы, Одессы, Саратова, Нижнего Новгорода. Попытки поступить в труппу Императорского театра он не прекращал, но они, увы, оставались безуспешными. В Александринский театр Петербурга он пробовался трижды, все три раза впустую. В 1859 году Милославского опять приняла Москва – он играл на сцене Малого театра. В том же 1859 году он вновь выступал в Санкт-Петербурге, но в Императорскую труппу опять принят не был. Николай Карлович был признанным актёром на сценах провинциальных театров.

Одновременно стал заниматься антрепренёрской деятельностью, содержал антрепризы в Туле, Казани, Киеве, Одессе, Калуге. Среди провинциальных актёров Милославский выделялся: он был очень образованным человеком, его персонажи отличались изяществом и благородством сценической манеры, а высокий профессионализм и вкус никогда не подводили артиста на сцене. В игре Милославского проявлялось влияние школы Каратыгина. В развитие театров провинции Милославский внес огромный вклад и оставил заметный след в её общей культуре.

Артист и антрепренёр Русского театра в Одессе Николай Карлович Фридебург (Милославский). Его докладная записка о еврейском театре в Одессе явилась одним из двух документальных оснований при принятии решения о запрете еврейского театра в Российской Империи.

Николай Карлович очень переживал юридическое отсутствие у него звания артиста Императорских театров, полагая себя таковым по праву. И однажды, именно при обращении к нему высоких чиновников, как к непререкаемому театральному авторитету в Одессе, указал себя при составлении документа именно таковым. И, о чудо! Никаких возражений при этом не последовало!

Можно предположить, что требуемое властями экспертное заключение, о котором речь пойдёт ниже, в данном случае приобретало ещё больший вес. А Николай Карлович был по-детски счастлив. Артист, понять можно....

Это всё впереди. И связано будет с появлением в Одессе ещё одного театра – еврейского. Неожиданно успешного. Сломавшего весь устоявшийся и благополучный период в жизни Николая Карловича и его театра.

Часть вторая. Продолжение

...Начало еврейского театра тесно связано с появлением народных певцов в винных погребах. Из этих погребков вышли многие будущие актёры еврейской сцены. За несколько десятилетий до основания еврейского театра винный погреб был школой, в которой формировались его будущие зрители, актёры и авторы. Именно здесь родились сатирические антихасидские мотивы, занявшие впоследствии почётное место в театре. Именно здесь родилась традиция введения песен в представление. Гротеск, гипербола, комедийное слово, радость и бодрость стали впоследствии основными чертами гольдфаденовского народного театра.

Первородные еврейские артисты-певцы появились здесь, по мнению одного из первых исследователей еврейского театра, одессита Ирмы Риминика, в начале 60-х гг.

«...В конце шестидесятых их здесь было уже несколько десятков, и в них выступали, в том числе, певцы, приехавшие из городка Броды...

...Профессия эта стала поистине массовой, заработок ...напрямую зависел от квалификации и таланта, от популярности исполнителей...

«Хасидский танец». Худ. Залман Клейнманн

...Каждый винный погреб имел своих посетителей. В зависимости от этого строился и репертуар. Для аудитории из набожных евреев он был нейтральным, свободным от любой тенденции к осмеянию и передразниванию. Чаще всего тут инсценировались песни с драматическим содержанием...

...Для этой же аудитории нельзя было показывать сценки с протестантскими мотивами, антирелигиозными элементами, выпадами против ребе и хасидов. Здесь исполнялись и полурелигиозные песни из репертуара пуримшпилеров, и другие, где главенствовали темы добра и зла, жизни и смерти.

Но уже тогда, ...религиозно-фанатичный элемент в среде одесского еврейства был не слишком многочисленным...

...Репертуар в основе своей ...был насыщен идеями и тенденциями еврейской литературы, которая начала развиваться на народной основе...

...Винный погреб — единственное место для досуга и развлечения у евреев, сыграл значительную роль в разрыве их с синагогальной культурой, пробудил в них желание познать радость земной жизни...». (8)

Но первозданные по природе еврейские артисты служили для ассимилянтов и рвущихся в «приличное общество» единоверцев образчиками низкого уличного вкуса.

Ситуация изменилась принципиально после появления в России, и именно в Одессе, еврейского, уже профессионального театра. Существовавшее доселе еврейское театральное движение было не вооружено полноценной драматургией, не было и сколько-нибудь постоянных трупп. Солист, дуэты, трио. Иногда, для воплощения сюжета, и при наличии исполнителей, сценки исполнялись 4–5 певцами. Традиционное уже развлечение являлось внутренним моментом жизни лишь части еврейского населения города. Никак не влиявшим на сложившееся устройство театрального дела в Одессе.

...23 января 1879 года в Одессе, в помещении Клуба Общества еврейских ремесленников и промышленников на ул. Еврейской, 55 начались спектакли еврейской труппы под управлением И. Розенберга и Я. Спиваковского. По сути, это была часть труппы Гольдфадена, отколовшаяся от основного ядра, гастролировавшего в то время в Румынии. Задачи, которые ставил бы перед собой настоящий национальный театр, «десантом» не рассматривались. Скорее, это была борьба за «золотоносный участок». Участок требовалось застолбить немедленно, любыми способами.

Клуб Общества ремесленников и промышленников на ул. Еврейской (Жидовской, Еврейской, Скобелевской, Скобелева, Бебеля, Муссолини, Бадаева и снова Еврейской), 55. (Личный архив Ф. М.)

Но труппа могла играть, и играла, лишь драматургию Гольдфадена, беззастенчиво адаптировав её к своим скромным возможностям. Чаще прибегали к исполнению «литературно-музыкальных вечеров» — декорации были проблемой.

Торопливый «забег труппы на короткую дистанцию» толком подготовлен не был. Оркестр, как таковой, отсутствовал. Зиял пустотой и репертуарный портфель. Неудивительно, что затея начала выдыхаться. При самых героических усилиях Розенберга со Спиваковским. Работать приходилось, чутко прислушиваясь: не едет ли Гольдфаден?

И он вскоре действительно объявится, зримо продемонстрировав огромную разницу между театром и предварявшими его пародиями.

Приезд был исключительно своевременным. Беспokoйство в отношении театральных безобразий, выдаваемых за появление истинно национального

еврейского театра, с благодушным отношением к этой карикатуре властей, тревожило не только Гольдфадена.

אברהם גולדפאדען

«Отец еврейского театра», актёр, драматург, поэт, режиссёр, антрепренёр и композитор Авраам Гольдфаден

Получив беспрепятственно разрешение на аренду Клуба ремесленников и промышленников, Авраам крайне ответственно готовится к дебютному спектаклю своей труппы. «Одесский листок объявлений» попутно

разъясняет всем, способным услышать, истинное положение дел на «еврейском театральном фронте», что:

«...Открываются спектакли еврейской труппы под управлением антрепренёра букарестского еврейского театра г-на Гольдфадена, поставщика всех пьес для еврейской сцены...»

Наконец-то внятно указан монополист, истинный автор ранее исполнявшихся, без его разрешения, «пьес». Далее:

«...Все новые декорации будут доставлены в Одессу из Букарешта. Режиссёром труппы будет сам г-н Гольдфаден. Репертуар состоит из пьес самого антрепренёра...»

Декорации! Из Бухареста! Каково?! Ведь ранее о них и речи не было! И — настоящий оркестр! И хор, руководить которым вскоре возьмётся хазан Гиршенфельд, дед композитора Исаака Дунаевского.

Но, главное, газета внятно указала, кем являлись его предшественники, высказав надежду на процветание появившейся труппы:

«...Насколько еврейская труппа может в Одессе пользоваться успехом, видно из того, что спектакли второстепенных артистов в Одессе привлекали многочисленную публику». (9)

Появление труппы Гольдфадена сопровождали, в отличие от компании Розенберга и Спиваковского, уже принципиально иные публикации, свидетельствующие: появился настоящий еврейский театр.

7 апреля 1879 года состоялся дебютный спектакль. Одесситам показали «Колдунью», оперетту в пяти актах.

Спектакли шли с неизменным аншлагом. Громадный успех сопровождал и все последующие постановки. Состоялся первый бенефис, посвящённый актрисе Москович.

...Одессит Осип Бруд, адвокат, финансист, литератор и публицист, пробовавший себя во всех жанрах, более всего тяготел к драматургии.

«Старший товарищ по цеху» выступил с отеческим призывом к Гольдфадену составить ему компанию в уже апробированном, гарантированно безопасном направлении творчества:

«Еврейское общество, — писал он, — сочувственно относится к еврейскому театру. ...Публика постоянно наполняет театр, и выносит приятные впечатления. ...Что может быть полезнее для еврейского народа такого театра, который верно изображает народную жизнь евреев, ...развивает ...полезные идеи о потребностях современной жизни...»

Титульный лист пьесы А. Гольдфадена «Колдунья» («Ди кишефмахерин»). Издано в Варшаве в 1905 г.

Похвалив начинающего автора, «маститый драматург» с непередаваемой непосредственностью выходит на основную задачу своей публикации:

«...Ему будет благодарно всё общество за такое великое и благое дело, которое поведёт еврейский народ к современной и полезной общественной жизни. Пусть еврейский театр укрепит в нашем еврейском народе патриотизм к нашему дорогому Отечеству, и поведёт нас к полному слиянию с русскими». (10)

Рецепт, предлагаемый Бродом, а именно: слияние культур с дальнейшим поглощением их единственной культурой — русской, был постоянным приёмом в политике ассимиляции, проводимой сначала Империей, а после — Советским Союзом.

Театр возможно считать национальным не только лишь при исполнении пьес на соответствующем народу языке. Это не главное отличие.

Лишённый всех национальных признаков, сценического языка, способа существования, языка жестов, пластической и музыкальной индивидуальности и многого другого, он становится лишь зримым на сцене переводом с языка на язык. И только. Театральность, зрелищность — это уже третьестепенно. Вполне заменяемо, например, читкой на радио...

Происходит лишь создание копии, адаптированной к языковой группе, прекрасно владеющей при этом языком общегосударственным. Но копия всегда хуже оригинала.

Гольдфаден же стремился к созданию именно национального театра, и Брода с его предложениями категорически не принимал. Творец еврейского театра арендовал недостижимый для Спиваковского с Розенбергом

Мариинский театр, и с 6 мая 1879 года перешёл со своей труппой на крупнейшую в то время сцену Одессы.

Это была неслыханная удача, требовавшая огромного труда, безоговорочного таланта и зрительского признания.

Карл Гуцков, немецкий писатель и драматург, автор драмы «Уриель Акоста». Впервые сыграна на идиш 11 февраля 1881 г. в Одессе на сцене Мариинского театра еврейской труппой О. Лернера

К этому времени относится и первая попытка адаптировать деятельность А. Гольдфадена к задачам «Лондонских миссионеров». В отличие от усилий О. Броуда, являвшегося лишь частным лицом, творца еврейского профессионального театра атаковала уже государственная структура МВД. Атаквала, по свидетельству Л. О. Трецена, крайне жёстко и цинично:

«...д-р Бен-Цион неоднократно в моём присутствии угрожал Гольдфадену выкинуть ему "кунштюк", если только он не

согласится на постановку какой-то им, д-м Бен-Ционом, написанной и разрешённой к представлению пьесы...

Но, как и в случае с О. Броудом, Гольдфаден здесь ещё более категорически, внятно и однозначно ответил отказом, чётко высказав свою позицию:

«Я основал свой театр не для миссионерской пропаганды. Я основал его исключительно для того, чтобы разбудить мой народ от тяжёлого векового сна, вырвать из оков фанатизма, давящего его, как кошмар, показать ему слабые его стороны, искоренить суеверия и пробудить в нём стремление к свету, к прогрессу...»

Л. О. Трецен указывает здесь же, что Бен-Цион в давлении на А. Гольдфадена «...старался поселить раздор среди труппы...». (11)

Возможно, что именно с этим давлением связаны и организованные в одесской прессе сообщения о якобы расколе в труппе, о том, что «...известный театральный гешефтмахер эксплуатировал отчаянным образом артистов, платя им самую ничтожную перспективную плату, а в те дни, когда сбор был ограничен, г-н Гольдфаден своих артистов отсылал домой с пустыми руками и голодным желудком. Публика, вероятно, обратила внимание на предприимчивость г-на Гольдфадена, которому, по всей видимости, придётся закрыть свою лавочку». (12)

Французский композитор еврейского происхождения Жак-Франсуа Фромантель Эли Галеви, автор оперы «Жидовка» («Дочь кардинала»), шедшей на всех крупнейших сценах мира. Впервые исполнена на идиш в Одессе 19 января 1881 г. труппой О. Лернера на сцене Мариинског

Ничего подобного не произошло. Ушедшие от греха подальше на время атаки артисты очень скоро вернулись к «эксплуататору», ибо первая попытка «Лондонских миссионеров» провалилась. От своих планов они, впрочем, не отказались. Ниже мы в этом убедимся. А несговорчивость Гольдфадена была, надо полагать, зафиксирована в отчёте «наверх»...

И ещё. Нигде не встречаются пояснения Гольдфадена, или кого-либо другого о причинах внезапного отставления им Одессы. Опять одно из бесчисленных «белых пятен»...

Но, исследуя этот период истории еврейского театра, возможно предположить, что именно случившееся привело Гольдфадена к идее немедленно продемонстрировать новорожденный театр в столице. Добиться признания, поддержки, ограждающей от дальнейших посягательств кого бы то ни было. Довольно наивное представление...

Гольдфаден, очень успешно, но недолго поработав в Одессе, Николаеве, Херсоне и Кишинёве, действительно совершил неожиданное и непонятное тогда для многих гастрольное турне через множество городов, и не только Черты, с юга на север, в Москву, а затем на долгие месяцы (!) обосновался в Санкт-Петербурге!

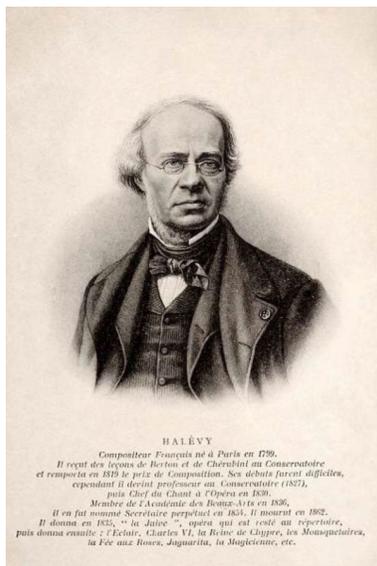
...Именно с появлением в Одессе труппы Гольдфадена театральная жизнь здесь принципиально изменилась.

Клуб еврейских ремесленников и промышленников, с небольшим залом и примитивной сценой, ранее служивший неким подобием конференц-зала при случавшихся здесь посиделках, семейных и религиозных праздниках, приняв первую профессиональную еврейскую труппу в России, стал быстро перестраиваться, меняясь к состоянию достойного театрального помещения. Формат клуба исчез, в Одессе появился ещё один театр, получивший вскоре название «Новый».

Итак, в Одессе уже три театра. Последний, еврейский, неожиданно для многих, становится, повторяю, невероятно успешным. В одесских газетах множатся публикации о том, что:

«Еврейский театр всё больше начинает интересоваться публику, даже и не еврейскую». (13)

Важно отметить здесь интерес к еврейским представлениям и у нееврейской публики. Новизна – само собой. Но и невероятная, яркая зрелищность, музыкальность, пластика! И – обращение к достойной драматургии при блестящем её воплощении.

"Жидовка". Ария Элеазара. Музыка Галеви. Издание С. Я. Ямбор 1911 г.

Впервые еврейский театр успешно исполнил на своих подмостках классическую пьесу мирового репертуара – трагедию К. Гуцкова «Уриэль Акоста». Это случилось в Одессе в 1880 году на сцене Мариинского театра, в труппе О. Лернера. Первым исполнителем роли Акосты на еврейской сцене стал Аба Шейнгольд.

«...Положим, кому как не евреям хорошо играть эту пьесу, фабула которой прямо выхвачена из истории борьбы разума с тёмным фанатизмом, - писали «Ведомости одесского градоначальства».

...Шейнгольд – Акоста оказался не только хорошим артистом, но даже превзошёл всех лучших исполнителей этой роли; он оказался положительно лучше Сазонова, который славится в Петербурге ролью Акосты...». (Н. Ф. Сазонов – премьер Александринского театра – Ф. М)». (14)

Впервые на идиш, опять же в Одессе, была исполнена еврейской труппой О. Лернера в Мариинском театре шедшая на всех крупнейших сценах мира опера Жака-Франсуа Фромантала Эли Галеви «Жидовка» («Дочь кардинала»), о чём «Одесский вестник» разместил анонс:

19 января поставлена будет трагедия «Жидовка», переделанная О. Лернером на еврейский язык. Хоры оперы почти все удержаны, а из соло – более выдающиеся арии. Роли исполняют: г-н Зильберман – Елиазара, Шейнгольд – Леопольда, Эйдельман – кардинала, г-жа Гольдштейн – Рахили. (15)

В Театре ремесленников и промышленников зрителей угощали трагикомедией по пьесе Мойше Лейб Лиленблюма «Двоеженец», на этой же площадке и на сцене Мариинского театра Гольдфаден ставил свои «исторические оперетты» «Суламифь, или Дочь Иерусалима», «Доктор Альмосадо, или Евреи в Палермо», «Бар-Кохба (Сын Звезды), или Последние дни Иерусалима».

Треть населения Одессы – евреи. Но и русской интеллигентной публике, часто владевшей немецким, не составляло труда понимать смысл происходящего на языке идиш. Сходство выручало, к тому же перед началом спектакля желающим выдавались либретто на русском языке. В зрителях недостатка не было. «Одесский вестник» отмечал:

...историческая оперетка «Альмосадо, или Евреи в Палермо» ...привлекла массу публики, среди которой были христиане... (16)

Либретто с нотами «Жидовка», опера в 5 действ. муз. Галеви. Изд. И. Т. Логиновъ Дозволено цензурою. - Одесса, 2 марта 1900 года. Типография Б. М. Шапира, Ришельевская ул. дом №66

Еврейская тема, еврейская история и ранее была чрезвычайно востребована в театральной жизни города. Обращение к этой теме гарантировало, в том числе, и коммерческий успех:

«...в бенефис г-жи Быстровой русской труппою на одесской сцене шло представление 5-актной драмы “Менахем бен Израиль” при участии ев-рейского хора. ...Бенефициантка не ошиблась в расчёте: театр сверху донизу был переполнен еврейской публикой...». (17)

«...в бенефис г-жи Пасхалис дана была опера “Моисей”, имеющая на одесской сцене специальный успех, так как она привлекала всегда в театр необозримые массы евреев. Галерея была до того переполнена евреями, что полицейские власти вынуждены были ограничить число продаваемых билетов в этот ярус. Многие купоны и ложи верхнего яруса вмещали в себя 9–10 душ. К 6 часам вечера все билеты были уже распроданы. ...Не только в театре, но и вне театра толпились массы евреев». (18)

«Нам сообщают из достоверных источников, что молодой автор г-н Ефим Деранков готовит к постановке на сцене Мариинского театра драму в 5 действиях с эпилогом, под названием “Жида”, с участием хора еврейских певцов в числе 50 человек...». (19)

«...в бенефис г-жи Самойловой — “Иосиф Прекрасный”, драма из еврейского быта». (20)

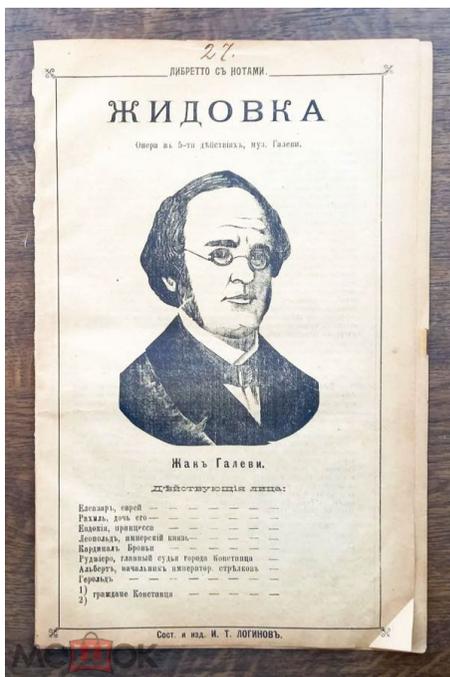
«...в театре в здании цирка во второй раз пятиактная комедия, соч. О. Нотовича “Брак и развод”. Сюжет взят из еврейской жизни.

...Подобные сюжеты, как “Гаман”, “Жидовка”, привлекают в театр массу евреев». (21)

«В театре на Александровском проспекте: Дьяченко. “Мотя”, воде-виль в одном действии; в субботу — “Дебора” в 5 д., из еврейского быта». (22)

«В Мариинском театре ...представлено будет в первый раз “Гаман, персидский царедворец”, историческая драма в 5 д., переделанная с немецкого. Сюжет заимствован из древнееврейской истории». (23)

...Одесские зрители, и евреи, и христиане, всё активнее обращались за зрелищами, которые предлагали еврейские труппы. Более того, еврейские антрепренёры самым успешным образом устраивали вообще театральное дело в городе:

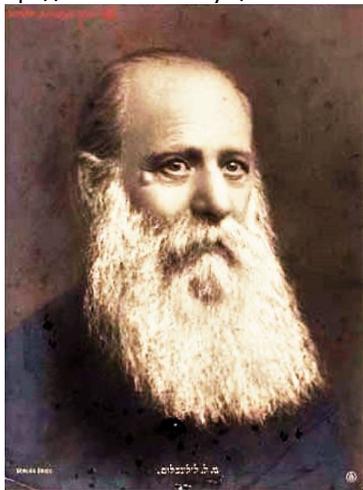
«Нам сообщают, что Мариинский театр снят г-м Лернером на 3 года. На зимний сезон 1881 года г-н Лернер приглашает русскую оперную труппу, для формирования которой он отправляется в первых числах января в Петербург и Москву. Театр предполагается реставрировать, устроить разные приспособления на сцене для постановки больших опер, и заново отделать декоративную часть театра...

Русская труппа, подвизавшаяся в Мариинском театре с условием давать представления не чаще трёх раз в неделю, конкуренцию категорически не выдерживала, и по сообщению этой же газеты ...переходит в скором времени в Русский театр г-на Милославского». (24)

Часть третья. Окончание

Усилия еврейского антрепренёра О. Лернера были весьма успешными в организации театрального дела в Одессе. Успех этот отмечал, в частности, «Одесский листок»:

«...с лёгкой руки артистов русской оперы, положившей начало артели служителей сцены, еврейская труппа реорганизована теперь, и будет продолжать своё существование на артельных началах.

Писатель и драматург Мойше Лейб Лилиенблюм, автор пьесы «Двоеженец». Премьера состоялась 30 декабря 1881 года в Театре ремесленников и промышленников Одессы. Труппа О. Лернера

При этом газета обращала внимание и на то, что ...публики собралось очень много, в отличие от Русского театра, где работает русская драматическая труппа, и указывала на весьма грустную картину в театре г-на Милославского: ...зал всё время пустует, и даже ложи не абонированы...». (25)

...Николай Карлович, всю творческую жизнь в Одессе был театральным монополистом, существовавшим в

бесконкурентной благодати, и к произошедшим в Одессе изменениям оказался абсолютно не готовым. Не в состоянии конкурировать с еврейской театральной экспансией, он впервые, что называется, «потерял лицо».

Милославский, памятуя о коммерческом успехе при постановке пьес из еврейской истории, решил вновь обратиться к ней уже в Русском театре, предложив зрителям еврейскую драму «Гамман».

Но вместо ожидаемого коммерческого успеха знаменитый артист и антрепренёр был осмеян самым лютым образом. То, что было возможным и уместным при отсутствии в городе еврейского театра, становилось теперь, при исполнении еврейской драматургии на русской сцене, зрелищем карикатурным, неумным и жалким. Даже убогим...

«Будучи евреем, я с удивлением и смехом прочитал в «Одесском листке объявлений» театральное объявление о том, что в субботу, 26 января, на

сцене русского театра будет поставлена драма из еврейской истории «Гамман». ...Смешило это меня потому, что г-н Милославский, очевидно, позабывал хорошим сборам еврейского театра г-на Гольдфадена... О, неужели г-н Милославский ради увеличения своих барышей решается по субботам превращать русский театр в еврейский, и замануть туда евреев из еврейского театра, который они наполняют особенно по субботам. Если так, то можно ожидать, что г-н Милославский скоро откроет еврейские представления, или будет давать еврейские пьесы на русском языке!

...грустно видеть такие явления на русской сцене! ...Мы очень рады затеям потешать простую еврейскую публику «Гамманом», да ещё с еврейскими танцами, и советуем ему на сцене сыграть еврейскую свадьбу (танцы очень весёлые), или другие еврейские истории в виде драм с триумфальным шествием, в которых участвовал бы кроме лошадей и слонов ещё и осёл! Любуйтесь, русская публика русской сценой и репертуаром г-на Милославского!...». (26)

Титульный лист пьесы А. Гольдфадена «Дочь Иерусалима». Первый показ в Одессе состоялся 27 мая 1882 г. в Театре ремесленников и промышленников

Затея Николая Карловича провалилась с треском. Положение его театра в конкурентном отношении с еврейским было незавидным. Проблему устранить творческими усилиями было крайне непросто, затрало, да и требовало, ко всему, длительного времени. Такой путь был уже совершенно немыслим.

И вот тогда в одесской прессе появились публикации, носившие все признаки заказа. Формировалось в общественном сознании вполне черносотенное положение о недопустимости в русском городе еврейского театра. Мысль о том, что в Одессе евреи составляют треть населения, попросту не возникала. Идея формулировалась крайне радикально: нет театра – нет проблемы:

«...У нас появился ...еврейский винегрет из драм, трагедий, опереток и даже опер. И это в русском городе! ...Мы можем иметь русскую драму, а нам, о ужас, дают еврейскую. ...Что сон сей значит? Откуда нам сие? Не стану касаться вопроса, насколько вредно существование еврейского театра в русском городе ...хотелось бы знать, что дало право гражданства еврейской труппе в Одессе? ...Евреи не потому посещают театр, что сознают его пользу; нет, они посещают его ради поддержки, ради права сказать: "Вот мы каковы, у нас свой театр

есть!». Главную роль здесь играет национальная гордость. А нужно ли это?». (27)

Ответ предполагался однозначный...

«...В Одессе, ...в русском городе – нет русского театра! - надрывался на страницах «Новороссийского телеграфа» некий М-ь, - ...нет русской труппы. Зато есть еврейская – и за то спасибо. ...Будем ходить к евреям, будем учиться у них, ...они в Одессе настолько сильны, что отняли и завладели русским театром...

М-ь лукавил осознанно. Русский театр никуда не исчезал, работал по своему постоянному адресу, в его деятельность никто не вмешивался, и на его сцену никто не посягал.

«Отняли и завладели» — это об «оккупации» еврейскими труппами Мариинского театра, в данном контексте - исконно русского. Русский же театр г-на Милославского арендовала в очередь с русской итальянская опера, сам же антрепренёр настойчиво стремился ставить драмы именно в самом вместительном театре Одессы – Мариинском. Но здесь уже привычно для города успешно проходили еврейские спектакли.

...Неужели поздно, неужели нельзя помочь горю? – вопрошал М-ь.

Титульный лист пьесы А. Гольдфадена «Доктор Альмосадо, или Евреи в Палермо», муз. драма в 5 д. и 11 карт. Первый показ в Одессе состоялся 19 июня 1882 г. в Театре ремесленников

Призыв «помочь горю» сопровождался предложением о компромиссе при эксплуатации «исконно русского» театра. Автор призыва предлагал играть с евреями хотя бы в очередь...

Но в редакторском послесловии компромисс исключался. Г-н редактор «изящно» обосновал нелепость подобного предложения:

Очень многие не станут посещать театра, если представления русской труппы будут чередоваться с еврейскими: и атмосфера, и вид залы после евреев таковы, что их ничем не

выкуришь. (28)

Но усилия местных «борцов за расовую чистоту» театрального дела были недостаточными, и к окончательному решению «еврейского вопроса» на театре не приводили.

...В это горячее для театральной Одессы время граф Игнатъев, возглавивший МВД, обратил сюда свой государственный чиновничий взор. Возможно, внимание высокопоставленного чиновника привлекли и многочисленные публикации одесских газет, обнаруживших наличие в городе совсем не безобидной театральной проблемы. Дело было гораздо серьезнее...

Представленный в публикациях вполне конъюнктурный творческий конфликт театров, усугублённый финансовыми потерями одной из сторон, был замаскирован в идеологическую, внутривластную государственную проблему. В покушение на устои! Это и сработало.

Реформа театра и зрелищ, за которую теперь отвечало МВД, предполагала уже жёсткий контроль за ними государства, прежде всего, в вопросах идеологии. Деятельности национальных театров в государственной политике ассимиляции уделялось чрезвычайное значение и пристальное внимание «компетентных органов»...

Министр МВД Граф Игнатъев обратился к временному Одесскому Генерал-губернатору Князю А. М. Дондукову-Корсакову. Документ этот обнаружен всё в том же Государственном архиве Одесской области:

«Милостивый Государь, Князь Александр Михайлович! – писал он, - указывая на изменения в управлении деятельностью публичных зрелищ и спектаклей, переподчинение и регламентацию этой деятельности органами МВД, так как:

...в провинции ...надзор за театрами, хотя и лежал на обязанности местной администрации, но она поставлена была в необходимость руководствоваться в этом отношении далеко не точными и устарелыми узаконениями. ...вопрос о надлежащей постановке театрального дела ...имеет, с правительственной точки зрения, существенное значение, и притом в двояком отношении:

Театры, как место многочисленных народных собраний, вызывают заботы полиции о надлежащем, сообразном с требованиями безопасности, устройстве помещений для них, о сохранении порядка и благочиния при представлениях, и т. д.

«Заботы о безопасности» являлись далеко не первостепенной задачей. Главнейшим было следующее:

- Драматические и иные театральные представления имеют несомненное влияние на население, могут, при надлежащем их направлении, служить целям государственным, а при отсутствии руководящего правительственного влияния – целям избегающей средств наживы, а также орудием противоправительственных партий.

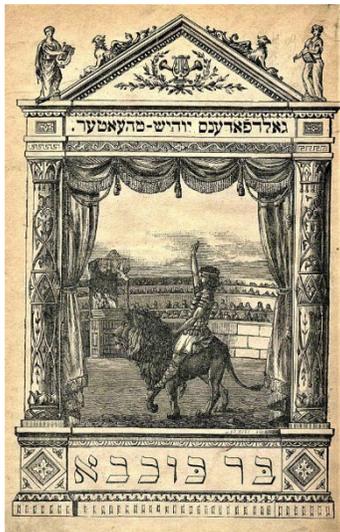
Это важнейшее положение новизной и оригинальностью не блистало никак. Все империи неукоснительно придерживались его. В частности, ещё в 1839 году в Австро-Венгрии ...администрация дала указание полиции: «Сдерживать развитие национальной драматической сцены», поскольку «национальный театр может стать способом, который используют против интересов правительства...». (29) Вернёмся к письму графа Игнатъева:

...Ввиду такого государственного значения театрального дела, новое положение, в которое оно ныне вступает, и которое, несомненно, будет иметь последствием его развитие, вызывает необходимость издания и нового о нём законоположения, вполне соответствующего современному его значению и обнимающего как столичную, так и провинциальную сцены.

Изложив общее положение дел в настоящее время, министр МВД приступает непосредственно к сути своего обращения, формулируя запрос:

...я имею честь обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою не отказать сообщить мне сведения о настоящем положении театрального дела в подведомственных Вам губерниях, а также какие, по Вашему, общие

начала должны бы лечь в основу предстоящих изменений действующего законодательства о театрах и других увеселительных зрелищах...». (30)

Титульный лист к пьесе А. Гольдфадена «Бар-Кохба (Сын Звезды), или Последние дни Иерусалима». Музыкальная мелодрама в стихах, 4 актах и 14 картинах. Варшава, 1887 г. Премьера состоялась 5 мая 1883 г. в Мариинском театре Одессы. Труппа А. Гольдфадена

Князь Дондуков-Корсаков переадресовал для выполнения запрос Министра МВД графа Игнатьева исполняющему делами Временного Одесского Генерал-губернатора, который, в свою очередь, призвал в качестве эксперта для заключения по означенному запросу ...Николая Карловича Милославского. Круг замкнулся...

Милославский в отчёте, хранящемся в том же ГАОО, прежде всего представился артистом Императорских театров, «ветераном Русской сцены в силу 37-летней деятельности в качестве артиста Императорских театров в обеих столицах и на юге России». Присвоенное самому себе звание он, как мы видим, умудрился указать дважды. После следовали требуемые непременно полные данные эксперта и адрес проживания. «Жительство имею в Одессе, на Екатерининской улице, в гостинице “Англия”, № 20».

Затем, перечислив все свои огромные достижения в многотрудной деятельности не только артиста и антрепренёра, но и крупного театрального деятеля вообще, авторитетнейший эксперт приступил к исключительно объективному анализу и выводам в ответах на поставленные вопросы:

- позволяю себе высказать некоторые свои соображения, основанные на опыте и наблюдательности, о положении театрального дела в Одессе.

Особенной объективностью отличились, разумеется, ответы на вопросы о деятельности еврейских трупп. Привожу их здесь полностью.

ПЯТЫЙ ВОПРОС – Существуют ли в губернии организованные труппы, и если существуют, то где, какие именно?

ОТВЕТ ПО ПЯТОМУ ВОПРОСУ – Не касаясь вообще Херсонской губернии, а лишь одной Одессы, остаётся констатировать следующие факты, что в настоящее время в Одессе имеются две организованные труппы: оперная в «Русском театре» и опереточная в Мариинском театре. -

Еврейская, успешная, за которую деньгами голосовало и русское население, здесь организованной не полагалась, и подлежала приведению в порядок. Тот, который был в городе до её появления...

- В предыдущих сезонах в «Русском» театре постоянно дебютировала русская драматическая труппа. В «Мариинском» театре, кроме русской опереточной труппы, в текущем году дебютирует также и еврейская труппа,

специально для простонародья этого племени; но она стоит ниже всякой критики в сценическом отношении.

ШЕСТОЙ ВОПРОС – Насколько удовлетворительны существующие труппы по личному своему составу?

ОТВЕТ НА ШЕСТОЙ ВОПРОС – Все лучшие провинциальные силы оперы, драмы и опереток имеют постоянное место в Русском театре, в Летнем, и отчасти в Мариинском, не говоря о том, что в Русском театре в течение сезона дебютируют иностранные и русские знаменитости... О еврейской труппе, как сказано выше, и говорить нечего, ибо она не содержит ни в своём составе, ни по существу пьес никаких артистических, разумных и возвышающих душу впечатлений. Ломая еврейско-немецкий жаргон на все лады, еврейская труппа во всех отношениях бесцельна, и даже вредна. Такая труппа мешает слиянию евреев с русским населением, ибо последнее не сочувственно относится к еврейскому театру, к его исключительности и изолированности...». (31)

Не имеет смысла оппонировать здесь по всем пунктам Николаю Карловичу. Истинное положение дел описано выше. Воспользовавшись возможностью при обращении к нему сильных мира сего, он с их помощью рассчитывал лишь устранить конкурентов, не имеющих, по его мнению, на то никаких творческих оснований. Но увлёкся, придавая своим ответам требуемые государством акценты и обобщения. В результате особенной «удачей» явился пассаж о том, что «еврейская труппа во всех отношениях бесцельна, и даже вредна. Такая труппа мешает слиянию евреев с русским населением...». (Выделено мною. Ф. М.). Это был приговор.

Блестяще сформулированное Николаем Карловичем последнее предложение было безоговорочным основанием для уничтожения государством преступного еврейского театра...

И хотя Милославский действительно театр еврейский не приветствовал искренне, но к такому именно результату, как мне представляется, всё же не стремился. И умер он в 1882 году, до свершившего запрета.

А пока театр висел на ниточке, о том даже не подозревая. Оглашение приговора было отложено. Театру давали последний шанс.

Отсрочка приговора могла быть рассмотрена лишь в случае согласия еврейских артистов отойти от набравшего силу национального театра, превратившись в примитивную во всех компонентах агитбригаду.

Гольдфаден был ещё в Петербурге, гастролировал там исключительно успешно, в прессе даже поднимался вопрос о постройке для его труппы театрального здания.

Но позиция Гольдфадена была известна, менять её он категорически не намеревался. Обращаться к нему было бессмысленно ещё и потому, что миссионерская работа и прочие усилия государственной идеологической машины были направлены прежде всего на еврейское население Черты. Одесса – её столица.

И тогда д-р Бен-Цион, по свидетельству Н. Пружанского, «...вообразив себя драматургом, ...написал ...очень плохую, скучную, снотворную пьесу...». (32)

Затем миссионер сунулся с ней к антрепренёру труппы в Мариинском театре О. Лернеру, поторопившись даже разместить в «Одесском вестнике» анонс о предстоящей премьере своей пьесы в его труппе, крайне удивив ничего не подозревавшего о том её руководителя:

«...готовится к постановке известная 5-актная трагедия «Сильвио Пелико», переведенная на еврейский язык г-м Бен Цви (псевдоним). Пьеса эта посвящается эпохе борьбы римлян с евреями, совпадающей с первоначальным развитием христианства». (33)

Как и в случае с Гольдфаденом, миссионеры и здесь получили категорический отпор. Но отступить не собирались, да и не могли.

Пикантность ситуации заключалась в том, что яростно защищались от напасти не только атакуемые еврейские театральные труппы, защищалась при этом и сама нападавшая на них структура МВД, - уже от нанявшего их государства.

В случае неудачи в выполнении государственного поручения им грозило прекращение финансирования и роспуск за ненадобностью. И потому «Лондонские миссионеры», стремясь выжить, продолжали отчаянно свои попытки.

Уже не таясь, и не брезгуя ничем, они, оставив в прошлом тактику угроз, решили сделать труппе предложение, от которого евреи, по их мнению, отказаться не смогут. Евреям сулили деньги.

Уверенный в беспроектности применяемого приёма, д-р Бен-Цион уже мнил себя хозяином купленной им труппы, и распространял в прессе представление о её новом формате.

Попытавшийся в феврале вернуться в Одессу А. Гольдфаден, обнаружив никуда не исчезнувшую угрозу, тут же покинул со своей труппой город. О. Лернер в городе остался, но обезопасил себя от возможных репрессий, официально отказавшись от антрепренёрства. Именно эту, формально беспризорную труппу, поспешил объявить своей «драматург» Бен-Цион:

«С сегодняшнего дня возобновляются в Мариинском театре представления еврейской труппы. ...Как нам сообщают, труппе этой обещана субсидия лондонского миссионерского общества, и главным руководителем её будет местный агент этого общества доктор Бен-Сион, который намерен поставить целый ряд пьес, имеющих исключительную цель - ознакомление еврейской массы с сущностью христианства». (34)

Но оскорблённые прилюдно еврейские артисты, которых так беспардонно пытались лишить права на истинное творчество в своём, национальном театре, немедленно, и также прилюдно, опубликовали в «Одесском вестнике» не имеющее двоякого толкования заявление:

«Артисты местной еврейской драматической труппы обратились к нам с коллективной просьбой опровергнуть слух о том, что они получают субсидию от миссионерского общества за ознакомление еврейской массы с сущностью христианства...». (35)

И эта, уже последняя попытка «Лондонских миссионеров», выявила очевидную их несостоятельность в выполнении государственных задач. Труппу О. Лернера официально возглавил Зейлик Могулеско, выдающийся артист первого гольдфаденского призыва ещё бухарестского периода, и он постановки пьес Бен-Циона на своей сцене не рассматривал даже теоретически. Правда, такая позиция вынуждала труппу в последнее время работать в Одессе лишь наездами...

МВД окончательно пришло к пониманию, что надежды на созданную им структуру в политике ассимиляции абсолютно неоправданны, и распустили бесполезных уже «миссионеров». Пришло время жёстких мер.

...Обнаруженный в поистине неисчерпаемом ГАОО документ свидетельствует о том, что задолго до публикации во всех губернских газетах Империи распоряжения Оржевского уже работал конфиденциальный циркуляр от 17 августа 1883 года за № № 1.748!

Тот самый недостающий документ, регламентирующий все последовавшие действия. В нём, более чем за месяц до публикации известного запрета, содержались указания к исполнению его всеми отвечающими за то органами и структурами. Именно в нём впервые было внятно указано о том, что «воспрещено исполнение пьес на еврейском жаргоне». (36)

1 сентября 1883 года, по сообщению «Одесского вестника», в городе «была получена телеграмма из Петербурга о безусловном воспрещении представлений еврейских трупп». (37)

Распоряжение принял к исполнению Одесский градоначальник, и 6 сентября в «Одесском вестнике» было сообщено, что «...участвующим в кафе-шантане Дезирова братьям Шварц воспрещено исполнять нумера пения в еврейских национальных костюмах. Кроме того, они должны петь исключительно по-немецки». (38)

Никакого еврейского театра. Допускались теперь лишь развлекательные пьески, лишённые, прежде всего, еврейской идентичности...

Важнейшим в организованном уничтожении еврейского театра явился запрет на еврейский язык. Принуждение играть на немецком, искалечившее и почти уничтожившее национальный театр, стартовало именно в столице еврейского театра, что также имело свою логику...

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 - 25 сентября 1883 г. «Афиши и объявления», Москва
- 2 - 4 января 1905 г. Театр и музыка. «Новое время», СПб
- 3 - Март 1905 г. Г. Аграев. Еврейский театр. «Театральная Россия», СПб, № 11
- 4 - Конец января 1905 г. «Восход», СПб, № 4. Возрождение еврейского театра
- 5 - 12 марта 1905 г. Театр и музыка. «Одесский листок».
- 6 - 24 мая 1876. ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 985, лл. 1, 1 об, 2, 3, 3 об, 4
- Дело о Лондонских миссионерах для обращения евреев в христианство
- 7 - Там же.
- 8 - И. Риминик. — «У истоков еврейского театра». Журнал «Театр» (Киев), № 10, 1940 г., стр. 29–30.
- 9 - Городская хроника. «Одесский листок объявлений», 31 марта 1879 г.
- 10 - О. Броуд. Еврейский театр. «Одесский вестник», 6 мая 1879 г.
- 11 - Л. О. Трецен. О возрождении еврейского театра. Март 1905 г. «Восход», СПб, № 12, стлб. 45
- 12 - Еврей. Еврейский театр. Из письма в редакцию. 1 июня 1879 г. «Новороссийский телеграф»
- 13 - Городская хроника. «Одесский листок объявлений», 23 сентября 1880 г.
- 14 - Б. «Уриэль Акоста» на сцене Мариинского театра. «Ведомости Одесского Градоначальства», 30 октября 1881 г.
- 15 - «Одесский вестник». Мариинский театр. 15 января 1881 г.
- 16 - Там же. 23 июня 1882 г.
- 17 - Письмо в редакцию. — «Одесский вестник», 4 апреля 1864 г.
- 18 - Театральная хроника. — «Одесский вестник», 24 января 1867 г.
- 19 - А. де Рибас. — Старая Одесса. «Одесские новости», 1 февраля 1909 г.
- 20 - Д. и Л. — «Одесский вестник», 18 июня 1871 г.
- 21 - «Одесский вестник», 23 января 1872 г.
- 22 - Там же, 26 января 1872 г.
- 23 - Там же, 23 марта 1875 г.

- 24 - «Ведомости Одесского градоначальства». Часть неофициальная. 13 декабря 1880 г.
- 25 - Искусство и литература. Труппа Лернера. 26 октября 1882 г. «Одесский листок»
- 26 - Еврей. Затея г-на Милославского - превратить русский театр в еврейский. Часть неофициальная. 25 января 1880 г. «Новороссийский телеграф»
- 27 - Когда-то и теперь. Заметки театрала. 11 декабря 1880 г. «Новороссийский телеграф»
- 28 - М-ь. Письмо в редакцию. Театр и музыка. 20 августа 1881 г. «Новороссийский телеграф»
- 29 - Гот Ежи Шпигель. «Австрийская политика организации театра во Львове». ЛГУ им. И. Франко. Архив кафедры театроведения и актёрского мастерства. Материалы Международной конференции «225 лет профессиональному театру во Львове». Львов, 2001 г.
- 30 - ГАОО, ф. 5, ед. хр. 1, д. 169, лл. 3–5, 21 октября 1881 г.
- 31 - ГАОО, ф. 5, ед. хр. 1, д. 169, лл. 11–20. 12 декабря 1881 г.
- 32 – Н. Пружанский. О возрождении еврейского театра. Февраль 1905 г. «Восход», СПб, № 8, столб. 45–46
- 33 - Еврейский театр. 9 марта 1882 г. «Одесский вестник»
- 34 - Искусство и литература. Товарищество еврейских артистов п/у О. Лернера 26 февраля 1883 г. «Одесский листок»
- 35 - «Одесский вестник». 20 марта 1883 г.
- 36 - ГАОО, ф. 2, ед. х. 1, д. 1835, л. 10 и об. л. 19 февраля 1891 г.
- 37 - Запрещение еврейских спектаклей. «Одесский вестник», 1 сентября 1883 г.
- 38 - «Одесский вестник». Воспрещение пения на еврейском языке. 6 сентября 1883 г.

Нина Аловерт

США

Александр Годунов. Глава, не вошедшая в книгу «Две жизни. Воспоминания театрального фотографа»

Александр Годунов, ушедший из жизни в 49 лет, фигура в истории российских танцовщиков за рубежом - трагическая. Незаурядная личность артиста обязывает, конечно, к размышлениям о причинах, из-за которых сложилась его судьба (отбросив гнусные сплетни и выдумки). Я не включала эту историю в свою книгу, так как была свидетельницей только того периода

его жизни в Нью-Йорке, когда два года он работал в Американском Театре Балета. Я не снимала Годунова на сцене, я тогда еще не твёрдо понимала систему работы фотографов с пресс-центрами. Прилагаю два своих снимка: Годунов после окончания балета «Лебединое озеро» в костюме Принца и в перерывах между съёмками в студии другого фотографа.

Александр Годунов. Фото Нины Аловерт

Александр Годунов закончил Рижское хореографическое училище, поступил в труппу Игоря Моисеева «Молодой балет». В Большой театр был принят в 1971 году сразу на положение солиста. Танцевал балеты классического репертуара, а также спектакли современных хореографов, которые были в репертуаре театра, в том числе в репертуаре Майи Плисецкой, а также «Спартака» и «Ивана Грозного» Юрия Григоровича. В 1979 году в его постановке «Ромео и Джульетты» Годунов стал первым исполнителем роли Тибальда.

В августе 1979 году после гастрелей Большого театра в Нью-Йорке Годунов попросил в Америке политического убежища. Самолёт, в котором труппа театра должна была возвращаться в Москву, задержали в аэропорту на два дня. Два дня демонстранты осаждали аэропорт, поддерживая требования американских властей дать возможность жене Годунова Людмиле Власовой, танцовщице театра, выйти из самолёта. В конфликт были вовлечены лидеры Америки и СССР: Джимми Картер и Леонид Брежнев. Представители американской власти вошли в самолёт и предлагали Власовой вывести ее и привезти к мужу (этот эпизод рассказываю по словам очевидцев). Власова отказалась. Самолёт улетел. Я не знаю, почему она не хотела или не смогла остаться вместе с Годуновым.

Барышников, соученик Годунова по Рижскому училищу, а в то время не только премьер, но и директор АБТ, принял Годунова в труппу (при согласии Совета директоров, то есть финансовых спонсоров театра).

Ситуация для Годунова с самого начала складывалась не совсем благополучно. Театр дал ему очень высокую зарплату (пользуясь русской терминологией), как сообщили газеты – 150 тысяч долларов в год. Годунов с самого начала становился одним из самых высокооплачиваемых премьеров. В ответ на это кордебалет АБТ объявил забастовку. На улицу с плакатами вышли не только танцовщики кордебалета, но и солисты, в том числе прима-балерина Гелси Киркланд. Содержание плакатов было следующим: «мы очень рады, что Годунов будет танцевать в нашем театре, но если его приняли на такие большие деньги, мы требуем, чтобы прежде всего повысили зарплату нам, танцовщикам труппы». Годунов благородно предложил расторгнуть контракт, но директора театра его отговорили...

Театр прекратил работать, гастроли в Нью-Йорке не состоялись. В это время Годунов получил приглашение из Германии выступить в каком-то из театров в «Жизели». Танцовщик согласился и полетел на выступления. Это вызвало негативную реакцию в балетных кругах Америки: поступок Годунова едва не привёл к осложнению международных отношений между Америкой и Россией. Считалось, что артист должен был сначала танцевать в Америке. Так сложились обстоятельства, что в результате забастовки Годунов свой первый спектакль с труппой АБТ станцевал через 6 месяцев в Чикаго. К этому времени скандал уже утих, выход Годунова на американскую сцену уже не вызвал такого повышенного интереса, как это было бы сразу после того, как он попросил убежища в Америке. Я не видела спектакль в Чикаго, но слышала, что ожидаемого успеха танцовщик в Чикаго не имел, в газетах появились разочарованные отклики.

Когда начались гастроли труппы АБТ в Нью-Йорке, Годунов дебютировал в роли Зигфрида в «Лебедином озере». Зал был забит до отказа. Но не все пришли в театр из любви к балету: высокие молодые люди, одетые в одинаковые элегантные костюмы, прохаживались вдоль стен партера, изнывая от скуки. История Зигфрида, как и история Годунова, думаю, не слишком их интересовала, они в основном смотрели в зал на зрителей. Это была охрана Жаклин Кеннеди, которая пришла на спектакль: она была большой поклонницей танцовщика.

Через два года срок договора артиста с театром закончился и не был продлён.

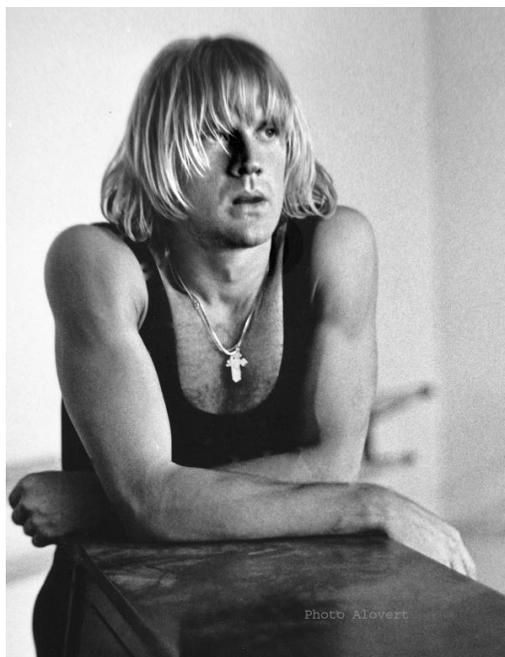
Годунов собрал группу танцовщиков и с концертной программой «Годунов и друзья» с большим или меньшим успехом гастролитировал по Америке.

Затем он уехал в Калифорнию, ещё несколько раз съездил на гастроли в Европу, где танцевал те же «Жизель» и «Баядерку», и из балета ушёл.

Что произошло за эти два года?

Все танцовщики из России и Украины, оставшиеся на Западе, начинали работать с удвоенной силой, осваивая новую систему жизни театров. Все завоевали свое место в балетном мире Западе. Не всем всё удавалось сразу. Например, Наталья Макарова, попросив политического убежища в Лондоне, рассчитывала танцевать в Лондонском Королевском балете. А её не приняли, потому что балерины английской труппы заявили, что в таком случае они все

уйдут из театра. Макарову пригласили в АБТ, и в американском театре она начала свою новую жизнь.

Александр Годунов. Фото Нины Аловерт

Макарова осталась в Лондоне, будучи совсем не в идеальной профессиональной форме. А когда через несколько лет я увидела ее на Западе, это была технически совершенная, актёрски неповторимая балерина ассюлюта. Все «беженцы» из СССР столкнулись с одинаковыми трудностями, с другой довольно жёсткой системой работы театров, с суровым расписанием и ритмом. Все начали активно работать, осваивая эту новую жизнь. И только Годунов растерялся. Он явно не обладал достаточно сильным характером, пил, как и в Большом театре, опаздывал на репетиции, как говорили мне очевидцы. А уж как он матерился на репетициях, я свидетель...

Ему не повезло: от него ждали «следующего Барышникова», а он ожиданий не оправдал. Годунов, выступал в АБТ в том же репертуаре, но никогда не танцевал на уровне своего бывшего одноклассника.

Репертуар АБТ был для него не самым интересным. Оставшись на Западе, чтобы танцевать балеты разных хореографов, как он говорил во всех интервью, танцовщик начал выступать главным образом в тех же спектаклях, которые он танцевал в Большом театре: в «Лебедином озере», в «Жизели», в «Дон Кихоте» (при чем, к разочарованию публики, не танцевал блестящую вариацию в кабачке, которую сочинил Барышников). Критики была в целом благожелательная, но единодушно его хвалили за исполнение «Темы с вариациями» Баланчина. Во втором сезоне Годунов станцевал Хозе в балете Ролана Пети «Кармен», в другой хореографии (в Москве - в постановке

Альберто Алонсо), но опять Хозе. И все таки это была его роль, но её исполнением он не поразил.

Повторяю, в отличии от всех предшественников-«невозвращенцев» Годунов растерялся, жизнь складывалась не так, как он ожидал, и он опустил руки. Главное – не создал за два года ничего выдающегося в творческом плане. И в то же время Годунов несомненно обладал уникальной творческой индивидуальностью, которую он сам не понимал. И в этом была его трагедия. Красавец, норвежский викинг, он рождён был танцевать при этом не роли принцев, а роли с острым характером, где его внешность, его шарм в сочетании с противоречивым образом героя давали бы творческий взрыв.

В этом была одна из уникальных сторон его таланта. Это понимал Григорович, давая ему роль Тибальда, а не Ромео. Но, повторяю, Годунов своей индивидуальности не понимал и самостоятельно работать над ролью, по-видимому, не умел. А в новой жизни не было ни привычной работы с репетитором над образом, ни Милы, которая, держала бы его в руках. Первые русские, окружавшие его по приезду, оказались плохими советчиками. Леонид Лубяницкий, известный фотограф и мой друг, рассказывал мне с возмущением, как к нему в гости пришёл один из общих знакомых (из русского окружения Барышникова) и сказал приблизительно следующее: «Зачем ты снимаешь Барышникова? С ним всё кончено. Теперь самым главным будет Годунов».

Думаю, они внушали это и Годунову....

Через два года театр не продлил с Годуновым договор. Напрасно думать, что всем распоряжался один Барышников. На Западе Совет директоров играет не меньшую роль в жизни театра, чем директор труппы. Главная претензия спонсоров, дающих деньги танцовщику, заключалась, как я слышала, в том, что получая в год такие большие деньги, он не собирал зал. Конечно, зрители любили Годунова, у него было много поклонников, но их не хватало, чтобы заполнить партер и ярусы Метрополитен-Оперы...кроме того, Годунов отказался танцевать балеты хореографов-модернистов, которые Барышников включил в репертуар следующего года.

Поклонники танцовщика принялись искать виноватого... В том факте, что Годунов вынужден был уйти из АБТ, увидели причину его не сложившейся карьеры на Западе.

А вот тут я стою на совершенно другой позиции. Я не считаю, что уход из АБТ должен был обернуться такой трагедией для артиста. Разве на АБТ «сошёлся клином белый свет»? Разве Годунов попросил политического убежища в Америке, чтобы танцевать именно в этом театре и нигде больше? Это был старт, которым он, к сожалению, не воспользовался. В дальнейшем опытный импресарио устроил бы артисту контракт с другим театром, он сохранил бы за собой возможность стать приглашённым премьером в тех театрах Европы, где нашёл бы более интересный для себя современный репертуар в дополнении к классическим балетам (как делали Макарова, Барышников, а позднее Малахов и Вишнёва). Вместо этого Годунов начал выступать с концертами, которые, конечно, не обеспечивали творческого роста, не доставляли творческой радости и не прибавляли известности его имени. Словом, он сам себя загнал в тупик. А затем и вообще бросил балетный театр.

В конце концов Годунов переехал в Калифорнию, где несколько лет у него был роман с известной американской актрисой кино Жаклин Биссет, он удачно снялся в нескольких фильмах...И всё. Почему он разошёлся с Биссет, почему не продолжал сниматься в кино, почему при нем последнее время находилась медсестра, я знаю только из чужих рассказов.

После смерти прах его был развеян над Атлантическим океаном, а на кенотафе написано: «His future remained in the past» (Его будущее осталось в прошлом).

Иосиф Бродский считал, что Годунов умер от одиночества. Я не знаю, о каком одиночестве могла идти речь. Я думаю, что он умер от неумения выстоять в сложной ситуации и от понимания, что сам разрушил свою судьбу.

Раиса Сильвер

США

Мой друг Борникаич и другие, которых невозможно забыть

Вообще-то звали его Борис Николаевич. Хорошее русское имя. И фамилия у него была хорошая, звучная – Симолин. А Борникаичем его называл четырехлетний Вова, сын моих друзей, Люды и Феликса. И многие из нас за глаза порой тоже его так называли. И при этом улыбались как - то по-особому, по-доброму, и сразу становилось понятно – речь идет о хорошем человеке.

Я познакомилась с ним в доме у Люды и Феликса Розинеров. Моя семья (я, муж, свекор и маленькая дочка) только что переехали в новую квартиру, двухкомнатную хрущевку-распашонку, самую первую отдельную квартиру в нашей жизни - после обычных привычных коммуналок для нас это было «что-то особенное».

Квартиру мы получили в поселке ЗИЛ (завод им. Лихачева), который вырос на месте деревни Зюзино на дальней окраине Москвы (возможно, теперь это почти что центр) и теперь обживались потихоньку.

Я была так рада, что встретила Люду с Феликсом, моих ровесников, людей разносторонне образованных, интеллигентных, приятных в общении.

В поселке нашем в основном проживали (или заселялись во вновь построенные, блочные в основном пятиэтажные и более высокие здания) рабочие и служащие завода имени Лихачева. В основном это были или

лимитчики, или большие многодетные семьи, которые давно надо было расселять из общежитий и ветхих барачков. Публика, надо сказать, была весьма специфическая.

Людей с интеллигентным выражением лица днем с огнем невозможно было увидеть. А увидишь – не забудешь.

Не забудешь еще потому, что в большинстве случаев, поглядев на окружающую публику, сразу можно было понять – пьющий это человек или «более или менее». Так на нашей лестничной клетке из четырех семей две были «более или менее», а в двух – пили и еще как. Двое из моих соседей, молодые, не старше 35 лет мужчины, допились до белой горячки и умерли.

Первый раз я увидела Феликса на занятиях в литературном объединении при московской газете «Знамя строителя». Мы успели перекинуться парой фраз, я была там человеком новым, никого почти не знала.

А через несколько дней я увидела его в наших краях в магазине в очереди за мясом.

- Ты как сюда попал?- удивилась я.

- Вероятно, так же, как и ты. Мы недавно тут квартиру получили. Ну что, это обстоятельство надо отметить. Приходите вечером на чай.

С тех пор я часто бывала у Феликса и Люды. Мы подружились. Более того, Люда оказала мне громадную услугу. Я тогда усиленно искала работу.

По Людиной рекомендации меня приняли в проектный институт Гипротис, где она сама много лет трудилась. Я проработала в Гипротисе (его вскоре переименовали в ЦНИИПИАС) долгих 11 лет, почти до самой эмиграции в Америку.

Квартира Люды и Феликса был настоящим оазисом в зюзинской пустыне. Метро в те далекие шестидесятые в поселок ЗИЛ еще не было проведено, добираться автобусом или разными трамваями до нас надо было минут сорок, а порой и больше, на весь поселок была пара телефонов- автоматов,

словом, глушь столичная. И тем не менее, в эту так называемую глушь в гости к Розинерам приезжали их друзья - музыканты, поэты, художники.

Когда я в первый раз пришла к моим новым друзьям, в их маленькой двухкомнатной квартирке собралось человек десять. Все молодые, от двадцати до тридцати примерно лет. Одна из девушек настраивала виолончель, молодой человек что -то наигрывал на стареньком пианино. (Во всем поселке пианино было у Люды, у нас и еще в одной семье). На столе стояло скромное угощение – винегрет, картошка, хлеб, какие-то консервы, плавленые сырки.

-Ребята, - сказала Люда, - подождем еще пару минут, не хочется начинать без Бориса Николаевича - и в ту же минуту я услышала чей-то веселый голос:

- А он уже тут! Обожаю запивать баклажанную икру красным вином! Да еще когда есть хлебушек мой любимый, бородинский.

В комнату вошел мужчина лет шестидесяти, в белой накрахмаленной рубашке (почему-то это обстоятельство врезалось мне тогда в память). У него были озорные серые глаза, загорелое приятное лицо, открытая улыбка, седые, аккуратно зачесанные назад волосы. Он поставил на стол бутылку вина, банку баклажанной икры, поглядел на собравшихся.

- Люблю смотреть на одухотворенные лица! Привет, ребята, соскучился я без вас!

«Ребята» при виде его радостно заулыбалась, те, кто сидел рядом, торопились пожать ему руку. Помню, у меня тогда было ощущение, что с его приходом даже воздух в квартире как-то изменился. Повеяло свежестью, как после грозы...

Казалось бы, что такого? Ну, собралась интеллигентная компания. Девочки, студентки консерватории, играли на виолончели, потом мы все вместе со смехом и шутками решали какие-то смешные шарады (никогда дома с гостями я бы не играла в шарады, а тут так весело все получалось, так занятно...), потом обсуждали совместную поездку по Золотому Кольцу (Суздаль, Ярославль и так далее). Группу должен был вести Борис Николаевич. Я в тот раз поехать не смогла, дочка заболела, но столько интересного услышала потом от Люды об этой поездке. А потом выступал молодой долговязый Саша Иванов, поэт-сатирик, он тогда не успел еще прославиться. Он читал отличные пародии, все хохотали, Саша смущался. Помню, Феликс рассказывал о своей работе над очерком про дирижера Юлия Фаера. Очерк вылился в книгу. Феликс, очень одаренный человек, писал и уже опубликовал очерки и книги о музыке и музыкантах, у него к тому времени была «почти готова» книга о художнике Чурленисе. Феликс работал инженером в Институте Акустики, сам изготовил скрипку, на которой он играл в оркестре Московского Дома ученых. Он еще и в Московской Консерватории учился по классу скрипки. Ну просто невероятно, как один человек мог все это совмещать.

«Жалко, что ты не пришел, - сказала я мужу. (У него была сверхурочная работа, и он не мог от нее отказаться). - Мы очень здорово посидели, я давно так хорошо не проводила время».

Мы действительно на удивление хорошо проводили время. Следующая встреча в доме Феликса была посвящена поэзии. Я услышала столько прекрасных стихов! Стихи читали две поэтессы - одна Лариса Миллер, она тогда только начинала публиковаться, но знатоки поэзии уже отличали ее голос от всех прочих голосов и жадно листали каждый новый номер «Юности» - ну что, есть что-то Ларисино? Вторая Зиночка Палванова, которая всегда радовала новыми талантливыми стихами. Помню, что у меня было от ее стихов ощущение как от весеннего теплого дождя - свежесть, легкость, бодрость, жить хочется!

А потом последнее свое стихотворение прочитал хозяин дома.

И сейчас, сквозь бури и радости, потери и находки, годы и невзгоды нашей жизни доносится до меня глуховатый голос Феликса, я слышу, как он читает свое недавно написанное стихотворение, в котором вроде бы ничего особенного нет, но на самом деле оно наполнено такой скрытой болью. Оно обо мне, о моих подругах, о нас. Посвящено женщине, которая носит по кухне, она занята своими домашними делами: замочено белье, варится на плите кисель, приготовлена к разделке курица, а ей даже присесть, отдохнуть, бедняге, некогда. Но внезапно она останавливается и спрашивает мужа (он, как полагается, лежит с газетой на диване. А может это я додумала, просто мне он в таком виде представлялся. Ведь столько лет прошло с тех пор с ума сойти можно... но ведь не сошла же!) «А помнишь, милый, карусель в Центральном парке?»

Ей так хочется куда-то от своей утомительной обыденности - туда, в веселое прошлое, к карусели, к музыке, к беззаботным дням. Я прямо-таки ощущала себя той женщиной.

Это было так правдиво, так по-настоящему трогало за сердце.

Тогда я не знала, что Феликс пишет свой знаменитый роман «Некто Финкельмайер» и что многие черты главного героя он «возьмет» у Бориса Николаевича.

А через неделю мне на работу позвонил Борис Николаевич и сказал, что будет по делам в наших местах и, если мы не против, то заскочит. И что принесет на пробу один продукт питания «исключительно высоких вкусовых качеств».

«Продукт» оказался консервами, мясом кита с зеленым горошком в желе. И казался он нам весьма вкусным, тем более, что подавался вместе с помидорами и молодой картошкой и запивался опять же вполне приличным вином. В то суровое время даже в Москве не всегда можно было достать хорошее мясо, курицу и т.п.

И говорили мы не о еде. Борис Николаевич, помню, очень умело перевел разговор на мое простенькое в алых маках ситцевое платье – я его тогда только что купила, надела к приезду гостя и даже ярлычок впопыхах забыла снять. Он хвалил и фасон, и рисунок, и то, как хорошо оно на мне сидит.

«Поверьте мне, я ведь в одежде неплохо разбираюсь (он преподавал историю костюма в ГИТИСЕ – институте театрального искусства), вы сделали замечательную покупку!» - А у меня, честно говоря, на что-то более дорогое просто денег не было. Мы недавно переехали, и все наши скромные сбережения ушли на переезд и покупку мебели. Не помню уж, как это

получилось, но через полчаса после прихода нашего гостя я с увлечением танцевала босиком на нашем круглом обеденном столе цыганский танец – устроила, «по просьбе собравшихся», показ моделей одежды. Я была молодой, задорной, насмешливой, очень любила танцевать, но чтобы вот так, на столе...Борис Николаевич мог не только меня, любого человека в два счета уговорить на что – то экстраординарное.

Они с моим мужем дружно хлопали в ладоши и хохотали, а в раскрытую дверь из соседней комнаты на нас с недоумением смотрел мой свекор, интеллигентный человек, к сожалению, как мне тогда казалось, лишенный чувства юмора. Наверно, я все-таки была неправа, просто каждый из нас юмор понимал по-своему.

В тот день у нас в гостях была Зиночка Палванова. Она училась в Плехановском институте на экономическом, была талантливой поэтессой, ее стихи начали появляться в известных журналах и молодежных газетах. Отец ее погиб на фронте, мать после реабилитации жила где-то в сибирской глухомани. Я познакомилась с Зиночкой у Люды с Феликсом, с тех пор она довольно часто приезжала к нам. Я была ее старше лет на семь, но это не мешало нашей дружбе. У нас было много общих интересов, нам никогда не было скучно. Я знала, как непросто ей живется на скудную стипендию и, как могла, старалась помочь этой прелестной девочке, лишенной семейного тепла.

Она никогда не жаловалась, всегда шутила и, о чем бы ни рассказывала, каким- то образом это смягчалось доброй улыбкой, сиянием очаровательных черных глаз. Я была так рада нашей с ней дружбе.

Как-то вечером заехал Борис Николаевич, привез замечательные снимки из поездки по Прибалтике. Мы ждали Зиночку, но она так и не пришла. Я видела, что Борис Николаевич был расстроен.

-Что-то случилось? - спросила я его.

Он внимательно посмотрел на меня, помолчал, а потом ответил;

- Случилось. Случилось! Влюбился как мальчишка. И ничего не могу поделать.

Она этого не замечает. Я вижу, что ей до меня никакого дела нет. Наверно, у нее кто-то есть.

Он сказал еще пару фраз и умолк. А потом попрощался и быстро ушел.

Я поняла, что речь шла о Зиночке. Я ему вида не показала, но была в полном шоке. Он потрясающий человек, но он же ее лет на 40 старше. Больше мы с ним на эту тему не говорили, Зиночке я тогда ничего не сказала. Это ведь не моя тайна. Кому надо, тот пусть и говорит. Сказала я ей о нашем с Борникаичем разговоре совсем недавно, несколько лет назад. Смешно как написать, так и выговорить... пятьдесят лет спустя... Она была несказанно удивлена.

-Боже мой, я об этом понятия не имела! Мы просто были хорошие друзья, он прекрасно разбирался в поэзии, я ему всегда мои новые стихи показывала.

Ты меня потрясла. Я теперь ночь спать не буду. Да, это далекое прошлое, но все равно... Он был удивительным, необыкновенным человеком. Напиши мне о нем немного, то, что помнишь.

В то лето Борис Николаевич часто нас навещал.

Как- то мы с ним и Зиночкой пошли погулять по нашему поселку.

-Не очень веселые места, правда? - сказала я, показывая на стандартные пятиэтажные дома, то вразброс поднимающиеся вверх по улице, то стоящие ровно как по струнке.

- Да вы что, -отозвался мой собеседник. – Посмотрите повнимательнее! Во-первых, тут холмистая местность, во – вторых, масса зелени (это правда, вдоль улиц уже шелестели свежей листвой молоденькие тополя). А эти многоэтажки. Они ведь не просто так стоят - то высокие, то низкие.

Чувствуете ритм? Смотрите – небо синее, легкие облака, дома из белого камня то вверх поднимаются, то вниз шагают. Смотрите, улица кончается, дальше поля, а в низине очаровательная старинная церквушка. Это ведь музыка, музыка в камне. Слышите?» И мы внезапно услышали эту музыку и увидели то, что почему-то не видели раньше. Он учил нас видеть красоту в самом обыденном, привычном - и это было замечательно.

Однажды за чашкой чая он разоткровенничался и рассказал, что в самом начале войны он добровольцем ушел на фронт. Он долго лежал в госпитале, куда попал после тяжелого ранения. У него были искалечены ноги и желудок.

«Мне бы не выжить, если бы меня долгие месяцы не выхаживала санитарка, прекрасная самоотверженная женщина. Она практически дневала и ночевала в госпитале , была одиноким человеком, жила в общежитии».

Он считал, что он обязан санитарке жизнью - и отдал ей свою комнату, сам поселился у друзей, а потом, когда устроился на работу, стал снимать себе жилье. Такой это был человек.

Я никогда не чувствовала разницу в возрасте, хотя он был вдвое меня старше. Он всегда проявлял такой интерес к тому, что я ему рассказывала, и никогда не был равнодушным слушателем.

Как-то мы с мужем навестили его. Он жил в переулке в центре Москвы, снимал длинную, как пенал, комнату на первом этаже коммунальной квартиры.

Дверь нам открыла старушка со сковородкой в руках.

-Вы к Борису Николаевичу?- Это во-оон туда - и она показала рукой со сковородкой куда-то в самый конец коридора.

Навстречу нам по коридору ехал на трехколесном велосипеде толстый малыш. Завидев нас, он остановился :

-Вы к дяде Боле? Поезжайте за мной!

Он доехал до конца коридора и постучал в дверь пухлым кулачком:

- Дядя Боля, к вам гости.

Борис Николаевич открыл дверь, погладил мальчика по голове и пригласил нас войти.

-Рад вас видеть. У меня много работы было, никак не мог в ваши края выбраться.

Мы действительно пару раз встречались всей компанией у Розинеров, но Бориса Николаевича оба раза не было.

- Вот так я живу, - грустно улыбнулся он. - А книги у меня там, в старой квартире остались. Ну куда я их здесь поставлю?- Я поняла, что он говорит о комнате, которую подарил санитарке.

Неожиданно кто-то постучал с улицы в раму распахнутого окна, а потом в нем показалась кудрявая головка – она принадлежала очаровательной молодой девушке. Девушка ловко влезла в окно, схватила руками за подоконник и спрыгнула на пол. Она приветственно помахала нам рукой, потом, отодвинув табуретку с книгами которая стояла у нее на пути, подошла к Борису Николаевичу:

-Боря, очень нужно пятнадцать рублей, ну просто очень. Выручи! Я обязательно отдам. Обещаю... как только смогу.

-Я бы выручил, но у меня практически ничего сейчас нет. Вчера получка была, пришлось помочь...а, неважно, надо было выручить человека. Извини, дорогая...

-Жаль, я думала...Ладно, побегу еще в одно место. Через минуту девушка исчезла в открытом окне. Борис Николаевич посмотрел ей вслед, покачал головой.

-Хорошая девчонка. Очень талантливая художница. Одна беда. Боюсь, никогда не вырастет. Очень разбрасывается. Ладно. Давайте чаем вас напою.

Мне вчера такой пирог принесли!

В открытое окно доносились крики играющих во дворе мальчишек, гудки машин с Садового Кольца – город жил своей жизнью.

-Это вам не тихое Зюзино, покой нам только снится, - засмеялся Борис Николаевич расставляя чашки на столе -Хотите, Чурлениса вам покажу, только что получил книгу из Литвы.

-Очень хочу, - сказала я. - Только сначала вас о чем- то попрошу. В институте, где я работаю, выбрали нового председателя месткома. И этот новый председатель спрашивает, нет ли у меня знакомого искусствоведа, который может прочитать пару лекций...ну, скажем, о Рембрандте, Гойе или об импрессионистах. Деньги у них остались неизрасходованные на культпросвет...народ просвещать надо.

Я была бы счастлива, если бы вы смогли это сделать. Вы ведь так интересно рассказываете о живописи. Придет много народа, я знаю.

-Хорошо, я найду время. Как я могу отказать вашему замечательному председателю месткома в такой просьбе?-

Мы в тот вечер долго чаевничали, и он, по моей просьбе, рассказывал о поэтах «Серебряного века», читал стихи Пастернака, которого очень любил.

Через две недели он читал у нас в институте лекцию - одну из трех заранее оговоренных.

Народу пришло человек 30. Его долго потом не отпускали, он отвечал на вопросы, показывал красочные репродукции, слайды. Он не просто читал лекцию - он жил в том времени, он делал нас соучастниками событий, изображенных на холсте. В мемуарах Вениамина Смехова, который, в студенческие годы слушал лекции Бориса Николаевича, я прочла, что каждая лекция была произведением искусства и то, что он рассказывал в тот далекий день мне и моим сослуживцам, было прямым тому подтверждением.

Я, пожалуй, не встречала в жизни людей, которые могли так образно, так неподражаемо передавать своим слушателям аромат эпохи, уводить вглубь истории, оживлять героев, изображенных на картине или воплощенных в скульптуре.

Потом он пропал. Он должен был прочитать нам еще две лекции.

Мы его так ждали. Но он все не появлялся и не звонил. А потом Люда сказала мне, что Борис Николаевич неожиданно умер. Все это выглядело немножко странно, но ведь он был немолодым человеком, прошел фронт, чудом выжил после тяжелого ранения. Много позже я узнала (прочитала в воспоминаниях людей, близко знавших Бориса Николаевича: Василия Ланового, Олега Басилашвили, Вениамина Смехова), что он кончил жизнь самоубийством. Мне тогда показалось, что Люда, которая совершенно не умела врать, довольно странно вела себя, когда мне о его кончине рассказывала. Краснела, путалась в деталях. Тогда я отнесла это за счет того, что она была очень расстроена. Разумеется, была! Ведь Борис Николаевич был близким другом их семьи, он был практически духовным наставником Феликса. К чему ей было скрывать, не знаю. Я никогда ее об этом не спрашивала. Но ведь Бориса Николаевича, знала «вся Москва». Он читал лекции по истории изобразительного искусства многим поколениям студентов различных московских вузов и по образному выражению В. Смехова влюбил в себя театральную Россию, его имя было для его учеников и слушателей как бы паролем.

Таких людей, как Борис Николаевич, забыть невозможно. Уж очень он был неординарной личностью, оставив глубокий след в жизни тех, с кем так или иначе соприкасался.

Прошло много лет. Кому из нас, собиравшихся в те далекие годы на московской окраине в гостеприимном доме Феликса и Люды, могло хоть отдаленно прийти в голову, какое будущее нас ожидает, какие невероятные изменения оно с собой несет?

Феликс и Люда расстались. Оба уехали в Израиль. Люда вышла замуж за хорошего человека, работала инженером, многосторонне одаренный человек, она счастливо прожила вторую часть своей жизни в стране, которую любила всем сердцем.

Книга Феликса Розинера «Некто Финкельмайер» признана одной из самых выдающихся книг нашего времени, ей присуждена премия Даля, одна из наиболее престижных литературных премий. К сожалению, книга мало известна читающей публике. Ее почти невозможно достать (А в переводе на английский можно!) Она считается сейчас библиографической редкостью, о

чем я очень сожалею. Нельзя такой книге быть редкостью. За такими книгами в библиотеке должна стоять очередь.

Феликс уехал из России в конце 90-х. Сначала семь лет жил и очень активно трудился в Израиле, потом в Америке, в Бостоне. Состоялся там как писатель. К сожалению, до русского массового читателя в России книги, написанные им после его отъезда, не дошли, но серьезные критики, такие как Ю.Окунев, считают его выдающимся русским писателем. Он рано умер – в 1997 году, оставив о себе прекрасную память у самых разных людей. Он был, конечно, выдающимся человеком, не исчерпавшим, к сожалению, свои возможности до конца.

Лариса Миллер, как мне известно, считается одним из самых известных и талантливых российских поэтов. Я не слежу за ее творчеством, да и что можно сейчас сказать о тех, кто остался в России?

Зинаида Палванова не изменила своему призванию. Она очень давно живет в Израиле. Журналист, поэт, у нее прекрасные стихи, которые находят живой отклик у русскоязычных читателей в самых разных странах. Зинаида талантливая книгоиздатель и отличный редактор.

А воспоминания эти я написала по ее просьбе. Хотела уместиться на одной-двух страницах. Но начав, никак не могла остановиться. А может, и не надо было останавливаться?

Юлий Зыслин

США

Драматичная встреча актрисы Жанны Владимировой с Анастасией Цветаевой

Так случилось, что в 1991 г. в Коктебеле я узнал о Цветаевском братстве и о Цветаевских кострах. Вскоре побывал в Елабуге, Болшеве, Тарусе, Александрове, познакомился и подружился с младшей внучкой Анастасии Цветаевой и с их друзьями. Постепенно узнал много нового о творчестве и судьбе младшей сестры Марины Цветаевой, проникся этим, провёл в 1993-2024 годах десятки встреч её памяти – в Москве, Ленинграде, Иерусалиме, Вашингтоне, Нью-Йорке. Сейчас работаю над книгой «Анастасия Цветаева, её

потомки и друзья». Вниманию читателя предлагается фрагмент этой книги, слегка подправленный для публикации в журнале.

Актриса театра и кино, бывшая харьковчанка, Жанна Владимировская (1939-2017) отважилась в 1978 г. почитать Анастасии Ивановне Цветаевой стихи её сестры Марины Цветаевой. Анастасия Ивановна не переносила актёрского чтения стихов сестры и могла резко высказаться по этому поводу. В юности она в унисон с сестрой читала её стихи. Об этом вспоминал писатель Борис Зайцев: в книге «Далёкое»: «Две барышни, худенькие и миловидные, в одинаковых платьицах, читают с эстрады стихи — вдвоем, в унисон. Одна Марина, другая Ася, дочери профессора Цветаева (основателя Музея Александра III в Москве). Стишки острые, колкие, барышни читают, щебечут, остроугольно, слегка поламываясь. Не только напев в унисон, но и улыбки, подергивания нервных лиц. Никакого спокойствия, основательности. Но к тогдашнему это подходило, даровитость же чувствовалась».

Анастасия Ивановна до глубокой старости помнила наизусть многие стихи Марины. И даже в свои 98 лет читала их на Международном женском конгрессе в Голландии.

Встреча Владимировской с Анастасией Цветаевой произошла в московской квартире брата переводчицы Евгении Куниной, музыковеда Иосифа Кунина, где Евгения Филипповна поселилась после смерти мужа. Анастасия Ивановна здесь жила в 1962 г. после реабилитации и возвращения в Москву (она трижды была арестована и пережила не только ГУЛАГ, но и сибирское поселение). С Евгенией Филипповной они дружили и общались многие годы:

1980 г. Коктебель. Анастасия Цветаева и Евгения Кунина. Фото Евг. Наливайко

О Жанне Владимировской мне однажды рассказала в русском книжном магазине Камкина, что в городе Роквилле Большого Вашингтона, - Наташа Никитина, большой знаток русской литературы. Она же прочла в 2002 г. небольшой отрывок из воспоминаний профессора В.Г. Сыркина (псевдоним Вигс) на «Седьмом Вашингтонском Цветаевском костре», который проходил в ходе «Первого Всемирного Цветаевского костра». Эти воспоминания были опубликованы в 1980 г.

Приведу эти воспоминания более подробно, тем более, что это связано со знакомым мне ещё со школьных лет поэтом Германом Плисецким.* Да и район Красных ворот, где была квартира Куниных,- это тоже школьные детство и юность.

С Жанной Аркадьевной мы изредка общались по телефону. В 2006 году она с мужем и Наташей Никитиной побывала в моём музее русской поэзии и музыки, когда ко мне в гости приезжала младшая внучка Анастасии Цветаевой Ольга Андреевна Трухачёва (к старшей внучке Маргарите я ездил в 2002 г. в Сан-Франциско).

Итак, Сыркин-Вигс вспоминал:

«...Как-то зимой в конце 1978 года мне позвонил мой друг Плиса - поэт Герман Борисович Плисецкий:

- Вигс! Я хочу пригласить тебя в гости к Анастасии Ивановне Цветаевой - послушать стихи Марины. Их будет читать моя давнишняя приятельница Жанна Владимирская...

О Жанне Аркадьевне Владимирской я часто слышал от Плисы. Но ни разу с ней не «пересекался» - так уж получалось. Я знал, что она в свое время успешно играла главные роли в Драматическом театре имени Станиславского. Ее Медея, Маленький Принц и другие работы были хорошо знакомы московским театралам. В 1971 году она вместе с Инной Гулая и со Станиславом Любшиным очень удачно снялась в фильме «Пристань на том берегу». Играла она и с Татьяной Дорониной в другом кинофильме - «Еще раз про любовь». Не так давно она вместе со своим мужем, Алексеем Ковалевым перешла работать в Литературно-драматический театр ВТО. Среди сделанных ими здесь работ особенно сильными были «Письма к Незнакомке» - спектакль-дуэт по произведениям Моруа и Моравиа и отличный спектакль «Там вдаль» - по повести Шукшина с песнями Высоцкого в исполнении Жанны. И вот теперь она подготовила большую программу стихотворений Марины Цветаевой. Она назвала ее «Есть час души...». Вечер обещал быть очень интересным.

2006 г. Слева Ольга Трухачёва. В центре академик Леонид Рудаков (был знаком с Анастасией Цветаевой). Справа Жанна Владимирская. Фото. Юлия Зыслина

- Хорошо! - сказал я Плисе. - Ты не возражаешь, если я приглашу вместе с нами Гришу и Таню Ланге? Это удобно?

- О чем речь, очень удобно! Там ожидается паломничество театральной молодежи!).

Мы подъехали к метро «Лермонтовская» (так тогда называлась станция «Красные Ворота»).

Элегантный Плиса со своей Галей и Алеша Ковалев с сияющей Жанной Владимировой не заставили себя долго ждать.

И (мы) двинулись к старинному московскому дому, открыли дверь подъезда и по широким ступеням поднялись на третий этаж.

Вот огромные лестничные пролеты позади. Старинная резная дверь квартиры открыта. И мы входим в квартиру, где живут славные интеллигентные старики - Анастасия Ивановна Цветаева, брат с сестрой Кунины и Роза Марковна Гевенман. Полутемные широкие коридоры. Вешалки, залепленные пальто и тужурками. Полки с грудями кепок и шляп. В одну из комнат дверь открыта настежь - это комната Розы Марковны. Войти в нее невозможно, она полна народу. В основном это совсем зеленая молодежь, учащиеся художественных, театральных и музыкальных училищ и институтов. Но есть три-четыре пары лиц пожилого возраста.

Мы еле протискались к большому круглому столу в конце узкой комнаты. Выложили наш «провиант». И тут, с левой стороны, увидели еще одну дверь, двустворчатую. Она вела в довольно большую гостиную, также целиком заполненную народом.

<В большой гостиной> на стуле рядом с тахтой сидела Анастасия Ивановна Цветаева. Было заметно, что рядом с ней было значительно свободнее: молодежь, по-видимому, стеснялась ее, располагалась поодаль.

Анастасия Ивановна выглядела очень строго и скромно. Одета она была во все серое: вязаная кофта и юбка. Лицо неподвижно. Губы плотно сжаты. Ни жеста, ни улыбки. Полное молчание и ожидание.

На коленях она держала стопку исписанных и чистых листов бумаги. Удивительная тишина стояла в гостиной и в соседней маленькой комнате. Человек 45-50 стояли и сидели (кому повезло!) почти не двигаясь, в ожидании начала вечера поэзии Марины Цветаевой.

И вот в комнату вошла Жанна Владимировская. Она успела переодеться и теперь была в темно-синем платье и модельных туфлях. Жанна не спеша прошла через весь зал и подошла к окнам. Потом она повернулась лицом к присутствующим. Глаза её, вначале закрытые, приоткрылись. Лицо было бледным. Было заметно, что она сильно волнуется. Она ничего не говорила - словно ждала приглашения начать чтение стихов.

Но тут произошло непредвиденное. Анастасия Ивановна безо всякого вступления или чьей-либо просьбы начала говорить. Говорила она четко и важно. Я бы сказал - значительно, делая паузы после каждого предложения. И нисколько не смущаясь, что говорила лишь одна она:

- Сегодня мы услышим стихи моей сестры в исполнении еще одной артистки. Надо сказать, что я вообще не верю, что Марину можно читать со сцены. И не знаю, что получится из сегодняшнего чтения...

При произнесении последних слов Анастасия Ивановна скользнула взглядом по нервному лицу Жанны, которая всё ещё продолжала стоять в оцепенении. А затем монолог продолжился:

- Вы все знаете, что последние годы я продолжаю писать мемуары. Большое, если не основное, место в них занимает Марина. И все то, что связано с ней, или вернее, с её посмертной судьбой.

При этом Анастасия Ивановна лёгким жестом обеих рук приподняла стопку листов над коленями. Этим она как бы давала понять, что и сегодняшний вечер не останется пропущенным в её мемуарах.

- Не так давно одна народная артистка тоже выступила с чтением стихотворений Марины. Должна сказать, что это было жалкое зрелище: жаль было и эту женщину, и стихи Марины Цветаевой.

Анастасия Ивановна помолчала. Глаза её как-то мстительно блеснули:

- Давайте подождем слушать артистку Жанну Владимирскую. Сначала уж я прочту вам мои мемуары о той народной артистке!

Я, да и все присутствующие, при этих словах повернули головы к Жанне. Она всё ещё продолжала стоять, никак не ожидая такого приёма, граничащего с неслыханной бестактностью. От бледности не осталось и следа. Лицо горело. Агатовые глаза пылали. Она была бомбой замедленного действия, готовой взорваться от малейшего прикосновения. Видно было, что она сдерживает себя из последних сил, и что это удаётся ей ценою огромных усилий. Я подал ей стул. Она села, не глядя на него, едва кивнув.

А Анастасия Ивановна отобрала несколько листов из своей стопки и начала читать мемуары. Читала она значительно, веско делая ударения на определениях. Было заметно, что к пресловутой народной артистке она относится, мягко говоря, недоброжелательно. Однако, имя этой артистки Анастасия Ивановна не называла. Но несмотря на это, уже через 10-15 минут чтения всем стало ясно, что речь идет о Татьяне Дорониной. «Да! - подумал я. - Какая вредная старуха! Устроить такой скандальный спектакль перед самым началом выступления молодой актрисы! Да ещё перед таким скоплением людей, пришедших послушать стихи её сестры!»

Между тем Анастасия Ивановна, вдоволь наиздевавшись над бедной Татьяной Дорониной, удовлетворенно сложила стопочку страниц обратно к себе на колени, победно оглянулась вокруг и только после этого наконец-то взглянула на Жанну:

- А теперь я попрошу вас начать чтение стихов Марины!

Тишина из обычной превратилась в мертвую. Все сидели и стояли не шелохнувшись. Ни скрипа стула, ни шороха движенья.

Жанна Владимирская в ледяном спокойствии встала со стула, откинула голову назад и начала читать.

Как читала Жанна! Я уже не говорю о её актерском профессионализме, об умении владеть собой, навязать слушателям свой образ раскованного и вдохновенного исполнителя. Прежде всего, меня поразили изысканный подбор стихотворений Марины Цветаевой. Вечер поэзии был задуман так, что зритель как бы становился участником жизни великой поэтессы. Вместе с ней он переживал взлёты и падения, вместе любил и ревновал. Жил и умирал. Жанна специально не включила в программу слишком известные стихи Цветаевой. Многие ждали строк: «Мой милый, что тебе я сделала?..», но так и не дождались. Вкус у Жанны Владимирской оказался безупречным. И когда она объявила перерыв, все уже были очарованы ее искусством.

Во время первого отделения «старуха» (я про себя иначе уже и не называл Анастасию Ивановну) без конца писала и писала у себя на коленях. Казалось

даже, что она вообще не слушает чтения стихов. Это вначале несколько сковывало Жанну, вернее (это было видн!) как-то мешало. Но потом она совершенно перестала обращать внимание на «старуху».

- Ну и стерва! - было первым, что мы услышали от Жанны, когда она прорвалась к нам через зал. - Хотела послать всё к чертовой матери, обляять её. Но, слава Богу, сдержалась: её спасло то, что она сестра Марины Цветаевой! - и Жанна выпорхнула из гостиной.

В антракте в помещениях началось медленное перемещение людей. Стоял возбужденный гул. Все вполголоса обменивались впечатлениями. И, конечно, никто не собирался уходить: все ждали второго отделения.

В комнатах было много книг 1910-1920 годов. Я воспользовался перерывом и в них порылся. В коридорах слышались споры и даже шум. Тянуло табаком с лестничной клетки. И в какое-то мгновение плотина тишины была прорвана, потоки возбужденных голосов заполнили всю квартиру.

После перерыва Жанна быстро вошла в зал. Чувствовала она теперь себя прекрасно. У неё всё шло так, как она задумала. Она продолжала вдохновенную исповедь женщины-поэта. Боль и страдание с минутами тихой радости и печали заполняли зал. Жанна читала, Анастасия Ивановна все писала и писала. Мы все с удовольствием слушали прекрасные стихи, глядя в мерцающие углями глаза актрисы.

Это была прекрасная программа, исполненная пламенно и современно. Трепетно по отношению к автору стихотворений. И доверчиво по отношению к нам, слушателям. Но во всем этом был и дерзкий вызов сестре Марины Цветаевой, так оскорбительно встретившей Жанну Владимирскую в начале вечера.

Вот Жанна прочла последнее стихотворение вечера. Она поблагодарила всех. И быстро выбежала к нам в соседнюю узкую комнатку:

- Уфф...ф! - и обессилена опустилась на подставленный ей стул. Жанна, я и мои друзья ждали аплодисменты. Они, казалось, висели в воздухе. Было видно, да и чувствовалось, что в горле каждого застряли крики восторга и ликования. И лишь через минуту-другую комната взорвалась овациями.

«Старуха», как манекен, не поблагодарив актрису, ничего не сказав, спокойно собрала свои листки, встала с венского стула и, ни с кем не попрощавшись, сгорбившись, пошла в свою комнату.

Едва за ней закрылась дверь, все бросились благодарить Жанну за этот прекрасный вечер. Она и сама уже поняла, что победила «старуху», глаза её сияли. Жанну Владимирскую окружила молодежь, ей протягивали цветы, что-то горячо и возбужденно говорили.

Особенно выделялась девчушка лет девятнадцати:

- Жанна Аркадьевна! Мне показалось, что вы неверно прочли строки в одном из стихотворений Цветаевой! Надо вот как, а вы читали вот как!

-Да, я так читала! - парировала Жанна. - Но так и у Марины!

Она тут же достала из сумочки томик стихов Цветаевой, быстро нашла нужное место:

- Видите? Я права! У поэтов часто бывают разночтения и варианты.

Я вынул из кармана плоскую фляжку и разлил апельсиновую водку по стопкам. Жанна взяла одну из них и опрокинула, ни с кем не чокнувшись.

Все потихоньку разошлись. В комнатах Розы Марковны остались на правах ее друзей лишь мы - Жанна с Алешей и подругой, Плиса с Галей,.. и я <с моей женой> Рэйчел. Мы все постепенно успокоились. Жанна и Плиса хохотали.

Вдруг открылась дверь и вошла Роза Марковна:

- Жанна! Что же вы не идете к Анастасии Ивановне? Она вас давно ждет. Просит привести!

Жанна сделала выразительную гримасу в нашу сторону: - Идти?

- Иди!

- Иду! - и она вышла за Розой Марковной.

Некоторое время все молчали. Затем где-то в глубине квартиры что-то треснуло.

- Наверное, это Жаннины косточки хрустят! - разрядила обстановку Рэйчел. Все засмеялись. И стали ждать возвращения Жанны от «старухи».

Пришла Жанна только через час. На её плечи была накинута серая кофточка Анастасии Ивановны. Руки были заполнены охапкой прекрасных цветов. В её антрацитовых глазах стояли слёзы:

- Ребята! Она сказала, что никто ещё не читал так Марину Цветаеву! Она сказала, что ловила себя на мысли, что во время чтения я была очень похожа на Марину!

Это был триумф - и триумф полный. Жанна светилась после одержанной победы, доставшейся ей такой ценой.

Я подумал: какое же это счастье для актрисы - признание зрителя, особенно такой въедливой и неприятной «старухи». Но... Тут же я стал ловить себя на мысли, что и «старука-то», вроде, была очень даже ничего. Во всяком случае, у неё явно был свой оригинальный характер. Да и в конце концов - важен результат!

А результат-то говорил не только в пользу Жанны, но и явно в пользу замечательной сестры Марии Ивановны Цветаевой - Анастасии Ивановны».

Продолжаю. На этом можно было бы закончить изложение темы, но через 25 лет сын Плисецкого показал Жанне публикацию Сыркина. Она это прочла, живя в США. В одной из своих интервью (журнал «Чайка» № 5/2003) она вспомнила о той драматической встрече с Анастасией Цветаевой, о своём потрясении тогда:

«...После испытанного мною шока от того, что она отчебучила перед началом вечера, вплоть до заявления о том, что, по ее глубокому убеждению, читать стихи ее сестры артисткам не следует, — услышать, что она зовет к себе и, несмотря на очевидный успех вечера, вероятность еще чего-нибудь в этом роде... А тут вхожу, и она поднимается навстречу и каким-то таким странным, почти неуклюжим жестом протягивает мне цветы, и я понимаю, что — все, сейчас я ее увижу... Потому что, когда она читала свои мемуары, я ее не видела, а только думала о том, как бы не произнести вслух что-нибудь нецензурное.

Она меня усаживает и говорит чуть-чуть насмешливо: «Делать вам замечания, я понимаю, бессмысленно». А я мямлю что-то типа «ну, почему же, я ведь не собираюсь в данный момент умирать, значит, буду продолжать работать над программой...» И она начинает говорить о каком-то ударе, я умудряюсь вступить с ней в спор, и вдруг я ее вижу...

Невероятное благородство осанки, и стоящая за этой осанкой судьба, и судьба еще тысяч таких как она — погранных, сгноенных в лагерных бараках

России... Я несколько минут просто совсем не могла отвечать на ее вопросы — что-то о том, как давно я в театре, как давно живу стихами Марины — я что-то лепечу в ответ и замечаю, что меня бьет крупная дрожь. Замечает и она — и начинает набрасывать на меня кофтенку...

И, кажется, в этот момент я вдруг вижу, что сквозь ее лицо проступает лик Марины... Не то чтобы они очень похожи, но этот нос, овал, осанка, какая-то стать... И одновременно сжимается сердце, потому что я вдруг вижу, как бедно она одета и какое в этой бедности достоинство и изыск. Застиранный серый блузка и чуть ли не на заштопанной кофточке — старинная брошка, уж точно не нашего века...

1991 г. Анастасия Цветаева с сыном Андреем. Фото А.Ханакова

Потрясли меня не только слова, которые она сказала мне, но и то, что она для меня, для моей программы сделала. Она связалась с известным цветаеведом Львом Мнухиным, который выступал с неофициальными лекциями о Марине, и тот, по ее настоятельной рекомендации, пригласил меня участвовать в своих поездках. Так началась неофициальная жизнь программы».

Жанна Владимировская много выступала в США с этой и другими литературно-музыкальными программами (см. например, такой сюжет <https://youtu.be/DUkwfqsGVLo>).

Теперь-то я знаю, что Анастасия Ивановна поддерживала многих творческих людей, особенно из молодежи. Например, поэтов Саида Баева, Юлию Кунину (Трубишину) и Галину Данильеву. Это было мудро, в отличие от предисловия к выступлению Жанны Владимировской, что было всё же некорректно.

Анастасия Цветаева не только критически относилась к чтению с эстрады стихов Марины Цветаевой, но также считала, что петь их не надо, тем более бардам. Я не попал к писательнице при её жизни. Может быть, это и к лучшему. Вряд ли она одобрила бы мои песни на стихи Марины Цветаевой: А.И. считала, что стихи её гениальной сестры петь нельзя и посоветовала известному барду и диссиденту Петру Старчику, когда он однажды спел ей свои песни на стихи Марины Цветаевой, никогда не петь их и новых не писать. Мы её, правда, не послушались и устроили 3 бардовских фестиваля, где несколько десятков

авторов пели свои песни на стихи МЦ: первый был в России в 1994-1995 гг. В России были тогда десятки авторов, написавших неплохие песни; есть несколько авторов и в Америке, и в Казахстане. На этих фестивалях 50 авторов спели больше 100 стихотворений МЦ. На первом фестивале Пётр Старчик пел и говорил 30 мин. Остальные выступали по 5-10 мин. Жаль, конечно, что мне не удалось встретиться Анастасией Ивановной. Ей уже было 98 лет (мне сейчас 94: я понимаю, что это такое). Однако, домашний фотограф писательницы А.В.Ханаков рассказал мне, что её сын, Андрей Борисович читал ей мои посвящения Марине Цветаевой из книги «Долги» (М.: Изд. «Мир», 1992). И мне это очень дорого...

* Я с ним общался до самой его смерти. У меня есть песни на его стихи. Да и район Красных ворот, где была квартира Куниных,- это тоже школьные детство и юность.

Сергей Бычков

Москва, Россия

Свет и воздух голубой. Заметки о творчестве Дмитрия Лихачева

Исчадием ада
И чадом чадящим
В республике Чада
Встал алый причал.
К причалу причалил
Чалдон чутко чукчий.
И, чадом чадящий.
Лихой и лядащий,
На гробе России
Отпраздновал бал.
8.VIII.1984

Дмитрий Сергеевич Лихачев был знатоком и ценителем поэзии. Но сам стихов не писал. Кроме одного случая в юности. К этому небольшому стихотворению, вынесенному мною в эпитафию, он вернулся много лет спустя, более, чем через полвека. Могу предположить, его редакция была минимальной. Стихотворение искусно оркестровано. Прослеживается влияние Хлебникова. Трагическая суть тщательно упрятана.

Известно, что во время заключения на Соловках будущий академик внимательно изучал воровской жаргон и впоследствии написал небольшое исследование о нем. «Чалдон» в этом стихотворении, согласно словарю Даля, – каторжник, варнак.

И это несомненно, отсылка к «Бесам» Федора Достоевского. Первая жена во время семейных ссор кричала ему: «Федька-каторжник!» Так в роман попал Федька-каторжник, расправившийся с семьей Лебядкиных. Каторжник, исчадие ада, лихо пляшет на гробе России. Советская республика трансформируется в стихотворении в республику Чад. «Алый причал» отсылает к Соловкам, где Дмитрий Сергеевич отбывал первую часть тюремного срока...

Есть категория «неудобных людей» вся деятельность которых проходит как бы на периферии жизненного процесса, вдали от магистральных путей культуры. Проходят годы, десятилетия, современники укрепляются во мнении, что все в порядке, что есть только один верный путь - тот самый, по которому мы победоносно шествуем.

И вдруг, в один прекрасный день, выясняется, что магистральный путь привел нас к тупику. И тогда мы начинаем понимать, что благодаря тем поискам, которые неустанно велись «неудобными людьми» на периферии, проторены новые пути и накоплены новые культурные ценности, что эти люди, над которыми посмеивались, которых снисходительно журили, и есть те самые праведники, чьими усилиями стоит и город, и страна. К таким людям можно отнести академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Своеобразным итогом его многолетних трудов можно назвать трехтомное издание «Избранных работ», выпущенное ленинградским отделением

издательства «Художественная литература» в 1988 году. Дмитрий Сергеевич известен прежде всего как специалист по древнерусской литературе. Трехтомник предварен кратким биографическим очерком «О себе.» К сожалению, в нем есть пробел в четыре года. Попробую его восполнить.

В 1923 году Дмитрий Сергеевич поступил в Ленинградский университет, избрав этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук. В 1928 году окончил университет, написав две дипломные работы – о Шекспире в России конце XVIII – начале XIX века. Другую — о повестях о патриархе Никоне. После сдачи государственных экзаменов был арестован, а затем осужден на пять лет лагерей. Диплом получали его родители.

Участие в «Космической академии» (так шутливо студенты называли творческое объединение, занимавшееся проблемами русской культуры) было расценено сначала как опасный заговор, хотя на встречах, проходивших в коммунальной квартире, звучали научные сообщения, далекие от политики. Участниками «академии» становились наиболее талантливые.

Студенты, принятые в «академию», награждались шуточными прозвищами. Среди них был Хартофилакс, который получил в годовщину образования «академии» телеграмму с поздравлением, подписанную папой римским. Она то и послужила поводом для ареста. Когда следователь разобрался во всем, прогремело «шахтинское дело». А начинающие публицисты, впоследствии лауреаты Государственной премии СССР, братья Тур поспешили опубликовать в «Ленинградской правде» фельетон под названием «Пепел дубов». В нем студенты предстали как обломки империи – камергеры, царедворцы, кокаинисты, развратники.

Несколько лет Д.С.Лихачев пробыл на Соловках, потом на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Благодаря системе трудовых зачетов освободился досрочно – в 1932 году. Тогда же полностью была снята судимость. Осенью этого же года он устроился в издательство Соцгиз литературным редактором. Но продолжить работу не удалось – обострилась тяжелая язвенная болезнь. Больница, поиски работы, пока не нашлось место корректора в типографии «Коминтерна». С 1934 по 1938 год Дмитрий Сергеевич работал корректором в издательстве Академии наук СССР, а с 1938 года – научным сотрудником ИРЛИ (Пушкинского Дома).

Без знания этих трагических событий, которые произошли в жизни Д. С. Лихачева трудно понять его мужественное противостояние карьеризму и псевдонауке, лжи и вандализму. Еще в двадцатые годы Дмитрий Сергеевич избрал древнерусскую литературу делом всей своей жизни. В то время изучение ее находилось на уровне изучения книжности. Не предпринималось попыток литературного обобщения или изучения ее путей. Именно поэтому, как это ни странно, лекции профессоров романо-германской секции Жирмунского, Шишмарева, Брима, Миллера оказались так полезны.

Когда в интеллигентских кругах заходит разговор о вкладе ученого в современную науку, то часто приходится слышать, что Д. С. Лихачев не развил ни одной оригинальной идеи.

Подобное мнение коренится отчасти в том, что многие основополагающие идеи, разработанные Д. С. Лихачевым, настолько вошли в плоть современной науки, что существуют вполне самостоятельно от их автора. Когда в той или иной работе рассматривается вопрос о человеке в культуре той или иной страны или эпохи, не будем забывать, что именно Д, С. Лихачев разработал

эту тему в своей книге «Человек в литературе Древней Руси». Тема времени в литературе, внимание к которой привлек своими статьями М. М. Бахтин, также поднята и разработана Д. С. Лихачевым в приложении к древнерусской литературе.

В своих работах он фактически открыл движение древнерусской литературы: не только отметил постоянно растущий репертуар памятников, но и раскрыл смену стилей, жанровых структур, литературных приемов, самой ценностной системы.

Весь восемнадцатый век, прошедший под знаком царствования Петра Великого, презрительно относился к прошлому Руси, считая его варварским и недостойным изучения. Этот ошибочный взгляд широко был распространен и в XIX веке. Только славянофилы привлекли внимание русской интеллигенции к прошлому, хотя сами еще недостаточно хорошо знали его. И в наши дни, когда проделана гигантская работа по выявлению памятников культуры Древней Руси, мы все-таки не уделяем должного внимания изучению прошлого нашей Родины.

А ведь русская классическая литература достигла таких высот только потому, что за ней стояла многовековая традиция русского художественного слова. Памятники древнерусской литературы внимательно изучали Пушкин и Лермонтов, Достоевский и Лесков, Мельников-Печерский и Писемский, Лев Толстой и Алексей Толстой. И сейчас, когда благодаря работам Д.С. Лихачева выявлена и описана художественная специфика древнерусской литературы, обнаруживается нерасторжимое родство русской классической и древнерусской литературы. Его исследование о поэтике древнерусской литературы целиком посвящено этим проблемам.

А сколько сил отдано изучению величайшего памятника древнерусской литературы - «Слову о полку Игореве»! Книга «Слово о полку Игореве» и культура его времени — своеобразный ключ к пониманию поэмы. Всякий, кто хочет проникнуть в глубины «Слова», не может пройти мимо этого исследования. «Кабинет современного ученого — вся окружающая его действительность, современная и прошлая» — это один из афоризмов Д. С. Лихачева.

Широта его интересов раздражает иных коллег-ученых, зато радует широкую читательскую аудиторию: «Поэзия садов», книга литературоведческих статей, цикл выступлений, посвященных сохранению культуры и природы в нашей стране. Потеря исторической памяти — одна из главных бед нашего времени.

Книги и статьи, выступления и беседы академика Д. С. Лихачева восполняют лакуны, напоминают об утраченном, защищают от разрушения уцелевшие памятники культуры. Человеку непредвзятому непонятно: что же именно вызывает раздражение коллег? Энциклопедичность? Стремление защитить тот или иной памятник, напомнить об утраченном?

Новое время выработало своеобразное представление об ученом как узком специалисте. Действительно, при современном развитии науки широта взглядов порой приводит к разбрасыванию интересов, к потере научных навыков. Но есть и другая опасность — занимаясь только проблемами науки, отгородиться от проблем, мучающих современников, стать «гомункулюсом.» Таких ученых сегодня большинство. Их даже не интересует, как могут быть использованы их открытия — во вред или на пользу человека. С необычайной

остротой в наши дни встает вопрос об этике. Этим и объясняется столь пристальный интерес академика Д. С. Лихачева к произведениям древнерусской литературы – в них заложен огромный нравственный потенциал, без которого нам сегодня никак не обойтись.

Еще одна черта академика Д. С. Лихачева — простота и ясность языка. Распространено мнение, что, чем труднее язык, тем глубже исследование. Д. С. Лихачев утверждает обратное: «Главное достоинство научного языка — ясность». И добавляет: «Если язык научной работы труден, он лишается основной своей задачи — сообщать». Его работы глубоко демократичны, их с интересом читает как специалист, так и рядовой читатель. И, наконец, еще один афоризм: «Главный враг науки — наукообразность. Главная опасность наукообразности в ее «близости» к науке». Простота и ясность исследований Д. С. Лихачева — свидетельство того, что материал прекрасно изучен, основные идеи выношены и преподносятся читателю с полной ответственностью.

Очень важно, что в третий том помещена книга "Литература — реальность — литература». Понятие «конкретного литературоведения» введено также Д. С. Лихачевым, «Конкретное литературоведение занято главным образом... пограничной зоной между реальностью и литературой...

Оно дает частные объяснения частным же явлениям в литературе, приучает к пристальному чтению, к углубленному пониманию произведений в реальной обстановке и к реальному пониманию стиля – не только его особенностей у того или иного писателя, но и к пониманию этих особенностей.

Оно стремится к доказательности своих выводов, а не к конструированию гипотез или генерированию идей, столь иногда распространенных в нашей науке.» Призыв к конкретному литературоведению чрезвычайно важен, поскольку множество литературоведческих трудов занято пересказыванием содержания произведения.

На прилавках магазинов пылятся пухлые тома авторов, украшенных всевозможными научными степенями, но суть этих томов сводится к пережевыванию общеизвестных, многократно повторенных сведений.

Основные положения «конкретного литературоведения», если они будут взяты на вооружение, помогут обновить отечественное литературоведение, утратившее доверие читателей. Книга важна еще и тем, что она не ограничивается теоретическими выкладками — в ряде статей, посвященных русской литературе XIX века, они блистательно применены. Академик Д. С. Лихачев утверждает: «Литературовед и искусствовед обязаны быть талантливыми, ибо они оценивают талант».

Во втором томе помещены «Заметки о русском», а программная статья «Экология культуры», впервые опубликованная в журнале «Москва» в 1979 году, может расцениваться как фундамент, на котором возник Фонд культуры, созданный и в течение нескольких лет возглавляемый Д. С. Лихачевым. Не удивительно, что именно он встал во главе движения в защиту природы и памятников культуры.

Выступления в защиту пушкинских рукописей, садов и парков нашего прошлого, против поворота сибирских рек известны всем. Но не будем забывать, что выступления академика Д. С. Лихачева начались в те тяжелые годы, которые сегодня мы называем «застойными». Его отзывчивость, способность приходить на помощь любому доброму начинанию общеизвестны.

Книги академика Д. С. Лихачева и сегодня, спустя четверть века со дня его кончины, нужны нам как «свет и воздух голубой», без них мы не сможем двигаться дальше.

Лина Нейгауз

США

Генетик Михаил Евсеевич Нейгауз

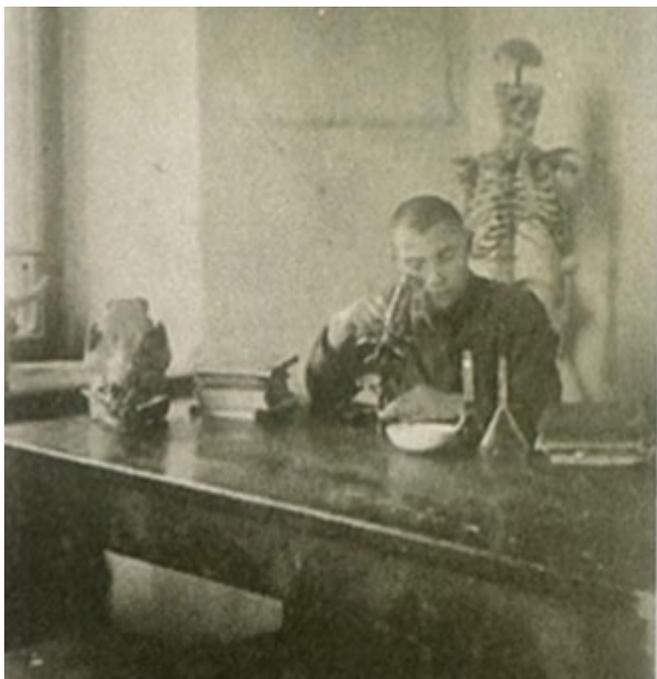
Кто бы в наше время мог вообразить что генетика, являющаяся основой медицины и многих других естественных наук и сельского хозяйства, пережила в России трагические годы запрета в качестве буржуазной лженауки?

Михаил Евсеевич Нейгауз являлся одним из первых российских генетиков.

Родился он в 1908 году в Молдавии в местечке Рашков, что находился приблизительно в 150 км от Кишинева. Через некоторое время семья переехала в Одессу. В голодное послереволюционное время он попадает в Детский дом. Там он познакомился с Фридой Смелянской. Любовь на всю жизнь.

Миша с детства увлекался биологией, любил животных. Фрида пугалась – он вечно носил за пазухой то мышку, то ужака, то кролика и тому подобное. В Одессе он заканчивает Сельскохозяйственный Институт и полкучает направление на работу в Гатчину, что под Ленинградом (теперь – С. Петербург). На талантливого увлеченного молодого биолога обратил внимание сам Н. К. Кольцов и перевел его на работу во Всесоюзный НИИ Животноводства в Москву - ВИЖ, секция генетики и селекции, 1930 год.

Затем его приглашают на работу в Медико-Генетический институт (Медико-биологический институт им. М. Горького, 1933 – 1937 годы). Ему с семьей выделяют для проживания комнату в здании этого института - Б. Калужская улица дом 19 (ныне – Ленинский проспект). После уничтожения института он переходит работать в Московский Государственный Университет им Ломоносова (биофак). Пригласил его туда и стал его учителем, руководителем и другом всемирно известный академик Александр Сергеевич Серебровский.

М.Е. Нейгаус, 1930

Работа Миши требовала многочисленных командировок: то на Дальний Восток в поисках каких-то редких видов животных, то под Полтавку в свиноводческий совхоз, то в заповедник Аскания-Нова. Разлуки, встречи....встречи, разлуки.

В 1934 году в семье родилась дочь, названная Надеждой в знак всех их надежд, через два года еще одна девочка – Лина, названная в честь первой женщины-академика Лины Штерн, а затем мальчик, названный Геней в честь любимой генетики. Имена детям выбирал сам Миша.

Детям папа вспоминается сидящим вечерами за письменным столом над бумагами при свете настольной лампы с зелёным стеклянным абажуром. Папа - в чёрной косоворотке.

Иногда папа устраивает для детей интересную игру: прячет что-нибудь мелкое в комнате (ключ, к примеру); спрятанное надо найти. Выигравший получает приз - конфету, пряник или игрушку. Папа - улыбающийся, весёлый, и песенки напевает шуточные

Была весна, цвели дрова, и пели лошади,
Верблюд из Африки примчался на коньках...
Ему понравилась колхозная буренушка
И он пропел про ее карие глаза.

Или:

Я куплю себе коньки и поеду в Соловки.

Соловки, Соловки, дальняя дорога...
 Сердце ноет от тоски,
 На душе тревога. (СОЛОВКИ были местом ссылки политзаключенных).
 Или же, подразнивая маму:
 Елки, палки, лес густой. Ходит Миша холостой.
 Когда Миша женится, куда Фрида денется?
 Воскресенье - всегда праздник: папа дома! Мама с утра хлопочет с обедом,
 пахнет борщом, медовыми коврижками, жареным арахисом...
 Летом, чтобы дети побыли на свежем воздухе, снимали дачу в подмосковье
 в Апрелевке, рядом семьей Рокицких, у которых тоже родилась девочка -
 ровесница Нади. Генетик Петр Фомич Рокицкий (в будущем – академик
 Белорусской Академии Наук, основатель математической генетики) был
 Мишиным другом и соратником. До конца своих дней он поддерживал дружбу
 с его дочерью Линой Нейгауз.

Сотрудники кафедры генетики МГУ, 1940 г.
 Слева направо сидят: Н. Я. Федорова, Е. Е. Погосянец, Р. И. Серебровская,
 Г. В. Самохвалова, А. С. Серебровский, М. Ф. Женихова;
 стоят: С. И. Алиханян, М. Е. Нейгауз, фамилия не установлена, М. Г. Аренде,
 Н. И. Шапиро, К. В. Волкова, С. М. Саркисян.

Михаил увлеченно и результативно работает в МГУ и в Центральном Онкологическом Институте, его статьи публикуются в отечественных и зарубежных журналах, и он настолько успешно защищает кандидатскую диссертацию, что научный совет МГУ оценивает её как докторскую.

Тема диссертации "Цито-генетическое исследование γ -хромосомы *Drosophila Melanogaster*"

Из доклада А. С. Серебровского ("УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ Московского Государственного Университета", юбилейная серия, выпуск LIV, БИОЛОГИЯ, издание МГУ, МОСКВА, 1940):

“3. Проблема связи между геном и признаком изучается М. Е. Нейгаузом. Им была разработана оригинальная методика изучения этой проблемы фенотипетики...”

4. Генетика пола. В превосходной работе Нейгауз подверг анализу так называемую γ -хромосому, имеющуюся у самцов мухи-дрозофилы, функция которой оставалась неясной, и доказал наличие в ней нескольких генов, необходимых для правильного физиологического развития ...”

С.И. Алиханян, М.Е. Нейгауз, Н.И. Шапиро. У забора МГУ на Моховой, 1940

И вдруг вся жизнь изменилась:

“Двадцать второго июня, ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили, что началась Война.”

Михаил Евсеевич, пренебрегши бронью ценного научного сотрудника, ушёл добровольцем на фронт в июле 1941-го в рядах Краснопресненского Народного Ополчения Москвы. (Бронь – освобождение от военной службы в Армии давали особо ценным специалистам.).

Ниже приведены выписки из его университетской трудовой книжки и из приказа по Онкологическому институту с отметками о зачислении в народное ополчение 7 июля 1941 года.

Мама часто цитировала одно из фронтовых писем Михаила Евсеевича: “Я не из партии шкурников... Этот шаг я сделал потому, что я безграничнее всего на свете люблю тебя, моя дорогая Фридуся, и наших дорогих детей. Если я погибну, скажи сыну моему, что я погиб за Родину...”

М. Е. Нейгауз незадолго до ухода на фронт

Москву бомбили немецкие фашисты, и МГУ организовал эвакуацию родственников своих сотрудников, ушедших на фронт, из Москвы до Казани, а дальше Фрида Нейгауз с тремя малыми детьми (трёх, пяти и семи лет) проехали Урал, переправились на пароме через Иртыш, чуть в нём не утонув, задержались в Омске, пока все трое заболевших корью детей не выздоровели, и отправились дальше в сибирские деревни, где и прожили три военных года. Скитания, переезды из села в село (Шермонтай, Украинка, Ульяновково) в поисках жилья и работы, ожидание писем с фронта от мужа, постоянный голод, невозможность прокормить детишек... (О этот

голод военных лет! Через полвека, незадолго до смерти, с уже помутившимся сознанием, Фрида, сидя на кровати, взяла в руки куклу, прижала её к себе и заплакала: "Дети голодные!")

Ниже - сохранившиеся письма Нейгауза Михаила Евсеевича с фронта из действующей Армии. Пожелтевшие ветхие листочки, строки, написанные химическим карандашом, - письма эти не нуждаются в комментариях. (Далее приведена одна из факсимильных копий этих писем. Оригиналы хранятся у Лины Нейгауз.

21/07-41 Московская область

Здравствуйтесь, дорогая моя Фридуся и дорогие деточки Надюша, Линочка и Гена! Хотя я вашего адреса и до сих пор не знаю, но все же решил написать. Авань моё краткое письмо до вас дойдёт.

Чувствую себя неплохо, много работаю и учусь. Встаю в 4- 5 утра и отбой в 10 вечера. Довольно часто случается, что ночью вообще не спишь. На днях у нас был большой переход, и за сутки мы прошли 56 километров, причём кормились сухой воблой и сухарями из чёрного хлеба, и несмотря на это я чувствую себя хорошо. Жаль только много водяных пузырей выскочило на ногах, но они довольно быстро заживают. На днях нам выдали боевых подруг - винтовки, и овладеваем техникой стрельбы. Мы сейчас стоим в одной деревушке, где я сегодня достал кило мёда за 10 рублей и хорошо полакомился, и жаль, что вас нет со мной, чтобы вы попробовали вкуснейший мёд.

Хотя прошло всего - навсего две недели с момента нашей разлуки, а кажется, что уже прошли месяцы и даже годы. Как тяжело без вас и в

особенности без тебя, моя дорогая Фридуся. Но я живу надеждой, что всё же снова будем вместе. Думаю, что эта надежда скоро сбудется.

Дорогая, я жду от тебя подробного письма о твоём отъезде из Москвы, о твоём месте пребывания, о твоих думах и мыслях. Пиши подробно, дорогая, и, если есть возможность, сфотографируйся и пришли мне фото. Хотя я сейчас отдыхал после ночного караула, но всё же очень устал, так что прости за нескладность письма. Опиши мне все подробности твоего отъезда и приезда, кстати, получила ли ты деньги в МГУ и какие перспективы.

Жду подробного письма.

Бесконечно вас обнимаю и целую и в особенности тебя, моя дорогая труженица.

Будь здорова, храни себя и детей. До скорого свидания.

Ваш любящий папа и твой муж

Москва Мал

Ул (вымарано цензурой).....дом 24

Школа # 109

для меня

11/8-1941

Сегодня нам дали почтовый адрес, по которому мы можем получать письма. Адрес такой: Действующая армия, Полевая почтовая станция 571.06, арт-дивизион 76 мм, Нейгауз М. Е.

Фридик, на днях я отправил тебе письмо. По получении его, прошу тебя, напиши мне подробно обо всём. Как вы живёте? Каково твоё состояние как моральное, так и физическое? Как дети? Ты пишешь, что они редко меня вспоминают, это, конечно, больно, но это всё же дети.

Из Москвы и, в частности, от Евы я никаких известий не получаю. Мне приходится много работать физически и много учиться. Подъём у нас в 5 часов утра, а иногда и в 4, а отбой в 10 вечера, но это всё пустяки, если бы я мог быть спокоен насчёт твоей и наших детей судьбы. К сожалению, трудности вашего положения лишают меня покоя, но я всё же живу со светлой надеждой, что скоро снова заживем ещё лучше, чем раньше.

Дорогая, я только что побрился и этим лишил себя мёртвого часа, а теперь надо к орудию, поэтому, милая моя, я кончаю своё короткое письмо и пожелаю тебе и нашим дорогим деткам всего лучшего.

Обнимаю вас крепко и бесконечно целую.

Твой муж и ваш отец Миша

Жду с нетерпением ответа.

Будь бодра. Храни себя и детей.

15. 08. 41

Дорогая Фридуся, дорогие детки!

На днях я отправил тебе письмо, в котором сообщил тебе мой адрес. К сожалению, этот адрес неверный, а мой адрес такой: Действующая армия, Полевая почтовая станция 33, арт-дивизион 76 мм, для меня.

Дорогая моя, с нетерпением жду от тебя подробных писем, с изложением всех подробностей твоей жизни. (Если ты уже отправила письмо по первому адресу, то не беспокойся - оно придёт)

Фридурик! Сегодня я получил от тебя письмо, посланное тобой ещё в дороге, шло оно больше месяца.

...Уже три дня, как я не имел возможности закончить письмо. Много работаю и учусь (только сел писать, как зовут обедать, а опоздать к обеду не позволяет желудок и общеармейская дисциплина). Сытно пообедав, продолжаю писать. Сажу в палатке, где скрываюсь от дождя. На основе своего личного опыта я пришел к выводу, что человек вообще и в частности я - животное весьма выносливое. В среднем я теперь сплю по 4- 5 часов, а то и меньше, живу под открытым небом, не раздеваюсь, редко моюсь и т. п. И здоров, как бык. Ребята говорят, что я даже поправился. В общем, дорогая, встретимся - будет много о чём рассказать. А пока береги себя и детей. Будь мужественна, такая же, какая ты была всегда в трудные моменты нашей совместной жизни.

Вчера получил от Александра Сергеевича и Раисы Исаковны письмо (здесь упоминаются академик Серебровский и его жена), где они сообщают твой адрес. Между прочим, он пишет, что его дочь и внук и жена Николая Иосифовича (Шапиро Н. И. - генетик, друг отца) находятся недалеко от места твоего нахождения. Жена Николая Иосифовича работает в качестве доярки на животноводческой ферме в колхозе.

Дорогая, ночью, кажется, 30. 07 я проезжал на грузовике через Москву во время налёта фашистов (вымарано цензурой)... на Москву. После этого я считаю, что ты сделала мудрый шаг, что эвакуировалась из Москвы, ибо на тебе и особенно на детях переживание воздушных налётов (Вымарано, можно различить только буквы " бомб") отразилось бы очень плохо.

Милая моя Фридурик, жду от тебя подробных писем. Пиши почаще, не ожидая моих писем.

За меня не волнуйся.

Береги себя и наших деток.

Крепко целую тебя и детей и крепко прижимаю к своей груди.

Твой Миша

Р. С. Я написал в МГУ и в Онкологический, чтобы тебе высылали мою зарплату. Если получишь, напиши.

Ниже оригинал письма Миши с фронта.

Михаил Нейгауз погиб на фронте в октябре 1941-ого под Ельней, в трагически известном ельнинском котле. Но у него были друзья по Университету и по его любимой науке генетике. Вот они-то и остались с мамой в её вдовьей судьбе и в судьбе детей: Александр Сергеевич Серебровский и Раиса Исаковна Серебровская, Николай Осипович Шапиро, Борис Федорович Кожевников, Марк Леонидович Бельговский и Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская, Мартынова Раиса Павловна, Иосиф Абрамович Рапопорт, Алиханян Сос Исакович, Ардашников Соломон Наумович и другие.

Именно А. С. Серебровский организовал вызов для возвращения эвакуированной семьи Нейгауза из Сибири в Москву. У Серебровских они ночевали, приехав из Сибири.

Дети знали особый романтический мир этих людей, знали их по фотографиям и лично. О Танином папе друзья вспоминали часто, называя его коротко "НЕЙ": "Ней говорил..., Ней сделал бы..., А Нейбы..."

Они помогали маме, когда могли, деньгами, складываясь со своих не очень-то богатых зарплат; дарили одежду. Это они увековечили память Таниного

папы. Это во многом благодаря им мамы нужды знали в Университете и предоставляли бесплатные путевки детям в пионерский лагерь на все лето. В праздники или просто в выходные дни приглашали в гости, а ведь для детей это было немаловажно - выходить хоть изредка в "интеллигентный" свет, сидеть за элегантно сервированным столом, слушать загадочно-красивые речи: "Хромосомы, гетерозигот, аллели..." Многие генетики жили в доме на Пятницкой. Длинный коридор... Пришли в гости к Бельговским, но любые двери вдоль этого коридора открыты для детей. Маленькие гостинцы, к примеру, у Раисы Павловны Мартыновой девочкам в подарок - иголки и напёрстки, разные мелочи, так нужные для уроков рукоделия.

Наступил 1948-ой год, знаменитая сессия ВАСХНИЛ.. Генетика была признана буржуазной лженаукой (спасибо Лысенке). Пострадали все папины друзья. Они говорили, что будь академик Серебровский жив (он умер незадолго до сессии), такая расправа над генетикой не состоялась бы. Таня хорошо помнит, как мама, для которой было свято всё, связанное с мужем, вытащила стопки оттисков его статей по генетике на немецком и английском, которые nepотревоженно пролежали всю войну в шкафу, положила их в эмалированный таз и подожгла прямо в комнате. Плотная розовая глянцеви́тая бумага не хотела сгорать, но в конце концов покори́лась огню. Она сделала это по совету папиных друзей для безопасности семьи

Все генетики лишились работы. Петр Фомич Рокицкий, к примеру, был фактически выслан в Пензу, где он долгие годы работал учителем математики.

Борис Федорович Кожевников до войны был коллегой и лучшим Мишиным другом. Оба - молодые талантливые генетики. Одновременно защитили диссертации. После разгрома генетики дядя Боря (так они его звали) нигде не мог найти работу и занимался переводами рефератов английских статей по генетике. За бескомпромисность в отношении генетики его даже некоторое время держали в психушке, подвергали пыткам, требуя отказаться от бреда.

Фрида не верила в гибель Миши и всю жизнь искала его, рассылала запросы. Она видела его в своих снах как наяву. Однажды ей встретился безногий инвалид, перемещавшийся на доске с колесиками (из тех, что в народе называли утюгами). Он позвал маму невнятно: "Ирида, Ирида" и быстро укатил. Она не смогла его догнать и долго переживала, думая, что это был Миша. Дочь Лина нашла человека, который видел гибель М. Е. Нейгауза. Она встречалась с соратником Миши по ополчению Воскресенским Кириллом Александровичем (после войны - доцент биологического факультета МГУ). Оба воевали в составе 975-го Арт. полка Восьмой Краснопресненской стрелковой дивизии. Кирилл Александрович говорил ей, что видел воронку от взрыва на том месте, где во время боя находился Миша. Восьмая дивизия попала в окружение и практически целиком была уничтожена немцами. Для Фриды это не было доказательством. Папа завещал Фриде: главное - чтобы дети выучились. И дети выучились. Надя пошла по стопам отца и была биологом. Гена был выдающимся программистом. А Лина, окончив школу с золотой медалью, впоследствии став известным специалистом в области оптоэлектроники, имела более сорока публикаций и изобретений по специальности, защитила диссертацию и написала три книги. Одна из них посвящена ее родителям и содержит более ста репродукций картин художницы Фриды Нейгауз-Смелянской. Фрида, уже после 55-ти лет, уйдя на пенсию, вернулась к тому, что ей сулили в молодости, - она стала художницей.

Внуки Михаила Евсеевича, Белла и Саша, тоже стали биологами – гены сработали.

Память о М. Е. Нейгаузе увековечена в МГУ:

- о нем говорится в книге «Биологи МГУ им. М.В. Ломоносова – участники Великой Отечественной Войны 1941 -1945 гг».

- его имя имеется в списке погибших сотрудников на мемориальной доске у вечного огня в МГУ.

Он также увековечен в списках Минобороны МЕМОРИАЛ.

Лев Бердников

Калифорния, США

“Ах, счастье моё нечаянное!”. К 300-летию казни Виллима Монса

Модники, вертопрахи, дамские угодники, искусившиеся в галантности и политесе, явились в нашей литературе в ту годину, когда Петр Великий “поворачивал старую Русь к Западу, да так круто, что Россия доселе остается немного кривошейкою” (Д. Мордовцев. “Идеалисты и реалисты”, 1878). Вот, к примеру, герой “Гистории о храбром российском кавалере Александре” (первая четверть XVIII века) направляется в Европу вовсе не для чести и славы, а, как говорит он в минуту прозрения, “ради негодной любви женской”. Кавалер сей предаётся бесконечным амурам, отчаянно музицирует (играет на “флейт-реверсе”), пишет куртуазные письма, сочиняет любовные вирши с неизменными Венерами и Купидонами, поёт сладкоголосые арии. Всё это - характерные приметы поведения щёголя, занявшего тогда не последнее место при российском Дворе.

Таковым был Виллим Иванович Монс (1688-1724), причем - о, теснота истории! – он приходился младшим братом известной Анне Монс (1672-1714), бывшей метрессе авторитарного Петра I, посмевшей отвергнуть монаршую любовь и сочетаться браком с престарелым прусским посланником Георгом Иоганном Кайзерлингом (1679-1711). Но своё щегольство Виллим Монс проявит позднее, уже на пике впечатляющей карьеры. До этого же времени у него, сына скромного виноторговца из Немецкой слободы, был единственный костюм.

Напоминание о родстве с “неверной Монсихой” могло лишь навредить нашему герою, потому государеву службу ему пришлось начать, как это

водилось, с самых низов. Фортуне Виллима немало споспешествовал генерал Родион Христианович Баур (1667-1717). Это он обратил внимание Петра на статного, красивого немца, так что юность Монса протекала под непосредственным наблюдением самодержца и в беспрестанных военных походах. Он сражался, как лев, и в бою под Лесным, и в Полтавской баталии, где исправлял должность генерал-аdjутанта. А когда шведы были отброшены к Переволочне, Виллим Иванович, выказав способности заправского парламентаря, вел с неприятелем переговоры.

Монарх возлагал на него самые ответственные поручения – так, юноша руководил дерзкой операцией по освобождению из плена командира казаков князя Митрофана Лобанова (1623-1703), и провел ее блистательно. Он бросался в самое пекло битвы, был отважным воином, обладал характером пылким и неустрашимым. Это нисколько не соответствует образу придворного паразита и пустельги, каким он выведен в телесериале Владимира Бортко "Завещание Петра Великого" (2011). Осенью 1711 года император, оценив его "добрые поступки", удостоил храбреца чином лейб-гвардии лейтенанта.

Назначение Монса камер-юнкером в 1716 году, а затем и камергером при Дворе Екатерины Алексеевны также было учинено по монаршему повелению. Вот как аттестует его Петр: "Во всех ему поверенных делах с такою верностью, радением и прилежанием поступал, что мы тем всемилостивейше довольны были, и ныне для вящего засвидетельствования того, мы с особливою нашей императорской милости онаго Виллима Монса в камергеры всемилостивейше пожаловали и определили... И мы надеемся, что он в сем от нас... пожалованном новом чине так верно и прилежно поступать будет, как то бодрому и верному человеку надлежит".

Анна Монс

Новоиспеченному камергеру вменялось в обязанность сопровождать государыню на ассамблеи, маскарады и куртаги; устраивать праздники и гуляния, столь ею любимые; вести корреспонденцию с поставщиками товаров для Двора; заведовать драгоценностями и денежной казной; руководить Вотчинной канцелярией. Но особенно хлебным и прибыльным делом оказался надзор за неотвязными прошениями на высочайшее имя, которым он, Монс, и только он, давал ход.

Шаг за шагом молодой царедворец приобретал все большее влияние на Екатерину, а та, ему послушная, действовала и на Петра. Кредит камергера рос и возрос до столпов геркулесовых - и вот уже сильным и незаменимым

стал при Дворе этот “бодрый человек”, ибо все знали: уж коли Виллим Иванович постарается, все будет исполнено “в аккурат точно” и без проволочки. “Вокруг Монса, - пишет историк Михаил Семевский, - группируется огромная партия, которая из эгоистических целей оберегает его, как зеницу ока”.

С нижайшими просьбами (и уж, конечно, с дарами и знатными подношениями) к “верному” Монсу прибегают и челом бьют многие, в том числе и “птенцы гнезда Петрова”, люди именитые и чиновные. Перед ним заискивают и светлейший князь Александр Меншиков (1673-1729), и наш резидент в Берлине Михаил Головкин (1699-1754), князя Алексей Черкасский (1680-1742), Никита Трубецкой (1699-1767), Михаил Белосельский (1702-1755); Петр Толстой (1645-1729), Артемий Волынский (1689-1740) (который, между прочим, слал Монсу в подарок два “перука” и около дюжины чулок), и даже сама вдовствующая царица Прасковья Фёдоровна. Ласкателям безродного немца несть числа.

Какими только эпитетами, какими громкими титулами его не величают – и “Высокоблагородный патрон”, и “Ваше премилосердное Высочество”, и “Сердечный наивернейший друг и брат”, и “Высокографское сиятельство”. И вот уже Виллим Иванович не довольствуется доставшей ему от незнатного отца фамилией. А потому он стал уже зваться не “Монс”, а “Монс де ла Кроа”, ведя свою генеалогию будто бы из Франции или Фландрии. Понятно, что он блефовал, ибо историки точно установили: семейство это худородного происхождения вестфальского, и его притязания на звание галльских дворян неосновательны. Но как же хотелось ему слыть “природным аристократом”! Может статься, не давали покоя камергеру лавры сына конюха, светлейшего князя Александра Меншикова, объявившего себя отпрыском “благородной фамилии”.

А прошения и челобитные все множились – они летели к Виллиму Ивановичу от Москвы до самых до окраин - из Астрахани, Черкаска, Казани, Сибири, Гельсингфорса, Выборга, Ревеля, Митавы, Риги, а то и от посланников наших и купцов иноземных, что в Вене, Гамбурге, Стокгольме, Париже, Лондоне обретались. Обширность корреспонденции вызвала необходимость образовать целую канцелярию, в коей заправлял делами специально отряженный столоначальник, Егор Столетов (1706-1736). В его подчинении состояло несколько кувшинных рыл. Они-то и читали поступавшие депеши, экстракты из них составляли: ведь разобраться в этом чернильном море – дело зело кропотливое да и деликатности требовало. Между прочими ходатаями находим и генерал-прокурора Сената Павла Ягужинского (1683-1736), того самого, который в сердцах признался Петру: “Государь, все мы воруюем, все, только одни больше и приметнее других”.

Надо признать, самым “приметным” казнокрадом той поры Виллим Иванович вовсе не был (если сравнить его стяжательство с аппетитами “полудержавного властелина” Меншикова или же сибирского губернатора князя Матвея Гагарина (1659-1721), то оно покажется сущей безделицей). Тем не менее, не трудами праведными нажил он палаты каменные в Петербурге и Москве, да и наделы знатные земельные, к коим благоволившая к нему Екатерина прибавляла все новые. Не на камергерское ведь жалованье обзавелся он сонмом челяди и слуг. А откуда взялись в его конюшнях несколько дюжин рысаков и скакунов редких пород – поди как из-за кордона выписаны!

Екатерина I и Виллим Монс

О том, как воспринимали стихотворные опусы Монса его современники, дамы, и особенно полуграмотная Екатерина Алексеевна (изъяснявшаяся по-немецки лучше, чем по-русски) – достоверных сведений нет. Видно, однако, что стихи сии льстили ее самолюбию. Уж очень сильно отличался этот политичный камергер от мужского окружения монархини – людей сугубо практического склада, весьма далёких от стихотворства и утончённой куртуазности. (“Пётр и поэзия - это понятия совершенно противоречащие”, – заметил историк Михаил Богословский. Добавим, что из всей музыки царь воспринимал лишь барабанный бой).

Монс открыл этой коронованной “портмое” (прачке) новый мир чувств, доселе ей неведомый. От грубоватой фамильярности Петра, приправленной циничными шутками, до рыцарского почитания её, прекрасной дамы-повелительницы, каким окружил ее Виллим Иванович, – дистанция огромного размера!

Несомненно, она по-своему любила и ценила супруга, который её, “Золушку”, возвысил и короновал – позади были многие лета испытанной и тесной дружбы. Но и сносила она при этом многое – а главное то, что в чувстве Петра к ней не было не то что деликатности, но и малейшего уважения. Он любил её любовью собственника – как любят лошадь или собаку: можно приласкать, а можно и отстегать. Время от времени монарх указывал на подобающее ей место – награждал пощёчинами, а то и потчевал кулаком. И, конечно, она не забыла ту безобразную сцену, там, в Берлине, в 1718 году, где они с Петром в сопровождении иноземной свиты обходили выставку медалей и статуй античных. Внимание царя привлёк тогда древнеримский божок с непомерно большим детородным органом (такие ставили некогда перед брачным ложем). Пётр захохотал и в присутствии всех стал заставлять

её поцеловать фаллос этого божка. Смущённая, она стала противиться. Тогда расшвирипевший монарх схватил её за шею и силой принудил разжать челюсти и захватить губами мраморный член. И всё это он сопровождал грубыми площадными ругательствами – нет, не по-русски, а на смеси голландского с немецким: чтобы иностранцы поняли!

Сохранилась пространное письмо, писанное Монсом опять-таки на "слободском языке" и адресованная некоей именитой даме. Как видно, сочинена она была "при дому Катерины Алексеевны", а потому – и сомнений в этом нет – оно и адресовано русской императрице. "Здравствуй, моя государыня, - обращается камергер к ней, которую называет "светилом", - кланяюсь на письмо и на верном сердце Вашем.

И как я прочел письмо от Вашей милости присланное, то я не мог удержать слез своих от жалости, что Ваша милость в печали пребываешь и так сердечно желаешь письма от меня к себе. Ах, счастье мое нечаянное!... Я плакал о том, что Ваше сердце рудой (кровью) облилось... Ах, печальны мне эти вести от Вашей милости, да и печальнее всего мне то, что Ваша милость не веру держишь, и будто мое сердце в радости, а не в тоске по Вашей милости, так как сердце Ваше, в письме дано знать, тоскливое. И я бы рад писать повседневно к Вашей милости, только истинно не могу и не знаю, как зачать писать с великой любви и опаси, чтоб не пронеслось и людям бы не дать знать наше тайное обхождение. Да прошу и, коли желаешь, Ваша милость, чтобы нам называть друг друга "радостью", то мы должны друг друга обрадовать, а не опечалить. Да и мне сердечно жаль, что Ваша милость так тоскуешь и напрасно изволишь молодость свою поработить. Верь, Ваша милость; правда, я иноземец, так правда и то, что я Вашей милости раб и на сем свете верный Тебе, государыне сердечной. А остануся и пока жив, остаюся в верности и передаю сердце свое [далее следовало изображение червонного значка, пронзенное с двух сторон стрелами – Л.Б.]. Прими недостойное мое сердце своими белыми руками и подсоби за тревогу верного и услужливого сердца. Прости, радость моя, со всего света любимая!"

Примечательно, что во время "тайного обхождения" Монса и императрицы, между ней и Петром I тоже велась оживленная и шутивная переписка. То была своеобразная игра псевдо-неравной пары – старика, жалующегося на нездоровье, и его молодой жены. Император любил пошутить о своей старости и ее ветрености, но она всегда отвечала шутками, игривыми намеками, говорящими о полной гармонии их интимных отношений. Но и со стороны Петра это была только игра в ревность. На самом деле "свет Катеринушка" пользовалась у него безграничным доверием.

Но таковую семейную идиллию императорского семейства, равно как и положение "бодрого" камергера, нарушило, в прах обратило подмётное письмо на Высочайшее имя. Оно-то и раскрыло глаза самодержцу на особые "внеслужебные" отношения между Монсом и Екатериной. В качестве доказательства были приложены те самые предезерзостные цидулки, что рассылал наш камергер. И хотя имя дамы – их адресата - названо не было, у императора едва ли возникли сомнения на этот счёт. Историк-публицист Лариса Васильева рисует более живописную картину: "Жива легенда. Петра предупредили анонимкой. Показали Екатерину с Монсом лунной ночью, в беседе".

Согласно литературному преданию, Екатерине привиделся тогда сон, будто её постель вдруг закишела змеями, ползавшими во всех направлениях. Одна из них, отвратительная и самая большая, бросилась на неё, обвила её кольцами и стала душить. Та защищается, борется с гадиной и, наконец, сама душит её. Тогда и прочие мелкие змеи поспешно скатываются с постели. То было за две недели до падения её возлюбленного фаворита. Екатерине объяснили этот сон так: ей будут грозить большие опасности, но она, в конце концов, выйдет из них невредимой. Действительность подтвердила такое истолкование.

9 ноября 1724 года осведомленный голштинский камер-юнкер Фридрих Берхгольц сообщал: "Арестование камергера Монса тем более поразило всех своей неожиданностью, что он ещё накануне вечером ужинал при Дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревая и тени какой-нибудь немилости. В чём он провинился - покажет время"...

Время летело стремительно быстро. Следствие закончилось уже 15 ноября, причём роль тюремщика и следователя взял на себя сам Пётр. Сказывают, что при первой же встрече с императором Монс упал в обморок и, боясь пыток, готов был согласиться с какими угодно обвинениями. Историк Виктор Белявский говорит о неких "признаниях" камергера, которые "взбесили Петра", однако считает, что "он все же не бросил тень на императрицу и не выдал своей повелительницы". И в этом может быть усмотрена определённая культурная позиция, а именно – присущее Монсу рыцарское начало.

Да и у Петра хватило ума не выносить на суд общественности действительные причины дела, а в качестве вины Монсу вменялось получение подношений и взяток, предоставление мест на казённой службе, а также присвоение оброка с деревень, входивших в Вотчинную канцелярию императрицы. Вместе с проштрафившимся камергером "за плутовство такое" наказанию подверглись его помощники (царь заподозрил, что они покрывали его амурные шашни с женой): это сестра Монса, статс-дама Матрёна Балк (-1725) (не спасло несчастную даже то, что в прошлом она была метрессой царя), подьячий Егор Столетов, а также легендарный петровский шут Иван Балакирев (1699-1763). Впрочем, всем подельяникам Монса была дарована жизнь.

В ночь накануне казни Монс писал стихи на родном ему языке. Вот их перевод: "И так любовь – моя погибель! Я питаю в своём сердце страсть: она – причина моей смерти! Моя гибель мне известна. Я дерзнул полюбить ту, которую должен бы только уважать. Я пылаю к ней страстью... Свет, прощай! Ты мне наскучил. Я стремлюсь на небо, туда, где истинная отрада, где истинная душа моя успокоится. Свет! На тебе лишь вражда и ссора, пустая суета, а там – там отрада, покой и блаженство".

16 ноября в 10 часов утра перед зданием Сената на Троицкой площади состоялась казнь Монса. Камергер двора, бывший любимец императрицы, известный сердцеед, теперь бледный и измождённый, в нагольном тулупе стоял на эшафоте. Он проявил при этом завидную твёрдость. Выслушав приговор, Виллим Иванович поблагодарил читавшего, простился с сопровождавшим его пастором, которому отдал на память золотые часы с портретом Екатерины, затем разделся, попросил палача скорее приступить к делу, и лёг на плаху. Палач поторопился.... Через несколько минут голова щёголя смотрела с высокого шеста на народ; из-под неё сочилась кровь....

А что Екатерина? Она выказала при этом испытании мужество, в котором было что-то ужасающее. В тот день она казалась необыкновенно весёлой, а вечером позвала дочерей с их танцмейстером и разучивала с ними па менуэта. Но как сообщал в Версаль посол Жак де Кампредон, "её отношение к Монсу было известно всем, хотя государыня всеми силами старается скрыть своё огорчение...".

Казнь Виллима Монса

На другой день царская чета проехала на санях мимо эшафота, где было выставлено тело Монса. Платье императрицы коснулось его. Но Екатерина не отвернулась и продолжала улыбаться, бросив небрежно: "Как грустно, что у наших придворных может быть столько испорченности!"

Но Пётр всё не унимался – он подверг неверную супругу новому испытанию: приказал положить голову казнённого в сосуд со спиртом и выставить его в покоях императрицы. Екатерина и здесь сохранила полное спокойствие. Тогда разъярённый царь одним ударом кулака разбил в её присутствии великолепное венецианское зеркало с возгласом:

- Так будет с тобой и твоими близкими!

Императрица возразила, не обнаруживая и тени волнения:

- Вы уничтожили одно из лучших украшений вашего жилища; разве оно стало от этого лучше?

Историки говорят тем не менее о "многозначительном" примирении между Петром и Екатериной 16 января 1725 года, в ходе которого она "долго стояла на коленях перед царём, испрашивая прощения всех своих поступков". Однако, думается, что после адюльтера с Монсом Пётр потерял доверие к жене, а потому не воспользовался правом назначать себе преемника и не довёл акт коронации Екатерины до логического конца. Измена жены страшно на него подействовала и, несомненно, укоротила ему жизнь.

Екатерина, надо сказать, вела себя столь непринужденно и естественно, что иные историки вообще ставят под сомнение сам факт ее измены Петру. В

доказательство обычно приводят процитированные выше слова императрицы об испорченности придворных. Однако есть основания сомневаться в искренности этих слов: ведь как только ушел в мир иной главный обвинитель процесса – Петр, все “испорченные придворные”, проходившие по делу Монса (Балк, Столетов, Балакирев), были не только освобождены, но и обласканы императрицей – осуждённые за взятки, они получили назад всё своё имущество.

Монса же злоключения не оставили даже после смерти. Свыше полвека спустя его голову, заспиртованную некогда по приказанию Петра, обнаружила в Кунсткамере Президент Российской Академии княгиня Екатерина Дашкова (1743-1810). Хотя голова камергера больше месяца провисела на колу под дождём и снегом, она сохранила притягательные черты бывшего сердцеда. Как об этом пишет Юрий Тынянов в романе “Восковая персона” (1931), “можно ещё было распознать, что рот гордый и приятный, а брови печальные”. Княгиня доставила находку к императрице Екатерине II, и после долгого осмотра было решено захоронить эти останки в тайном месте. Тело же Монса было погребено в подвале Зимнего Дворца Петра (ныне там стоит Эрмитажный театр). Со времён Петра живёт легенда о безголовом привидении Монса, которое бродит по подвалам в поисках своей головы...

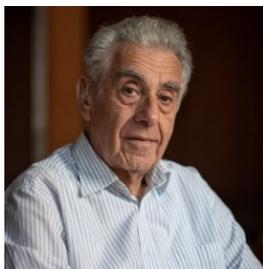
В русской истории Виллим Монс оставил, однако, вполне ощутимый след. И не только потому, что вращался в высших придворных сферах и повлиял невольно на судьбы Дома Романовых. Он знаменовал собой появление в России нового культурно-исторического типа. Его повышенный интерес к дамам, внимание к собственной внешности, изысканные манеры и куртуазное поведение (включающее сочинение и исполнение галантных песен и стихов) станут характерными чертами щеголя-петиметра, укоренившегося в России к середине XVIII века.

Однако, говоря о Виллиме Ивановиче как о “типичном представителе”, некоторые исследователи и логику его поступков пытаются объяснить, исключительно исходя из базовых приоритетов щегольства. Происходит некая унификация, при которой индивидуальное, живое начало исчезает. Так, американский историк Роберт Мэсси видит причину романа Монса с Екатериной в том, что тот, как истый вертопрах, был будто бы одержим неукротимым желанием овладеть именитой дамой. “Следуя традиции смелых и дерзких авантюристов, - пишет Мэсси, - он желал закрепить свой успех, покушаясь на супружеские права самого императора”.

Между тем, немногие сохранившиеся о нашем герое сведения позволяют говорить о нем как о романтике, искреннем во всех проявлениях, человеке, способном неизменно восторгаться красотой, как о вечно влюбленном – во всех своих дам. И влюбленность эта одушевляла его жизнь, питала его творчество и... привела на эшафот. “Печально, если человек, проникнутый чувством дружбы и нежными влечениями сердца, делающими его любимцем прекрасного пола, не умеет владеть преступными увлечениями,... и он, вследствие влияния своих нежных чувств, становится кровавой жертвой мстительной ревности”, - заключает писатель XVIII века. “Тоска велика, сердце кровавое”.

Михаил Гаузнер

Одесса, Украина

«Стоишь на сцене одна и держишь зал». **Изабелла Юрьева**

По легенде, в момент её рождения у проживавшего по соседству музыканта лопнула фортепианная струна, известившая миру о рождении великой певицы. Беллочка Ливикова (а именно так звали будущую любимицу миллионов) родилась в Ростове в 1899 г. в семье Даниила Григорьевича и Софьи Исааковны.

Оба родителя работали в театре. Отец был мастером по театральным шляпам, а мать – постижёром того же ростовского театра, т. е. специалистом по изготовлению накладных бород, усов и париков. Несмотря на причастность к миру лицедейства, родители мечтали о карьере врача для своей младшенькой, в глубине души презирая всякое актёрство и фиглярничество.

– Родилась я в Ростове-на-Дону, – вспоминала Изабелла Даниловна. – Было нас четверо сестричек, все мы страстно любили с самого детства музыку, песни. Без усталости пела я целыми днями.

По рассказам родителей, ещё в детстве случайно встреченная цыганка взяла руку Беллочки и предсказала ей долгую жизнь, добавив: «Сама цыганкой станешь. Монисто золотое, бриллиантовые кольца наденешь, королевой назовут, на трон посадят. Жених по жизни на руках понесёт».

В наше рациональное время мало кто всерьёз верит в подобные предсказания. Но в данном случае они сбылись практически полностью.

Живя рядом с городским садом, девочка ждала каждого устраиваемого там по выходным концерта. Подойдя к забору огороженной сценической территории, она слушала исполняемые романсы и, глядя на певших под лучами прожекторов женщин, представляла себя на их месте, встреченную цветами и аплодисментами публики.

Уже в 12 лет она твердо заявила родителям, что будет певицей. Выбор младшей дочери не стал для них новостью – о её таланте уже не один год говорили не только знакомые, но и профессиональные музыканты, в том числе преподаватели вокала старших дочерей. Музыкальная одарённость была чертой всех их детей, но, в отличие от старших, учиться музыке Белла категорически отказывалась.

Родители не очень наставляли и оказались правы. Её сильного контральто своеобразного низкого тембра с неподражаемыми гортанными интонациями,

а также природной способности передавать испытываемые при исполнении эмоции оказалось достаточно, чтобы покорять публику без приобретаемых при обучении приёмов и навыков. Никто не пел романсы пронзительней и ярче, чем она.

Ей завидовали, мешали, пытались очернить, унижить, против неё была настроена мощная сила официальной идеологии (а она действительно этим рамкам никак не соответствовала). Но публика присвоила ей свои, народные звания. Её называли «мадам Вечный Аншлаг» – за постоянную нехватку билетов на её выступления, «королевой патефона» – за то, что романсы «Очи черные», «Саша», «Только раз бывают в жизни встречи...» и многие другие в её исполнении звучали из каждого рупора. Она была признана «королевой русского романса».

Днём Беллочка заливалась, как соловей, в их дворике на Никольской. А по вечерам тайком бегала со своей подружкой к кафешантану «Палермо», благо это злачное место располагалось на той же улице, в двух шагах от дома.

– Задняя сторона кабаре выходила на нашу улицу, – вспоминала она много лет спустя. – Мы просверлили дырочку в заборе и слушали Екатерину Юровскую (прославленную исполнительницу старинных романсов – М. Г.). Её пение очень меня захватило.

Тогда девочка ещё не знала, что спустя несколько лет будет выступать в одних концертах с Юровской. Матери с отцом она категорически заявила, что непременно станет певицей, другой дороги у неё нет.

Белле исполнилось шестнадцать, и родители совершенно потеряли надежду сделать упрямую дочь врачом или хотя бы медсестрой. Поэтому они особенно не сопротивлялись, когда сосед, скрипач симфонического оркестра Цимбалист организовал её первое публичное выступление на любительском концерте в ростовском городском саду. Девушка спела три народных песни – «По старой Калужской дороге», «Помню, я еще молодухой была», «Над полями, да над чистыми». Собственный успех ошеломил её.

Позже, много раз пересказывая разным журналистам и музыковедам историю своего дебюта, она неизменно упоминала злодея-комара, предательски залетевшего ей в открытый рот, в то время как она «брала дыхание». Едва не задохнувшись, Белла героически продолжила выступление.

Публика великодушно простила даровитой дебютантке маленькую заминку, зато все грядущие интервью певицы «о времени и о себе» обогатились этой интересной и запоминающейся деталью.

Воодушевленная первыми аплодисментами, 17-летняя Белла в сопровождении матери поехала в Петербург, на прослушивание к профессору консерватории. Старшая сестра Анна к тому времени уже училась там по классу фортепиано. Профессор голос одобрил, сказав, что он поставлен от природы. Следующим «оценщиком» стал Алексей Таскин – концертмейстер «чайки русского романса» Анастасии Вяльцевой и великого русского баса Федора Шаляпина. Федор Иванович называл своего аккомпаниатора с ласковой фамильярностью — «Алексис».

Прослушав юную провинциалку, Алексис пришел в совершеннейший восторг. – Когда я кончила петь, – вспоминала Изабелла Даниловна, – Таскин поблагодарил меня, а затем, улыбнувшись, сказал: «Услышав вас один лишь раз, могу утверждать: у вас прекрасный, природой поставленный голос. Вам

не надо учиться – учение лишит вас индивидуальности. Требуется только отрепетировать несколько песен и без промедления начать концертную деятельность». При этом на недоуменный вопрос Анны, сможет ли младшая сестра зарабатывать этим на хлеб, Таскин чуть ли не закричал: «С маслом!». И оказался прав.

Совету мэтра Белла последовала буквально – до конца жизни она так и не выучила нотной грамоты. Её выручали абсолютный слух и совершенная музыкальная память. Талант такого рода не нуждался в бремени академических познаний.

Таскин разучил с ней несколько романсов и организовал её прослушивание у вершителей судеб музыкантов. Так в 18 лет она вышла на свою первую профессиональную сцену. Это было в московском кинотеатре «Колизей»; сопровождал начинающей певице известный пианист Артур Полонский, автор её будущего шлягера «Цветущий май». Именно тогда Белла Ливикова навсегда превратилась в Изабеллу Юрьеву.

Славянский сценический псевдоним оказался не только эффектнее родовой фамилии. Прощание творческой интеллигенции с иудейскими корнями было одним из ведущих «трендов» молодой советской республики. Тут Юрьева была не одинока — тем же самым образом подчеркнули свою приверженность «русскости» певец Леонид Утесов (Лазарь Вайсбейн), поэты Эдуард Багрицкий (Дзюбин) и Михаил Светлов (Шейнкман), писатели Вениамин Каверин (Зильбер) и Илья Ильф (Файнзильберг), актриса Фаина Раневская (Фельдман) и журналист Михаил Кольцов (Фридлянд).

Столичная публика Юрьеву приняла сразу. Сочетание необычного сильного голоса, трогательной искренности и отличного природного вкуса поражало слушателя мгновенно и наповал.

Следующей взятой высотой был концерт в саду «Эрмитаж» – одной из самых престижных сценических площадок Москвы. Пластичная хрупкая девушка с золотой копной волос проявила такой накал страстей, без всякого нажима и аффектации вдохнув в затёртые и запетые романсы их первозданную

свежесть и силу, что тут же получила своё пожизненное прозвище – «белая цыганка».

Путь Изабеллы был полон неожиданностей. В 1924 г. в сад «Эрмитаж» приехал известный питерский импресарио с многозначительной фамилией Рафаэль. Он отобрал нескольких подающих надежды молодых артистов и заключил с ними серьёзные по тем временам контракты – по 15 рублей за выступление. Кроме Изабеллы Юрьевой, в группу счастливцев вошли Алексеев, Хенкин, Смирнов-Сокольский, Редель и Хрусталёв.

Приехавший в северную столицу молодняк был принят «в штыки» занявшими глухую оборону зубрами эстрады. Особенно негодовали ветераны по поводу юной красавицы Юрьевой:

– Кто она такая? — почти по-одесски вопрошали оскорбленные знаменитости. – У нас и оперные за выход таких гонораров не получают.

– Я увидел её, услышал – и умер! – парировал Рафаэль. – И вы умрете.

– Вот и поезжайте с ней умирать в Москву, – предлагали «доброжелатели».

Рафаэль не сдался и решил устроить Изабелле смотрины. Местом действия был выбран театр Юдовского на Невском проспекте. Чтобы проверить воздействие потенциальной примы на публику, в зал нагнали случайных «простых людей». Непростых тоже хватало – на лучших местах восседали директора кинотеатров и эстрадные администраторы.

Спустя полвека Изабелла Юрьева вспоминала: «Я вышла на сцену в черном бархатном платье с длинной ниткой жемчуга. Пела строго, очень деликатно. Одну песню исполнила, вторую, третью... Слышу — захлопали. И давай наперебой приглашать: «Я беру её», «Нет, я беру ее...» Вдруг поднимается молодой интересный мужчина и, что называется, ставит точку: «Позвольте, я возьму её к себе». Это был Иосиф Аркадьевич Эпштейн – директор театрального треста, мой будущий муж».

Ради Юрьевой Эпштейн (Аркадьевым он стал в новой жизни) отказался от карьеры преуспевающего руководителя и стал просто личным

администратором известной певицы. Ездил по гастролям, писал ей песни – «Ласково взгляни», «Весенняя песенка». Он принадлежал к тому типу мужчин, которые влюбляются раз и навсегда. И она ни разу не усомнилась в своем выборе.

– Я, как Федя Протасов, погиб за цыганский романс! – любил повторять Аркадьев.

Но это была сладкая гибель. Они прожили вместе 46 лет.

В Петербурге Изабелла Юрьева пела в кинотеатрах перед сеансами. Был в довоенной России такой самостоятельный эстрадный жанр. Артисты выступали не в фойе, а на сцене, в кинозале. В дивертисментах участвовали молодые Утесов, Борисов, Козин, Хенкин, позднее – Шульженко.

Пройдя эту достаточно суровую школу, Юрьева сразу зарекомендовала себя как отличная актриса. Она легко находила общий язык с любой аудиторией. Великолепные вокальные данные сочетались со сценическим дарованием. Полная свобода и раскованность на эстраде были подкреплены тонким артистизмом. Её особая доверительная интонация действовала на людей неотразимо. «Белая цыганка» добиралась до самой сердцевины романса – говорила не с «массой», а с каждым в отдельности.

Во второй части программы обычно исполнялись цыганские «шлягеры». С особым шармом и темпераментом Изабелла выдавала самые жемчужины фольклора: «Рощу», «Бирюзовые колечки», «Скучно, грустно», «Прощай, мой табор».

На смену сборным концертам пришли сольные. На её афишах вскоре перестали писать: «Известная». Никакой рекламы уже не требовалось – Юрьева делала основные кассовые сборы, администраторы не зря прозвали ее «мадам Вечный Аншлаг».

Репертуар Юрьевой знали наизусть стар и млад: «Саша», «На карнавале музыка и краски», «Жалобно стонет ветер осенний», «Я знаю, ты любишь другого», «Твои письма», «Белая ночь», «Он уехал», «Караван», «Очи черные»... В 1925 г. о невиданном успехе певицы пишут «Известия». Она становится участницей концертов в Колонном зале Дома Союзов, Большом зале консерватории, мюзик-холлах, гастролирует по стране. Гонорары её заоблачны.

Зрителю «отдавалась» она полностью и без остатка. Много лет спустя, глядя на современную эстраду, она так и не поймет, как можно давать несколько концертов в день. Она считала это верхом неуважения к зрителю, для которого ты не выложил все свои силы за раз и позволил себе «быть невзыскательным в своем искусстве, выступать неровно, заведомо допускать послабления».

Кажется, ничто не предвещало беды – она молода, знаменита, красива, любима. А между тем «Аннушка уже пролила масло» и в советской печати прозвучала зловещая аббревиатура РАПМ – Российская ассоциация пролетарских музыкантов. Не откладывая дела в долгий ящик, эти не самые способные музыканты со свойственным эпохе энтузиазмом принялись решать задачу приближения искусства к советской действительности и создания массового революционного репертуара. При этом одновременно предполагалось выжечь калёным железом всё, что в музыкальном плане пролетариату чуждо.

В 1925 г. Иосиф Аркадьев увозит Изабеллу Юрьеву в свадебное путешествие – в Париж. Впрочем, этот незаурядный человек обладал острым чувством опасности. Возможно, путешествие было только предлогом. На самом же деле ему хотелось вырвать её из богемной круговерти обеих российских столиц, спасти от бесконечных ангажементов и назойливых поклонников.

Незадолго до свадьбы один из них, директор Коммерческого банка, всю зиму присылал Изабелле Даниловне 200-рублевые корзины с белой сиренью. Рассыльные из бюро «Красная шапочка» каждую неделю доставляли новые цветы с приколотой записочкой: «Взамен увядших. Целую ручки». Аркадьев резонно рассудил, что до Парижа корзины явно не дойдут.

Во французской столице супруги ровно год наслаждались жизнью. Бродили по городу, захаживали в театры, музеи и синематограф, плавали на пароходике по Сене. Редкая красота Юрьевой притягивала как магнитом и европейцев. Однажды в каком-то ресторанчике подошел режиссер из киностудии «Альбатрос» и предложил ей сняться в испанском фильме. Белокурость туристки из России его не остановила: оказалось, что в какой-то области Испании живут пепельные блондины с голубыми глазами.

Юрьева отказалась, потихоньку прикрывая живот ресторанным скатертью: к этому времени она была уже беременна. Сын Володя родился в такси марки «Ситроен» по дороге в русскую клинику Нейи. На дороге были дикие пробки, и Аркадьев, наполовину высунувшись из открытого окна, кричал по-французски, чтобы их пропустили. Но они не успели, и младенец появился на свет прямо в машине. После того, как перерезали пуповину, Изабелла увидела голую попку своего малыша и только и смогла произнести:

— Укройте его, он же простудится.

Вместо пеленок новорожденного завернули в её котиковую шубу. Она ещё не знала, что у ребенка врожденный порок сердца.

Юрьевой сулили сказочные богатства, выступления на лучших сценических площадках, главные роли в кино, но остаться в благополучной Франции молодые отказались. Изабелла не могла избавиться от ностальгии, помня о народной любви дома и овациях восторженной публики. Отвергнув приглашение в знаменитую «Олимпию» и отказавшись от щедрот обеспеченных французских родственников мужа, супруги в 1926 г. вернулись в Россию.

Но совсем скоро ей предстояло познакомиться с куда менее приятными вещами – коммунальным бытом первого в мире государства рабочих и крестьян. В Москве пришлось ютиться впятером в 16-метровой комнате: сестра с мужем, Юрьева с Аркадьевым и маленький Вовочка. Правда, скоро «квартирный вопрос» и бытовые проблемы нашли неожиданное решение – Иосиф Аркадьевич возглавил парфюмерный трест «ТЭЖЭ».

— Мыло – это политика! – не уставал повторять практичный Аркадьев. И действительно: с мылом (вернее, без него) в Москве было очень плохо. Владеющий мылом практически владел миром.

Семье управляющего трестом, по меткому выражению вождя народов, сразу «жить стало легче, жить стало веселее». Изабелла снова стала готовиться к концертам, а чуть подросшего сына отправили в Ленинград к родственникам Иосифа. Скоро оттуда пришло трагическое известие: мальчик умер, прожив год и два месяца.

– Муж ни за что на свете не брал меня хоронить ребенка, – вспоминала Изабелла Даниловна. – Я осталась в Москве со своим горем. А через два дня вынуждена была выступать на сцене дорогущего мюзик-холла на площади Маяковского. Мне было сказано: публика ничего не должна знать, она пришла веселиться... И я пела, держась за стул. А в ложе над сценой плакала опереточная прима Клавдия Новикова, моя приятельница. Она все знала...

Ни о чем не подозревающие зрители, как всегда, рукоплескали.

Актриса была сломлена. Аркадьев настоял, чтобы жена хотя бы временно оставила эстраду, тайне мечтая, что она уйдет навсегда. Дав на прощание грандиозный концерт в Большом театре, Изабелла Юрьева сделала перерыв в своей творческой биографии – с 19 ноября 1928 г. на долгие восемь лет.

Пауза была вдвойне уместна. Именно с конца 20-х годов РАПМ развязал ожесточенные боевые действия против «мещанства и пошлости» на эстраде. Это клеймо ставилось на всем, что не вписывалось в «будни великих строек» и шло вразрез с бодрой эстетикой маршей и речёвок. Старинный русский романс был назван «цыганщиной», а затем и «буржуазным атавизмом».

Жертвами этой войны стали самые яркие, самые талантливые исполнители. И, разумеется, самые популярные – они представляли особую опасность для масс, отвлекая их своим чуждым искусством от строительства социализма.

Программы концертов стали составлять так, что перед выступлением Юрьевой шли номера с пародиями на романсы. Её пение, по мнению организаторов, должно было быть продолжением хохота зала над пародиями, наглядным примером безвкусицы «ресторанного и чуждого советскому человеку стиля» и сопровождаться свистом публики. Эти пародии были порой настолько злы, что в ожидании своего выхода на сцену Юрьева рыдала за кулисами. Но как ни старались организаторы, каждое её выступление сопровождалось не свистом, а аплодисментами зала стоя.

Так Юрьева превратилась из национальной гордости в мишень для критических стрел, на которой пролетарские музыканты тренировались в изощренном садизме. Еще в 1927 г., до своего вынужденного перерыва, она выступила в переписку с Главреперткомом, пытаясь отстоять свой репертуар. В заявлении уполномоченному репертуарным комитетом певица просит разрешить к исполнению старинные романсы «Никому ничего не рассказывай», «Жигули», «Среди миров» и «Он уехал».

Резолюция политредактора Пиккеля развеяла её последние иллюзии: «Исключительный по пошлости мещанский репертуар. Разрешить сроком на один год одной певице, пока не будут подготовлены произведения, созвучные времени».

Однако «одна певица» предпочла вынужденное молчание выполнению абсурдных требований цензоров. Доходило до того, что ей пытались приписать попытку антисоветской пропаганды: слова романса «Не надо встреч», по логике РАПМовцев, намекают на разъединение масс. Следовало петь «Надо встреч». Юрьева решила, что лучше не петь вообще.

Артистке трудно, почти невозможно жить вне сцены. Аркадьев хорошо понимал это и попытался превратить частную жизнь Изабеллы в подобие сказки.

В 1931 году им дали квартиру в Трехпрудном переулке — кстати, в том же доме, где раньше жила Марина Цветаева. Семья, весьма благополучная в материальном плане, могла себе позволить обставлять квартиру не спеша и

со вкусом. В этом уютном гнездышке можно было хотя бы на время укрыться от бушевавших за окном социальных бурь.

Просыпаясь по утрам, Юр'ева всегда видела на прикроватном столике свежий букетик своих любимых гиацинтов и плитку любимого шоколада «Золотой ярлык». На день рождения муж подарил ей бриллиантовый перстень Фаберже.

Под Воскресенском Аркадьев построил двухэтажную дачу по собственному проекту, с огромной террасой. Телефон во всём поселке был только у них, да еще у примы Малого театра Веры Пашенной. Несмотря на то, что Юр'ева не давала концертов, популярность её оставалась невероятной.

За год до смерти в интервью Радио «Свобода» Изабелла Юр'ева вспоминала:

– Мой муж ходил по дачам и просил: «Ради Бога, или сделайте тише, или снимите!» – всюду

ставили мои пластинки «Саша», «Белая ночь». Я боялась, что больше не смогу это петь, настолько мне надоело слышать эти песни из каждого окна.

В 1936 г. Иосиф Аркадьевич купил у одного американца золотистый «Крейслер». Во всей Москве второй такой автомобиль был только у наркома НКВД Ежова. По воспоминанию Юр'евой, когда они встречались на дороге, то неизменно салютовали друг другу.

Лето Изабелла и Иосиф проводили на Клязьме, катались на лодке, ели свежую клубнику, принимали гостей. Но Юр'ева уже начала скучать и томиться по сцене. Аркадьев не возражал против её возвращения – понимал, что это неизбежно. Он даже написал несколько текстов для её новых песен: «Если помнишь, если любишь», «Ответ на дружбу», «Первый бал»; самой популярной стала «Если можешь, прости».

И возвращение на круги своя состоялось. Но это были круги ада. Обожаемую народом певицу начали обрабатывать грубые каменотесы от пролетарской культуры. Если в самом начале её карьеры концертмейстер Таскин отказался от какого бы то ни было учительства, считая, что Юр'ева – готовый бриллиант, не нуждающийся в огранке, то теперь её, сложившегося мастера, поучали все, кому не лень.

– Уберите эти грудные нотки! Долой цыганщину! Снимите надрыв! – требовали редакторы во время записи первой пластинки. В результате её низкий голос завывался на тон-полтора, уникальный тембр нивелировался, и она пела «как все».

– Хватит романсов! И не тычьте в нас своего Пушкина, он нам не указ. Разучите советскую патриотику, созвучную духу времени! – слал директивы Главрепертком. И тут же выдавал образчик «правильной» советской песни:

Стоит на вахте мира прославленный шахтер,

он в угольные скалы врубается в упор.

Не спит товарищ Сталин ночами напролёт,

он тоже вахту мира в Кремле для нас несёт.

– Я не смогу это спеть, мои связки не выдерживают этой тональности, – мгновенно отреагировала Юрьева.

И даже талантливый композитор Дунаевский, возможно, разочарованный тем, что Изабелла Даниловна не желает включать его оптимистическую песенную лирику в свои концерты, публично попенял ей в газете за излишнюю эмоциональность и драматизм исполнительской манеры. Список эстетических претензий завершала рекомендация «осоветить» репертуар .

Цинизм и ханжество победившей идеологии чётче всего проявлялись во время ночных концертов в Кремле. Юрьевой довелось несколько раз принимать участие в этих Валтасаровых пирах: раздавался звонок из соответствующего ведомства – и приходилось ехать. Первый раз, в 37-м, ей было особенно жутко. Ни жива ни мертва, она сидела за пиршественным столом между «всесоюзным старостой» Михаилом Калининным и коллегой по цеху Иваном Козловским. Перед выступлением артисты получили соответствующие указания.

– Только не агитируйте нас за советскую власть! – было передано от лица «хозяев». – Можете петь свою цыганщину.

Совсем рядом прошел Сам. Пристально посмотрел в лицо Юрьевой своими жёлтыми глазами тигра, но ничего не сказал. Поговаривали, что на одном частном приеме он несколько раз заводил патефон с её пластинкой, приговаривая: «Харошая песня, харошая пэвица, харашо поёт». Её не радовал такой успех – «минуй нас пуще всех печалей...».

– Для некоторых там открывались большие возможности: роли, оклады, – задним числом рассуждала Юрьева уже в 90-х. – Но выступать на застольях-концертах было тяжело. Не помогало ободряющее похмыкивание Калинина, а присутствие Сталина прямо-таки сковывало. Не только мне трудно было в Кремле – не совсем уверенно чувствовали себя и Хенкин, и Утесов. У нас, грешных, таилась мыслишка: попадаем ли мы с концерта домой? Непростые были времена...

Тогда же, в 1937-м, Юрьева записала первую песню на пластинке. Называлась она «Ты помнишь наши встречи». Надо сказать, что песня эта родилась благодаря Эпштейну, подарившему жене, да и по сути всему советскому народу русскую версию популярного зарубежного танго. Успех был ошеломительным. Юрьевой дали некоторое послабление и снова, хоть и редко, стали включать в концертные туры.

Даже в эти времена, несмотря на многочисленные удары судьбы, Изабелла Юрьева оставалась пленительной женщиной, окружённой многочисленными поклонниками. Среди них были очень разные мужчины всех видов и возрастов – и юные беспризорники, провожавшие её с мужем домой после концерта, держась на почтительном отдалении, и совершенно не знакомый гражданин, дежурящий по утрам у дверей её квартиры. Приветствуя её, он всегда приподнимал шляпу — до тех пор, пока его не забрала милиция.

Однако особое место, конечно, занимали богатые и знаменитые. Ещё до замужества за Юрьевой увивался Арманд Хаммер – сын еврейского эмигранта из Одессы, будущий американский миллиардер.

Он помогал большевикам пробивать экономическую блокаду Запада – содействовал тому, чтобы в СССР пришёл американский капитал, и прежде всего – Генри Форд, построивший в Москве автомобильный завод.

Денег у хозяев новой России тогда не было, и Хаммер брал натурой – мехами, икрой, драгоценностями. А главное – тем, что большевики считали «буржуйским хламом»: антиквариатом и произведениями искусства. В нищей, голодной, холодной Москве 20-х годов Хаммер жил на широкую ногу. Его дом на Садово-Самотечной превратился в настоящий музей. Слабость к цыганским романсам и женской красоте толкнула этого малосимпатичного господина к ногам Юрьевой. Хорошо, что вкус ей не изменил и она ему отказала.

Но были у Изабеллы Даниловны другие воздыхатели. Её расположения искал поэт и переводчик Маршак, но Юрьева не ответила ему взаимностью. Зато в более важном Самуилу Яковлевичу явно повезло: Сталин собственноручно вычеркнул его фамилию из расстрельного списка, сказав, что Маршак «хороший наш детский поэт».

Жертвой неотразимого женского обаяния Изабеллы оказался и Зоценко – навек отравленный газами и XX-м веком офицер первой мировой, прекрасный писатель с грустными глазами. Своими чересчур частыми визитами Михаил Михайлович вывел из себя тишайшего Иосифа Аркадьевича, и тот пообещал спустить его с лестницы. Зоценко исчез из жизни Юрьевой, оставив фото с трогательной подписью и книжку на память.

Список женских побед Изабеллы Юрьевой можно продолжать до бесконечности. Её женственность на фоне государственного «стирания граней между мужчиной и женщиной» была просто кричащей. Когда они с Аркадьевым шли по московской улице, от них исходило сияние.

Война «реабилитировала» Юрьеву как певицу. Уже на второй день после её начала Изабелла Даниловна выступала на вокзалах и мобилизационных пунктах. Потом она много пела перед бойцами в разных госпиталях, в составе фронтовых бригад выезжала на Карельский фронт, по Дороге жизни – в Ленинград, пела в только что освобождённом Сталинграде.

Белокурая красавица отличалась храбростью. Эта избалованная любовью женщина оказалась на удивление храбрым человеком. Она не боялась обстрелов. Не опасаясь потерять голос, пела в такие морозы, во время которых даже ботинки примерзали к сцене. Дала 106 концертов в блокадном Ленинграде – без микрофона, на открытом воздухе или в неотопляемых помещениях.

Для фронтовых концертов Юрьева специально разучила несколько новых патриотических песен. Но они оказались невостребованными. Стоило воинам увидеть белокурую певицу и услышать её ставший для многих родным голос, они начинали выкрикивать названия любимых песен: «Саша»!», «Если можешь, прости»!», «Белая ночь»!» Это была её личная победа, заслуженная талантом и верностью жанру.

В военные годы Юрьева вообще помогала всем, кому могла, и далеко не только песнями. Так, известна история, как она прислала посылку в Ташкент матери Андрея Миронова, известной актрисе Марии Мироновой. Андрей только-только переболел сложнейшей тропической дизентерией, но

восстанавливался очень медленно – во многом потому, что питались все в городе скудно, нигде нельзя было найти никаких продуктов. А тут в посылке – манная крупа, сахарный песок, шоколад. Позже в фильме-концерте 1983 г. Андрей Миронов поцелует руку Изабелле Юрьевой и произнесет: «Мне сказали, что благодаря вам я выжил!»

После войны безоблачная для романса пора снова закончилась. Первый гром грянул летом 1946 г.. В газетах были опубликованы сразу три постановления ЦК ВКП(б): «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров», «О кинофильме «Большая жизнь». В последнем критиковались песни композиторов Богословского и Фатьянова, признанные порочными и идейно-непригодными. Это был сигнал к очередной кампании по борьбе с «легким жанром».

– Снимите форте! Меньше эмоций! Пойте спокойнее! – опять услышала Юрьева. В конце 40-х годов «цыганщина» вновь была признана вредительством.

«Королева романса» сопротивлялась, сколько могла, но в 1959 г. вынуждена была распустить свой ансамбль. Она ещё выступала в сборных концертах, но имя певицы всё реже появлялось на афишах. В 1965-м она дала свой последний концерт в Ленинградском театре эстрады. Очевидцы утверждали, что голос звучал превосходно. На сцене стояла красивая стройная женщина, безраздельно владеющая залом. Ей хотелось, чтобы её запомнили именно такой.

Через шесть лет Изабелла Юрьева овдовела. Она не только лишилась любящего и заботливого мужчины – рухнул весь её мир.

Бытовая беспомощность Изабеллы Даниловны была вопиющей. При Аркадьеве она так и не научилась зажигать газовую конфорку, ни разу не ходила за хлебом, никогда не пыталась готовить еду.

Спасаясь от одиночества и депрессии, Юрьева подселела к себе незнакомых девочек-студенток на роли домработниц. Овчинка не стоила выделки: у неё стали пропадать вещи – серебряные ложки, чашки и тарелки из дорогого сервиза, памятные письма от известных людей. Теперь дни напролет она проводила в четырёх стенах, рассматривая старые фотографии и слушая раритетные записи. Казалось, её забыли все.

И вдруг в 70-х интерес к романсу оживился. Оказалось, что петь эти простые мелодии с незамысловатыми текстами дано очень немногим. А так петь, как она – страстно и сдержанно, откровенно и целомудренно, – вообще никому. К Юрьевой бросились журналисты с фотокарами и режиссеры с операторами. Она испытала удивление и запоздалое торжество. И на радости и по неопытности раздавала множество уникальных афиш и старых рецензий.

О ней стали писать, её приглашали на радио. В 1980 г. Владислав Виноградов снял о ней телевизионный фильм «Я возвращаю Ваш портрет», а в 1993 г. Анисим Гиммерверт — посвященные ей и Вадиму Козину «Два портрета на звуковой дорожке».

В 1992 г. российская общественность торжественно отметила 90-летие Юрьевой. Она наконец стала народной артисткой России, миновав звание заслуженной. Через два года Изабелла Даниловна пригласила известных мастеров искусства в ресторан "Прага" отметить свое... 95-летие. Приглашенные были шокированы – как такое может быть?

А объяснялось это очень просто. Когда в начале 1930-х годов в СССР вводилась паспортная система, возникла реальная возможность добавить или скостить себе годик-другой. Конечно, большинство женщин, особенно из богемы, воспользовались этим (достаточно вспомнить Любовь Орлову или Марию Литвиненко-Вольгемут). Юрьева, от природы скромный человек, скостила себе всего три года. Но через 60 с лишним лет, вспомнив, что «её года – её богатство», она открыла свою тайну.

В 1999-м, в год своего 100-летия, получила орден «За заслуги перед отечеством» IV степени — единственную свою государственную награду.

В 1995 г. главный хранитель Ростовского музея краеведения Зинаида Римская организовала Фонд Изабеллы Юрьевой. Певица навсегда сохранила лучезарные воспоминания о Ростове и с радостью отдала «Зиночке» свои концертные тубельки, гребень, счастливый браслет и сценический веер.

Она ещё спела на сцене и в свои настоящие 95, и в 98. Чувствуя дыхание зала, старая актриса преображалась и молодела на глазах. Удивительно, но её голос по-прежнему звучал. Публика слушала стоя.

Несмотря на запоздалый триумф, Юрьева ощущала трагическое несовпадения своего искусства и эпохи. Она расстраивалась, когда слушала собственные записи 30-х годов с искусственно завышенным голосом, «вычищенным» от фирменных гортанных нот и «излишней эмоциональности».

– Память Изабеллы Даниловны была избирательной, – рассказывает лично знакомый с певицей сотрудник краеведческого отдела Донской публичной библиотеки Эмиль Сокольский. – Она сердилась, когда я хвалил задушевно напетые ею советские песни. «Заставляли петь этот репертуар, вот и пела. Слушай лучше романсы!

Настоящим триумфом 7 сентября 1999 г. стал её 100-летний юбилей в ГЦКЗ «Россия». Впервые в истории России вышла на сцену 100-летняя актриса. Вернее, Иосиф Кобзон практически вынес её туда на руках. Четырехтысячный зал встретил Изабеллу Юрьеву стоя, громом аплодисментов. Выглядела она фантастически: в черном бархатном платье, норковой накидке на плечах, тубельях на шпильках и в своих лучших драгоценностях – бриллиантовых серьгах и перстне работы Фаберже.

Маленькая, ссутулившаяся, она обхватила Кобзона за шею, как ребенок. Он поставил её перед микрофоном, приобняв за плечо. И она спела тот самый романс на слова Павла Германа «Не надо встреч», который ей в конце 30-х запрещали петь бездарные цензоры – да так, как сейчас уже никто не может петь. Зал долго не мог успокоиться.

Иосиф Кобзон в последние годы принимал очень большое участие в её жизни. Он даже нашел ей новую домработницу, которая вкусно готовила и хорошо её кормила.

1 января 2000 г., после встречи нового тысячелетия, Изабелла Даниловна слегла, а 20 января тихо угасла. Иосиф Давыдович хотел похоронить Юрьеву на Новодевичьем кладбище, но её близкие настояли на том, чтобы она лежала на Донском, где покоятся её сестры и муж.

В какой-то из последних телепередач она вспомнила, каково было выступать «в её время»:

– Стоишь на сцене одна, как в лесу, и держишь зал. Без микрофона, оркестра, декораций и спецэффектов. Тут и видно, кто чего стоит.

Эта уникальная женщина всей своей жизнью это доказала.

Источники: Википедия, отрывки воспоминаний И. Юрьевой, опубликованные в Livejournal, Tunnel.ru., Spekrnews.in.ua, Shanson.org, статьи А. Агулянского «Мадам Вечный Аншлаг» в «Proza.ru», А. Викторова «Изабелла Юрьева – царица русского романа» в «Jewish.ru», И. Родиной «Изабелла Юрьева. Роман с романсом» в журнале «Культурная столица», м-лы сайтов «Peoples.ru», «Inpearls.ru», «Aif.ru» и др.

Семен Резник

США

Илья Мечников, Николай Вавилов. Два этюда. Из архива писателя

Небольшая, скромно изданная книжка «Этюды о лекторах» вышла в 1974 году, то есть 50 лет назад, в издательстве «Знание». В ней 18 очерков, написанных разными авторами. В их числе два моих: о И.И. Мечникове и о Н.И. Вавилове.

К тому времени я был автором двух книг серии ЖЗЛ: «Николай Вавилов» (1968) и «Мечников» (1973) – потому, надо полагать, меня пригласили к участию в сборнике. Однако о каких-либо контактах с его составителем М.М. Митрофановым и/или с редактором Н.Н. Огородниковой я не помню, да и о существовании такой книги вспомнил лишь после того, как она попалась мне на глаза.

Обнаружив в оглавлении свое имя, я перечитал эти два «этюда» 50-летней давности и убедился, что это не простой пересказ моих же книг о Мечникове и Вавилове, потому считаю возможных предложить их нынешним читателям.

В текст 50-летней давности внесены незначительные поправки.

Семен Резник

Декабрь 2024

* * *

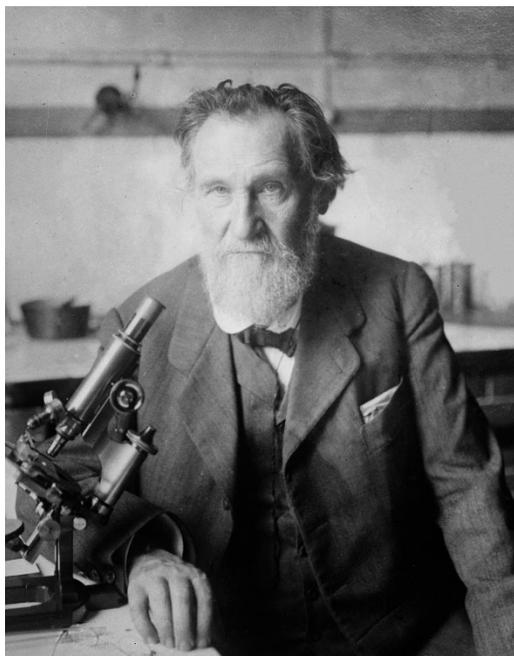
Семен Резник

«НЕ УПУСКАЛ СЛУЧАЯ ВЫСКАЗАТЬСЯ»

«Этюды о лекторах», Москва, «Знание», 1974, стр. 74-80

Утром 19 октября 1913 года у Ильи Ильича Мечникова случился сердечный приступ. Боль в груди была такой сильной, что Мечников ждал смерти в

любую минуту. Но когда Ольга Николаевна вошла к нему в комнату, она застала мужа не в постели, а за письменным столом. Бледный, тяжело дыша, Илья Ильич что-то стремительно записывал на бумаге...

Илья Мечников (между 1910 и 1915 гг)

Он не знал, что не умрет в этот день.

Не знал, что не умрет через месяц и через год, что еще почти три года отпущено ему судьбой. И каждый раз, как только острая боль пронзала сердце, он судорожно хватался не за грудь, а за карандаш... Последнюю запись он уже не мог сделать сам и продиктовал жене.

Так появилось не главное и не наиболее значительное, но самое характерное для Мечникова произведение: «Записи самонаблюдений».

Он не делал завещательных распоряжений. Не жаловался на то, что умирает. Не вымаливал у Бога местечка в райских куцах. В загробную жизнь Мечников не верил с гимназических лет и, перед лицом смерти, нимало не сомневался, что ждет его полное уничтожение.

Смерть, однако, его не страшила. Так он говорил жене, так говорил друзьям, это же он сказал нам, потомкам, в своих предсмертных записях.

Из всего, что сделал Мечников, его работы о старости и смерти занимают особое место. В них много спорного, надуманного, просто ошибочного. Но они же подкупают широтой воззрений, глубокой убежденностью в своей правоте, и, главное, большим философским содержанием.

Мечников стремился не к тому, чтобы «вытянуть прозябание человека на земле эдак лет до 125», как писал о нем один бойкий фельетонист, -- он хотел изгнать из души человеческой страх смерти и тем сделать жизнь долгой и

радостной. Мечников считал, что инстинкт жизни, инстинкт самосохранения не постоянен. В молодости он развит слабо, в зрелом и пожилом возрасте достигает расцвета, в старости же должен опять ослабевать, постепенно сходить на нет и даже переходить в свою противоположность, в инстинкт смерти, когда появляется потребность уйти из жизни – точно так же, как после тяжелого трудового дня хочется поскорее заснуть.

В действительности ничего подобного наблюдать Мечникову не приходилось, но он был убежден, что виною тому *преждевременная* старость, наступающая тогда, когда человек не исчерпал еще всех ресурсов, отпущенных его организму природой.

Придя к заключению, что жизнь человеческая укорачивается из-за медленного отравления ядами гнилостных бактерий, гнездящихся в толстой кишке, и что бактерии эти можно изгнать, если постоянно употреблять кислое молоко, Мечников разработал «правильный» гигиенический режим и испытывал его на себе в течение последних 18 лет жизни.

Целебные свойства кислого молока ныне вряд ли можно оспаривать. Не случайно кефир входит в состав молочных смесей, которыми подкармливают младенцев. Но младенцам дают кефир не для того, чтобы отсрочить их старость...

Механизм старения не сводится, конечно, к деятельности гнилостных бактерий – Мечников трактовал сложнейшую биологическую проблему слишком односторонне.

Однако не может не вызвать глубокого уважения страстная убежденность Мечникова, его стремление собственной жизнью доказать правильность своей теории.

Он умер в 71 год.

Возраст почтенный, но далеко не достигавший тех пределов долголетия, которых, согласно своей теории, Мечников должен был достичь. Какой же тогда прок в его простокваше?

Илья Ильич предвидел этот вопрос. На него и отвечал в своих предсмертных наблюдениях над самим собой.

Он уверял, что наследственно не предрасположен к долголетию и, если бы не гигиенический режим, то умер бы значительно раньше. Он уверял, что жизнь свою прожил в ускоренном темпе. Напоминал, что свой режим стал применять уже в пожилом возрасте. Так ученый «оправдывался» за свою раннюю смерть.

Главное же, что доказывал Мечников, -- это то, что страх смерти его покинул, а следовательно, свой жизненный цикл он прошел до конца... Эту мысль он варьирует многократно во всех предсмертных записях, точно сам не вполне верит в нее, а, главное, боится, что ему не поверят другие.

Так, стоя одной, нет, уже обеими ногами в могиле и превозмогая острую сердечную боль, Илья Ильич спешил досказать свои самые дорогие мысли, доспорить с воображаемыми оппонентами.

Что ж, он только оставался самим собой, ибо, говоря словами его ближайшего друга французского ученого Эмиля Ру, он «никогда не упускал случая высказаться».

Первый цикл лекций Илюша прочел в девятилетнем возрасте. Прочел несмотря на то, что лекции эти ему дорого обходились. Ибо братья, сестра, другие ребяташки предпочитали играть в обычные детские игры, нежели

внимать разглагольствованиям самого младшего из них. Чтобы собрать непоседливую аудиторию и заставить ее слушать, Илюша... платил каждому по две копейки. Это был, по-видимому, единственный в мире лекторий, в котором лектор платил слушателям за внимание.

Позднее, когда Илья стал гимназистом, он лекций товарищам уже не читал: карманные деньги тратил на книги. Однако и здесь он «не упускал случая высказаться», так что за ним прочно закрепились две клички: «Боганет» и «Проповедник». Казалось бы, взаимоисключающие друг друга, они точно определяют характер юного Мечникова. Ибо, отвергнув религию, юноша страстно проповедовал анти-религию.

И.И. Мечников оставил неизгладимый след, по крайней мере, в трех областях науки.

Зоолог по образованию, он вместе с А.О. Ковалевским заложил основы сравнительной эволюционной эмбриологии. Именно Мечников и Ковалевский, изучая зародышевое развитие различных типов беспозвоночных животных, доказали их родство между собой и с позвоночными. Опираясь на учение Дарвина, они выстроили генеалогическое древо животного царства. Если последующие поколения ученых вносили изменения в начертанную ими схему, то изменения эти касались частностей, но не принципов.

В начале 1880-х годов Илья Ильич выдвинул фагоцитарную теорию иммунитета. Необходимость защищать свои взгляды заставила его углубиться в бактериологию, и вскоре он стал одним из ведущих бактериологов мира. Мечников внес важный вклад в изучение брюшного и возвратного тифов, холеры, туберкулеза, сифилиса, других инфекционных болезней.

Уже в пожилом возрасте он занялся изучением старости и смерти, и работы его стоят у истоков современной геронтологии и гериатрии.

Илья Ильич был убежден, что именно с развитием науки связано все будущее человечества. От того, как глубоко наука сможет заглянуть в тайны природы, и от того, как широко добытые учеными знания распространятся в обществе, зависит, по мнению Мечникова, будущее счастье людей.

Добыванию истины и ее распространению Мечников и посвятил свою жизнь. О науке он мог говорить когда угодно, где угодно и сколько угодно. Он охотно отвлекался от своих текущих исследований, чтобы написать популярный очерк, дать интервью для газеты или выступить с публичной лекцией.

За свою жизнь Илья Ильич прочитал тысячи лекций и докладов. К сожалению, далеко не все они сохранились, но и то, что мы знаем о них, позволяет воссоздать облик Мечникова-лектора, Мечникова-просветителя.

Профессор Г.Е. Афанасьев, посещавший публичные лекции Мечникова, писал жене Ильи Ильича: «Мечников был виртуоз, который говорил с такой кристаллической ясностью, что слушателю начинало казаться, что все это и он мог бы вперед сказать и что в этом и сомневаться невозможно. Когда он характеризовал процесс борьбы фагоцитов с болезнетворными бактериями, то эта борьба становилась такой яркой, что получалось чувство, как будто близко к вам существа борются с их и вместе с вашими врагами. Когда же в заключение Илья Ильич захватывал эту борьбу на пространстве тысячелетий, чуть ли ни с начала мироздания, и когда он выяснял, как человек с его наукой выступает в этой борьбе на стороне фагоцитов и что из этого может выйти, то получалась такая колоссальная картина, что у меня дух захватывало и мурашки шли по спине от этого необъятного размаха мысли...»^[1].

Как всякий опытный лектор, Илья Ильич пользовался, по-видимому, своими отработанными приемами. К лекциям он тщательно готовился, продумывал заранее тему, план, отбирал материал, выбирал способ аргументации, подготавливал препараты для демонстрации. Однако главная причина его успеха – «в необъятном размахе мысли»...

О чем бы ни читал лекцию Мечников, он никогда не ограничивался изложением уже известного, отстоявшегося в науке. Каждая его лекция подчинена определенной главной идее, -- той идее, какую наиболее важно было, по мнению лектора, в данный момент сообщить аудитории.

Мечников редко записывал свои лекции, в этом и не было смысла, так как во время чтения он много импровизировал, мысли и обобщения нередко рождались прямо в аудитории.

Илья Ильич читал очень увлеченно. В одесском Новороссийском университете, где Мечников 12 лет возглавлял кафедру зоологии, студенты рассказывали друг другу случаи, как профессор однажды по ходу лекции решил продемонстрировать препарат, но оказалось, что тот заранее не был доставлен в аудиторию. Он быстро сошел с кафедры и, продолжая читать, отправился в лабораторию, а когда вернулся, то продолжал говорить с таким видом, будто бы не покидал аудиторию. Действительно ли был такой случай, или его придумал кто-то из студентов, но важно, что это рассказывали, в это верили, значит это было правдоподобным, такое могло случиться. Увлеченность лектора передавалась слушателям. В этом одна из причин его успеха.

В годы преподавания в Новороссийском университете к Илье Ильичу часто обращались с просьбой прочесть публичную лекцию в пользу нуждающихся студентов, в пользу студенческой кассы взаимопомощи или другой какой-нибудь благотворительной организации. Мечников никогда не отказывался. Так появились многие его лекции, некоторые из них были опубликованы, и впоследствии Илья Ильич включил их в свою книгу «40 лет искания рационального мировоззрения».

В 1886 году Илья Ильич приходит к мысли о необходимости создать в Одессе бактериологическую станцию. Один из ближайших его учеников Н.Ф. Гамалея отправляется в Париж к Пастеру, чтобы освоить методику прививок против бешенства, а сам Мечников начал нелегкую борьбу за создание станции. Одно из главных средств этой борьбы – просветительская деятельность.

Мечников ведет индивидуальные беседы с влиятельными людьми. Делает доклады в Обществе одесских врачей, пишет статьи в газету «Одесский листок», выступает с публичными лекциями, в которых рассказывает о программе деятельности будущей станции.

В июне 1886 года впервые прививка пастеровской вакцины против бешенства была сделана вне Парижа. Это произошло в Одессе. Одновременно под руководством Мечникова развернулись исследования в самых разных направлениях.

На станции Мечников организовал холерные курсы, на которых обучал врачей бактериологическим методам диагностики холеры. Курсы возникли в связи с тем, что в Австро-Венгрии вспыхнула эпидемия холеры и появилась опасность ее заноса в Россию. Как только опасность миновала, Мечников ликвидировал холерные курсы и основал вместо них бактериологические. За

два года здесь прошло обучение свыше пятидесяти врачей – первое поколение бактериологической школы Мечникова.

Один из ближайших учеников Ильи Ильича Я.Ю. Бардах вспоминал: «Научная работа его самого, руководство, участие и контроль научных работ ассистентов, учеников, чтение лекций по микробиологии, организация и ведение холерных курсов, доклады в Обществе одесских врачей, участие в губернском съезде санитарных врачей, беседы с многочисленными городскими и земскими деятелями всего Юга России, с врачами, местными и приезжими, публичные лекции – весь день протекал в этой кипучей работе»[2].

Как видим, просветительской работе заведующий бактериологической станции уделял очень много внимания.

О его лекциях Я.Ю. Бардах пишет особо:

«Лекции привлекали особое внимание. Слушать И.И. приезжали из других городов. Выдающийся лекторский талант при глубокой научности и чрезвычайная простота и доступность изложения, свежесть, яркость и широта мысли, затрагиваемые в лекциях вековечные проблемы жизни захватывали слушателей. Заканчивались эти лекции страстной апологией науки. Она является могущественным орудием прогресса. Еще долго, долго после окончания лекции слушатели шумной взволнованной и восторженной толпой окружали И.И.»[3]

Мечников иногда жаловался, что публичные лекции отрывают его от научной работы. Но охота пуще неволи. «Я думаю, -- замечает Я.Ю. Бардах, - что он любил эти лекции. При его необыкновенно живом темпераменте ему необходимы была время от времени живая реальная связь с аудиторией»[4].

К сожалению, от научной работы в годы заведования бактериологической станцией Мечникова отрывали не только лекции. Слишком велик был страх обывателей, веривших нелепым слухам, будто станция распространяет болезни. Слишком велико было недоверие многих врачей к новой науке. Слишком настоюще вели себя городские власти, то и дело засылавшие на станцию комиссии, дабы выискать какие-либо упущения, которые только мешали работать. В конце концов Мечников не выдержал. Он оставил станцию, оставил Россию, благо приютить его вызвался сам Луи Пастер.

Поселившись в Париже, Мечников мог, наконец, полностью отдаться своим исследованиям. Его лаборатория в Пастеровском институте – это его крепость, башня из слоновой кости; здесь он мог, наконец, сосредоточиться на своих научных исследованиях.

Но уединенная работа не в характере Ильи Ильича. В институте Пастера он обзаводится множеством учеников. Вместе с Эмилем Ру организует курсы по микробиологии, на которых читает лекции о своей теории воспаления. Он активный участник почти всех международных конгрессов. И один из популярнейших лекторов.

Просветительская деятельность Мечникова особенно увеличивается в заключительный период его научной деятельности, когда центральное место в его исследованиях заняли проблемы старения. Он читает десятки лекций в разных городах и странах на русском, французском, немецком языках. Он рассказывает о микробах, населяющих наш кишечник, о том, как с ними бороться, о кислом молоке и о многом-многом другом. В эти же годы Мечников читает публичные лекции по проблемам борьбы с холерой, сифилисом,

туберкулезом, тифом, по многим общебиологическим проблемам, проблемам личной и общественной гигиены.

В 1906 году Илья Ильич прочел цикл публичных лекций в Харбине (Великобритания), и вскоре они были изданы отдельной книжкой в Лондоне на английском языке. В предисловии к этой брошюре видный английский биолог, друг Мечникова Рей Ланкастер писал:

«Читатель должен рассматривать эти лекции как обзор мыслей и методики работы одного из величайших людей науки – истинного благодетеля своей расы, но прежде всего изыскателя, полного всепоглощающего рвения раскрыть тайны природы»[5].

В 1908 году Илье Ильичу Мечникову за исследования в области иммунитета была присуждена (вместе с Паулем Эрлихом) Нобелевская премия. В мае 1909 года Илья Ильич поехал в Стокгольм на торжественную церемонию вручения премии, а оттуда приехал в Россию.

Это была триумфальная поездка. Внимание всей России в течение трех недель было приковано к Мечникову. Для Ильи Ильича это были три недели неустанной просветительской работы.

В Петербурге Мечников посещает больницы, лаборатории, ночлежные дома; заседает в санитарной комиссии; на вечере, посвященном его чествованию, читает лекцию о холере; посещает Женский медицинский институт, где произошёл импровизированный диспут об эффективности противохолерных вакцин; на объединенном заседании всех отделений Общества охранения народного здоровья посвящает большую речь борьбе с возвратным тифом; на заседании Микробиологического общества выступает в прениях по всем докладам. Это не считая десятков интервью журналистам и торжественных обедов, весьма тягостных для его привыкшего к строгой диете желудка...

В Москве Мечников читает лекцию о кишечной флоре человека, посещает Женские медицинские курсы и дает интервью, доказывая журналистам правильность своего гигиенического режима, благодаря которому, как заверял Илья Ильич, он в свои 64 года чувствовал себя более бодрим и крепким, нежели в 35 лет.

Разразившаяся в 1914 году мировая война нанесла глубокую душевную травму Мечникову. Он, всю жизнь проповедовавший силу науки, силу человеческого разума, веривший, что добываемые учеными знания будут служить благу людей, стал свидетелем того, как вся мощь современной ему науки стала использоваться для их уничтожения. Ученый тяжело переживал это безумие. Настолько тяжело, что, когда Мечников умер, его называли еще одной жертвой войны.

И все-таки глубокая вера в человеческий разум не покидала его. «Если справедливо, как это часто утверждают, что нельзя жить без веры, то последняя не может быть иной как верой во всемогущество знания». Этими словами Илья Ильич завершил одно из самых значительных своих произведений: книгу «Этюды о природе человека»[6].

Книга эта впервые вышла в свет в 1903 году, когда Илья Ильич был в расцвете сил. Позднее он не раз ее перерабатывал, однако приведенные строки сохранил неизменными и в последнем прижизненном издании...

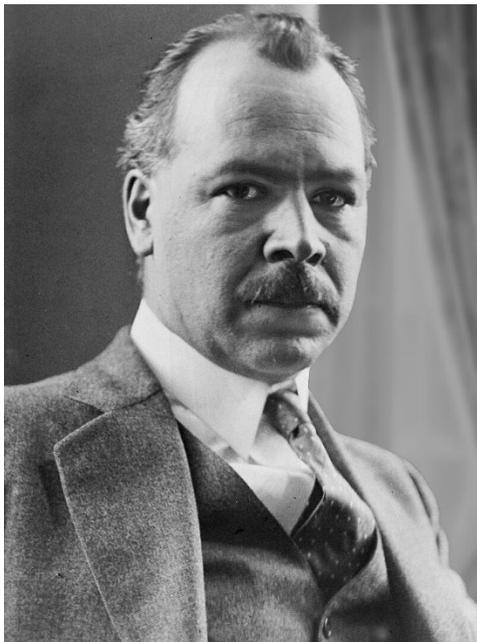
* * *

«ДОКАЗАТЬ СЕБЕ САМОМУ...»

«Этюды о лекторах» / М., «Знание», 1974, стр. 160-166

28 июня 1912 года молодой ученый, преподаватель Голицынских женских сельскохозяйственных курсов Николай Иванович Вавилов писал своей невесте Екатерине Сахаровой:

«Педагогика закончена. 10 лекций, бесед, занятий – уже не знаю, как их назвать... Времени отняли пропасть. Итоги: конкретное представление о педагогике и сознание малой пригодности и склонности к ней, особенно в низведении ее на вдалбливание и элементы». – И дальше: «Суть в том, что неудачи с педагогикой настраивают очень скверно и обескураживают самого себя...»^[7].

Николай Вавилов в 1933 году

Так юный естествоиспытатель оценивал свои лекторские способности...

Надо сказать, что эти самооценки в корне расходились с оценками современников. Сохранились воспоминания слушательниц Голицынских курсов. Девушки были в восторге от лекций преподавателя.

Учитель Николая Ивановича Дмитрий Николаевич Прянишников тоже полагал, что ученик вполне справляется с возложенной на него задачей. Он даже предложил молодому ученому подготовить к началу учебного года «актовую речь» -- редкая честь, которую оказывали только самым достойным.

«Я, по правде сказать, оторопел, -- писал Вавилов невесте. – Наговорил, что чувствую неудобным, неопытен, и пр., но, м.б., у них мало народу, и к 1 июля мне дан срок подумать и дать ответ и тему»^[8].

Сомнения молодого Вавилова можно отнести на счет его большой скромности и повышенной требовательности к себе. Но дело не только в этом. Из писем Вавилова видно, что его обескураживает неумение просто и доходчиво излагать новейшие достижения науки, а заниматься «вдалбливанием» азов он считает пустой тратой времени.

Порой ему кажется, что соединить «учебное и научное» вообще невозможно. Однако перед ним живой пример его учителя. Лекции Д.Н. Прянишникова лишены внешнего блеска. Но его неторопливая, негромкая речь увлекает слушателей глубиной содержания, внутренней логикой, богатством фактического материала, теми незаметными переходами от простого к сложному, от давно известного к только что добытому в лаборатории.

Молодой ученый понимает, как ему далеко до учителя. Иногда даже опускаются руки. Но Вавилов не стал бы Вавиловым, если бы сдался в ту минуту. И он пишет с откровенной иронией:

«К акту подготовим что-нибудь а la генетика и ее роль в агрономии, только не разрешают такого названия. Слово-де непонятное»[9].

Актовая речь Н.И. Вавилова уже обнаруживает его блестящий, самобытный талант ученого и лектора. Он излагает основы генетики на самом высоком для того времени научном уровне, но в то же время просто и доступно, хотя для его аудитории само слово «генетика» было еще непонятным.

«Агрономическое воздействие на сельскохозяйственную культуру, -- говорит он в самом начале лекции, -- как известно, возможно в двух направлениях: во-первых, оно может простираться на внешние факторы, на среду, в которой произрастает и живет растение и животное, и, во-вторых, оно может непосредственно изменять самый организм культурного растения и животного»[10].

Вот эта возможность изменить организм и делает, по мнению Вавилова, генетику наукой, необходимой агроному.

Николай Иванович рассказывает об опытах Менделя, приведших безвестного августинского монаха к открытию основных законов наследственности; о мутационной теории Гуго де Фриза, открывшего внезапные изменения наследственных свойств организмов; о теории чистых линий Иогансена, без учета которой невозможна научная селекционная работа. Все это – «вдалбливание основ», которые сам Вавилов осваивал по первоисточникам, но которые были еще почти неизвестны в России. Но этим молодой лектор не ограничивается.

Красной нитью через его Актовую речь проходит мысль о тесной связи теоретической и прикладной науки. Он как бы все время спорит с воображаемыми оппонентами, считающими, что достижения генетики, относясь к чисто теоретической области, не нужны агроному.

Заканчивая речь, Вавилов выдвигает вопросы, «относительно которых трудно было бы определить, подлежат ли они ведению агрономической науки или чистой генетики». Таких вопросов он видит два. Это вопрос «о происхождении культурных растений и животных» и вопрос об изучении «особенностей исследуемых индивидуальностей, рас, сортов».

Так в Актовой речи, которая должна была носить чисто просветительский характер, Вавилов намечает программу исследований, которым посвятит затем всю свою жизнь.

Доклады и лекции Вавилова были доступны пониманию любого образованного слушателя и вместе с тем это были сообщения большой научной значимости, так как в них Николай Иванович обобщал новейший материал, добытый учеными в разных странах, в том числе свои собственные исследования. И при этом лектор умел не закапываться в мелочах.

Ботаник и географ, генетик и селекционер, агроном и путешественник, неутомимый собиратель тысяч и тысяч сортов различных сельскохозяйственных культур, Вавилов держал в голове огромное количество фактов. Однако он не подавлял аудиторию своей эрудицией, он умел выхватывать то главное, что нужно было для данной лекции, умел подчеркнуть «идеологию», «философию» избранной темы, а не ее бесчисленные частные проявления.

В 1917 году Н.И. Вавилов был избран преподавателем частного земледелия Высших саратовских сельскохозяйственных курсов. Уже во вступительной части своей первой лекции на курсах Вавилов ставит целый ряд новых научных проблем. Главной же темой этой лекции были «перспективы, в направлении которых мыслится работа современного растениевода», «идеология исследования в этой области агрономической науки»^[11].

Не останавливаясь на частностях, Вавилов высвечивает ядро сложнейшей и вместе с тем интереснейшей проблемы.

«Культура поля идет всегда рука об руку с культурой человека, -- говорит лектор, -- Параллельно развитию географической связи культур исчезает изоляция культурной флоры. Введенные в культуру отдельные растения становятся мало-помалу достоянием всего земного шара»^[12].

Этот процесс Николай Иванович прослеживает на протяжении тысячелетий, иллюстрируя яркими примерами. Он кратко излагает идеи Льва Ильича Мечникова^[13], развивавшего мысль о том, что зарождение земледельческой культуры связано с великими историческими реками: ведь именно в долинах Тигра и Ефрата, Нила, Хуанхэ и Янцзы, Ганга и Инда возникли наиболее развитые культуры древности.

Согласно идеям Льва Мечникова, с великими историческими реками связан первый фазис культуры, когда отдельные очаги цивилизации развивались независимо друг от друга. Второй фазис, названный Л.И. Мечниковым, средиземноморским, характеризуется общением культур, прилегающих к общему водному бассейну (что наиболее характерно для района Средиземного моря), и третий фазис – океанический, характеризуется общением культур всего мира.

Вавилов считает, что «ход развития культуры человечества, как общей, так, в частности, и сельскохозяйственной, довольно стройно укладывается в трехчленную формулу» Льва Мечникова, и утверждает, что «самый период», в который вступило человечество, «определяет задачи современного растениеводства». «Эта задача – планомерное и рациональное использование растительных ресурсов земного шара»^[14].

На примере Саратовской губернии Вавилов демонстрирует таблицу распределения сельскохозяйственных площадей под отдельными культурами.

«Почему ячмень в Саратовской губернии стоит на восьмом месте и озимая пшеница на двенадцатом? Почему рожь, несмотря на ее невысокие качества в смысле хлеба и повсеместное вытеснение ее озимой пшеницей в странах более культурных, занимает столь почетное место? Достаточно ли исследовано и

выяснено, что рожь не может быть заменена хотя бы в некоторых местностях Саратовской губернии зимостойкими сортами озимой пшеницы?»

Так в лекции, рассчитанной на студенческую аудиторию, Вавилов смело поставил задачи огромного научного значения, те задачи, которые он уже начал решать.

Для нас в этой лекции важна не солидарность оратора с взглядами Льва Мечникова. Пройдет несколько лет, и Вавилов, в своем труде о происхождении культурных растений, подвергнет эти взгляды серьезному пересмотру. Важен сам подход Вавилова к материалу, его умение от изложения общеизвестного перейти к постановке проблем, каких еще не знала мировая наука; его умение, отталкиваясь от частного факта, перейти к важнейшим обобщениям, а, сделав выводы, пояснить их частными примерами.

Неутомимый путешественник, Николай Иванович, в поисках форм культурных растений, посетил более 50 стран мира. Ему приходилось штурмовать заснеженные перевалы и преодолевать знойные пустыни, удирать от разбойников и переправляться через кишасщие крокодилами реки...

Возвращаясь из экспедиций и зарубежных командировок, Н.И. Вавилов рассказывал соотечественникам о посещенных им странах. За рубежом он охотно рассказывал о советской стране, о том, какая важная роль отводится в ней науке, о достижениях советских ученых.

Лучшим доказательством достижений советской науки служили, в первую очередь, открытия самого Н.И. Вавилова. В 1921 году он поехал в Америку на Международный конгресс по сельскому хозяйству. Незадолго перед тем ученый опубликовал одно из самых значительных своих открытий – Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Его доклад на эту тему на международном конгрессе вызвал подлинную сенсацию. «Если все русские такие, как Вавилов, то нам следует дружить с Россией», -- писали тогда американские газеты.

Об успехах советской науки Вавилов читал множество лекций на разных языках в США и Англии, в Германии и Франции, в Японии и странах Латинской Америки. Человек редкого обаяния и большой духовной красоты, он одним своим присутствием развеивал мифы, создававшиеся антисоветской пропагандой. [О том, какой эффект имели на Западе публичные гонения и аресты ведущих советских генетиков, красноречиво говорит возмущенное письмо американского ученого Давенпорта. Сообщение об аресте Н.И. Вавилова он назвал «ударом в лицо цивилизации» [\[15\]](#)].

В одном из писем к невесте в 1912 году Вавилов писал: «Надо учиться и учиться, доказать самому себе, что ты умеешь что-нибудь сделать».

Он доказал.

Себе самому и всему «глобусу», как он в шутку называл нашу, всю им вдоль и поперек исхоженную планету.

* * *

Послесловие 2024

Читатели, полагаю, обратили внимание на то, насколько разными были эти два великих ученых – по характеру, темпераменту, по другим личным качествам.

То, что их объединяло, я думаю, не менее ясно.

Оба ученых были безмерно талантливы, оба готовы были отдать жизнь за науку и оба, хотя и по-разному, отдали свои жизни науке и за науку. Объединяло их и то, что оба беззаветно верили, что наука – это основа прогресса, что она приносит благо людям.

Оба – реально – принесли очень много добра человечеству: один сделал нас более здоровыми, другой – более сытыми.

Однако наука – это не только инструмент добра. Она же приносит много зла, если злодеи оказываются у руля и получают возможность использовать достижения науки в своих целях и интересах. Напомнить об этом сегодня, в эпоху нынешних «войн и революций», мне представляется полезным и даже необходимым.

[1] А.Н. Мечникова. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.-Л., Госиздат, 1926, стр. 80.

[2] Я.Ю. Бардах. Воспоминания об И.И. Мечникове. – «Врачебное дело», 1925, № 15-17, столб. 1198.

[3] Там же, столб. 1199.

[4] Там же.

[5] И.И. Мечников. Академич. Собр. Соч., т. IX, «Медицина», 1955, стр. 88.

[6] И.И. Мечников. Академич. Собр. Соч., т. XI.

[7] Письма Н.И. Вавилова к Е.Н. Сахаровой хранятся у Ю.Н. Вавилова. Частично опубликованы в кн. С. Резник. Николай Вавилов. М., «Молодая гвардия», 1968, стр. 46.

[8] С. Резник. «Николай Вавилов», стр. 47.

[9] Там же, стр. 48.

[10] Отчет Голицынских женских сельскохозяйственных курсов за 1911 год по хозяйственной части за 1911/12 учебный год по учебной части. М., 1912, стр. 77.

[11] Н.И. Вавилов. Избранные труды, т. V. М., «Наука», 1965, стр. 433.

[12] Там же, стр. 433-434.

[13] Лев Ильич Мечников (1838-1888), старший брат И.И. Мечникова, выдающийся ученый-географ и путешественник, талантливый литератор, революционер-анархист, феерическая личность. Один из персонажей моих книг о И.И. Мечникове и Н.И. Вавилове.

[14] Там же, стр. 435.

[15] Фраза в квадратных скобках добавлена в 2024 году. В советскую печать 1970-х годов цензура такого не пропускала. Подробнее о письме Давенпорта – в моей книге «Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время/Москва, «Захаров», 2017, стр. 786.

Анна Варпаховская

Канада

Архивное интервью Дмитрия Шостаковича о Всеволоде Мейерхольде, взятое Леонидом Варпаховским 3 марта 1972 года

«Каждый из режиссеров должен быть не просто режиссером, а режиссером-мыслителем, режиссером – поэтом, режиссером – музыкантом, - говорил Мейерхольд, - не в том смысле, что он будет либо на скрипке, либо на рояле играть, а в том смысле, что он проникнется формулой, которая на сегодняшний день не потеряла значения, формулой Верлена: «De la musique avant toute chose» (Музыка прежде всего)».

Мой отец режиссер Леонид Викторович Варпаховский всю свою творческую жизнь следовал заветам своего великого учителя Всеволода Эмильевича Мейерхольда. Большую роль он отводил музыкальному оформлению спектаклей, считая, что звучание музыки в спектакле не обязательно должно быть только фоном или подчеркивать драматические повороты в пьесе, не обязательно спектакль должен быть перегружен музыкой, это отнюдь не сделает его музыкальным. Театральный спектакль сам по себе рассматривался им как законченное музыкальное произведение, где есть завязка, развитие, кульминация, где музыка органично вплетается в канву пьесы и где и тишина, или, к примеру, порыв ветра, звук разбитого стекла и т. п. также являются неотъемлемой частью музыкальной партитуры спектакля. Я вспоминаю, как в его спектакле по пьесе Горького «На дне» сапожник чинил ботинок. Он стучал по подошве молоточком не просто так, а в определенных местах после реплик. Один удар, где-то два, три... Это создавало определенный ритм сцены, определенное напряжение.

Сам отец был очень музыкальным человеком, прекрасно разбирался в музыке, свободно играл на рояле. В 1923 году поступил в московскую консерваторию, где в 1925 году организовал из студентов и преподавателей консерватории «Первый камерный экспериментальный синтетический ансамбль» (ПЭКСА), в котором был дирижёром и исполнителем.

Даже тяжелые 17 лет, которые он провел в лагерях, музыка всегда сопровождала отца. Он писал своей матери: «Моя отрада – музыка, в которую

я погрузился и «забываю мир». У меня лежит под подушкой концерт Генделя № 6. (Как он попал на Колыму!?) Я его часто смотрю и все личное, все невзгоды кажутся мелкими, преходящими. Музыка, сочиненная в 1741 году (двести лет), через годы, через пространства, через сильных мира сего живет в моем сердце».

Варпаховский поставил за свою жизнь 68 спектаклей, где музыка являлась важнейшей и неотъемлемой частью его работы. Кроме драматических спектаклей он часто обращался и к операм, и к опереттам. Вспоминаю забавную историю, произошедшую на обсуждении после сдачи оперы Верди «Бал-Маскарад», которое после генеральной репетиции состоялось в большом зале киевского оперного театра. Его очень критиковали за новаторства, которые он допустил в своей постановке: и оркестр на сцене, и занавес не закрывается, а перестановка на глазах зрителей и т. д. В те годы все это было новшеством. Кто-то отважился встать на защиту отца, мол, не надо сильно его критиковать, так как он режиссер драмы, а не оперы, и не совсем чувствует музыку...

Папа попросил слово. Быстро перепрыгнув перегородку оркестровой ямы, сел за рояль и полностью сыграл наизусть увертюру к опере. Затем встал, поклонился собравшимся и покинул обсуждение.

Можно бесконечно говорить об отце, но я хочу обратиться к случайно возникшему из небытия разговору Леонида Варпаховского с Дмитрием Шостаковичем. Они были знакомы еще со времен совместной работы в театре Мейерхольда, часто встречались в в 1960–70 - е годы. Я с удовольствием передаю расшифровку этой беседы, записанной в 1972 году, журналу «Чайка». Надеюсь, этот материал будет интересен нашему читателю.

Леонид Викторович Варпаховский: Дмитрий Дмитриевич, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Всеволодом Эмильевичем [Мейерхольдом]?

Дмитрий Дмитриевич Шостакович: Так подробно я, может быть, и не сумею вам сейчас сказать, ответить на этот самый вопрос, но, помнится, это было так. Он позвонил мне по телефону (в Ленинграде это самое дело было) и сказал: «С вами говорит Мейерхольд. Я хочу вас видеть. Если можете, приходите ко мне. Гостиница такая-то, номер такой-то». Я и пошел туда и... Очень мне Всеволод Эмильевич понравился, и Зинаида Николаевна Райх¹. Очень мило меня приняли. О чем тогда велась беседа, сейчас тоже, так сказать, не помню, но помню, что я был один, кроме меня никого не было. Да, они заговорили насчет того, нет ли у меня желания пойти работать к нему в театр. Ну, конечно, я сразу ответил, что у меня такое желание, конечно, есть. И действительно, в скором времени я поехал в Москву и стал работать у него по музыкальной, так сказать, части в его театре. Вот такое было первое знакомство.

Еще раньше, до этого (но это знакомством нельзя считать) были гастроли его театра в Ленинграде, происходили они в Большом зале Консерватории. Мне очень хотелось, помню, попасть на спектакль... это был «Великодушный рогоносец»², по-моему, я не ошибаюсь

Но так как билетов не было и у меня не было, так сказать, возможности попасть в театр, я увидел, как Всеволод Эмильевич (я у какой-то двери стоял тогда) входил в Консерваторию.

Я набрался храбрости, подошел к нему и попросил его, «не устройте ли вы меня на спектакль». Он сказал: «Пожалуйста», — провел меня вместе с собой куда-то за кулисы, потом в зал, в зале я уж кое-как там устроился.

Вот это самое первое воспоминание.

Л.В.: Скажите, пожалуйста, а в каком году это было, вы не помните, когда он вас пригласил к себе?

Д.Ш.: Это был 28-й год, по-моему, по-моему, это 28-й год³, потому что...

И тогда же я, в этом же году, я от него тогда же и ушел, потому что как-то мне не очень понравилось там, понимаете, работать у него в театре: много было технической работы, понимаете... как-то так, в общем, не нашел я себе, и он, видимо, мне применения, которое бы заинтересовало и меня, и его. Хотя интерес у меня был. Самое интересное, что там было, в этом самом театре, — это посещение его репетиций. Вот когда он репетировал свои новые спектакли — это было необыкновенно интересно и там было все захватывающее.

А так моя работа, собственно, заключалась в том, что я на рояле там играл, играл на рояле. Скажем, в «Ревизоре»⁴, там, когда пели романсы, скажем, Глинки, то я надевал на себя, чтоб не выделяться, там, из гостей, надевал тоже какой-то фракчик такой и выходил, значит, играл там, играл на рояле. Играл я на рояле в оркестре.

Жил я у него на Новинском бульваре⁵. Вечера были очень интересными. Всегда, так сказать, какие-то мечтания о том, что, вот, нужно создать какой-нибудь интересный музыкальный спектакль. Я работал тогда там много, сочинял... сочинял, не припомню, по-моему... да, сочинял «Нос»⁶, «Нос» сочинил тогда, это как было в то время. Тогда, помню, на квартире у Всеволода Эмильевича на Новинском бульваре случился пожар, большой пожар, тяжелый пожар, бедствие было такое, так сказать.

И вот, меня удивил Всеволод Эмильевич (меня в это время не было дома, я где-то был), что он, так сказать, подобрал мои рукописи и, так сказать, в общем, дал их мне в целом виде, и рукописи мои не погибли.

Это был с его стороны такой очень поступок, в отношении меня, конечно, очень такой... прекрасный был поступок, хотя у него были вещи, куда, может быть, более ему дорогие, чем, скажем, моя рукопись. Ну, тогда же, в 28-м году, я ушел от него, к большому сожалению, из его театра, не стал там больше работать. А в 29-м году он меня, значит, опять... Так же это было примерно: позвонил мне по телефону в Ленинграде, пригласил, значит, к себе в гостиницу и предложил мне, значит, написать музыку к комедии Маяковского «Клоп»⁷.

Л.В.: У меня вопрос, простите, пожалуйста. Вот он вам позвонил в 28-м году, первый раз. Почему он вам позвонил, какие он знал ваши сочинения? Уже прозвучала тогда Первая симфония⁸, очевидно?

Д.Ш.: Тогда прозвучала Первая симфония, и, вообще, его, видимо, тянуло к молодым композиторам, к молодым художникам, его, так сказать, тянуло, он интересовался...

Л.В.: «Прелюды для фортепиано»⁹?

Д. Шостакович, В. Мейерхольд, В. Маяковский и А. Родченко на репетиции спектакля «Клоп». 1929 г.

Д.Ш.: Ну, «Прелюды для фортепиано» были, да, и там даже... Вот «Нос» я сочинял тогда, очевидно, он, так сказать, знал это обстоятельство. Видимо, поэтому. Я как-то не спросил его. Надо было, конечно, спросить: «А почему вы, собственно, ко мне звоните?» Но как-то так это мне не пришло тогда в голову. Мне было просто очень приятно и, без стыда скажу, очень лестно, что такой замечательный артист мне позвонил.

Л.В.: А какое он на вас произвел впечатление в первый раз, когда вы его увидели?

Д.Ш.: Очень хорошее, очень хорошее. Очень он был... очень был скромн, очень мил, очень симпатичен, очень гостеприимен, угощал даже чем-то, помню, тогда, чем-то угощал, так что впечатление произвел очень хорошее. Я, по наивности, думал, что великие люди, они, так сказать, где-то витают в облаках, что с ними очень трудно. Он был как-то очень наравне, без малейшего, конечно, там намека на фамильярность или что-нибудь такое, но совершенно наравне.

Л.В.: Дмитрий Дмитриевич, вы не помните, какие вы видели его постановки и какой спектакль произвел на вас наибольшее впечатление?

Д.Ш.: По-моему, я видел... Я вам перечислю сейчас, может, не в полном порядке, как это было. Ну, вот: «Великодушный рогоносец», «Мандат», «Лес», «Учитель Бубус», «Ревизор», «Горе уму», «Окно в деревню», «Последний решительный», «33 обморока», «Дама с камелиями», «Пиковая дама» в Ленинграде, в Малом оперном театре, «Маскарад». «Смерть Тарелкина»¹⁰ я видел, еще тоже такой у него был спектакль. И потом последний спектакль, который он не закончил, я не помню, как он назывался, «Павел Корчагин», я не помню, как он назывался...

Д.Д. Шостакович и В.Э. Мейерхольд. 1928 г.

Л.В.: «Одна жизнь»¹¹.

Д.Ш.: ...по повести Островского «Как закалялась сталь». Он меня пригласил писать музыку. В это время он был в Ленинграде и репетировал, «Павла Корчагина» он репетировал. Я посмотрел несколько репетиций. Но спектакль этот так и не состоялся.

Мне трудно сказать, какой спектакль произвел на меня более сильное впечатление, очень трудно это сказать, чрезвычайно трудно. Все было необыкновенно интересно, очень было интересно, как-то... что же выделить? Ну, вот, может быть, «Ревизор», пожалуй, может быть, все-таки «Ревизор». Но и другие так же вещи, понимаете, и «Лес», понимаете ли...

Л.В.: Вот вы говорите о «Ревизоре». Там, наверное, было какое-то соприкосновение с вашей концепцией «Носа», это было вам близко?

Д.Ш.: Да, было, было близко, понимаете... Может быть, «Ревизор» именно поэтому и произвел на меня наиболее сильное впечатление. Мне очень понравилась его работа над «Пиковой дамой», и думается мне, что этот спектакль следовало бы в Малом оперном театре восстановить. Хотя вызвал этот самый спектакль споры, споры в музыкальных кругах, и в театральных кругах много спорили об этом спектакле, но победителей не судят. Народ страшно интересовался, ходил на этот самый спектакль, спектакль пользовался большим очень успехом. Хотя, надо сказать, что артисты там, может быть, выступали не самые лучшие. Самые лучшие в Ленинграде — в Кировском, бывшем Мариинском театре, так сказать. Но помню, вот, как сейчас, был такой артист Ковальский¹², который великолепно исполнял Германа, так у меня до сих пор как-то в памяти. И мне понравилось, что, вот, Мейерхольд, Всеволод Эмильевич, войдя, так сказать, в незнакомый ему

коллектив, как-то нашел вот этого Ковальского, который мало там блистал, так сказать, раньше, нашел общий язык с Самуилом Абрамовичем Самосудом¹³, замечательным дирижером, музыкально это было... Это был для меня как музыканта... Я очень жалею, что я не видел других его оперных постановок. Он, кажется, до революции ставил «Дон Жуана»¹⁴, по-моему? Нет?

Л.В.: «Дон Жуана» он ставил Мольера в Александринке, он ставил «Тристана и Изольду», он ставил «Орфея» Глюка, «Каменного гостя»¹⁵...

Д.Ш.: Вот, «Каменного гостя». «Дон Жуан»-то — «Каменный гость», вот-вот, я вспоминал. Тем более, что из всех «Дон Жуанов» — «Каменный гость» — это моя самая любимая опера, самая любимая опера...

Л.В.: Вы ее видели?

Д.Ш.: Я слышал неоднократно «Дон Жуана», а видеть «Дон Жуана» — нет.

Л.В.: Вот мейерхольдовского «Каменного гостя» вы не видели?

Д.Ш.: Нет, нет. Вот это я не видел. Я видел одну только «Пиковую даму».

Л.В.: Скажите, пожалуйста, Дмитрий Дмитриевич, а вам не показалось странным перекомпозиция Чайковского, которую допустил Мейерхольд в передаче арий одному другому и так далее, хоров и так далее¹⁶?

Д.Ш.: Но вы знаете, <нрзб>, все-таки это производило впечатление, понимаете... Думается, что, может быть, кое-что там было чрезмерно смело, и, может быть, и не нужно было делать какие-то такие передачи арий одного действующего лица другому, <нрзб>, может, не надо было Германа в палату сумасшедшего дома в самом конце, понимаете, делать, но... И если бы я не знал подлинника «Пиковой дамы», как таковой, то я бы это расценил как цельное и очень сильное произведение.

Л.В.: Понятно. Вы помните сцену в спальне и изумительное исполнение Вельтер¹⁷?

Д.Ш.: Да, да, ну как же, как же, как же не помнить. Вельтер Надежда Львовна такая удивительная тоже артистка была, удивительная артистка. По-моему, Всеволод Эмильевич умел находить...

Л.В.: Ковальского он нашел в хоре.

Д.Ш.: Даже в хоре Ковальского нашел? Ну, вот Ковальского до сих пор помню. Я почему-то несколько меньше помню Лизу. Может, много времени прошло?

Л.В.: Дмитрий Дмитриевич, вы вначале разговора начали говорить о том, как он вам снова, второй раз, позвонил в отношении «Клопа», и мы эту тему бросили.

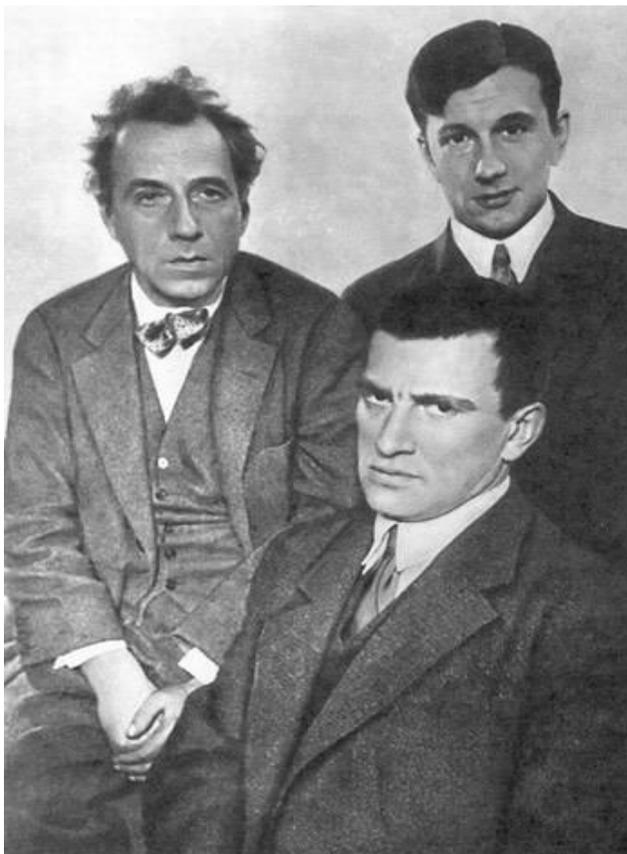
Д.Ш.: Ну, конечно, конечно, я сразу же тут же, так сказать, согласился. (Читает данный ему Варпаховским вопросник.) Мне очень трудно ответить на следующий, что ли, такой вопрос: «Как протекала совместная работа с Мейерхольдом над „Клопом“?» Это мне очень трудно. Я писал музыку, играл, он слушал и принимал. Ему, помню, очень нравились фокстроты трех гармонистов, у меня было такое великолепное трио гармонистов. Ему нравилось, он вообще собирался интересно так это поставить.

Ну, тут, так сказать, я не могу, как говорится, не сказать о том, что сама пьеса мне не понравилась тогда. И сейчас мне эта пьеса не нравится. Но авторитет Мейерхольда был для меня столь велик, что я, конечно, не смог, понимаете, так сказать, это самое... как-то «свое суждение иметь» по этому вопросу. А постановка, всё, как он работал, — это было замечательно. Но мне

кажется, эта пьеса — не лучшее творение поэта Маяковского, не лучшее творение и... Но спорить на эту тему я, конечно, с Всеволодом Эмильевичем не решался. Раз он взял эту самую пьесу для своей постановки, значит, она достойна была этого.

Л.В.: Вы писали музыку в Ленинграде или вы приехали в Москву?

Д.Ш.: Я писал ее в Ленинграде. И в Москву часто приезжал, часто и в Москве сидел тоже и писал в Москве. Там ведь музыки-то сравнительно не очень много, не очень много музыки, так что... Помню, что очень всегда там хороший дирижер был Юрий Сергеевич Никольский¹⁸, предшественник Анатолия Георгиевича Паппе¹⁹, который потом заведовал там у него музыкальной частью, и оркестр очень неплохо это самое исполнял. И на слух мне было очень приятно это.

В. Мейерхольд, Н. Эрдман, В. Маяковский. 1929 г. Алексей Темерин. Советское Фото, № 09 за 1976 г.

Л.В.: А вы с Владимиром Владимировичем Маяковским встречались на репетициях?

Д.Ш.: Встречался, да, встречался.

Л.В.: Он слушал вашу музыку? Вы с ним по этому поводу говорили?

Д.Ш.: Как-то он сказал, что, по его мнению, в «Клопе» должна быть музыка, которую исполняет пожарный оркестр, вот так. Больше я, так сказать, от него ничего не слышал. А теперь, может, выключим? (Магнитофона выключается, затем включается вновь.)

Л.В.: Дмитрий Дмитриевич, там на «Клопе» встретились очень интересные художники...

Д.Ш.: Кукрыниксы20...

Л.В.: ...Кукрыниксы, Родченко21, вы, Мейерхольд, Маяковский. Это было ведь очень интересное содружество. Как вы считаете, в результате получился спектакль или нет?

Д.Ш.: Спектакль получился, конечно, конечно, получился. Он пользовался очень большим успехом, чуть ли не каждый день потом у них шел. Каждый день, каждый день шел, пользовался успехом, большим успехом пользовался.

Мейерхольд и музыка

Л.В.: Скажите, пожалуйста, вы, наверное, часто с Мейерхольдом беседовали о музыке, он высказывал свои суждения. Он человек был очень прогрессивный в оценках всех видов искусств, передовой что называется. Что вы помните о его взглядах отдельных, отдельных высказываниях? Нам было бы это очень интересно послушать.

Д.Ш.: Ну, вы знаете, как ни странно, вот, я не очень помню именно музыкальные разговоры, именно о музыке как таковой. Помню, что он, во всяком случае, очень любил Шопена, Листа и Скрябина, очень любил. С большим восхищением и уважением относился к творчеству Сергея Сергеевича Прокофьева. Затем, когда познакомился с Виссарионом Яковлевичем Шебалиным22, очень любил его музыку, не только ту, которую он, так сказать, писал для него, для его спектаклей, но он и ходил на его концерты, где исполнялись его произведения. Очень, так сказать, любил его, любил его произведения. Вот это, пожалуй, все, что я могу сказать об этом, просто как-то так разговоры о музыке как таковой как-то мало...

Л.В.: А, может, о художниках он с вами говорил?

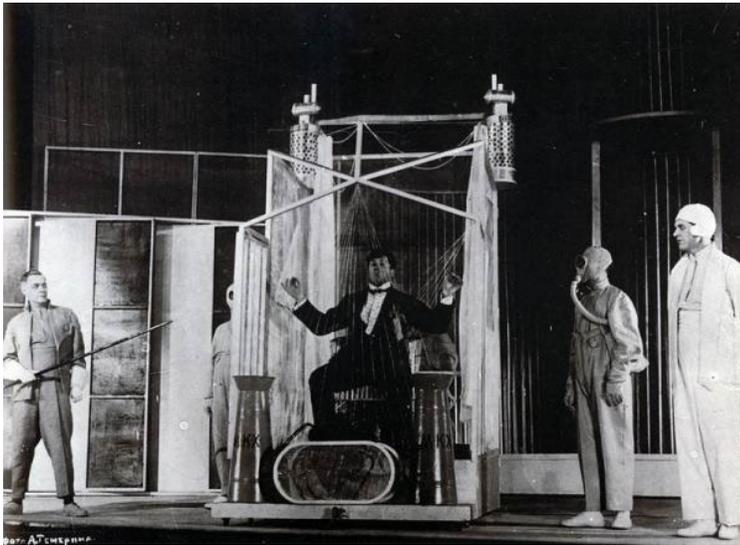
Д.Ш.: Трудно вспомнить.

Л.В.: Скажите, а?..

Д.Ш.: То есть, наверное, говорил, понимаете, но я-то сейчас как-то не очень-то это все помню.

Л.В.: Ну, вашу музыку он хорошо знал. Он посещал все ваши концерты. Как он на них?..

Д.Ш.: Он относился к моей музыке хорошо. И даже у него было намерение поставить мою оперу «Леди Макбет Мценского уезда»23. У него было такое намерение. Но, видимо, его... Я его знакомил, играл ему. Это все он слушал с интересом, с интересом слушал и говорил, что было бы хорошо поставить. Но это, видимо, было ему трудно вырваться, вырваться от работы со своим театром, и, так сказать, это, это... это так и не состоялось. Это не состоялось. Он вот просил меня часто, чтоб я ему играл. Я ему играл часто и свои сочинения и чужие сочинения играл. Он слушал всегда с большим интересом. Он любил, он очень любил музыку.

Сцена из спектакля «Клоп» в постановке В. Мейерхольда

Л.В.: Он очень ее чувствовал.

Д.Ш.: И чувствовал, и очень как-то переживал, что называется, если можно так сказать.

Л.В.: Я думаю, что очень большим огорчением для нас всех является, что он не поставил «Нос» и не поставил «Леди Макбет». Судьба этих произведений была бы совсем другая. Кстати сказать, я только что из Берлина. Там о большим успехом идет ваш «Нос».

Д.Ш.: Я знаю, слышал, но я, тем не менее, не могу туда выехать, потому что трудно сейчас <нрзб>.

Л.В.: Скажите, Дмитрий Дмитриевич, вам не кажется, что Мейерхольд косвенно, опосредованно оказал на вас какое-либо творческое влияние?

Д.Ш.: Конечно, конечно, он оказал, несомненно, он оказал влияние, потому что... как-то даже сам я после знакомства о нем, как-то по-иному стал и музыку понимать и писать, и хотелось мне, понимаете, в чем-то быть похожим на Мейерхольда. Ну, немножко всякий, так сказать, писатель, может быть, художник, композитор конфузится или боится говорить, что вот «на меня повлияло то-то, то-то, то-то и то-то». По-моему, этого не следует стесняться. Влияние — это одно дело, но... как это? слово есть такое... ну, когда нет ничего своего, а все, так сказать...

Л.В.: Когда заимствовано.

Д.Ш.: Ну, есть же такое слово... Нет, не энтузиазм... энтузиазм — это...

Л.В.: Эпигонство.

Д.Ш.: Эпигонство! <нрзб> наказуемое, эпигонство. Это пока еще не наказуемое дело. Вот. Влияние — это, по-моему, очень хорошая вещь, понимаете ли? Когда на вас влияет, понимаете, какой-то большой, крупный художник, то это очень, так сказать, очень хорошо и очень помогает. Вот я, например, до сегодняшнего дня замечаю, что на меня очень многие влияют, понимаете, и литераторы, которых мне приходится читать заново, и

художники, и композиторы, и молодые наши современники, и мои, так сказать, сверстники. На меня все время все это влияет, производит... влияет... оказывает влияние.

Д. Шостакович и В. Мейерхольд

Мейерхольд и творчество

Мейерхольд? Что, так сказать, понимаете, в чем его влияние было, если более или менее конкретно говорить? Я понял, что творчество — это не то, что, понимаете, как птица поет, а видел, что это огромная, понимаете, большая работа, как Всеволод Эмильевич много думал, как он готовился, понимаете, к каждой репетиции. И вот я понял, что это большой труд, который, так сказать, требует отдачи всего самого себя, а не занятие так, между прочим. Хотя, как ни странно, бывали и такие <нрзб>. Например. Задумал Мейерхольд сцену вот так-то и так-то, и он иногда делился со мной, поскольку я, так сказать, жил у него тогда на квартире, на Новинском бульваре: «Это, вот, мы сделаем так вот, так вот и так вот». А потом, вот, приходит, и тут начинает расщедриваться на поразительные импровизации, понимаете. Он совсем не так... Совсем это было не так, как он говорил, скажем там, вчера. Вот этот труд, большой труд, понимаете, большая работа, понимаете, мысли, разума, чувств... Вот это, думается, что это... Я всегда старался после встречи с Мейерхольдом работать тщательно, очень много думать и очень много готовиться, готовиться к каждой своей следующей, понимаете, работе.

Л.В.: А вас не заражало вечное стремление Мейерхольда двигаться вперед, говорить свое новое слово, искать...

Д.Ш.: Конечно, конечно, заражало, понимаете, конечно, заражало. Хотя иногда в музыке... Кстати в музыке... иногда музыка в его спектаклях... ну, не то, что мне не нравилась, а производила несколько странное впечатление.

Вот, например, «Учитель Бубус», там была подобрана музыка из произведений Шопена и Листа. Не всегда, по-моему, это совпадало и с самой пьесой, и со спектаклем. Потом... даже, вот, в том же «Ревизоре», понимаете, не вся музыка была подобрана так, как мне бы этого хотелось. По-моему, очень хорошо у него музыка была, так сказать... не подобрана, а... даже не знаю, как сказать, в «Горе от ума», «Горе уму» — так она называлась. Там вот это было как-то... вот Чацкий музицировал, это было как-то очень убедительно и очень хорошо, у него классическая музыка там.

Л.В.: Он играл «Ноктюрны» Фильда²⁴. Да, это <нрзб>.

Д.Ш.: <нрзб>

О последней встрече с Мейерхольдом

Л.В.: Дмитрий Дмитриевич, последний вопрос.

Д.Ш.: Не знаю, насколько это...

Л.В.: Очень, очень, все это очень-очень интересно. Дмитрий Дмитриевич, вот хотелось бы подробно вас попросить вспомнить вашу последнюю встречу с Всеволодом Эмильевичем.

Д.Ш.: Последняя встреча, она произошла в доме, где я жил в Ленинграде. Никого у меня в доме не было. Семья была на даче за городом. А вышло, что я никак не мог открыть свою собственную квартиру: с ключом что-то у меня там случилось. Потом я вдруг смотрю — идет Всеволод Эмильевич, поднимается по лестнице. Шел он... этажом выше жил такой (не знаю, жив ли и здоров сейчас) чемпион СССР по гимнастике — Серый²⁵. Он, значит, вместе с ним должен был ставить первомайский парад...

Л.В.: Физкультурный.

Д.Ш.: Физкультурный парад, да, совершенно верно, физкультурный парад. И вот увидел, застал меня, значит, за таким занятием, когда я ковырялся... И вместе, значит, с Всеволодом Эмильевичем, в общем, мы открыли... открыли дверь. А он шел к Серому. Мы, значит, договорились так, что завтра или послезавтра он, значит, ко мне придет. Но он не пришел, уже, так сказать, по причине таким... Я звонил (он оставил мне телефон), я звонил, и мне какой-то посторонний голос, так сказать, ответил, что его нет. И вот я тогда узнал, что он был арестован тогда²⁶. Вот это была такая последняя встреча, трагическая такая встреча.

Л.В.: Большое спасибо. (Магнитофон выключен, потом включен опять) Вы что-то хотите еще?

Д.Ш.: Я хотел бы сказать, что, конечно, роль Мейерхольда в советском театральном искусстве воистину грандиозна и что я... мне очень хотелось бы... я счастлив, что сейчас его, так сказать, вспоминают, его изучают, выпускают его... Значит, вот два тома, по-моему, его вышли высказываний²⁷, потом собираются еще выпустить его литературное наследие²⁸, эпистолярное наследие²⁹, может быть, понимаете, что-то именно там сохранилось. Но мне как-то хотелось, чтобы приложить какие-то силы, усилия (в этом смысле я, пожалуй, не могу согласиться с вами, что спектакли так уж устаревают) возобновить бы какие-нибудь его спектакли. В частности, «Маскарад», который произвел на меня сильнейшее впечатление, «Пиковую даму» (это ленинградские, так сказать его... ленинградские его спектакли). Ну, я думаю, что надо было бы и московские спектакли, о которых мы уже говорили: это «Ревизор», «Лес», «Последний решительный». Понимаете, это было бы очень

сильным явлением театрального... прекрасным явлением театрального искусства.

Простите, я вас еще немножко задержу. Вот были разговоры, что, дескать, Мейерхольд подавлял артистов, так сказать, своим режиссерским величием, что ли, что актер в театре Мейерхольда как-то терялся. Но это неверно. Если вспомнить: Ильинский, Бабанова, Завадский³⁰...

Л.В.: Гарин³¹.

Раскрыть примечание

Д.Ш.: ...Гарин...

Л.В.: Зайчиков³².

Д.Ш.: ...Зайчиков, понимаете, какие были это прекрасные...

Л.В.: Райх.

Д.Ш.: ...Райх, Зинаида Райх, понимаете ли...

Л.В.: Боголюбов³³.

Д.Ш.: ...Боголюбов. Понимаете, ведь это ярчайшие актерские индивидуальности. И все-то они... они все ученики Мейерхольда. Он всех их, можно сказать, обучал, выучивал их, находил в них вот именно то, что в них есть самое главное, именно яркую индивидуальность. Вот так, вот. Всеволод Эмильевич — это, конечно... О нем можно было бы говорить очень много, понимаете, очень много.

Л.В.: Большое вам спасибо.

Д.Ш.: Вам спасибо.

Л.В.: Было очень интересно

Примечания

1 Райх Зинаида (1894—1939) — актриса Государственного театра им. В. Мейерхольда, жена С.А. Есенина (1917—1921) и Вс.Э. Мейерхольда (1922—1939). С 1924 по 1938 г. играла в спектаклях возглавляемого Мейерхольдом театра.

2 Пьеса бельгийского драматурга Фернана Кроммелинка «Великодушный рогоносец» была поставлена Всеволодом Мейерхольдом в Театре актера в 1922 г. Летом 1924 года театр (к тому времени, Театр имени Мейерхольда, ТИМ) гастролировал в Ленинграде, в Большом зале Консерватории, показав местной публике ряд пьес, в том числе и «Рогоносца». См.: Гвоздев А.А. Театр имени Вс. Мейерхольда (1920—1926) / Чертежи Э.И. Каплана. Л. : Academia, 1927).

3 Знакомство композитора с режиссером действительно произошло в 1928 г. в Ленинграде. (Музыкальная энциклопедия: [в 6 т.] / гл. ред. Ю.В.Келдыш. — М. : Советская энциклопедия — Советский композитор, 1973—1982).

4 Спектакль по одноименной комедии Н.В.Гоголя, поставленный Мейерхольдом в ГостИМе в 1926 г.

5 На Новинском бульваре находились Государственные высшие режиссерские мастерские (ГВЫРМ), которыми руководил Мейерхольд. Среди первых поступивших были Сергей Эйзенштейн, Зинаида Райх и др. В квартире в том же доме Мейерхольд с семьей жили до переезда в Брюсов переулок в 1928 году.

6 Работа над оперой «Нос» началась в 1927 г., первое исполнение отрывков из нее состоялось 25 ноября 1928 г. Премьера — 18 января 1930 г. (Музыкальная энциклопедия: [в 6 т.] / гл. ред. Ю.В.Келдыш. — М. : Советская энциклопедия — Советский композитор, 1973—1982).

7 Премьера спектакля по пьесе В. Маяковского «Клоп» состоялась в ГостИМе 13 февраля 1929 г. Художниками этой постановки были Кукрыниксы и А. Родченко. Д. Шостакович был автором музыки к спектаклю.

8 1-я симфония была написана Шостаковичем в 1925 г. и стала крупнейшим событием советской музыкальной культуры, положив начало мировой известности автора (Музыкальная энциклопедия : [в 6 т.] / гл. ред. Ю.В.Келдыш. — М. : Советская энциклопедия — Советский композитор, 1973—1982).

9 «8 прелюдий для фортепиано» (1919—1920), первое исполнение в 1920 году.

10 «Мандат» Н. Эрдмана, реж. Вс. Мейерхольд, худ. И. Шлепянов (по плану Вс. Мейерхольда), ТИМ, (1925); «Лес» А. Островского, пост. Вс. Мейерхольд, худ. В. Федоров (по плану Вс. Мейерхольда), ТИМ (1924); «Учитель Бубус» А. Файко, реж. Вс. Мейерхольд, худ. И. Шлепянов (по плану Вс. Мейерхольда), с 46-ю музыкальными вставками из произведений Листа и Шопена, ТИМ (1925); «Горе уму» А. Грибоедова «Горе от ума», реж. Вс. Мейерхольд, худ. В. Шестаков, Н. Ульянов, комп. Б. Асафьев, ГосТИМ (1928); «Окно в деревню» Р. Акульшина, руководство коллективной режиссурой Вс. Мейерхольда, худ. В. Шестаков, ГосТИМ (1927); «Последний решительный» Вс. Вишневского, реж. Вс. Мейерхольд, худ. С. Вахтангов (по плану Вс. Мейерхольда) ГосТИМ (1931); «33 обморока» (по водевилям А. Чехова), реж. Вс. Мейерхольд, худ. В. Шестаков, ГосТИМ (1935); «Дама с камелиями» (по одноименному роману А. Дюма), реж. Вс. Мейерхольд, худ. И. Лейстиков (по плану Вс. Мейерхольда), ГосТИМ (1934); «Пиковая дама» — опера, муз. П. Чайковского, худ. Л. Чупятов, Малый оперный театр (1935); «Маскарад» М. Лермонтова, реж. Вс. Мейерхольд, худ. А. Головин, Александринский театр (1917; дважды возобновлялся в 1930-е гг.); «Смерть Тарелкина» — спектакль по одноименной пьесе А. Сухово-Кобылина, реж. Вс. Мейерхольд, худ. В. Степанова, Театр ГИТИСа (1922).

11 Не допущенная к представлению мейерхольдовская постановка одноименной пьесы Е. Габриловича, написанной по роману Н. Островского «Как закалялась сталь» и названной газетой «Правда» «антисоветски извращающим известное художественное произведение» (О ликвидации театра им. Вс. Мейерхольда // Правда. 1938. № 8 (7333)).

12 Николай Ковальский (1898?—1952?) — певец, не имевший профессионального образования, исполнивший партию Германа в постановке «Пиковой дамы» (1935, реж. Вс. Мейерхольд) в Мариинском театре. См. «Пиковая дама». Замысел, воплощение, судьба. Сост. Г. Копытова. М. : Композитор, 1994.

13 Самуил Абрамович Самосуд (1884—1964) — дирижер, педагог. В 1930—1936 гг. главный дирижер и зав. музыкальной частью театра Малого оперного театра. Музыкальный руководитель «Пиковой дамы».

14 Премьера спектакля «Дон Жуан» по пьесе Ж.-Б. Мольера «Дон Жуан, или Каменный пир» в постановке Вс. Мейерхольда состоялась 9 ноября 1910 г. в Александринском театре.

15 Все перечисленные оперы, кроме «Дон Жуана», были поставлены Вс. Мейерхольдом в Мариинском театре. Премьера «Тристана и Изольды» Р. Вагнера, худ. А. Шервашидзе, состоялась 30 октября 1909 г.; «Орфей» К. Глюка, худ. А. Головин — в конце декабря 1911 г.; «Каменного гостя» А. Даргомыжского, худ. А. Головин, в конце января 1917 г.

16 «Отправной точкой для Мейерхольда было как раз убеждение в огромной музыкальной ценности гениальной партитуры Чайковского, и, исходя из этого убеждения, Мейерхольд неизбежно приходил к другому: что музыка П.И. Чайковского несравненно выше ремесленного либретто Модеста Чайковского, на которое она написана, что она по своей глубине и выразительности далеко перерастает рамки сценария и что она — музыка — в сущности, лишена настоящей драматургической оправы. Отсюда первый творческий вывод Мейерхольда: нельзя ли, не ломая музыки, подтекстовать под нее другую, лучшую в драматургическом отношении, пьесу на тот же сюжет? [...] Сближение Чайковского с Пушкиным не было самоцелью, а лишь своеобразным методическим приемом для коренной ревизии сценария. Для новой, мейерхольдовской редакции „Пиковой дамы“ был частично написан В.И. Стеничем новый текст, стилистически ориентирующийся на Пушкина и на поэтов пушкинской поры» (Соллертинский И. Письма из Ленинграда. «Пиковая дама» // «Советский театр». 1935. №1).

17 Надежда Львовна Вельтер (1899—1991) — певица. В Малом оперном театре с 1930 года. Помимо роли Графини в «Пиковой даме», в 1934 году исполнила заглавную партию в опере Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». С 1945 года в труппе Академического театра оперы и балета.

18 Юрий Сергеевич Никольский (1895—1962) — композитор, дирижер, в 1928—1932 гг. заведующий музыкальной частью ГосТИМа.

19 Анатолий Георгиевич Паппе (1908—1980) — пианист, дирижер, заведующий музыкальной частью ГосТИМа.

20 Кукрыныксы — название творческого коллектива, образованное по первым слогам фамилий входивших в него художников Михаила Куприянова, Порфирия Крылова и Николая Соколова. Оформили первый акт комедии В. Маяковского «Клоп» в ГосТИМе.

21 Александр Михайлович Родченко (1891—1956) — дизайнер, график, фотограф, художник театра и кино. Оформил второй акт комедии В. Маяковского «Клоп» в ГосТИМе.

22 Виссарион Яковлевич Шебалин (1902—1963) — композитор, педагог, с конца 1920-х активно сотрудничавший с Вс. Мейерхольдом и ГосТИМом. Автор музыки к спектаклям: «Командарм 2» И. Сельвинского (1929), «Последний решительный» В. Вишневского (1931), «Дама с камелиями» А. Дюма-сына (1934) и др. (Музыкальная энциклопедия : [в 6 т.] / гл. ред. Ю.В. Келдыш. — М. : Советская энциклопедия — Советский композитор, 1973—1982).

23 «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова») — опера Д. Шостаковича в четырех действиях по одноименной повести Н. Лескова. Премьера первой редакции (под названием «Леди Макбет Мценского уезда») состоялась 22 января 1934 г. в Ленинграде, в Малом оперном театре; премьера второй редакции (под названием «Катерина Измайлова») — 8 января 1963 г. в Москве, в Музыкальном театре им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко.

24 Джон Филд (1782—1837) — ирландский композитор, основоположник жанра ноктюрн.

25 Николай Павлович Серый (1913—1993) — чемпион СССР в многоборье (1943, 1945, 1946); в вольных упражнениях (1946); в упражнениях на брусьях (1944); в упражнениях на кольцах (1943); в опорных прыжках (1944). Награжден Орденом «Знак Почета». В 1930-е гг. постановщик парадов физкультурников.

26 В.Э. Мейерхольд был арестован 20 июня 1939 г.

27 Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы / Комм. А.В. Февральского : В 2 ч. М. : Искусство, 1968.

28 Творческое наследие В.Э. Мейерхольда / Ред.-сост. Л.Д. Вендровская, А.В. Февральский. М. : ВТО, 1978.

29 Мейерхольд В.Э. Переписка: 1896—1939 / Сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. М. : Искусство, 1976.

30 Игорь Владимирович Ильинский (1901—1987) — актер и режиссер театра и кино, мастер художественного слова чтец. Учился в Государственных высших режиссерских мастерских, Государственных высших театральных мастерских, играл в спектаклях Вс. Мейерхольда.. Мария Ивановна Бабанова (1900—1983) — актриса театра и кино, педагог. Училась в Государственных высших режиссерских мастерских, Государственных высших театральных мастерских, играла в спектаклях Вс. Мейерхольда. Юрий Александрович Завадский (1894—1977) — актер, режиссер, педагог. Учился в студии Е.Б. Вахтангова, участвовал в качестве актера во многих его спектаклях. В 1924 году создал собственную студию. Д. Шостакович ошибается, относя его к мейерхольдовским актерам.

31 Эраст Павлович Гарин (1902—1980) — актер, режиссер, сценарист, народный артист СССР. Учился в Государственных высших режиссерских мастерских, Государственных высших театральных мастерских, играл в спектаклях Вс. Мейерхольда.

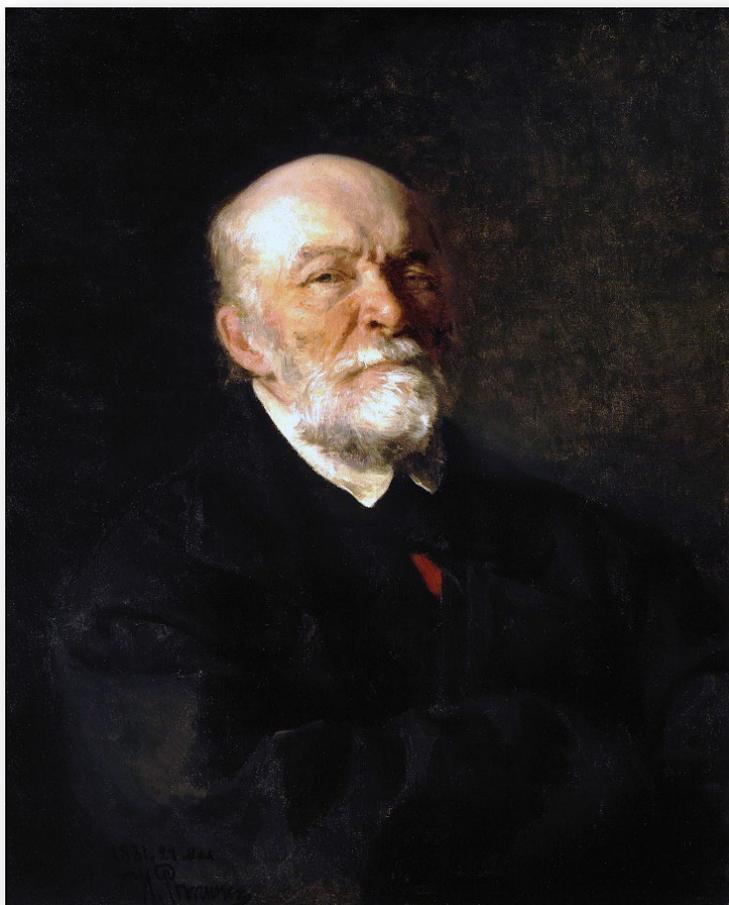
32 Василий Федорович Зайчиков (1888—1947) — актер театра и кино. Учился на Государственных высших режиссерских мастерских, в Государственных высших

театральных мастерских, играл в спектаклях Вс. Мейерхольда. Лауреат Сталинской премии второй степени.

33 Николай Иванович Боголюбов (1899—1980) — актер. Учился в Государственных высших режиссерских мастерских, Государственных высших театральных мастерских, играл в спектаклях Вс. Мейерхольда. Работал в Театре актера, ТИМе и ГостИМе. Лауреат шести Сталинских премий.

Текст, фотографии и примечания взяты из журнала УСТНАЯ ИСТОРИЯ, 2016

Наука и ученые

Илья Репин. Портрет хирурга Николая Ивановича Пирогова. 1881

Михаил Голубовский

Беркли, США

Сколько у человека полов? – Два

Кто ж родился мужчиною, тому.

Рядиться в юбку странно и напрасно:

Когда-нибудь придется же ему

Брить бороду, что несогласно

С природой дамской.

А. Пушкин. Домик в Коломне

Вряд ли бедный бердичевский еврей, отец семерых детей, Хаим-Абрам Магазанник (в фильме «Комиссар» его прекрасно играет Ролан Быков под именем Ефим) читал поэмы Пушкина. Но его мудрый вывод, приведенный в эпитафии и слова Пушкина удивительно совпадают. Их объединяет опыт жизни и здравый смысл. Гомо сапиенс и его животные сородичи разделяются при рождении на два пола. По словам поэта, так природа захотела, для чего - не нам судить. Но можно изучать и исследовать.

Анализ механизмов определения пола - давняя проблема генетики. Основные положения здесь установлены. Прояснились причины многих сбоев и мутаций на пути развития от одной оплодотворенной яйцеклетки до рождения и взросления человека.

Слова в сказке у Пушкина: родила царица в ночь, не то сына, не то дочь – не только метафора. Подобные сбои половой идентификации редко, но постоянно случаются. Рождаются интерсексы, как их назвал классик генетики Рихард Гольдшмидт в 1920-х гг. Отклонения от рождения типичных двух полов суммированы в репродуктивной генетике и медицине под шапкой Disorders of Sexual Development (DSD) – Нарушения Полового Развития.

Последствия отклонений от «Он» и «Она» могут приводить к биосоциальным коллизиям, включая спорт и Олимпийские игры. Знание основ генетики пола поможет ориентироваться в этой области. Такова цель моей статьи.

Начну с жаркой дискуссии о транссексуальности. Особое внимание СМИ к этой теме мало соотносится с другими, более частыми и серьезными нарушениями полового развития. Однако здесь дело дошло до отрицания реалий биологии и судебных тяжб.

Sex Matters, или Пол важен

1 июля 2023 г. лондонский Трибунал по трудоустройству единогласно постановил возместить Майе Форстетер (Maya Forsteter) сумму около 100 000 фунтов стерлингов за ее незаконное увольнение. История началась шесть лет назад. Ее формальное название «Майа Форстетер против Центра Глобального Развития» (Maya Forstater v. Centre of Global Development). А не формально - Sex Matters, или Пол важен.

Майа Форстетер

Майа Форстетер (далее М.Ф.), специалист по бизнесу и финансам, до конца 2018 г. успешно работала в Центре Глобального Развития. Но в октябре 2018 г. в Центр поступил донос: М.Ф. в твиттере высказала мнение, что деление людей на два пола — это твердый биологический факт и «мужчина не может превратиться в женщину».

Высказывание М.Ф. сочли нарушением прав трансгендеров. В декабре 2018 г. М.Ф. была уволена. Она подала в суд, полагая увольнение актом дискриминации, вопреки британским законам.

В СМИ возникла острая дискуссия. В июне 2020 г. с открытой поддержкой М.Ф. выступила известная писательница Джоан Роулинг, автор бестселлера «Гарри Поттер». «Одевайтесь, как хотите. Называйте себя, как угодно. Спите с любым взрослым, который на это согласен. Живите счастливо в мире и безопасности. Но выгонять женщину с работы за слова о том, что пол действительно существует?».

Роулинг указала на явные социальные опасности моды на трансгендерный активизм, охвативший общество. Я не осуждаю транс-женщин, заявила она. Но вот для нормальных девочек и женщин (а их 99,9% !) возникает явная опасность. «Когда вы открываете двери туалета или комнаты для переодевания любому мужчине, который полагает себя женщиной – а сейчас gender certificate (гендерный сертификат) выдается даже без хирургии и гормонотерапии, то вы открываете дверь любому мужчине. Ныне это реальность» (см. jknowling.com). Роулинг внесла в фонд судебной поддержки М.Ф. 120 000 фунтов стерлингов.

В ноябре 2019 г. состоялся суд, который не поддержал иск М.Ф. В витиеватом решении суда взгляды МФ были названы абсолютистскими. Трансгендеры могут воспринять их как “intimidating, hostile, humiliating” - угрожающие, враждебные или унижительные. Упорная М.Ф. подала апелляцию. И вот 10 июня 2021 г. апелляционный суд признал ее иск справедливым. В демократическом обществе, гласило решение суда, право на высказывание своих взглядов и философской позиции защищено законом, как и любые другие не экстремистские взгляды.

На этом основании следующий суд должен был рассмотреть незаконность увольнения М.Ф. Именно он состоялся 1 июля 2023 г. и постановил

восстановить М.Ф. на работе и выплатить компенсацию за вынужденные годы без работы.

Джоан Роулинг

Несомненно, в этих настоячивых поисках справедливости решающую роль сыграли счастливые совпадения: моральная и финансовая поддержка известной писательницы Джоан Роулинг и удивительное упорство Майи Форстетер. Узаконенная лондонскими судами справедливость весьма важна. Ибо это решение оппонирует нынешней социальной моде отрицать фундаментальный биологический факт разделения людей на два пола.

Судебная победа вдохновила Майю Форстетер отстаивать свои взгляды в обществе. Она основала интернет-сайт Sex Matters. Миссия сайта - восстановить биосоциальную реальность разделения людей на два пола «в правах, законе, политике, языке и культуре». А также лоббировать селективную социальную поддержку, которую требуют идеи ЛГБТ. Заслуживают уважения люди, а не идеи, справедливо пишет М.Ф. на своем сайте.

Движение Sex Matters намерено защищать права женщин в областях, где половые различия имеют важное значение – спорт, тюрьмы и даже нормы языка. Джоан Роулинг резко осудила фразу «people who menstruate» (менструирующие люди). «Если пол не реален, то и реальность женщин в глобальном аспекте стирается. Отказ от понятия «пол» лишает возможности осмысленно обсуждать свою жизнь». За свои взгляды Роулинг продолжает подвергаться обвинениям в трансфобии. Она постоянно получает письма с оскорблениями и угрозами жизни.

Роулинг поясняет, почему она глубоко озабочена вспышкой моды на транс-активизм среди девочек. Ранее в редких случаях переделка пола по медицинским и психологическим обоснованиям производилась преимущественно у лиц мужского пола (удаление структур легче, чем создание новых). Хирургические операции по переделке длительны и мучительны. Об этом рассказывает талантливая британская кинодрама «Девушка из Дании» (“Danish girl” 2015). Те, кто в молодости решились на переделку пола, потом нередко сожалеют и мечтают вернуться в начальный пол (returning to original sex). Но их тело необратимо изменилось, они стали бесплодными.

Девочки особенно подвержены социальной моде, включая транссексуальные фантазии. Возник весьма расплывчатый термин gender dysphoria - психологическое неудовольствие своим биологическим полом.

Роулинг убеждена, что у 60-90% девочек подобные негативные фантазии со временем проходят: «я сама прошла через это».

Казалось, после долгих судебных тяжб и судебной победы М.Ф. все устаканилось. Но нет. 1 апреля 2024 г. в Шотландии вошел в силу закон, где считается криминальным возбуждение неприязни не только по отношению к возрасту, инвалидности, но и по отношению к sexual orientation, transgender identity. Джоан Роулинг заявила, что готова пойти в тюрьму, но от своей позиции не откажется.

В США ситуация зашла особенно далеко. Школьные советы нередко потворствуют транссексуальным фантазиям подростков, даже не ставя в известность родителей. В одной из школ штата Висконсин родители подали в суд на то, что учителя школы стали называть их 12-летнюю дочь именем мальчика, не известив родителей. Окружной суд решил, что школа нарушила коренные права родителей - fundamental parent right. Но из-за стрессовой ситуации родители вынуждены были перевести девочку в другую школу (aitysignal.com.3.10.2023).

В апреле 2023 г известный журнал «Экономист» вышел с шапкой на обложке «Что в Америке неправильно с гендерной медициной» и редакционной статьей «Опасности гендерной медицины». Возникшая в США трансгендерная мода привела к резкому увеличению числа подростков, которые утверждают о неудовольствии своим полом. Им с готовностью стали проводить операции по переделке пола. Писатель и философ Айн Рэнд использовала в подобных случаях образный термин «компрачикосы разума».

Операции приносят больше вреда, чем лечение, пишет «Экономист». Растет число подростков, которые желают вернуться в свой биологический пол («detransitioners»). Но их тело необратимо изменено. Вопреки практике США, в Британии, Франции, Швеции, Норвегии, Финляндии операции по переделке пола до 18 лет запрещены. Помощь как правило, основана на психотерапии и на принципе «не повреди».

В 2020 вышла обстоятельная книга Эбигейл Шрайер, которая подробно анализирует эту проблему. Ее название красноречиво: Irreversible Damage: The Transgender Craze Seducing Our daughters («Необратимый вред: трансгендерная мания, которая совращает наших дочерей»). Более 10% девочек, ставших на этот путь, кончают самоубийством.

Определение пола в ходе развития

Становление пола в ходе развития – сложный ступенчатый процесс. Можно выделить четыре последовательных стадии или уровня, когда с момента клеточных делений одной оплодотворенной яйцеклетки последовательно возникают различия на Он и Она. 1) уровень генов и хромосом, 2) уровень половых органов и их гормонов 3) вторичные внешние половые признаки (фенотип) и 4) пол-специфичные различия в мозговых структурах и диалоге мозг-гонады.

Генный и хромосомный уровень. У человека 23-пары или двойной набор хромосом, - один от матери, другой от отца. Каждая пара отличается от других по структуре и набору генов. Половые клетки в ходе особого клеточного деления получают одиночный набор хромосом. После оплодотворения

исходный двойной набор восстанавливается. Одна пара хромосом – особая. Это половые хромосомы, обозначаемые X и Y. Женщины имеют набор XX, мужчины – XY. На языке генетики это означает хромосомный механизм определения пола.

Яйцеклетки, которые выходят раз в месяц на свидание со спермиями, несут только X-хромосому. Но спермии в 50% случаев несут X или Y-хромосому. Случайное попадание в яйцеклетку одного спермия, несущего X, либо Y хромосому, – это исходный сигнал. Набор XX – потенциально «Она», набор XY – «Он». Вероятность каждого варианта 50%. Это определяет примерно равное соотношение полов при рождении.

В Y-хромосоме почти исключительно сосредоточены гены, от которых зависит образование спермиев. Остальные участки «генетически пусты». Но не сама по себе Y-хромосома определяет мужской пол, а лишь один локализованный в ней ген. Это ключевой ген-регулятор пола, обозначаемый SRY (Sex Regulator). Он был установлен и изучен лишь в начале 1990-х. Именно от структуры и активности SRY ключевого гена зависит, в мужскую или женскую сторону пойдет развитие оплодотворенной яйцеклетки.

Появление любых признаков в ходе развития основано на таком принципе: а) сигнал; б) выбор клетками под действием сигнала определенного пути развития и в) конечное становление данного признака (дифференциация). Принципиально важно следующее: в норме каждый ген должен действовать в данном месте, в данное время и с данной активностью. Запомним это положение.

Дальнейшее половое разделение

У эмбриона до 8-й недели развития зачатки гонад еще не дифференцированы на мужские и женские. Для развития гонад в мужскую сторону необходим генный сигнал – активность гена SRY. Белок, контролируемый геном SRY воспринимается рецепторным геном-мишенью в зачатке гонады. Когда сигнал воспринят, запускается процесс преобразования нейтральной по полу гонады в мужскую сторону. Это занимает 4-6 недель. Особые клетки семенника начинают производить мужские половые гормоны (андрогены). Первый из них – тестостерон. Когда пол гонад установлен, начинается третья стадия – формирование наружных половых органов (гениталии). Затем в ходе роста и полового созревания возникают вторично половые признаки. Начинает устанавливаться гормональный диалог гонады-мозг. Он специфичен для каждого пола (4-й уровень).

Итак, четыре уровня, на которых происходит выбор развития в мужскую или женскую сторону. На каждой стадии возможны мутационные сбои и отклонения от нормы. Если в гене SRY возникает мутация, которая снижает его активность, то у потенциально мужского пола XY развитие пойдет в женскую сторону – либо частично, либо полностью.

Хромосомные мутации с отклонениями в половом развитии

Прежде всего возможны сбои в строгом попарном распределении половых хромосом в период, когда образуются половые клетки. Вместо обычных в норме наборов ХХ и ХУ, возникают геномы с нехваткой или с лишней Х и У хромосомой, к примеру наборы ХХУ, ХУУ Х0. Такого рода отклонения происходят с довольно ощутимой частотой 1:1000-2000 рождений. В этих случаях возникают нарушения полового развития - частичная или полная стерильность, морфо-психологические девиации.

Во всех случаях, когда в геноме сохраняется У-хромосома, то даже если есть лишняя Х-хромосома (ХХУ), развитие все равно идет в мужскую сторону, но все-таки с рядом отклонений от нормы. Мужчины с двумя У-хромосомами ХУУ, отличаются высоким ростом (более 185 см), повышенной эмоциональностью, импульсивностью и пониженной плодовитостью. Частота их рождений 1:1000.

При случайной утрате в геноме У- хромосомы в первых делениях яйцеклетки, развитие плода происходит в женскую сторону. Женщины генотипа Х0 имеют нежелательные отклонения от нормы: малый рост, неразвитые груди и яичники, они стерильны. Но их интеллект сохранен пределах нормы. Известны редкие случаи рождения идентичных близнецов, различных по полу: мальчик с геномом ХУ и девочка с синдромом Х0.

Мозаики, гермафродиты, интерсексы

Случаются и такие сбои в развитии, когда организм содержит смесь клеток, одни из которых ХХ, другие - ХУ. Подобных ХХ/ХУ особей называют мозаиками, или химерами. Какой же пол будет у человека-мозаика? Это зависит от доли клеток ХУ, содержащих У – хромосому. Вот один из механизмов возникновения таких мозаиков.

В 2003 году в статье в журнале Human Reproduction (Oxford) я предсказал, что ХХ/ХУ половые мозаики могут возникать, в случаях, когда яйцеклетка оплодотворяется не одним, а двумя спермиями. Аномальное двойное оплодотворение происходит с ощутимой частотой до 5%. Возникают эмбрионы с тремя геномами. Х:Х/У – один материнский (выделен жирным) и два отцовских. Они нежизнеспособны и почти всегда abortируются.

Но к удивлению генетиков, выяснилось, что эмбрионы с тремя наборами обладают регуляторной способностью возвращаться к нормальному двойному набору хромосом. Один их дополнительных отцовских наборов выбрасывается из делящейся оплодотворенной яйцеклетки. И вместо нежелательного «брака на троих» (*ménage a trois*) происходит возврат к норме. Когда яйцеклетку оплодотворяют два спермия, один из которых несет Х, а другой-У хромосому, то в ходе возврата к двойному набору могут возникать особи-мозаики ХХ/ХУ. А в редких случаях - необычные близнецы - мозаики. Они имеют один и тот же материнский набор хромосом, но могут различаться по полу.

В 2007 году международная группа из педиатров, цитологов, гистологов и генетиков опубликовала статью, где такие предсказанные мной близнецы были обнаружены. Статья названа: «A case of true hermaphroditism reveals an unusual mechanism of twinning», или «Случай истинного гермафродитизма и необычный механизм образования близнецов». Один из близнецов имел чисто мужские половые органы, большинство его гонадных клеток имели набор ХУ. Однако другой близнец был истинным гермафродитом. Его половые органы

сочетали в своей структуре мужские и женские признаки. А на клеточном уровне содержали поровну клетки с набором XX и XY. Внутри его гонад нашли смесь клеток, способных производить и яйцеклетки, и спермии. Об этом новом необычном типе близнецов в тот год писали многие новостные научные издания и газеты (включая «Известия»). В 2019 г. в Австралии обнаружили второй подобный случай.

Люди–гермафродиты, сочетающие в своем облике мужские и женские половые признаки, известны с древности. Есть прекрасные римские статуи таких людей. Пушкин, знакомый с такими изображениями, был весьма разочарован, когда ему пришлось встретить реального гермафродита. Вот как он описал это в «Путешествии в Арзрум»:

«Тут узнали мы, что между пленными находится гермафродит. Раевский по просьбе моей велел его привести. Я увидел высокого довольно толстого мужика с лицом старой курносой чухонки. Мы осмотрели его в присутствии лекаря. Это был мужчина с женской грудью, зачаточными половыми железами и органом маленьким и детским. Мы спросили его, не был ли он оскроплен. «Бог, отвечал он, кастрировал меня». Ответ вполне достойный.

В последние годы термин «гермафродит» из-за его негативной коннотации заменяют более нейтральным термином «интерсекс», резонно исходя из знаний о хромосомном механизме определения пола. Термином интерсекс предложено обозначать все те случаи, когда хромосомный пол индивида не соответствует его внешнему (фенотипическому) полу. Или, когда отклонения первичных половых признаков от нормы таковы, что их трудно классифицировать как мужские или женские.

Встречаемость интерсексуальности при рождении составляет 0,018% или один случай на 5500 рождений. Опросы показали, что большинство людей с подобными отклонениями не возражают против термина «интерсекс». Нет серьезных оснований относить интерсексов к третьему полу. Ибо это лишь один из случаев многих врожденных или мутационных отклонений в процессе становления двух полов.

Нечувствительность к мужскому половому гормону - синдром Жанны Д'Арк

На второй стадии определения пола мужской половой гормон, тестостерон, должен быть воспринят особым рецепторным геном. Данный ген локализован в X-хромосоме, которая достается сыновьям от матери (подобно гену гемофилии или кровоточивости). Если этот ген-мишень в зачатках гонад поврежден, то возникает сбой в развитии мужского пола. Частота такой мутации среди рожденных младенцев с генотипом XY составляет 1:20 000 - 60 000.

В настоящее время найдено около 400 мутаций этого гена. Одни из них имеют слабое действие. Другие – промежуточное, приводя к интерсексуальности. Но носители мутации с нулевой активностью гена-рецептора, несмотря на мужской набор XY, развиваются в сторону женского пола. Они неотличимы по внешнему виду от обычных женщин. Однако их женские гонады не развиты, нет матки и менструального цикла, они стерильны. В то же время эти женщины с мужским генотипом XY замечательны

по своим физическим и психологическим свойствам. Они высокие, статные, энергичные, спортивные и влекомые к мужчинам.

Женщины с генотипом ХУ, но с мутацией гена андроген-нечувствительности

На снимке запечатлены прекрасные по виду женщины, но с мутацией гена-мишени тестостерона. У героини французского народа Жанны д'Арк (1412-1431) наблюдался подобный набор признаков, характерный для мутации андроген-нечувствительности. Судя по описаниям, она была высокорослая, крепко сложена и сильна. Отличалась любовью к физическим военным упражнениям, охотно носила мужское одеяние. У нее никогда не было менструаций. Решимости, находчивости, энергии, воли Жанны д'Арк во время пленения и 5-месячного инквизиционного процесса посвящены сотни томов. Доводы в пользу того, что Жанна д'Арк имела генотип ХУ с мутацией андроген-невосприимчивости, подробно обосновал известный генетик В.П. Эфроимсон в книге «Генетика гениальности».

Трагедия нежелательного опыта по изменению пола

Волею судеб один трагический опыт по изменению нормального при рождении мальчика был проведен в 1970—1980-х гг. Тут налицо жуткая семейная трагедия и этико-научная драма. Речь идет о взлете и падении американского сексолога-психолога Джона Мани (John Money). Он известен введением в литературу по биологии и социологии пола терминов «гендер» «гендерная роль» - для обозначения мужского и женского самовосприятия или самоидентификации.

Мани руководил клиникой по изменению пола в Университете Джонса Гопкинса в (штат Балтимор). Согласно его взглядам, половые различия зависят от условий развития и воспитания человека. Поэтому пол можно переопределить путем хирургического и гормонального воздействия в сочетании с воспитанием в «мужской» или «женской» среде. Действительно,

такое возможно. Но! Но только в тех случаях, когда в результате мутаций или сбоя в ходе развития возникает интерсексуальность. Однако, Мани ошибочно полагал, что специалист сексолог может изменить пол в ту или другую сторону, даже когда нет генетических отклонений. Поэтому он не устоял перед искушением подтвердить свою позицию в одном невольно драматичном опыте.

У канадской молодой пары Реймер из Виннипега в 1966 г. родились идентичные близнецы-мальчики, названные Брайен и Брюс. В возрасте восьми месяцев у близнецов случилось нередкое для мальчиков воспаление крайней плоти (фимоз), вызывающее трудности мочеиспускания. Обрезание крайней плоти в терапевтических целях для предотвращения фимоза и половых инфекций широко практиковалось в те годы. В США в 1979 г. подобная операция проводилась в клиниках в 64,5 % случаях и в 2010 г. - в 58,3%. Веками это было обычной религиозной процедурой среди иудеев и мусульман. Христиане отмечают праздник обрезания Иисуса Христа на восьмой день его рождения. (Если войти в знаменитый Исаакиевский собор в Петербурге, сделать 10 шагов влево и повернуться к стене, то там можно видеть большое панно «Обрезание Иисуса Христа»).

В больнице, куда мама привезла малышей-близнецов для обрезания, дежурил неопытный врач. В итоге Брюс остался без пениса. Мать отменила операцию второму малышу (у него болезнь скоро прошла). Однако родители стали опасаться за судьбу Брюса. Узнав об успешных опытах сексолога Мани по изменению пола, родители обратились к нему за помощью. Доктор убедил их, что если они согласятся на хирургию и гормональное воздействие и будут воспитывать Брюса как девочку, то их сын вырастет девочкой.

Малышу удалили семенники, сформировали зачаточную вагину и регулярно вводили женские гормоны. К пяти годам казалось, что феминизация Брюса (его назвали Брендой) проходит успешно. Вскоре Мани включил в свои важные статьи анонимное фото пары идентичных близнецов, исходно мальчиков, одного из которых он «переопределил» в девочку. Это был мощный довод в пользу его концепции. Один близнец остался мальчиком, а другого близнеца он переделал в девочку. Вот, мол, опыт и контроль.

Однако Мани скрыл, что Брюс с начала школьного возраста отчаянно сопротивлялся насильственной феминизации, его неудержимо влекли игрушки мальчиков и их общество. В 13 лет, в очередной визит к Мани, он сказал, что покончит с собой, если его еще раз поведут к этому врачу. В 1980 г. родители решились сказать ребенку, кем он был от рождения. Брюс претерпел обратные операции (удаление выросших ко времени полового созревания грудей и фаллопластику), получил новое имя Дэвид. Но его жизнь была сломлена, в 2004 г. он покончил собой.

Когда эта история получила огласку, клинику Мани закрыли, а его отправили на пенсию. В 2000 г. эта трагическая история была рассказана в документальной книге-бестселлере журналиста Джона Колапinto «Каким природа сотворила его». С подзаголовком «Мальчик, который был воспитан как девочка».

Биологическая норма и есть ли третий пол

Из того, что многие мутации, приводят к интерсексуальности, некоторые социологи и сексологи сделали вывод, что есть третий пол или небинарный пол (non binary).

Так, к примеру, называется интересная книга секс-психолога Арона Белкина «Третий пол.

Судьбы пасынков природы». (2000 г). Вот основной довод автора: «Привычный взгляд, будто род человеческий состоит из мужчин и женщин, не выдерживает строгой проверки. Между двумя полами нет четкой границы. Есть обширное нейтральное пространство. Есть биологическая основа выпадающей из нормы половой принадлежности».

Интересно, что автор признает, что в области пола есть норма – это два пола. Но то, что есть видовая норма и есть самые разные отклонения, это ведь, согласно генетике, самая обычная ситуация! Нет серьезных оснований отрицать норму. Без понятия норма с ее вариациями и мутационными отклонениями от нормы, - нет медицины.

Существует полиморфизм человечества по разным количественным признакам – весу и росту при рождении и во взрослом состоянии, предрасположению к разным склонностям и способностям, темпераменту и характеру. Но варьирование в размахе количественных признаков имеет свои пределы, выходы за которые считаются аномальными (вес при рождении, кровяное давление, уровень сахара в крови).

Когда мы идем к врачу, то первым делом нам измеряют кровяное давление. И врач может сделать вывод - у вас высокое, выше нормы давление. Или напротив – у вас очень низкое давление. При всей гетерогенности популяций человека есть видовая НОРМА.

Таково разделение людей на два пола. Это 23 пары хромосом в геноме, одна из которых отвечает за определение пола и наследование сцепленных с полом признаков. Это две ноги и две руки с пятью пальцами на каждой из них. В отношении подобных видовых норм действительно «русский с китайцем братья навек», как пелось в советской песне.

Вот наглядный пример – доминантная мутация шестипалости (полидактилия) на руках или ногах. Уже в Библии упомянут некий филистимлянин с редким полным проявлением мутации - «человек рослый, имевший по шести пальцев на руках и на ногах, всего двадцать четыре» (2 Цар:21-20). Такое двустороннее проявление мутации – редкость. Шестипалое отклонению от нормы могло восприниматься негативно как действие некоей злой силы. Такова реакция на рождение шестипалого младенца у Григория, слуги Федора Карамазова, и реакция самого его в романе Достоевского.

«Когда же родился, то поразил его сердце скорбью и ужасом. Дело в том, что родился этот мальчик шестипалым. Увидя это, Григорий был до того убит, что не только молчал вплоть до самого дня крещения, но и нарочно уходил молчать в сад. Была весна, он все три дня копал гряды в огороде в саду. На третий день приходилось крестить младенца; Григорий к этому времени уже нечто сообразил. Войдя в избу, где собрался причт и пришли гости и, наконец, сам Федор Павлович, явившийся лично в качестве восприемника, он вдруг заявил, что ребенка «не надо бы крестить вовсе. Дракон, смешение природы произошло...».

Совсем противоположное, трогательное отношение к этой мутации у Владислава Ходасевича в «Дактилях», посвященных отцу:

Был мой отец шестипалым. Такими рождаются счастливыцы.
Там, где груши стоят подле зеленой межи...,
Был мой отец шестипалым. Бывало, в сороку-ворону
Станем играть вечерком, сев на любимый диван.
Вот, на отцовской руке старательно я загибаю
Пальцы один за другим - пять. А шестой - это я...
Был мой отец шестипалым. Как маленький лишний мизинец
Прятать он ловко умел в левой зажатой руке.

Мутация у его отца проявилась лишь в добавочном мизинце на левой руке. У секс-символа Мэрилин Монро шестипалость проявилась только на правой ноге, а у Сталина – на левой (по описаниям агентов охраны). Интересен и этнический аспект полидактилии – влияние внешней и генетической среды. У европеоидов частота его появления среди новорожденных составляет 1:1340, а среди народов Африки и у темнокожих Америки 1:140, в десять раз выше! Подобная этногенетическая особенность требует изучения.

Отклонения от норм мужского и женского пола происходят с гораздо меньшей частотой, чем шестипалость. Поэтому нет оснований считать, что есть некий «третий пол». Несомненно, к разным отклонениям в сфере разделения людей на два пола нельзя относиться как отнеслись к мутации шестипалости Федор Карамазов и его слуга Григорий. Примером служит спокойная толерантность Ходасевича к шестипалому отцу.

Однако признавать за норму разные DSD-отклонения, как называют их активисты: LGBTIQ+ lesbian, gay, bisexual, transgender, intersex, queer/questioning (в конце знак «+» все равно, что пойдти туда, не зная куда) – признавать все это за НОРМУ в сфере пола - антибиологично, за пределами медицинской практики и социальных традиций.

Социальная норма и мода на транссексуализм

Около 30 лет назад в Петербурге открылась клиника транссексуальности. Там впервые стали проводить хирургию таких редких неизбывных психологических отклонений, когда мужской или женский физический облик не совпадает с половой самоидентификацией человека (транссексуализм). Это генетико-психологическое отклонение от нормы в сфере четвертого уровня определения пола – о чем речь шла выше. Как это возможно?

Можно представить себе такую ситуацию. Человек при рождении оказался мозаиком XX/XY, причем у него неравное распределение клеток XX и XY в разных органах тела. Например, большинство клеток в органах тела «мужские» XY и облик чисто мужской, но в клетках мозга доминируют «женские» клетки XX. Тогда может возникнуть конфликт самоидентификации.

Подобные случаи биологического и психологического конфликта тела и души очень редки. Согласно авторитетной энциклопедии SEXUALIA. From prehistory to cyberspace. (Konemann, 2001): "Transsexualism is a rare, affecting

about one in 100,000 men and one in 130,000 women». Частота таких случаев около 1:100 000 у мужчин и 1:130 000 у женщин.

Много времени провел в этой клинике известный писатель, публицист и литературный критик Александр Мелихов. Он часами доверительно беседовал с главным врачом и с пациентами, спрашивая обо всем. «Трансы» оказались очень разными, но каждый из них был интеллигентом в своей среде. Они заслуживали понимания и толерантности. Но в то же время, справедливо полагает писатель Мелихов, мы должны сохранить исторически сложившиеся нормы. Ибо сложившаяся веками архитектура социальных норм и ценностей не менее важна, чем природная среда. Приведу важный социальный вывод журналиста, с которым я полностью согласен:

«Норма без крайней необходимости не должна топтать аномалию. Но она не должна, как это теперь нередко бывает сплошь и рядом, перед ней заискивать, создавая моду на аномальность и увеличивая число завтрашних жертв. Нормы могут устоять лишь тогда, когда отступление от них не является слишком легким, а тем более престижным делом».

Александр Рабинович

Москва, Россия

Современная физика и тайна живой материи

Восемьдесят лет назад, в 1944 г., была опубликована книга знаменитого австрийского физика Эрвина Шрёдингера "Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки", в которой была предпринята попытка понять сущность живой материи с позиций физической науки. Книга с восторгом была воспринята широкими кругами ученых и любителей науки.

В ней очень интересно и глубоко были охарактеризованы существовавшие в то время воззрения в генетике и физике и была предпринята попытка навести мосты между этими столь различными областями науки.

Но удалось ли в этой, без сомнения, замечательной книге понять суть живой материи с точки зрения физической науки, занимающейся сугубо неживой материей? Нужно признать, что нет. Слишком уж велика тайна жизни!

Создается впечатление, что человек никогда не сможет объяснить загадочные процессы в живой клетке.

Однако через 10 лет после выхода книги Шрёдингера появилась замечательная физическая теория двух физиков – китайского и американского, - лауреата Нобелевской премии Чжэньнина Янга и американца Роберта Миллса, которая, как будет далее показано, может пролить свет на некоторые аспекты живого.

Теория Янга-Миллса и физика живой материи

В 1954 г. Янг и Миллс опубликовали статью, в которой представили физическую теорию, обобщающую теорию электромагнетизма Максвелла и описывающую гипотетические взаимодействия в микромире. Она поражала своей красотой, однако было непонятно, имеет ли она какое-либо отношение к физической реальности. Но прошел ряд лет - и эта теория нашла применения в описании ряда фундаментальных взаимодействий в микромире, после чего стала одной из главных физических теорий, с которой связывалось будущее физики.

Чжэньнин Янг (1922)

В то же время в этой новой теории осталось немало нерешенных вопросов, на одном из которых хотелось бы остановиться. Как говорилось, теория, предложенная Янгом и Миллсом в 1954 г., обобщает теорию электромагнетизма Максвелла. Электромагнитная теория Максвелла описывает одно физическое поле с четырьмя потенциалами, а в статье Янга-Миллса было дано описание нелинейного взаимодействия трех подобных полей. Переносчиками электромагнитного поля являются фотоны.

Переносчиками же трех полей Янга-Миллса оказались, помимо фотонов, также известные частицы – Z и W бозоны. Источники электромагнитного поля – это электрические заряды и токи. Источниками же трех полей Янга-Миллса могут быть три типа зарядов и токов.

Как мы знаем, в неживой материи имеется только один тип зарядов – обычные электрические заряды. Где же тогда найти остальные два типа зарядов? Можно прийти к довольно неожиданному выводу, что они – в живой материи! Но какую роль могут в ней играть эти два дополнительных заряда? Данный вопрос мы и попытаемся рассмотреть.

Теория Янга-Миллса и кодирование генетической информации

Как известно, единицами передачи наследственной информации в живых клетках являются гены, представляющие собой участки ДНК, а у некоторых

вирусов – РНК. В истории биологии было много споров о том, какие молекулы могут быть носителями наследственной информации. Долгое время считалось, что такими носителями могут быть только белки, так как их строение – 20 аминокислот позволяет создать значительно больше вариантов, чем ДНК, которая состоит всего из 4-х видов нуклеотидов. Однако, как показали эксперименты, именно ДНК содержит в себе наследственную информацию.

В результате остался невыясненным вопрос, каким образом огромное количество наследственных признаков проявляется в генах, которые в химическом отношении не слишком уж разнообразны?

Что по этому поводу можно сказать? Значит, отличие в генах должно проявляться не столько в химической структуре, сколько в их физических свойствах. Но тогда каким образом огромное разнообразие этих свойств может возникнуть при сравнительно небольшом количестве вариантов химических структур в генах?

Роберт Миллс (1927–1999)

Ответ на этот вопрос можно найти как раз в теории Янга-Миллса с тремя физическими полями, где их источниками, помимо электрических зарядов, являются два других типа зарядов. Разнообразные распределения этих зарядов в больших макромолекулах, какими являются гены, как раз и могут создать огромное число вариантов физических свойств. Поэтому идея о том, что в живой материи большую роль играют поля Янга-Миллса и вызывающие их три типа зарядов, представляется многообещающей.

Но какие энергетические возможности имеются у клетки, содержащей три типа зарядов? Ведь только при достаточно большой внутренней энергии клетки можно обеспечить надежность и стабильность происходящих в ней сложных биологических процессов.

Для ответа на этот вопрос обратимся к моей монографии:

Alexander S. Rabinowitch "Nonlinear Field Theories and Unexplained Phenomena in Nature", World Scientific, Singapore, 2023, первые три главы которой посвящены изучению полей Янга-Миллса.

В ее 2-й главе было показано, что в случае 2-х или 3-х типов зарядов возможны такие их распределения, при которых возникают очень мощные усиления полей Янга-Миллса. Это свойство как раз могло бы быть применено к объяснению ряда труднодостижимых явлений в живой материи, требующих больших энергий.

В частности, обратимся к удивительному явлению азотфиксации у некоторых видов бактерий.

Азотфиксация представляет собой процесс, при котором азот извлекается из инертных молекулярных форм в атмосфере и превращается в соединения азота, такие как аммиак, нитраты и диоксид азота. Эти процессы требуют

очень высоких энергий, и единственный встречающийся в природе небиологический способ их реализации — грозовые разряды.

Чтобы понять, как удается ряду бактерий справляться со столь трудной задачей, как азотфиксация, обратимся к идее существования полей Янга-Миллса в живой материи. Эта идея как раз позволяет объяснить возникновение в живых клетках весьма больших энергий и тем самым дать объяснение способности этих малых органических образований осуществлять то, что под силу мощным грозовым разрядам.

Нейтрино и самозарождение жизни на Земле

Как известно, важным применением теории Янга-Миллса было описание с ее помощью электрослабых процессов – ряда взаимодействий, происходящих с участием разных типов нейтрино и их античастиц.

Такие частицы, как протон и электрон, имеют только один тип заряда - обычный электрический заряд. Так как при их взаимодействии с нейтрино появляются поля Янга-Миллса, то приходим к выводу, что нейтрино должны иметь дополнительные заряды, отличные от электрического.

Это означает, что нейтрино должны быть наделены особой ролью среди других известных элементарных частиц, имеющих только один классический электрический заряд.

Одним из важнейших научных вопросов, не нашедших до сих пор своего решения, является вопрос о возникновении живой материи из неживой.

Было предпринято немало попыток объяснения происхождения жизни. Наиболее популярной из них является теория ее самозарождения Опарина-Холдейна. Эта теория была проверена в 1953 г. в эксперименте Миллера-Юри. В нем в замкнутый сосуд была помещена смесь воды, аммиака, метана, углекислого газа и окиси углерода через которую пропускались электрические разряды при температуре 80 градусов Цельсия. В результате, образовывались аминокислоты. Позднее были получены также сахара и углеводы. Однако все это не привело к созданию живого, так как возникшие при этом органические системы не могли сами себя воспроизводить.

Так чего же не хватало в этих экспериментах для развития живого? В них, как минимум, не хватало незлектрических зарядов, которые могли бы появиться при взаимодействии полученных органических систем с нейтрино. Но нейтрино крайне слабо взаимодействует с обычным веществом. Поэтому здесь необходимы были бы очень мощные потоки нейтрино.

Такие потоки нейтрино могли возникнуть на Земле миллиарды лет назад, когда протекали особо мощные вулканические процессы и электрические разряды. Тогда как раз должны были появляться огромные потоки нейтрино, проходящие через возникающие разнообразные органические соединения.

В результате этих процессов органические соединения могли приобрести незлектрические заряды и, соответственно, поля Янга-Миллса, необходимые для формирования живых клеток.

Предложенный здесь подход, конечно, только первая попытка использовать поля Янга-Миллса для объяснения сложнейшей проблемы живого. Требуется очень большая работа ученых разных специальностей для развития высказанной гипотезы.

Генрих Голин
Нью-Йорк, США

К 110 – годовщине со дня рождения Якова Зельдовича

Жизненный путь Якова Борисовича Зельдовича мог бы служить иллюстрацией типичной судьбы еврейского мальчика, которому исключительная настойчивость дала возможность стать тем, кем он стал. Удивляюсь, как Солженицын не включил его как типаж в своё исследование «Двести лет вместе». Кстати, этого не сделал и Семён Резник в замечательном контррасследовании: «Вместе или врозь?».

Я.Б.Зельдович родился в Минске 8 марта 1914 года, но четыре месяца спустя из-за начавшейся Первой Мировой войны семья переехала в Петербург. Как и Ю.Б.Харитон, он тоже родился в высокообразованной еврейской семье. Его отец был юристом, а мать изучала языки в Сорбонне. Трудовая деятельность будущего учёного началась в 16-летнем возрасте в Физтехе у

Иоффе в качестве рабочего, а затем лаборанта. К этому времени он закончил среднюю школу и не стал поступать в институт: было неинтересно и надо было зарабатывать на жизнь.

В истории науки есть несколько уникальных случаев, когда выдающиеся учёные нигде не учились, не имели формального образования (такowymi были, например, француз Андре Ампер, англичанин Майкл Фарадей в XIX веке и Пьер Кюри, получивший домашнее образование). Переноса оборудование из лаборатории в лабораторию, промывая пробирки и чиня аппаратуру, «Яшка» пристаёт с вопросами к окружавшим его учёным, занимается самообразованием, его интересует физика и химия. Учёные берут покровительство над любознательным и быстро соображающим юношей, требуют от него продолжить образование. Через некоторое время они уже делятся с ним своими научными проблемами, решать которые им помогает Яша, предлагая оригинальные идеи.

Юноша сделал всё-таки попытку получить высшее образование: сперва на заочном отделении Ленинградского университета, в котором проучился всего год, а затем на физико-механическом факультете Политехнического института, деканом которого в те годы был А.Ф. Иоффе. И здесь он недоучился, хотя и признавался, что было интересно общаться с «по -- настоящему интеллигентными и умными профессорами», имея в виду того же А.Ф. Иоффе и Я.И. Френкеля.

Мы уже писали, что на базе Физтеха был создан Институт химической физики, который возглавил Н.Н. Семёнов. В этом институте Харитон создал и возглавлял лабораторию горения, где проводил свои исследования и юный Я.Б. Зельдович. Здесь в свои 22 года в 1936 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию. По этому поводу впоследствии он напишет: «Благословенные времена, когда ВАК (Высшая Аттестационная Комиссия - Г.Г.) давал разрешение на защиту учёных степеней лицам, не имеющих высшего образования».

Через 3 года, в 1939 году, он защищает докторскую. Обе диссертации были посвящены физико-химической теории горения и детонации. Эту тематику он называл своей «первой любовью» и на протяжении всей жизни периодически возвращался к ней.

В августе 1941 года Институт химической физики АН СССР, где он работал, эвакуировался в Казань из окружённого немцами Ленинграда. Здесь Зельдовичу было поручено включиться в работу по созданию ракетного оружия.

Первые испытания знаменитой «Катюши» были неудачными: при запуске она взрывалась в воздухе, не долетая до цели. К удивлению конструкторов, Зельдович очень быстро нашёл причину. Он рассчитал внутреннюю баллистику снаряда, что позволило внести исправления в конструкцию «Катюши». Она «встала на ноги» и уже осенью 1941 года успешно участвовала в сражениях. Немцам так и не удалось разгадать тайну снаряда, придуманного Зельдовичем.

В 1943 году Институт переводят в Москву, и с тех пор семья Зельдовича (жена и три дочери) жила в Москве. В этом же году он начинает работать над атомным проектом в группе, возглавляемой Харитоном. Позже к этой группе присоединяются И.Е.Тамм, А.Д.Сахаров и многие другие. Координация всей работы осуществлялась И.В.Курчатовым. Основные участники проекта

переезжают в Саров, где живут и работают безвыездно и в строжайшей изолированности от внешнего мира более двадцати 20 лет.

Как вспоминает Я.Б. Зельдович, всё время и вся энергия участников атомного проекта были посвящены только одному: «созданию ядерного щита Отечества. Это было само собой разумеющимся. А разве мы могли поступить иначе?». В эти годы по-прежнему Харитон и Зельдович были неразлучны. Харитон вспоминает: «Мне очень повезло в жизни: в течение примерно 25 лет я работал с фантастически интересным человеком и совершенно исключительным учёным -- Яковом Борисовичем Зельдовичем. Широта его научных интересов поистинне невероятна. Я преклоняюсь перед ним -- как учёный и человек».

И.В. Курчатов говорил проще: «Яшка-гений». А вот замечание Бриша: «... Зельдович очень быстрый умом был, все задачи в уме решал. Когда мы сдавали ему экзамены и пытались решить задачу классически, он нам говорил, чтобы мы так не решали, а пытались быстро в уме решить. Да разве можно освоить то, что знал Зельдович!». Сам учёный впоследствии писал об этом периоде своей жизни: «Открытие деления урана и принципиальной возможности цепной реакции урана предупредило судьбу века и мою».

Чуть позже в Сарове Зельдович и Сахаров со своими группами сосредоточили своё внимание на создании водородной бомбы. Работа этих двух групп не была соревнованием, а скорее, плодотворным взаимодействием. В эти годы, по воспоминаниям очевидцев, Зельдовича можно было видеть мчавшегося на мотоцикле по секретному городу, хотя у него была «Победа» (подарок Сталина) и «Волга» (подарок советского правительства). Для него было приятно ощущать на лице порывы ветра.

В отличие от своего друга Харитона, -- убеждённого семьянина, Зельдович ценил женскую красоту и не пропускал случая «завести роман». Несмотря на то, что у него была семья в Москве, он вдруг влюбился в свою секретаршу. Общеизвестна его непродолжительная связь с Шурой Ширяевой -- московской художницей, попавшей «за длинный язык» в Саров. Она считалась расконтрабандной заключённой и расписывала в Сарове стены местного театра, а также стены и потолки в домах чекистов. Зельдович забрал её к себе в «членохранилище» -- так назывались коттеджи, где жило начальство. Когда закончился срок её заключения, чекисты выдворили её на вечное поселение в Магадан, где она родила Зельдовичу дочь. От разных женщин у него было 5 детей. И всем им он помогал материально и мечтал о том, чтобы собрать их вместе. Об этом написал в своих мемуарах Сахаров.

Я пишу об этом, чтобы у читателя не возник образ Зельдовича как приторного ангела. Когда Якова Борисовича избрали академиком в 1958 году, его коллеги на «мальчишнике» вручили ему академическую шапочку с надписью: «Академия Наук» и...плавки с надписью: «Действительный член». Учёные умели работать, умели и веселиться. И вот ещё нечто весёлое в духе Зельдовича.

Обычно он надевал свой пиджак со всеми регалиями, орденами и звёздами Героя когда должен был встретиться с «сильными мира сего», особенно, если хотел что-то выпросить у начальства. Его сотрудники называли этот пиджак «Просительным». Это обычно производило впечатление, и зачастую Зельдович получал, что хотел. Так , он поехал в этом наряде к члену

Президиума ЦК КПСС и «хозяину» Москвы Гришину за пропиской своему ученику, молодому и талантливому учёному Сергею Мишину.

В 50-е годы начался новый период творчества Я.Б.Зельдовича, связанный с физикой элементарных частиц и параллельно с этим -- астрофизикой и космологией. Изучение Большого Взрыва (Big Bang) он называл «эхом первой любви», а свои астрофизические работы считал главным достижением и вкладом в науку. С 1966 года он -- профессор Московского университета, научный руководитель целого ряда молодых учёных, создатель школы физиков в области теории горения, физики элементарных частиц и астрофизики.

С одним из его учеников -- Октаем Гусейновым -- я дружил и однажды имел честь встретиться с Яковом Борисовичем. Это было в Баку -- моём родном городе, где я прожил первые 30 лет своей жизни. Окай защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации по астрофизике в аспирантуре у Зельдовича. С 1980 года он -- директор Шемахинской обсерватории в Азербайджане. Окай несколько раз приглашал Якова Борисовича погостить в Баку и его окрестностях. На одном из апшеронских пляжей где-то в 1967 году мы вчетвером (четвёртой была очаровательная девушка -- аспирантка Зельдовича) купались, валялись на песке и беседовали на разные темы, в основном о современной физике. К этому времени Зельдович оставался невыездным (дальше Венгрии), что несомненно огорчало его, лишая возможности общаться с иностранными учёными. На меня Я.Б. произвёл сильное впечатление: я видел перед собой живого классика физики, такого простого в общении и одновременно глубокомыслящего и энциклопедически образованного человека.

Хорошо известен случай, когда уже больной Ричард Фейнман -- знаменитый американский физик-теоретик, участник атомного проекта в Лос-Аламосе, автор многотомного курса «Фейнмановские Лекции по Физике», изданного в СССР в 60-е годы, по которому наиболее продвинутые студенты изучали в университетах физику, дал согласие приехать в Москву, чтобы встретиться с Зельдовичем. Много лет, читая работы Зельдовича, он думал, что «Зельдович» -- это вымышленный псевдоним большого коллектива авторов, пишущих на различные темы физики и химии, наподобие «Бурбаки» в истории математики. Он был в изумлении, когда узнал, что автор всех этих работ -- один человек. К сожалению, им не удалось встретиться.

А вот другой выдающийся английский физик, тогда ещё молодой Стефан Хопкинг появился на инвалидной коляске в сопровождении Зельдовича в конференц-зале МГУ во время 13-го Международного Конгресса по истории и философии науки в 1971 году, участником которого я был. Им было, о чём поговорить: оба разрабатывали основы современной космологической теории.

Широта интересов Я.Б.Зельдовича поражала всех. Для меня -- преподавателя по профессии -- важно отметить ещё один аспект в многогранном творчестве учёного. Зельдович написал несколько популярных книг по физике и математике для учащихся средних школ. 19 ноября 1958 года в центральной газете «Правда» появляется статья Зельдовича и Сахарова: «Нужны естественно-математические школы», в которой авторы призывают руководителей органов образования создавать специальные школы для одарённых детей. Вся статья была пронизана заботой о воспитании нового

поколения учёных и инженеров в стране. В 1984 году коллеги и ученики Харитона и Зельдовича устроили для них празднование 150-летнего юбилея: 80 лет Харитону и 70 лет Зельдовичу. Они родились оба с разницей в одну неделю и десять лет.

Я мог бы на этом поставить точку в описании жизни и творчества Зельдовича, скончавшегося в 1987 году, но это описание не будет полным.

Конечно, у каждого человека есть черты характера и поступки, которые нельзя назвать положительными. В отличие от Харитона, наш герой отличался некоторой торопливостью, вызванной честолюбивым стремлением быть первым. Яков Борисович как-то писал: «Конечный результат - физическая истина меня интересует почти независимо от того, кто её найдёт первым. Хватило бы мне сил понять её первым...» В результате, некоторые его статьи полны догадок и ошибочных выводов. Иногда он публично извинялся за них, а в спорах с коллегами в конкретных вопросах не раз ошибался и проигрывал, за что расплачивался несколькими бутылками коньяка.

Сахаров на протяжении многих лет именно с Зельдовичем обсуждал научные проблемы, очень ценил его замечания. Он также зачастую советовался с ним, как поступить в тех или иных жизненных ситуациях. Вместе с тем, в своих воспоминаниях, Сахаров отмечал у Зельдовича боязливость за своё благополучие, когда было необходимо общаться с «сильными мира сего». Он никогда не спорил с последними, не отстаивал свою точку зрения. Он искал обходные пути, зачастую «подставляя» других своих коллег.

Сахаров вспоминает: «... Вскоре после присуждения премии (Нобелевской премии мира за 1975 год, - Г.Г.) мне позвонил Яков Борисович Зельдович. Он сказал, что я должен отказаться от премии. На мой ответ, что я не собираюсь этого делать, он раздраженно заявил: «Я вам напишу». Зельдович, конечно, понимал, что мои телефонные разговоры прослушиваются. Но тем более он должен был быть уверен, что просматривается и почта. На меня телефонный звонок и тем более письмо произвели тягостное впечатление нарочитой демонстрации верноподданнических чувств».

Особенно неприятно читать о другом эпизоде, рассказанном независимо друг от друга И.С. Шкловским и А.Д. Сахаровым.

На «объекте» в Сарове под руководством Зельдовича был математический отдел, созданный и возглавляемый Меттесом Менделевичем Агрестом. Он был глубоко верующим человеком, соблюдающим все еврейские предписания. Зная это, Зельдович вызывал его на отчёты о проделанной работе именно по субботам. Сам Зельдович считал, что профессия учёного несовместима с религией и что он таким образом «перевоспитывает» зрелого математика, инвалида Отечественной войны. Конечно, Зельдович жестоко ранил Агреста, заставляя его работать по субботам. Вскоре Агресту пришлось уехать с «объекта», после того, как чекисты обнаружили, что у него оказались какие-то родственники в Израиле.

Потомки М.М. Агреста сейчас живут и работают в США, и с одним из них Михаилом Агрестом- профессором физики, живущим и работающим в Чарльстоне, Южная Каролина, я встречаюсь периодически уже много лет на научных конференциях Американской Ассоциации преподавателей физики(AAPT).

После того, как Сахаров был отстранён от секретной работы и вступил в борьбу с КГБ за права человека в СССР, он по старой дружбе несколько раз

обращался за помощью к Зельдовичу и Харитону, но они отвернулись от него, боясь за своё благополучие. У Сахарова накапливались разочарование и горечь. Привожу небольшой отрывок из статьи Леонида Баткина «Характер и масштабы политического мышления А.Д.Сахарова».

« Как-то незадолго до своей кончины Зельдович сказал Сахарову: «В прошлом было всякое, давайте забудем плохое. Жизнь продолжается». Сахаров отвечает ему: «Да, конечно». Глава, посвященная Зельдовичу в книге самого Сахарова «Воспоминания», заканчивается трогательными словами: « Я иногда ловлю себя на том, что веду с Я.Б. мысленный диалог на научные темы».

Фигура Зельдовича была противоречивой. Но у него есть некое оправдание: он жил и творил в условиях самого ужасного в истории человечества строя. Его еврейская генетика, помимо его желаний, подсказывала, как бороться за своё самосохранение.

Искусство

Илья Репин. Автопортрет. 1887

Вера Чайковская

Москва, Россия

Море эмоций в маленьком зале. О ретро-выставке четырех

Скучно бывает не только посетителям галерей, но и художникам. Я думаю, что неотвязная скука овладела многими российскими художниками в 60-х, 70-х и особенно в 80-х годах, накануне перестройки. Вот в эти промежутки и проходили три выставки художников «Группы 16» (1969, 1976, 1985).

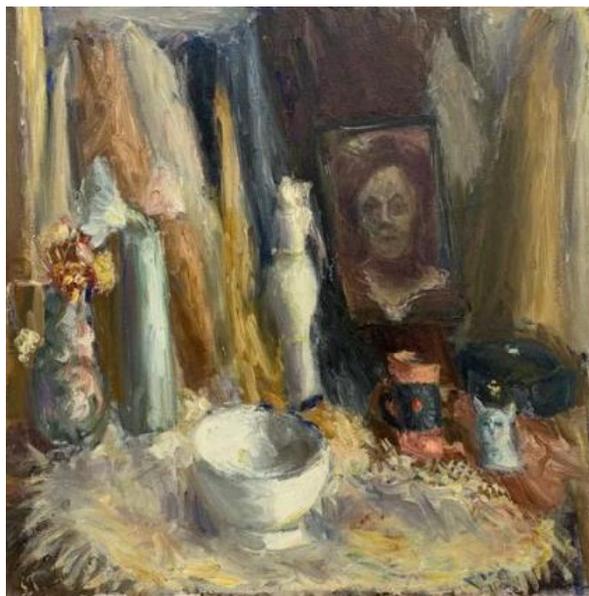
Илья Табенкин. Без названия. 75,5x80 см. 1987

Нет! Не вспоминайте! Ничего не вспомните! Группа ничем особенным не замечательна и уж, конечно, не оставила такого следа в русском искусстве, как знаменитая группа «Тринадцать» в конце 20-х - начале 30-х годов, и тоже с тремя выставками, причем одна - только в каталоге.

Между тем, и в этом случае вспомнить все же есть о чем и в особенности о том, что и продемонстрировала осенняя маленькая выставка в крошечном помещении в Камергерском переулке, проходившая в новой галерее с названием Арт Мост (Почему-то тире в названии не поставлено, что меня, филолога по первому образованию, несколько смущает).

На выставке опять-таки с «числовым» названием «4/16» организаторы показали работы тех четверых художников из шестнадцати, которым стало

как-то особенно беспринципно и скучно среди полностью выдохшегося, ставшего вполне академическим и салонным реализма и новаторского «сурового стиля», который показался им уж слишком суровым, а хотелось поиграть и пошалить, в особенности, оглядываясь на бесконечные «измы» и «арты» западных собратьев.

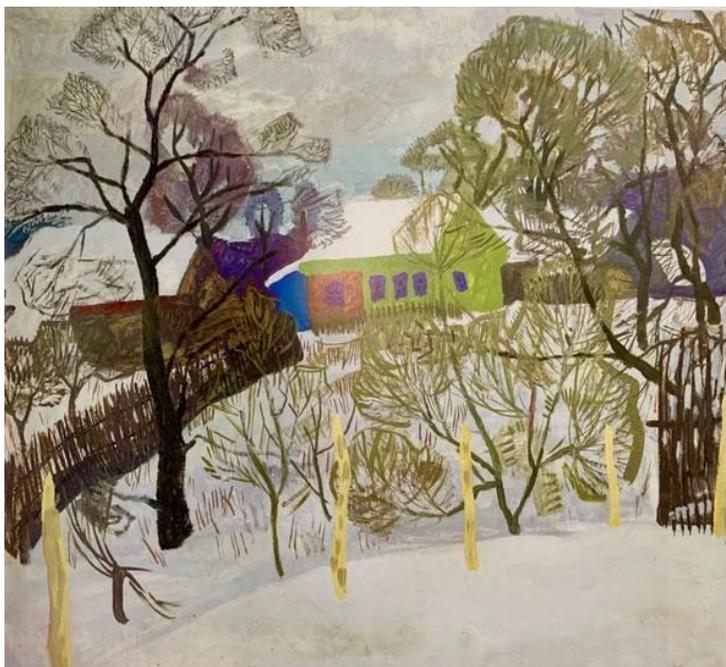

Григорьева. Натюрморт с белой миской. хм., 65х66. 1993

И в России появились их последователи, художественные оппозиционеры, абстракционисты и соцартисты, будущие участники «бульдозерной» выставки. Однако нашу четверку не привлекали ни бурный идейно, но вялый живописно мистицизм, ни беспредметность, ни словеса и идеи концептуализма вместо живописи. Это были пластически очень одаренные мастера. Виктор Попков - самый известный на тот момент, считался корифеем «сурового стиля», но явно его перерос.

Он пластически разнообразнее и живее. Екатерина Григорьева и Евгений Расторгуев по-разному и в разных пропорциях черпали живость и вдохновение в народном искусстве, лубке, вывеске, росписи на прялках, народных игрушках. Самый сложный путь, пожалуй, у Ильи Табенкина, который от своих прекрасных «натурных» пейзажей и натюрмортов внезапно перешел к гораздо более обобщенным композициям и четкому выстраиванию фантастического пространства, но не утратил «живой» предметности и живых человеческих эмоций.

Все четверо друг друга или хорошо знали и даже дружили (положим, Илья Табенкин и Екатерина Григорьева), или просто высоко оценивали достижения собратьев. Помню, как всегда язвительный, Илья Львович Табенкин с большим пиететом отзывался о Попкове и Расторгуеве.

Попков. Зеленый домик. 65х75. хм.,1963

Есть трагическая история, сохраненная в книге воспоминаний и статей об Илье Табенкине. Екатерина Григорьева вспоминает, как они с Ильей Львовичем не прошли какой-то «худсовет» и зимним декабрьским вечером им выкинули из окна хранилища «зарубленные» худсоветом картины.

Не знаю, как их довезла до дому Катя Григорьева, а маленького, пожилого и насквозь промерзшего Илью Львовича с выброшенной картиной в руках я помню. Его мастерская была на чердаке дома, где я жила, и он, как всегда бывало, зашел ко мне. Он хрипел и задыхался от нездоровья и возмущения. Это была наша последняя встреча. Вскоре он умер.

Удивительно увидеть сейчас на стенах эти картины - словно встречаешь старых друзей. И не надо себя уговаривать, как порой бывает, что это «не так уж плохо». Видно сразу, что это хорошо. Необычайно хорош большой пейзаж Виктора Попкова «Зеленый домик» (1963, б. м.), задающий какой-то светлорадостный, «проясненный» тон всей выставке. Я до этого видела исключительно живопись художника, хотя учился он на графическом отделении (чем его пытались уколоть недоброжелатели его живописи).

На выставке представлены две очень красивые графические работы и одна работа маслом на бумаге — вот этот самый «Зеленый домик», со сложным, красиво «круглящимся» зимним рельефом и сбоку с таким узнаваемым коричневым деревянным заборчиком и узором темных ветвей на белеющем снежном фоне. Вся композиция увиденна откуда-то издали, словно художник пробрался сквозь сугробы. Один из посетителей узнал в «зеленом» домике «столовку» в Тарусе - излюбленном городке художников. Но работа вовсе не

бытовая, а вся - овеянная воздухом и легкими, ускользящими на морозе «зимними» мечтами и впечатлениями.

Расторгуев. Вывеска. 60x80. хм., 1994

Екатерина Григорьева в сравнении кажется какой-то тяжеловесной, целиком повернутой к уже тогда «нафталиновому» обывательскому ретро - быту. Натюрморты - до полного отсутствия воздуха - уставлены вещами, и даже цветы в вазах кажутся искусственными. («Георгины», 2007, х.м.).

Но вдруг ловишь, как какой-то тайный знак испытанного художницей мгновенья экстаза, пристально-рассеянный взгляд автопортретного персонажа не то на фотографии, не то на картине, не то в зеркале или даже в воспоминании («Натюрморт с белой миской», 1993, х.м.). И все у нее немножко не всерьез, и все как-то алогично, но подмечено без злой иронии, как это бывало у более молодой Натальи Нестеровой, с которой Григорьева запечатлена на одной из фотографий, а словно алогизм входит в небесный замысел и не нам его разгадать.

Почему у витрины с роялями толпится «простецкий» народ? Почему по двору навстречу женщине с раскладушкой идет совершенно раздетая особа? Почему продавщица букета зажала в руке половинку настоящей купюры, как бывало с наклейками настоящих этикеток на тюбиках красок у бурлящего весельем молодого Петра Кончаловского? А не почему! Просто потому, что художнице так привиделось в какой-то миг общения... ну да, с небесами!

А как смешон, причудлив, красочен и по-своему изыскан Евгений Расторгуев! Если в ранних работах есть еще некоторая монотонная статичность и красочная лапидарность («Дядя Вася с красной балалайкой», 1963, х.м.), то потом автор словно пускается в пляс, изображая призывные вывески рюмочных со смешными игрушечными ангелочками вокруг рюмки («Вывеска», 1994, х.м.), или забавных персонажей, напоминающих

причудливые тышлеровские композиции и сюжетом, и сияющей палитрой («Конструкция», пастель, 2006, «Мужик с котом», 2009, х.м.).

Ну а Илья Табенкин... Просто взгляните в эти открытые и наполненные светом пространства со странными фигурками. Как сияет красный цвет одной из них в сочетании с золотистым фоном («Без названия», 1987, х.м.)! Какое странное послание адресовал нам художник!

Только ничего не надо «расшифровывать», угадывать буквы и слова - как в «Поле чудес». Чудеса есть, но они явлены нашим глазам и нашему сердцу, причем сразу и целиком всей своей благородной простотой и ясностью композиции, сиянием прозрачных красок и затаенной грустью, которую излучают смутно напоминающие людей фигурки, сделанные мастером из папье-маше...

Прекрасная выставка, жаль, что маленькая. Но прекрасного и не бывает много!

Игорь Волошин

Чикаго, США

Чилийский еврейский художник Маурисио Авайю

Чили – не самая заметная по степени еврейского расселения страна. Диаспора составляет всего 18 тыс. человек, большая часть которой живет в столице страны Сантьяго. Вряд ли многие вспомнят каких-либо известных евреев, родившихся в Чили, тем интереснее узнать, что один из самых значительных современных художников родом из этой страны. Его имя Маурисио Авайю (Maurocio Awaçu).

Сейчас, когда работы 55-летнего мастера висят в кабинетах президентов, а также удостоились высокой оценки папы римского Франциска, трудно представить, что в детстве отец запрещал Маурисио заниматься живописью и настаивал на получении практической специальности, такой как инженерное дело или математика.

Однако, вопреки воле отца, Маурисио с юных лет настойчиво искал себя в творчестве. В дело шли коробки от обуви, флаконы от духов, и даже обрывки картона, оставшиеся от моделей одежды из портняжной мастерской отца.

Семья была светской и, несмотря на религиозное окружение, Маурисио поначалу об иудаизме знал немного, однако по мере его становления, возник интерес к вере предков, и интерес этот оказался настолько прочным, что

постепенно почти все творчество художника оказалось связано с консервативным течением иудаизма массорти, распространенным в Чили, хотя и не особенно известным в мире.

Тора, фрагмент

Начинал Маурисио рисовать с чилийской (индейской) мифологии, но постепенно обнаружил, что в иудаизме также есть неисчерпаемый источник вдохновения. Он всегда знал, что легенды, магия и мифология будут в его работах, поскольку даже самого прагматичного человека может тронуть то, что находится за пределами земной логики. Он был очень удивлен и взволнован, когда при изучении Мидраша и Торы каждый раз начинал видеть их в образах.

Впрочем, поначалу ради заработка он также рисовал кетубы и создавал фантастические интерпретации мифологических существ, таких как греческий Пегас.

Наиболее плодотворный профессиональный период творчества художника начался в 2012 году, и к настоящему времени Авайю написал более 120 картин на библейские темы и еще как минимум 30 находятся в работе.

Последние годы художник работает над своим самым значительным проектом, включающим ключевые моменты Торы, запечатленные в 40 больших фресках.

Вот как объясняет это художник: «Сорок в Иудаизме - это святое число: 40 лет в пустыне, 40 дней и ночей на получение Торы».

Прежде чем приступить к работе над проектом Маурисио под руководством раввина общины в Сантьяго тщательно изучил Тору. Помимо глубокого смысла книги, его привлекло в ней множество «скрытых намеков» и разнообразие комментариев Раши и Маймонида к каждому отрывку. Художнику пришлось выбирать, какие из них вызывают в нем наиболее глубокий отклик. Его также увлекала Каббала, которой он посвятил около четырех лет изучения.

Стремясь к максимальной точности восприятия и понимания Торы, Авайю был поражен, найдя неточности у великого Микеланджело в Сикстинской Капелле, изображающей Бога, дающего Адаму жизнь прикосновением пальца.

Однако в стихе Бытия говорится, что Бог сотворил человека через его дыхание: «И создал Господь Бог человека из праха земли, и вдохнул в ноздри его душу жизни, и человек стал душой живой».

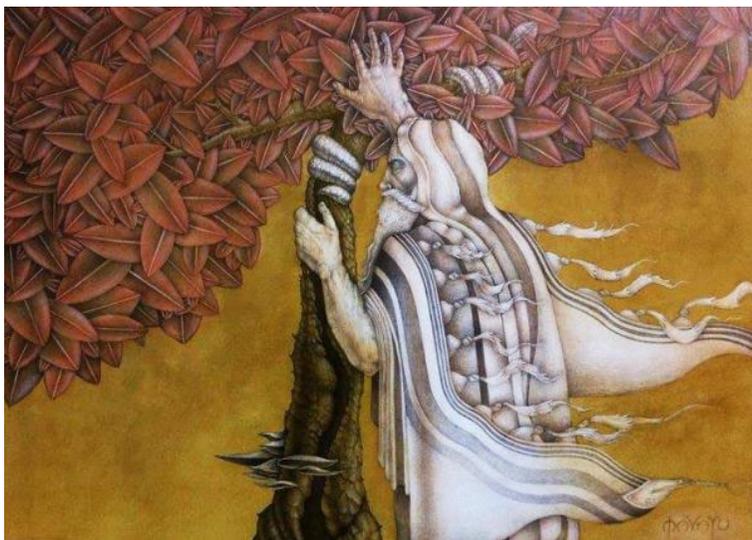

Авраам и ангелы. Божественное вдохновение

«Существует не одна истина, – говорит Авайю, – есть много верных интерпретаций». Например, когда он изображал дерево в Эдемском саду, то, в отличие от других художников, не изобразил «запретный плод» в виде яблока, поскольку одни комментаторы утверждают, что это этрог*, другие — виноград. В интерпретации Авайю это инжир.

В другом случае, художник говорит: «Когда мы для себя решаем, что понимаем что-либо в определенном отрывке Торы, то это лишь первое впечатление. При повторном анализе мы можем понять тот же отрывок совершенно иначе». Чтобы проиллюстрировать это, он привел пример Моисея на горе Синай. В книге Исхода (Шмот) 3:5 Бог велит Моисею снять обувь, потому что «место, на котором ты стоишь, есть земля святая».

Первоначально Авайю решил, что этот отрывок, описывающий снятие Моисеем обуви, символизирует уход со своего пути, ради стремления следовать путем Бога. Но при дальнейшем изучении он понял, что снятие обуви символизирует выход Моисея из физического тела, что необходимо сделать, поскольку, согласно Торе, Моисей постился 40 дней и ночей. Таким образом Моисей стоит босиком и указывает на небо.

Мечта Адама

Фреска Торы представляет собой полную иллюстрацию Торы, или Пятикнижия (пяти книг Моисея). Каждая из пяти книг (Бытие-Берешит, Исход-Шмот, Левит-Ваикра, Числа-Бемидбар и Второзаконие-Дварим) будет иметь длину 32 фута (10м) и высоту 6,5 футов (2м), что в конечном итоге составит фреску длиной 165 футов (50м).

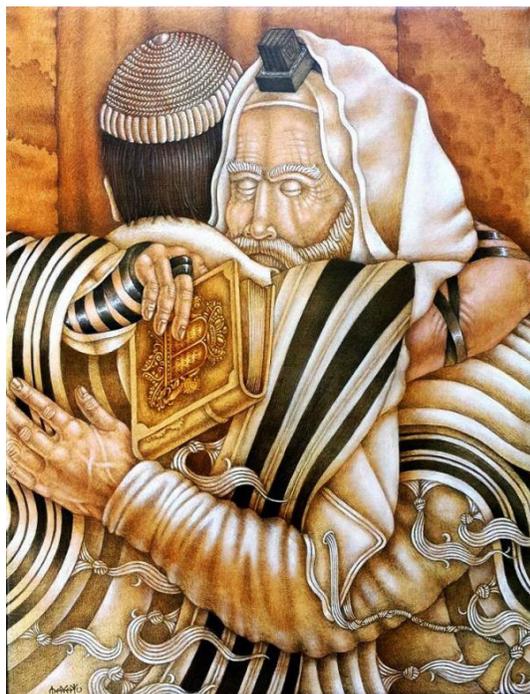
Каждая из этих книг будет разделена на восемь частей (50 x 80 дюймов) (125см x 200см). Это та же математическая пропорция, которую Бог дал Моисею для строительства Ковчега Завета (2,5 локтя x 1,5 локтя). Такие размеры также облегчат перемещение фресок и могут дать возможность, располагая их по кругу, соединить начало с концом.

Важно подчеркнуть, что такой проект никогда прежде в истории человечества не создавался ни с тематической точки зрения, ни с точки зрения его масштаба. Впервые полностью иллюстрируется каждая деталь, описанная в Торе. Когда работа будет завершена, зритель, стоя в центре круга диаметром 16м, сможет последовательно изучить всю Тору в изображениях.

Интересно также и то, что большинство деталей фрески могут рассматриваться и как самостоятельные произведения искусства.

Тщательное изучение и изображение каждой книги Торы занимает у Авайи около 2 лет. На данный момент закончена первая книга Бытие (Берешит), включающая восемь двухметровых фресок. Они уже отправлены в Тайбэй, где будут постоянно экспонироваться в Еврейской тайваньской культурной ассоциации Джеффри Д. Шварца и На Тана (Jeffrey D. Schwartz & Na Tang Jewish Taiwan Cultural Association). Таким образом изображение оставшихся 4 книг Торы должно занять еще 8-10 лет. Фрески вызвали большой интерес в кругу коллекционеров, и на них уже есть высокий спрос, что также вызвало всплеск интереса ко всему творчеству художника, который на своих выставках продает до 80% работ.

В 2019 году Маурисио Авайю открыл студию во Флориде, где обучает начинающих художников преимущественно из США, но также из России, Аргентины и Чили. Почти все ученики являются евреями, и они не против совмещения иудаизма и изобразительного искусства. Занятия включают также изучение Торы и Каббалы.

Объятие

Галерея Маурисио Авайю и Академия изящных искусств в Авентуре расположена по адресу: Mauricio Avayu Art Gallery & Fine Art Academy, 3575 NE 207th St Ste. B3-B, Aventura, FL 33180.

Появление в мире искусства Маурисио Авайю вызвало немалый интерес в среде искусствоведов и любителей живописи. Например, искусствовед из Бруклина Габриэль Голдштейн (Gabriel Goldstein, chief curator at the Yeshiva University Museum) пишет: «В музее мы часто работали с латиноамериканскими художниками, и в нашей коллекции есть их работы. Я думаю, что это талантливое сообщество с яркой художественной и культурной жизнью. В латиноамериканско-еврейском искусстве есть привкус местной культуры... а также традиционной еврейской культуры. И я думаю, мы видим это в работах Авайю. В его палитре — есть определенная яркость, изобилие, которые можно встретить в латиноамериканском искусстве».

Не менее восторженно отозвался об Авайю нью-йоркский писатель Эл Сандел (Al Sundel): «Никогда еще не было такого дальновидного художника, как Маурисио Авайю. Это выдающийся талант, совершивший необычайный

поворот в современном искусстве. Его работы кажутся принадлежащими Кватроченто, где западноевропейское религиозное искусство цвело в тихих зеленых садах тем Рождества и Распятия. Леонардо нарушил эту традицию, сосредоточившись на матери и ребенке, а также на неуловимой женственной улыбке, намекающей на тайну, о которой зритель может только догадываться (беременность?). Микеланджело также порвал с этим, чтобы показать указательный палец Бога почти в вечном контакте с пальцем человека через синаптический разрыв. Микеланджело осмелился на большее, создав новаторскую статую еврейского царя Давида в юности.»

«Вполне очевидно, что в эпоху союза времени и пространства Авайю создал свое собственное современное видение древних иудейских традиций. Его главные темы — вера и преемственность. От Бытия до Талмуда, в огромном количестве шедевров, охватывающих хронологическое время и передающих одну из сущностей иудаизма: сострадание. Все это сдержанно, как улыбка Моны Лизы. Похоже, что он охватывает как пророческий, так и раввинистический периоды иудаизма, и его стиль яснее кристалла. Пророк, мудрец или знаток Талмуда – все они объединены в сострадании.»

«Признанный в своей стране, Маурисио Авайю теперь вышел в большой мир искусства. Он возрождает и объединяет утраченную иудейскую цивилизацию в новую светскую эпоху».

Статья является сокращенным вариантом статей из Jerusalem Post от 20 декабря 2023 года и VoyageMIA от 10 сентября 2020 года, а также с сайта Маурисио Авайю.

* Этрог – citron (прим. ред.)

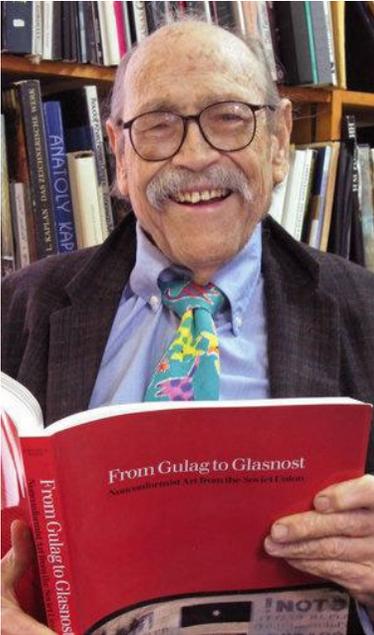
Наташа Черняк

Бостон, США

Загадочный коллекционер Нортон Додж

В американском Армянском музее в Уотертауне, штат Массачусетс, открылась новая выставка современного искусства из хранилищ музея. Это событие напомнило мне, что в этом же музее в разделе «Виртуальное искусство» можно посмотреть коллекцию диссидентского армянского искусства, собранную Норманом Доджем. Я думаю, что многие никогда не слышали этого имени.

Кто же такой Нортон Додж? Я его никогда не встречала, но подпольная Москва полнилась слухами о чудаковатом американце, который не боится встречаться с запрещенными художниками, покупает у них картины и переправляет их в Америку. Мы с моим первым мужем (бардом и диссидентом) Аликом Мирзаяном боялись встречаться с ним, опасаясь, что он связан с КГБ.

В Америке я узнала больше об этом загадочном человеке, когда много лет назад поехала в штат Нью-Джерси в художественный музей Циммерли в Университете Ратгерса, где хранится большая коллекция русского и советского нонконформистского искусства, подаренная университету Н. Доджем. До этого коллекция хранилась на его ферме в Мэриленде.

Как же большая часть российского неофициального искусства попала на ферму в Мэриленде? Нортон Додж был богатый, чудаковатый американский профессор, который более шестнадцати лет странствовал по хрущевско-

брежневскому СССР, влюбился в искусство андеграунда и нашел для себя "миссию в жизни", как он говорил.

Нортон Додж впервые приехал в СССР в 1955 году с отцом, которому он помогал в изучении советского образования. В шестидесятых годах Додж уже самостоятельно вернулся в Советский Союз, чтобы узнать все, что мог, о роли советских женщин в экономике, так как собирался писать диссертацию - книгу по экономике. Он говорил, что это одна из социально-политических областей, в которой американцы могли бы извлечь пользу из советского опыта. Но у него был также скрытый и не связанный с бизнесом интерес. Додж учился в Гарварде и часто ходил в русский исследовательский центр, где познакомился с гарвардским аспирантом, изучавшим советскую экономику в Московском университете. Они подружились, и аспирант рассказал Нортону Доджу о русском художнике, с которым он жил в одной комнате в общежитии МГУ. Звали художника Валерий Кузнецов. Параллельно с изучением экономики в МГУ Кузнецов брал курсы живописи в одном из московских художественных институтов, но быстро разочаровался в технике соцреализма.

Он ушел в подполье и стал "неофициальный художником", или "художником-нонконформистом", или "художником-диссидентом", как их тогда называли.

В 1962 году Нортон Додж отправился в Советский Союз с адресом и номером телефона Кузнецова. Тот привел Доджа к Льву Кропивницкому, в квартире которого была организована первая, со времен двадцатых годов, московская выставка абстрактного искусства.

Кропивницкий был шурином художника Оскара Рабина. Додж купил на выставке многие картины и вывез их в своем чемодане. Большого размера картины он переправлял из Москвы по только ему одному известным каналам. С этого момента началась его страсть к коллекционированию картин подпольного авангарда. У Нортон был школьный друг в посольстве США, Джулиан Макдональд, тот познакомил его с Джорджем Костакисом, у которого была коллекция старинных икон и картин начала двадцатого века русских авангардистов: Кандинского, Шагала, Родченко. Костакис спас тысячи картин от почти неминуемой утраты. Но он был выдворен КГБ из страны, примерно в то же время, как и Солженицын, Ростропович, Бродский. На Украине, Грузии, Белоруссии, в Советской Центральной Азии, Армении Додж годами в течение дня собирал материал для своей "женской" книги, а по ночам придумывал, как связаться с художниками. Карт городов не было, поэтому он пользовался старыми, 1914 года, справочниками Бедекера.* Он всегда помнил, что надо

звонить из будок уличных телефонов и встречаться сначала в парках. Вот как вспоминали Доджа художники, эмигрировавшие из СССР:

"Мы все были напуганы до смерти, все, включая его самого. Он был странным, неуклюжим, неряшливым, боялся назвать свое имя, никогда не упоминал своих контактов. Мы думали, может быть, ему нужно было развлечься в жизни, но у него были деньги и он помог выжить нам и нашему искусству....".

В СССР официальные художники имели доступ к краскам, холстам и другим материалам в официальных магазинах, а неофициальные – нет. Им приходилось использовать клеенку, картон или некачественную упаковочную бумагу. Краска могла быть автомобильной, иногда холсты рисовали с обеих сторон. Но это никогда не смущало коллекционера.

Собранная с 1956 по 1986 год его коллекция нонконформистского искусства из Советского Союза стала безусловно самой большой и (в научном смысле) самой информативной в мире. Додж хранил собранные картины на своей ферме Кремона на юге Мэриленда и потратил больше трех миллион своих денег на нонконформистское советское искусство. Говорили, что после перестройки и гласности, когда в Советском Союзе неофициальным художникам можно было открыто выставлять свои картины, не было никаких картин, которые можно было бы показывать: они все были в Соединенных Штатах. Поэтому не будет преувеличением сказать, что Нортон Додж в одиночку спас девять тысяч произведений искусства от полного забвения.

*Всемирно известный немецкий издатель Карл Бедекер был страстным путешественником и точно знал, что именно нужно знать человеку, отправляющемуся в путешествие. Бедекер выпустил множество путеводителей по разным странам, в том числе по России. Он досконально изучал города во всех деталях и его исчерпывающая информация подавалась с неизменной немецкой точностью (прим. автора)

Нелли Эпельман-Стеркис

Вашингтон, США

Неожиданное открытие

1999 год, начало ноября. Настроение приподнятое, день рождения мамы, радуемся дому, который только купили. Неожиданно мужу стало плохо, сердечный приступ. Вызвали скорую, которая отвезла его в госпиталь. Что

делать? Муж в госпитале, а на работу на следующий день ехать надо. Обычно мы вместе ездили на работу, муж подвозил меня к метро в Вирджинии, а оттуда до Вашингтона, где я трудилась, пару остановок на метро. Никаких навигаторов тогда даже в помине не существовало.

Район, где находился наш дом, выглядел "Terra incognita". Не рассчитывая ни на чью помощь, разбиралась по карте, как пешком добраться до станции метро "Rockville". Начертив на клочке бумажки подробный маршрут с названиями улочек, я указала стрелками направление и места, где поворачивать налево или направо.

Встала пораньше, не представляя, сколько времени займет ходьба по неизведанной дороге. Собравшись с духом, я зашагала по намеченному пути, расстроенная из-за болезни мужа, зажав в руке бумажку с начертанным планом, сосредоточив все внимание на том, чтобы, не дай бог, не сбиться с пути. Я пыталась сократить дорогу, стараясь идти по диагонали, срезая углы.

Перейдя на другую сторону главной дороги Роквилла Rockville Pike, я остановилась перед ржавой оградой кладбища при небольшой старой церквушке:

Открыв скрипучую калитку, я неуверенно вошла на территорию кладбища, решив пересечь его и выйти с другого конца, откуда уже виднелась станция метро.

Кладбище выглядело архаичным, вечным, трогательным своей заброшенностью и соседством с огромными современными зданиями. Меня охватила грусть: «Когда-нибудь и мы окажемся на таком.»

Пройдя совсем немного, я остановилась как вкопанная ... Увидев то, что потрясло моё воображение... От неожиданности и удивления у меня спёрло дыхание. Я наткнулась на могилу Скотта Фицджеральда. А ведь мне в голову прийти не могло, что он похоронен вместе с женой Зельдой Сейр в историческом центре Роквилла, буквально в паре шагов от моего жилища на скромном церковном кладбище. Возникло ощущение, будто я коснулась вечности.

Наибольшую известность Фицджеральду принёс роман «Великий Гэтсби», опубликованный в 1925 году, а также ряд романов и рассказов об американской «эпохе джаза» 1920-х годов.

Скотта Фитцджеральда не забыли и любят. Об этом красноречиво говорили бутылки вина, свечи и свежие розы на его могильной плите.

На надгробной плите выгравирована цитата из произведения "Великий Гэтсби":

«Итак, мы плывем, лодки против течения, непрестанно несущиеся назад в прошлое». ("So, we beat on, boats against the current, borne back ceaselessly into the past" – "Great Gatsby"). Этим изречением заканчивается его непревзойденный роман.

Почему на постаменте лежат камешки? Кто их туда положил? Ведь камешки на могиле – еврейская традиция. Я предполагаю, потому что жену Скотта Фитцджеральда звали Зельда. Корни имени Зельда происходят из древнего еврейского языка, символизируя мудрость и благословение, процветание и духовное богатство. Люди с именем Зельда обычно обладают сильной волей и решительностью.

Зельда Сейр родилась в Монтгомери, штат Алабама, в 1900 году в состоятельной семье одного из ведущих юристов Атланты. В семье из шести

детей она стала младшей. Ее мать, Минерва Бакнер назвала свою дочь в честь героини, предположительно романа Джейн Говард «Зельда: Повесть о колонии Массачусетс» (1866) или «Фортуна Зельды» Роберта Эдварда Франсийона (1874). Зельда росла избалованным ребенком: мать души в ней не чаяла, выполняя любую прихоть дочери, но ее отец, политик Энтони Сейр, оказался строгим и отстраненным человеком, которого Зельда описывала, как «живую крепость». Она была очень активным ребёнком: любила танцевать, посещала уроки балета. Считаясь одной из красивейших девушек города, она имела заметный круг поклонников

Я впервые узнала о жене Скотта Фитцджеральда, Зельде из книги Хемингуэя: «Праздник, который всегда с тобой», который описывал ее так:

“Зельда была очень красива — золотистый загар, темно-золотистые волосы — и очень приветлива. Ее ястребиные глаза были ясны и спокойны. Я подумал, что все хорошо и что в конце концов все обойдется, но тут она наклонилась ко мне и открыла свою великую тайну: «Эрнест, вам не кажется, что Христу далеко до Эла Джолсона?»

Никто в то время не обратил на это внимания. Это был просто секрет Зельды, которым она поделилась со мной, как ястреб может поделиться чем-то с человеком. Но ястребы не

делятся добычей.”

У жены Фитцджеральда Зельды после 1925 года произошло помутнение рассудка, которое привело ее к умопомешательству. В 1948 году Зельда Сейр Фицджеральд погибла в 48 лет во время пожара в клинике "Хайленд" и похоронена с мужем в одной могиле.

Фицджеральд родился 24 сентября 1896 года в городе Сент-Пол, штат Миннесота, в обеспеченной католической ирландской семье. Он скончался в своей квартире в Голливуде в 44 года от внезапного сердечного приступа в 1940 году.

В трех тысячах милях от Калифорнии, в Эшвилле, штат Северная Каролина, Зельда находилась в санатории Хайленд для богатых и знаменитых, пытающихся справиться со своими болезнями. Несмотря на нелады супружеской пары и к тому моменту нечастое общение, она знала, что Фицджеральд хотел быть похороненным на своем семейном участке на католическом кладбище в Роквилле. Поэтому она велела тем, кто заботился о его теле, отправить его на восток.

После всевозможных перипетий и передраг, связанных с религиозными воззрениями писателя, его перезахоронили позже на кладбище "Юнион-семетри" в Роквилле.

Зельда и Фрэнсис Скотт Фицджеральд снова вместе в вечном покое на историческом кладбище церкви Святой Марии в Роквилле, штат Мэриленд. На их могильной плите выбита последняя строка из «Великого Гэтсби»: «Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое.»

Хотя роман «Великий Гэтсби» изучают в школах, многим окрестным жителям даже в голову не приходит, что автор романа похоронен вместе со своей знаменитой женой Зельдой поблизости на небольшом католическом кладбище в пригороде Вашингтона, Округ Колумбия.

Зельда и Фрэнсис Скотт Фицджеральд

После его смерти в 1941 году были опубликованы главы незаконченного романа "Последний магнат", где описаны быт и нравы Голливуда 1930-х годов. Его роман "Великий Гэтсби" стал программным при изучении американской литературы, а в 1998 году занял второе место в списке 100 лучших англоязычных романов XX века по версии издательства Modern Library.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд — признанный классик американской литературы. Ни один очерк по истории американской и мировой литературы невозможен без упоминания Фицджеральда.

Для меня было неожиданным открытием, что Скотт Фицджеральд — один из величайших писателей Америки - покоится на церковном кладбище в Роквилле, в полумиле ходьбы от Red Line (Красной Линии) метро.

Алла Цыбульская

Бостон, США

Новое сценическое воплощение старой сказки

Сказку « Приключения Буратино, или золотой ключик» Алексея Толстого в Советском Союзе знали и любили все дети. Но мало кому было известно, что «красный граф» опирался в своем развитии сюжета на созданную в Италии сказку о деревянной кукле-мальчике, которого уроки жизни знакомят с добром и злом. Куклу звали Пиноккио. Автором сказки о нем был Карло Коллоди - классик детской литературы.

Во Флоренции стоит памятник Пиноккио с надписью: «Бессмертному Пиноккио благодарные читатели в возрасте от 4-х до 70!». По чудесной сказке снят фильм Диснея. Позже появились новые экранизации. Пиноккио – прообраз Буратино.

В старинной версии К. Коллоди и в последующей, ею вдохновленной А. Толстого, старый столяр из куска дерева выстругивает деревянную куклу с длинным носом и немного оттопыренными ушами, отличающуюся любопытством и озорством, и дарит ей жизнь живого мальчика. Никакого золотого ключика в «Приключениях Пиноккио» – нет.

Он появится позже в версии сказки, сочиненной Алексеем Толстым.

К сказке Карло Коллоди, чуть-чуть смешав её со сказкой А. Толстого, обращается талантливый музыкант, певец, вокальный педагог, добивающийся уникальных достижений в работе с детьми, имеющий серьезный опыт в музыкальной режиссуре Александр Прохоров-Толстой, к слову сказать, потомок знаменитого советского писателя.

Он сочиняет музыку для мюзикла и становится еще и композитором, пишет либретто на английском языке в рифмованных стихах, приглашает для участия талантливых высоко профессиональных певцов и наравне с ними детей - своих воспитанников, среди которых есть и совсем юные, и те, кого он вырастил обучая, и ставит спектакль как режиссер!

Постановка мюзикла собственного композиторского сочинения – не первый режиссерский опыт в музыкальном театре для Александра Прохорова-Толстого. Первый – лишь в значении, что он ставит как режиссер произведение, которое сочинил как композитор. Первоначальные пробы уже были заявкой на серьезное отношение к партитурам. Я вспоминаю постановки опер “Алеко” С. Рахманинова, “Иоланты” П. Чайковского....

В них участвовали талантливые молодые певцы.... Эти постановки были предъявлены публике на маленькой сцене синагоги Бней-Моше, которую нужно было продлить настиллом пола, а для массовых сцен требовались участники, хор, и все получилось, и даже запомнилось. А дальше спустя время деятельная природа артиста побудила его к уже масштабным оперным постановкам. И тогда у постоянного состава исполнителей образовавшейся труппы появилось название, - Commonwealth Lyric Theater. И новая постановка происходила на большой сцене одного из крупнейших театров – Majestic theater в Бостоне. Это был “Демон” А. Рубинштейна.

В спектакле участвовали талантливые солисты и постоянный хор, которым руководит Александр. Для оформления была приглашена дизайнер из Москвы. У этого спектакля уже был масштаб. Обращение к русской классике было значимо.

Следующая постановка - “Кармен”. В этой версии оркестр был сведен до размеров камерного, но звучал, передавая все краски гениальной музыки Ж. Бизе. А сценическое решение было необычным, и образ тореадора Эскамильо был представлен несколько по-иному, чем принято традиционно. Огромный зал Сити-холла в Ньютоне был заполнен все дни, что спектакль исполнялся.

Photo by Evgenia Eliseeva

Постоянные участники оперных постановок Александра Прохорова-Толстого полюбили бостонской публике. Назову Жанну Алхазову, Ольгу Лисовскую, Джованни Формисано...

И вот нынешней осенью на сцене бостонского Colonial theater премьера детского мюзикла "Приключения Пиноккио", музыку и либретто, к которому сочинил Александр Прохоров-Толстой, напомним, выступив также и режиссером постановки. Один в трех ипостасях.

Начну с того, что мюзикл для детей выстроен драматургически, отвечая всем требованиям для взрослых. Сцена за сценой идут строго как система номеров, с ариями персонажей, танцами и яркими, радующими глаз, сменяющимися праздничными декорациями (художник Женя Шехтер). Идея создать мюзикл для детей и петь и играть его на английском языке обрела чрезвычайно правильно ориентированное воплощение.

Дети, чьи родители эмигрировали из России, учатся в американских школах и усваивают английский язык уже как родной. Им жить в Америке, следовательно, в стихии английского языка они должны существовать свободно. Но еще одним желанием участников этого проекта было несомненное желание привлечь в театр коренное население - взрослых и детей американцев. И все 4 дня, когда спектакль играли два раза в день, зал был полон в большей степени, чем русскоязычной публикой, американской. Возможность выйти за пределы своего мира и жить общей жизнью с населением страны - уже достижение.

Звуки музыки идут из оркестровой ямы, и ими повелевает невидимый дирижер. Невидимый потому, что его нет. Как нет и живого оркестра. Спектакль идет под запись, которая настолько хорошо озвучена, что даже опытному уху музыкантов издали не было слышно, что это запись. Очень хорошую оркестровку выполнил Моше Шульман. А музыка, сочиненная многогранным автором, передавала и настроения персонажей, и их характеристики, и атмосферу массовых празднеств, и веселье, и печаль...В ней был мелодический простор для арий, дуэтов, ансамблей...Ведь мюзикл сочинен для большого количества действующих лиц! И все изъясняются пением!

Итак, первый подарок слушателям: в роли старого мастера Джепетто, создавшего Пиноккио из куска дерева, которое должно было бы стать всего лишь ножкой от стола, на сцене был талантливый и известный солист Метрополитен-опера, обладатель превосходного тенора Адам Си Джей Клейн. С присущим ему артистизмом он проникся сущностью своего скромного и бедного персонажа, притушив блески своего сценического дара во имя правды образа.

Это скромный худощавый человек, привыкший жить в большой бедности и готовый немедленно отдать последние свои крохи для мальчика, которому он подарил жизнь. Если нечем платить за его обучение в школе, он отдает свою единственную потертую куртку, которая как-никак, но обогрела его. Это описано в сказке, но одно дело - читать, другое - видеть, как действие воплощено на сцене.

И, наконец, Пиноккио! Образ мальчика, отличающегося от Буратино! Буратино был изначально существом со страдательным залогом. Пиноккио - озорник, баловень, эгоист. Ему требуется пройти ряд жизненных испытаний, побывать в передрягах, убежать из-под власти жестоких людей, чтобы в итоге осознать разницу между добром и злом и оценить преданное сердце ставшего ему отцом Джепетто.

Для спектакля были подготовлены два состава исполнителей и два исполнителя главной роли. В одном составе Пиноккио играет Джеймс Йех.

Но я видела другой состав, когда в роли Пиноккио была совершенно очаровательная девочка - Катя Викхлинина. О том, что в образе Пиноккио на сцене девочка, догадаться было невозможно. Походка, пластика, нарочито угловатые движения, живая мимика, мальчиковский тембр голоса - все казалось присуще Пиноккио, сошедшему из картинок к сказке...Он, конечно, непослушный. И за непослушание своему любящему отцу жизнь преподносит ему суровые уроки. Вот ему захотелось прогулять школу, для оплаты которой Джепетто продал свою куртку и остался мерзнуть среди зимы. А он не оценил жертвенного поступка отца и отправился на рыночную площадь, где идут гуляния, где столько лотков со вкусной снедью и где в центре установлен балаган. А надпись над ним гласит, что главное лицо тут Карабас-Барабас. Этот персонаж либреттист заимствовал не у К. Коллоди, а у А. Толстого. Но, по сути, персонаж из сказки Коллоди - Манджофоко и Карабас-Барабас идентичны.

Они кажутся злыми, но, на самом деле, добрые. Роль грозного по виду Карабаса исполняет Рассел Хоук. Узнав от Пиноккио, что его отец Джепетто (как выясняется, в прошлом тоже цирковой артист) бедствует, тот дает ему пять золотых монет. И надо бы было прямой наводкой бежать Пиноккио к отцу с этим богатством, но любопытство подталкивает его завести знакомство с персонажами, именуемыми Кот (Джастин Гибсон Тейлор) и Лис (Бритэйн Хоуп), а те с ловкостью вымогают у него золотые монеты, посоветовав посадить их в землю, полить и ждать, когда они прорастут размножившись.

Обман раскрывается, но, увы, поздно. Деньги украдены очаровательными мошенниками. Пиноккио не распознал этого, и его ждет наказание. Тема многократного попадания Пиноккио в тюрьму, раскрываемая в сказке, сценически не доминирует. Полагаю, осознанно, чтобы не вносить мрачный колорит и не пугать детей в зале...Но мотив нравственного осуждения проведен отчетливо.

Достоинство спектакля в том, что, поступок, осознание маленьким героем собственной ошибки происходит на глазах зрителей. Замечу, что события представлены не иллюстративно, а именно действенно. Это происходит благодаря очень хорошо придуманному либретто. Сила разочарования и сожаление маленького главного героя переданы юной артисткой Катей Викхлининой с замечательной выразительностью! И очень правильно, что ей не наклеивали длинный нос, достаточно было видеть этот предмет бутафории на рисунке, изображающем Пиноккио и помещенном на занавесе!

Пространство спектакля населено большим количеством персонажей, и каждый из них индивидуален и воплощен с театральной броскостью.

Вот фея – тоненькая, красивая, с изобретательным гримом, её лицо, губы покрыты серебристой пудрой. На голове убор как парик с высоко приподнятыми линиями преувеличенно крупных прядей волос, в руках волшебная палочка. Это добрая фея Гармонетта - Женя Фурман, нежное и крепкое сопрано которой хочется слушать и слушать. Женя Фурман с детства учится вокалу у Александра Прохорова-Толстого. И сегодня она профессиональная певица с врожденным артистизмом. А составляющая с нею контраст, больше похожая на соседку-кумушку, чем на злую фею, - Меган Кэри по мизансцене находится на возвышении, на ней надето ярко-красное платье,

у неё своя ария, и она тоже хорошо звучит, но зритель предупрежден: ей доверять нельзя.

По ходу событий появляются другие персонажи: продавец театральных билетов Крике- Майлс Мессье, загримированный так, что очевидна принадлежность этого персонажа к миру театральных масок... Три персонажа как отзвук милого сердцу названия "Три толстяка" - доктор Лягушка - Бриджит ДиВайн, доктор Сова - Абигайл Бубник, доктор Лошадь - Алекс Хартофелис... Их консилиум выглядит очень забавно...

Напоминая об итальянской комедии дель Арте, появится Арлекин - Бен Хорсбург, а следом Коломбина- Али Рагаззини и Пьеро – Грейсон Линч... Появится и девочка с голубыми волосами- Мальвина - Арина Багарякова – пришелица из сказки А. Толстого, приглашенная сюда либреттистом, и даже персонаж русских сказок - Петрушка, партию которого исполнит унаследовавший вокальные данные от отца Афанасий Прохоров. Появится на занавесе и нарисованный золотой ключик, привет из нашего любимого в детстве образа, им можно открыть дорогу к счастью!

Замечу, что в спектакле участвовали и младшие дочери Александра Прохорова - еще маленькие, но уже с явными артистическими задатками - Анастасия Прохорова-Толстая и Нелли Прохорова-Толстая. Список участников - членов семьи был бы неполным, если не назвать имя продюсера постановки – Ирины Прохоровой-Толстой - жены Александра Прохорова-Толстого. Думаю, что рент зала Colonial theater и вся организация производства было делом её труда и усилий.

Было ли что-то в спектакле помехой развитию действия? Мне кажется, что лишь однажды, и возможно, это и не так существенно. Но все же, когда появляется Мальвина, внимание зрителей устремлено на неё, и нет необходимости на втором плане выводить двух гимнастов, исполняющих свои экзерсисы. Но убрать этот выход легко, это то, что называется на театральном языке, - косметика. Целостное впечатление остается светлым и радостным. И создателей спектакля и всех участников (а всех я не назвала из-за обилия имен) можно поздравить с созданными ими чудесным праздником в театре! Было бы очень жаль, если бы детский мюзикл "Приключения Пиноккио" не увидели жители других городов... Успех его ожидал бы и на Бродвее. Дорогу новым "Приключениям Пиноккио"!

Александр Сиротин

Нью-Йорк, США

Мария Владимировна Миронова: Я осталась одна

В московском театральном институте (училище) имени Щукина при театре имени Вахтангова была такая традиция: только что принятых на первый курс студентов приветствовали выпускники прежних лет. Я поступил на актёрский факультет в 1962 году. Нас, щукинских новобранцев, собрали в зале, который назывался гимнастическим. Там проходили не только занятия танцем, фехтованием, сценическим движением, но и показы сцен, отрывков из пьес, а также экзамены по мастерству актёра.

В тот сентябрьский день 1962 года первокурсники заняли места зрителей, а на сцену вышли молодые, но уже ставшие популярными артисты во главе с Александром Ширвиндтом. Они выстроились в ряд. Тот, кого Ширвиндт называл по имени и фамилии, делал шаг вперёд.

Мария Владимировна Миронова с сыном Андреем Мироновым

Сначала всё шло как бы официально. Однако, когда Ширвиндт произнёс: «Высоковский Зиновий», весь ряд, скромно потупив головы, хором добавил: «Зяма». А когда Ширвиндт назвал Андрея Миронова и тот сделал шаг вперёд, хор так же скромно произнёс: «Менакер». Хотя эти шутки и напоминали недоброй памяти раскрытие псевдонимов, было весело, потому что в Щукинском веяло свободой: ещё продолжалась послесталинская оттепель, шестидесятники читали стихи на площадях, режиссёры ставили Брехта, писатели-сатирики осмелились вынуть фигу из кармана... Был такой период в СССР, хотя и недолгий.

Я вспомнил эту историю, когда в начале 1991 года брал в Нью-Йорке интервью у Марии Владимировны Мироновой, актрисы театра, кино и эстрады, матери невероятно популярного актёра Андрея Миронова, неожиданно скончавшегося в 1987 году во время гастролей в Риге в возрасте 46 лет.

Мария Владимировна приехала в Америку с московским театром Олега Табакова, у которого играла главную роль в спектакле «Учитель русского» (пьеса Александра Буравского, постановка Евгения Каменьковича).

Нам удалось поговорить, когда у Мироновой выдался свободный день.

- Мария Владимировна, в России так повелось, что там легко создают кумиры, а потом так же легко с ними расстаются. Но до сих пор переживаю ранний уход Высоцкого... или Шукшина... Хотя Шукшина уже стали понемногу забывать. Да и песни Высоцкого поют всё реже. Как писал Михаил Светлов, «новые песни придумала жизнь. Не надо, ребята, о песне тужить». А как с Андреем Мироновым, которого любили все, кто его знал, кто видел его на киноэкране или на сцене театра?

- Мне очень легко ответить, потому что вы себе не представляете эти толпы народа, которые ходят к нему на кладбище. Я только теперь по-настоящему поняла, как его любил народ. Его любил именно народ, потому что Андрюша нёс людям радость. Он всегда был лёгкий и радостный. На него было приятно людям смотреть, что бы он ни играл, даже если он играл драматическую роль.

Знаете, на кладбище, куда я езжу каждую неделю обязательно, я никогда не бываю одна. Вы не представляете, сколько народу ходят к его могиле. Я просто поражена. В марте 1991 года ему исполнилось бы 50 лет, Ленинград отметит это тремя большими концертами в Октябрьском зале, а в Москве 15 марта будет представлена книга о нём. Это сборник, где его интервью, статьи о нём. Большая книга. 8 марта пойдет по телевидению картина, которая называется «Андрей»... Ему не дадут умереть. Ему не дадут умереть люди. И я им за это благодарна бесконечно. Я встречаю у его могилы людей с Дальнего Востока, из Магадана, приезжают отовсюду. Толпы людей ходят, и ходят, и ходят... Он никогда не остаётся там один. И к Высоцкому Володе очень много людей ходят.

Сейчас музей Высоцкого делают. Там будет раздел «Высоцкий и Андрей». Я поставила Андрюше памятник замечательный, и мы открыли мемориальную доску на доме, где он родился. Это даже не доска. Это считается как городской памятник. Бронзовая его голова, объёмная. И как раз в этом доме помещается редакция журнала «Столица», в квартире, где родился Андрей. Я, собственно, поэтому на этот журнал и подписалась. Так что нет, не забывают Андрея. Знаете, есть люди, которые зла не могут забыть никогда. Но и добро не забывается всё-таки. Много таких, которые благодарны за добро. Так как время у нас в стране всегда сложное, всегда живём, преодолевая трудности,

Андрей был в восприятии людей человеком лёгким и с огромным обаянием, он своим искусством делал жизнь людей хоть немного легче, и за это они отвечали ему любовью.

- Ваша профессиональная, актёрская жизнь продолжается?

- Сейчас я играю в спектакле «Учитель русского» по пьесе Александра Буравского. Сыграли в Сэнт-Луисе, было очень много народа, принимали хорошо, вплоть до того, что в конце спектакля зрители встали с мест и аплодировали стоя. Такое у нас за всё время, что мы выступаем в Америке, было первый раз. Не знаю, хорошо я играю или плохо... Конечно, сейчас я уже не та. Возраст берёт своё. Я уже старушка, что говорить. Я человек трезвый и всё очень хорошо понимаю. Всё-таки молодость есть молодость, а старость есть старость. С годами что-то уходит. Хотя приходят знания... Когда я встретила с Чаплиным в Англии, он был старенький совсем, но я поняла, что этот старенький моложе всех молодых. Мы провели с ним часа четыре или пять, разговаривали... Я счастливая человек, что познакомилась с ним.

- О чем вы говорили с ним четыре часа?

- Мы говорили обо всём. О театре, о жизни... Мы были у него, когда он снимал «Графиню из Гонконга» с Софией Лорен и Марлоном Брандо... Я с ними тоже там познакомилась... Я спросила Софию Лорен: «Как вы, такая красавица, такая молодая женщина, дивная, как вы можете себя так уродовать?» Это я про картину «Брак по-итальянски», которая у нас только недавно прошла. Она ответила: «Маша, я же артистка». И мне Чаплин сказал такую фразу замечательную, я помню почти дословно: «Много есть артистов, которые прекрасно играют, звёзды, которых все знают, все их любят, они действительно замечательные артисты. Они выходят на съёмочную площадку и великолепно играют. А есть артисты, которые выходят на съёмочную площадку и сразу начинают не играть, а жить. Вот такая София». Это он сказал о Софии Лорен. Может быть, Англия мне нравится потому, что я познакомилась с Чаплиным там? Вообще мне Англия нравится.

И потомок Мальбрука в шляпочке с пёрышком, который показывал нам свой замок, нравится. И то, что, когда над королевским замком приспущен флаг, означающий, что королевы в замке сейчас нет и дворецкий впустит туда желающих и всё вам покажет, нравится. И лавка древностей на втором этаже вся в паутине, где бывал Диккенс, и всё там оставлено, как было, в этом тоже что-то есть. Туда пошёл наш артист Слава Плятт. Он такой большой, здоровый, а там такая скрипучая, ветхая лесенка, что я дико боялась, что он всё разрушит. Мы были в Стратфорде на могиле Шекспира, были в театре шекспировском... Англия...

Традиция – это великая вещь. У страны, которая не дорожит своими традициями, ничего путного не будет. Традиции от чего-то удержат, чего-то не позволят. Мне нравится Маргарет Тетчер. Я бы на месте англичан за неё голосовала неоднократно. Причём, она из простой семьи. По крови она не леди, а по поведению настоящая леди... Были мы в Вестминстерском аббатстве. Там написано: «Люди, помните Черчилля!» Из стран, которые я посещала в своей жизни, мне больше всего нравится Англия. Она мне нравится своей традиционностью, аккуратностью по отношению к своей истории. В ней видна эстафета веков. Там трава на лужайках чистая, зелёная, и нарциссы растут просто так, где хотят, а не как у нас на клумбах. Во время ланча лежат на траве возле нарциссов клерки. Они позавтракают на траве, встанут, всё за

собой уберут, а трава тут же поднимается, будто на ней никто не лежал. Это я видела в Гайд-парке, например. Мне всё нравилось в Англии. Всё.

- Расскажите о том, что вы собираетесь играть на сцене.

- Во-первых, репетирую я сейчас «Жизнь в театре» Дэвида Мэмета. Это пьеса на двоих актёров, двоих мужчин. Один – старый актёр, а другой – молодой актёр. Но у нас эта пьеса переделана на двух женщин. Старая актриса учит молодую актрису, как нужно относиться к искусству и к театру. Очень интересная пьеса, очень. Ставит спектакль режиссёр Каменькович, который поставил «Учителя русского». У меня уже есть и следующая пьеса. Это «Норд-Ост», совсем молодого русского писателя Алексея Богдановича. Когда я прочитала пьесу, я спросила у драматурга: «Молодой человек, сколько вам лет?» Я удивилась потому, что он описал ленинградскую семью в 1937 году. Олег Павлович Табаков будет сам ставить. Я там буду играть бабушку и прабабушку той же семьи. Прабабушка там ходит, двигая перед собой стул, чтобы не упасть. Семья очень интересная, которая пережила всё: посадки, высылки... Всё. Типичная петербургская семья 1937 года. Тяжелое время. В моей роли там я как бы связываю времена: от 1930-х до 80-х и 90-х годов. Очень интересная пьеса. Причём, для молодого драматурга она написана удивительно литературным русским языком. Вообще, я считаю, что можно, и живя за границей, хорошо писать по-русски. Тургенев почти всю жизнь провёл вне России. Гоголь написал «Вечера на хуторе близ Диканьки» во Флоренции, если я не ошибаюсь.

- Нет, это «Мёртвые души» он писал в Европе.

- Ах, да. Я к тому, что на русском языке можно писать плохо, живя в России, и хорошо, живя не в России.

- Вы рассказываете о репетициях, о новых ролях. Как вас хватает на такую загруженную работой жизнь?

- Вы знаете, усталость у меня есть сейчас от поездки этой гастрольной по Америке. Это утомительно, хотя и интересно. Но даже здесь, на гастролях, Олег Павлович хочет собрать нас и почитать пьесу «Норд-Ост». Он всё-таки хочет её начать. Там много действующих лиц. Большая семья. А потом они все встречаются. После смерти.

- Вы верите, что люди могут встретиться после смерти, там?..

- Если бы я не верила, я не могла бы жить. Я верю, что Андрей не ушёл совсем. Я в это верю. Нельзя было бы пережить то, что я пережила, если бы я в это не верила... Я всегда его о чём-то спрашиваю... Не подумайте, что я сумасшедшая. Надеюсь, нет. Я вполне нормальная. Пока. У меня в квартире есть комната Александра Семёновича Менакера, где висит большой портрет Андрея. Мы не из тех артистов, которые развешивают свои фотографии на стенах у себя дома. Нет. У нас нигде фотографии не висят, кроме одной комнаты. Там всё связано с Андрюшей. К сожалению, мы его не фотографировали, когда он был маленький, потому что он родился в 1941 году и мы уехали на фронт. Мы в общей сложности были на фронте полтора года. В той комнате, где его портрет, висит его костюм, в котором он умер на сцене.

Андрей ведь родился на сцене и умер на сцене. Он начал рождаться, когда я играла спектакль. Начались схватки. И меня прямо со сцены увезли в родильный дом Грауэрмана на Арбате. Я и сейчас живу на Арбате. Все хорошие люди родились у Грауэрмана. Моя внучка тоже там родилась. Маша Голубкина. У меня же две внучки. Одну подарила нам Голубкина Лариса Ивановна, с

которой Андрей прожил долго... Для его короткой жизни долго, почти 15 лет. Девочка очень хорошо снялась недавно в картине «Ребро Адама». Там Чурикова очень хорошо играет. И Толубеев. Очень хорошая картина. А другая моя внучка – Маша Миронова, которая сейчас здесь, в Америке, и сегодня мне звонила. Она здесь проводит каникулы со своей мамой, актрисой Катей Градовой, первой женой Андрея. Маша тоже в Щукинском училище учится, где учился Андрюша. Я ведь тоже ученица Щукина Бориса Васильевича. Вся моя юность - это Вахтанговский дом. Из старых вахтанговцев осталась, наверно, я одна, которая помнит живого Вахтангова. Уже никого не осталось.

- Но те, кто играл с Вахтанговым у Станиславского в Художественном театре, наверно, помнят Евгения Багратионовича. Например, Марк Прудкин.

- Он мхатовец, но не вахтанговец. Перед моим отъездом, Прудкин как раз мне звонил. Он прочитал интервью, которое я дала газете «Советская культура», и говорил мне всякие добрые слова. В его-то возрасте он ещё играет! Он и Степанова Ангелина. Остались только они двое из того старого МХАТа. Правда, он постарше Степановой лет на семь. Но он всё такой же бодрый. Мы говорили об Андрюше. Прудкин снимался с ним в картине «Блондинка за углом» и говорил мне, как он полюбил Андрюшу. Прудкину, помоему, больше 90 лет, но он ещё молодцом. Вот видите, у нас есть актёры-долгожители. У моего врача в нашей поликлинике я самая молодая из пациенток-долгожителей. Там есть пациентки, которым около ста лет уже. Вот какие мы всё-таки выносливые люди!

— Это не благодаря, а вопреки...

- Наверное, вопреки... А может, и благодаря. Как моя бабушка говорила, а она прожила 117 лет, и больше бы прожила, но полезла в погреб и упала, спину себе сломала, так она говорила, что тогда закваска была другая. Другое было тесто. А из хорошей закваски получается хороший хлеб. Но мы-то уже не такие. Мои родители умерли рано. Не от репрессий, а от переживаний оба умерли в 1937 году. Переживали, боялись... Тридцать седьмой был страшный год. Тридцать седьмой, тридцать восьмой – страшные годы. Сталинское время.

- Вы на сцене тоже чувствовали ужасы тех лет?

- Конечно. Во-первых, всякие были препоны в выборе репертуара. Даже в нашей вроде бы благополучной актёрской семье... А семья ведь не живёт в вакууме. Мы ходили в магазины, я разговаривала с людьми... Трудно было жить тогда. Например, встречались четыре человека, один рассказывал анекдот, все смеялись, а на следующий день трое из четырёх могли куда-то деться. Я даже не знаю, как нас это миновало. Когда беда случилась с Мейерхольдом, я всегда это повторяла и повторяю: мы никогда друзей не предавали. Мой Александр Семёнович обожал Мейерхольда. Мейерхольд даже приглашал его к себе в театр работать. У нас стоял на видном месте бюстик фарфоровый Мейерхольда, Кукрыниксами сделанный. У нас книги Мейерхольда лежали на самом видном месте.

Нам говорили, когда его арестовали: «Уберите, что вы, как вы не боитесь!» Но мы никогда ни книги, ни бюст его не убрали. Когда случилось с Зоценко, а Михаил Михайлович был нашим другом, и он остался нашим другом, мы продолжали играть его вещи, а когда нам хотели это запретить в Ленинграде, мы просто уехали из Ленинграда, но продолжали играть Зоценко. Нет, мы,

конечно, тоже боялись. Когда после 12 ночи слышались шаги на лестнице, все вздрагивали. Обычно приходили ночью.

- Как же вы в такой обстановке могли шутить, веселить публику своими юмористическими миниатюрами? У меня в памяти до сих пор ваши «Миних и Пожарский» или «И она ушла от мужа!.. Ушла в другую комнату», или «Ах, боже мой, боже мой, как я его любила!»

- Ну что ж, молодые были, думали: «Авось пронесёт». Но понимали, конечно, где и в какое время живём. Не понимать не могли. Однако молодость брала верх. Были молодые и более отчаянные. У меня есть роль тётки, которая говорит много лишнего. Что ни скажет, всё лишнее. Вот я как та тётка. Много лишнего говорю, наверное. Может быть, это уже старческое многословие. Но я очень люблю свои старческие недостатки. Я знаю, что я многословна. Потому что мне есть что вспомнить.

- Вам интересно время, в которое вы живёте сейчас?

- Оно интересно безусловно, хотя оно и тяжелое. Междоусобицы, войны... Ведь по сути свои дерутся со своими. Сейчас тяжёлое время. А в лёгкое время я и не жила никогда за все свои 80 лет.

- Здесь, в Америке, есть телевизионная передача «Богатые и знаменитые». Там показывают, как живут, скажем, голливудские звёзды. В Советском Союзе вы были известной актрисой. Вас любили. Вы выступали в правительственных концертах. Публика считала вас элитой и думала, что вы богатая и знаменитая...

- Я никогда не была богатой. И не стремилась к этому. У нас просто была замечательная семья. Мы хорошо жили. У меня был прекрасный сын. У меня был прекрасный муж. За последние семь лет я потеряла и мужа, и сына. Я осталась одна. Богатой я никогда не была, но жили мы хорошо, мы всегда работали. Нет, я не люблю слово «работали». К актёрам всё-таки это мало относится. Работают в шахтах, на стройке, а мы играли на сцене. Сцена – это всё же игра. Мы выступали.

- Но ведь говорят: «Мы отработали концерт, отработали спектакль, отработали детский утренник» ...

- Это ужасно. Звучит, как будто отработали трудодни в колхозе. «Отрабатывать концерт» нельзя. В концерте можно выступать. Так мне кажется. Если бы я работала в шахте, то я бы сказала «отработала смену». А отработать концерт – это неправильно.

- Вы говорите, что жили и продолжаете жить в трудные времена. Но были в них какие-то просветы?

- На годы моей жизни выпало столько войн, начиная с Первой мировой! Потом Гражданская, насильственная коллективизация, Финская война, Вторая мировая... Ну как же можно было при всём этом хорошо жить? Как можно хорошо жить, зная, что кругом люди погибают, когда при Сталине твои знакомые пропадают и неизвестно, куда их девают, кого-то расстреливают, кого-то сажают... Как можно хорошо жить? Радость мы находили в семье, у себя дома.

- Но вы всё же выходили на сцену и веселили людей, несли им радость, им и себе...

- Конечно, я старалась... Мы старались с Александром Семёновичем Менакером, моим мужем, другом, художественным руководителем, наставником... Мы старались. У нас ведь юмор был бытовой, на семейные,

супружеские темы. Мы никогда не говорили о политике. Темы у нас были – муж и жена, муж и тёща, или тёща, жена и муж, или муж, жена и сын. Мы ограничивали себя семейными темами. Мы понимали, что можно, а что нельзя.

- Насколько я помню ваши миниатюры, ваши сценки, то, действительно, внешне предлагаемые обстоятельства были в семье, но проблемы семьи были и общими для того времени в той стране. Вы показывали, как трудно что-то достать, говорили о конфликтах с бюрократией...

- Потому что у нас уже много лет чего-то трудно достать и проблемы с бюрократией давние... Знаете, мы живём в стране радости. Если удалось что-то, наконец, достать, это радость. Если удалось, наконец, получить нужную справку, это радость. Смешно вам, может быть, покажется, но вот я хожу по Нью-Йорку и вижу, что в американских магазинах всё есть. А радости у меня от этого нет, потому что зашла – купила. А вот когда достала, тогда радость.

- Вы были на Брайтон-Бич?

- Я поехала на Брайтон-Бич просто посмотреть, как там люди живут, и меня удивили эти дамы, которые ходят в норковых шубах, в чёрно-бурых шубах по очень грязной улице и которые сумели даже в Нью-Йорке создать очереди. Меня это поразило. Я хотела купить лососины, но, думаю, нет! Приехать в Америку и стоять в очереди я не хочу. Мы достаточно простояли в Советском Союзе.

- Что ещё вам бросилось в глаза и удивило на улицах Брайтон-Бич?

- Контраст ужасный. С одной стороны, стоят люди, продают своё барахлишко, привезённое, может быть, из местечек, может быть, из Гомеля или из Москвы и Ленинграда. Стоят и продают какие-то матрёшечки, кофточка, брошечки. А с другой стороны, демонстрируют шикарную жизнь. У меня, например, никогда не было таких шуб, какие носят на Брайтоне. У меня не было их, но я от этого не страдала, не чувствовала себя несчастной оттого, что у меня не было такой шубы. Наверное, у меня было что-то другое, важнее шубы. Надеть такую шубу и стоять в очереди?.. Ну, может быть, они потом пойдут в ресторан и поэтому нарядились, не знаю. А я ни шубы никогда не любила, ни рестораны. Я всегда предпочитала есть дома. Я и в Англии, и в Италии и даже во Франции не любила рестораны. Кстати, во Франции мы играли на французском языке с Александром Семёновичем.

- Вы могли бы уехать из России, чтобы жить во Франции или в Англии, которая вам так нравится?

- Нет. Я не могла бы жить нигде, кроме России. Когда спрашивали моего сына, какую бы он хотел носить фамилию, если бы он не был Миронов, он говорил: «Менакер». «А где бы вы хотели жить, если бы не могли жить в Москве?», спрашивали его. И он отвечал: «В Ленинграде». Да, наша страна сейчас разбитая, разрушенная, в ней много плохого... Но в ней и много хорошего, потому что это наш дом. Это дом. Вот я подумала, что с удовольствием очутилась бы сейчас у себя на даче. У меня там тепло. У меня всё там есть. И телефон, и горячая вода, и отопление. Прямо отсюда, из Америки, уехала бы на дачу. Я там живу 35 лет. Я к этому привыкла. Наверно, я не могла бы жить ни в каком другом месте. Поездить, посмотреть – с удовольствием, но...

Нет, мне многое и здесь понравилось. В штате Аризона мы смотрели Большой каньон, жили в высококлассной гостинице. Но теперь, когда моему сыну поставили памятный крест в Литве... Там есть Гора крестов. Это не

кладбище. Это для литовцев место особого уважения к людям, которых они любят. Вот, говорят, что есть вражда между народами Советского Союза. Это всё разжигается кем-то сверху, а в глубине народов вражды нет. Я приехала в Литву, и вы не представляете, как меня встретили литовцы! И это в очень тяжелое время и для них, и для нас. И мне сказал ксёндз, который освятил этот крест в костёле, хотя мой сын православный и верующий был всегда... Крест освятили, и юноши и девушки в национальных литовских костюмах понесли его на Гору крестов, поставили там, и ксёндз мне сказал: «Теперь у вас две родины: Россия и Литва». Ну как же я могла бы где-то в другом месте жить? Что бы мне ни дали, где бы ни дали, но могилы родные там. Как бы я могла от них уехать? Никогда.

- Я спросил у Олега Павловича Табакова, почему в поисках актрисы для своего спектакля он остановил выбор на вас? Он ответил, что, во-первых, он очень любил Андрея, что они жили по соседству 10 лет, что сам Табаков очень рано потерял мать и к вам относится не только с большим уважением, но и с любовью, как к матери. В то же время он сказал, что считает вас очень талантливой актрисой, но не до конца реализованной на сцене...

- Он прав. Он прав. Я вообще-то очень благодарна Олегу Павловичу за то, что он меня вынул из пепла, потому что я думала, что уже не буду на сцене никогда. После того, как я потеряла Андриюшу, я думала, что уже не выйду на сцену. Последние 30 лет у нас с Александром Семёновичем, в общем, был свой театр. Причём, театр был не эстрадный. Мы играли пьесы Александра Володина, мы первыми играли Нила Саймона, американского драматурга.

Нам прислали из Америки пьесу Нила Саймона «Номер в отеле Плаза». На английском языке. Пьесу перевела Наталья Ильина. Она - бывшая эмигрантка, жила в Шанхае, потом вернулась в Россию, и она перевела для нас пьесу Саймона, которую мы первыми в нашей стране стали играть. А ещё мы играли Леонида Зорина. То есть мы играли пьесы, которые идут в драматических театрах. И режиссёры у нас были те же, которые ставили в драматических театрах. У нас с мужем был маленький театр на двоих. Но obsługi у нас было больше, чем актёров. Например, у нас был спектакль «Двенадцать разгневанных женщин» по пьесе Горина и Арканова. Я играла там 12 женщин. Менакер, естественно, играл одного мужчину. Так это был настоящий спектакль с переодеваниями. У меня было три костюмерши. Был у нас рабочий сцены, осветитель, звукоинженер... Всё, как в театре. Но актёров только двое. Об этом книгу написал Борис Поюровский. И мы сами написали книгу под названием «Миронова и Менакер в своём репертуаре».

- Кого вы ещё играли из американцев?

- Только Саймона. Получить разрешение на это было очень трудно, потому что наше Министерство культуры не знало, как поступить. Ведь надо было платить авторские отчисления в валюте. А потом, к радости министерства, выяснилось, что пьеса уже была напечатана и поэтому теперь драматургу можно не платить.

- Сам Нил Саймон знал об этом?

- Мы ему написали, но он нам не ответил. Может быть, наше письмо до него и не дошло. Там трёхактная пьеса из трёх одноактных миниатюр. Женщина, которая, так сказать, продаёт себя от несчастья. Муж с женой, которая хочет в этот день отметить 25 лет их свадьбы, но муж – деловой человек, который о годовщине забыл и, кроме того, жена знает, что у него роман с секретаршей.

Она решила в этот день вспомнить молодость, но так ничего и не получилось. Эта миниатюра называется «Нам не нужно шампанского». Жена пришла с ним в этот отель Плаза и напоминает ему: «А ты помнишь?…» А он ничего не помнит из того, что было 25 лет тому назад. Он слишком деловой человек. Эта женщина, как и та, что в первом акте, тоже несчастная. А третья семья – муж с женой выдают замуж дочь. Свадьба. А дочь любит другого. Она заперлась в ванной и не хочет выходить. Внизу гости собрались, все к свадьбе готовы, а она не идёт, она хочет выйти за того, кого любит. Это проблемы семьи. Всё всегда в семью упирается, уверяю вас. Всё. Даже политика. Всё упирается в дом, в семью, в детей, в семейные отношения. Обязательно.

- Понятие семьи может быть разным.

- Это правда. Маяковский, например... Вот недавно я встречалась с ветеранами сцены, со стариками, которые доживают в Доме ветеранов сцены. Очень хороший дом, надо сказать. Я там встретила Веронику Полонскую, о которой писал Маяковский и которая была близким ему человеком. Он писал: «Моя семья, товарищ правительство, это мама, Лиля Брик и Вероника Витольдовна Полонская». Это была его посмертная записка. И я с Полонской встретилась. Мы очень хорошо поговорили. Она, конечно, изменилась. Она была очень хорошенькая в молодости, очень хороша собой.

Они там, в Доме ветеранов сцены, хорошо живут. Без материальных забот. Это было наше Всероссийское театральное общество – ВТО. А сейчас это Союз театральных деятелей – СТД. Очень хорошая организация, которая помогает. Я, например, получаю пенсию государственную, очень маленькую – 125 рублей. Но наш Союз театральных деятелей доплачивает мне 300 рублей. СТД очень помогает сейчас актёрам. Союз театральных деятелей есть СССР, который возглавляет Кирилл Лавров, а есть РСФСР, который возглавляет Михаил Ульянов. Мы, актёры, очень довольны, что такой Союз у нас есть.

- Мария Владимировна, вы не устали?

- Нет-нет, спрашивайте.

- Тогда ещё один вопрос. Вы русская женщина. Александр Семёнович Менакер еврей. У вас были проблемы из-за этого, конфликты?

- Абсолютно никогда никаких. Александра Семёновича все любили. Он был очаровательным человеком. У него было друзей больше, чем у меня. Я не очень коммуникабельна, а он был удивительный в этом отношении. Его друзья, когда он умер, были потом друзьями моего сына. Гриша Горин звал Александра Семеновича папой при своём живом папе.

...Мария Владимировна Миронова продолжала играть в театре до самой смерти. Она скончалась в 1997 году, за два месяца до своего 87-летия, и была похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище рядом с сыном Андреем.

Владимир Фрумкин

Коннектикут, США

"Я и раньше знал, что общество наше деградировало, но что до такой степени – не предполагал". К столетию со дня рождения Булата Окуджавы

в преддверии грозных атак.
Отставка вчерашним свободам!
Все собрано в жесткий кулак.
(Булат Окуджава, 1991).

Нет, не от гриппа или умопомрачения,
не на фронте, не от пули палача —
как обидно умереть от огорчения,
раньше времени растаять, как свеча.
(Булат Окуджава, 1996)

В 1996 году Булат сочинил четверостишие, в котором несколькими словами очерчен конечный вывод о прожитой жизни и о стране, в которой она прошла:

Ничего, что поздняя поверка.
Всё, что заработал, то твоё.
Жалко лишь, что родина померкла,
что бы там ни пели про неё.

Вот такая беда приключилась с ним на склоне лет. Померкла родина. Потускнела. А ведь было время, когда родина виделась Булату во всем блеске своего державного величия. Он верил ей безоговорочно. Он поверил ей даже тогда, когда она объявила его родителей врагами народа. Булату было 13 лет, когда был расстрелян его отец, а мать на долгие годы исчезла в недрах ГУЛАГа. В 17 лет, когда началась война, он ушел добровольцем на фронт. Отчасти для того, чтобы его не считали врагом. Булат хотел доказать, что предан родине и готов за нее умереть.

В Вермонте. Фото А. Смирнова

«Я был красным, кондовым, слепым – признался Булат [в беседе](#) со своим другом Эльдаром Рязановым (1994) – Потом это стало постепенно развеиваться под влиянием умных людей. Я увидел, что начинаются новые времена».

Новые времена начались в 1956 году, после XX съезда партии, когда Булату, сыну врагов народа, было разрешено вернуться в Москву. Именно тогда Булат начал сочинять (он говорил – «придумывать») стихи с музыкальным обрамлением). Проще говоря – песни. Вскоре после нашего знакомства (осенью 1967 года) он рассказал мне, как появилась у него самая первая (если не считать «Неистов и упрям», написанный им в 1946 году, когда он был студентом Тбилисского университета) песня. Он сочинил ее на спор с приятелем. Сидел с другом в московской квартире при включенном радио. Играли какой-то советский шлягер середины 50-х, и приятель, поморщившись, заметил, что песня, наверное, обречена быть глупой. Булат возразил, предложил пари и написал нечто такое, что друг был посрамлен. Что это была за песня, Булат вспомнить не мог. Придется нам самим вспомнить его ранние песни. Ну, скажем, последний троллейбус:

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
случайный...
(1957.)

В «Последнем троллейбусе» меня больше всего удивило и поразило самое начало: «когда мне невмочь пересилить беду, когда подступает отчаяние». В той, прежней родине, выдуманной для нас всемогущим и вездесущим

государством, советский человек не мог погружаться в отчаяние. Он должен был быть оптимистом до мозга костей. Лишь в годы войны с Германией в песне, поэзии, прозе, кино разрешалось отходить от этого правила. Но – до известных пределов. К примеру, замечательная песня «В землянке» пелась по всей стране, в тылу и на фронте, но исчезла из радио. Почему? Из-за этих строк:

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

Говоря об умной песне, Булат, вероятно имел в виду не только высокое качество поэтической речи, но и вызов стереотипам сталинской массовой культуры, превращавшей живого человека в некий манекен, в неунывающего homo soveticus-a, в вечного несгибаемого оптимиста. Вот как вспоминал сам Булат (в предисловие к французскому изданию романа «Бедный Авросимов», YMCA PRESS, 1979) о своем песенном дебюте:

До этого в большом ходу были песни официальные ... холодные, в которых не было судьбы; песни, проникнутые дешевым бодрячеством (это называлось оптимизмом), примитивными стандартными риторическими мыслями о Москве, о человеке, о родине (это называлось патриотизмом).....

... Я стал петь о том, что волновало меня: о том, что война – это не праздник и не парад, а страшная и нелепая необходимость, что Москва – удивительна; грустна и не всегда счастлива, а мне, московскому муравью, тоже не всегда и не во всем выпадает удача; что Бумажный Солдатик не всегда, к сожалению, может сделать так, чтобы мир был счастлив... о том, что женщина – это прекрасно...

... Долгое время у нас почти не пели о любви, и в самом слове «женщина» было что-то сомнительное. Из протеста против лживости и пуританского ханжества я решился впервые за много лет воспеть на русском языке женщину, как святыню, пасть перед ней на колени...»

Печатающаяся картина. Впечатляет темп прозрения, скорость с которой поэт освобождался от прежних иллюзий. Бывший «красный, кондовый, слепой» юноша за несколько лет превратился в художника-гуманиста, воспевающего общечеловеческие ценности, которые все еще отвергались официальной идеологией и культурой.

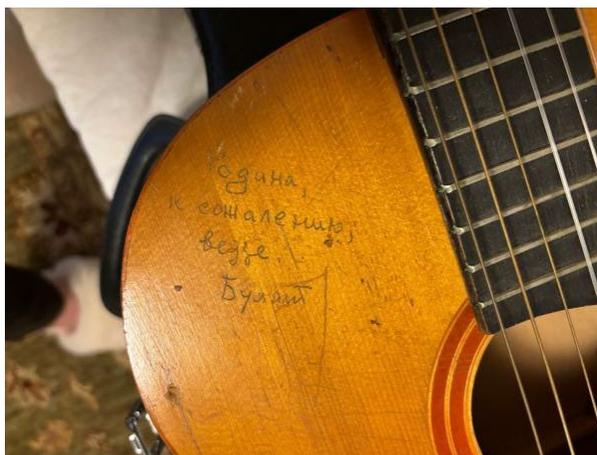
В 1969 году в «Песенке о Моцарте» Булат написал несколько слов о некогда обожаемой родине, которые, к счастью, не были замечены цензурой:

Где-нибудь на остановке конечной
Скажем спасибо и этой судьбе,
Но из грехов своей родины вечной
Не сотворить бы кумира себе.

«Мыслящая интеллигенция», уже слышавшая эту песню благодаря «магнитиздату», удивлялась: как, мол, цензура не заметила крамолы в «загадочной строфе о грехах Родины вечной?» (пишет Дмитрий Быков в своей книге об Окуджаве). – «Конечно, о «перегибах» и «ошибках» еще ритуально вспоминали, но все неохотнее; сама мысль о том, что у Родины могут быть грехи, выглядит кощунственной по советским меркам... Остается

предположить, что магия этой песни Окуджавы была такова, что действовала и на чиновников отечественной цензуры (в 1976 году, на пике застоя, «Песенка о Моцарте» была включена в первый советский диск-гигант Окуджавы) – либо их расслабила туманная формулировка. Смысл-то понятен – не следует безоглядно превозносить Родину за то, что достойно осуждения, и как раз шестьдесят девятый год в этом смысле показателен: реабилитация сталинизма шла полным ходом, после Пражской весны последние иллюзии шестидесятников развеялись, «как на кострах».

11 марта 1974 года Булат произнес еще одну ремарку на тему о родине. Он запечатлел ее на моей гитаре, когда мы прощались в Москве перед нашим с Лидой отъездом из СССР, который произошел через 9 дней из аэропорта Пулково. Вот эта загадочная надпись, которая звучит то ли как напутствие, то ли как предостережение, то ли как мрачная шутка:

Склоняюсь к тому, что это было дружеское предостережение. Напоминание о том, как далеко и глубоко проникли по всему миру щупальцы страны Советов, как широко распространились по различным континентам советские агенты влияния, лоббисты и шпионы. Образ родины неуклонно трансформировался в сознании поэта, тускнел, скукоживался. Но сохранялась потребность в любви к родным местам, чувство привязанности не к огромному государству, разросшемуся до 11-ти временных поясов, а к одной московской улице и арбатскому двору, где прошло его детство. Так возникла у Булата малая, «приватизированная» родина:

Ах Арбат, мой Арбат, ты мое отечество.

Это признание прозвучало в 1959 году в «Песенке об Арбате». Точно так же поступил задолго до Булата его любимый поэт Александр Сергеевич Пушкин:

*Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.*

2.

В самом начале 80-х годов Булат прислал мне из Москвы новое стихотворение. Называлось оно «Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве». Я поместил его во второй том собрания окупавских песен, подготовленного мной для легендарного американского издательства «Ардис». Этот том вышел в свет в 1986 году. Через два года «Арбатское вдохновение» было опубликовано в СССР. Это был результат входившей в силу политики гласности, когда оказалось возможным пропустить в печать стихотворение, рисующее зловещую фигуру «кремлевского усача». Начинается оно с образа частной, малой родины, оставшегося в сердце поэта с раннего детства:

Упрямо я твержу с давнишних пор:
меня воспитывал арбатский двор,
все в нем, от подлого до золотого.
А если иногда я кружева
накручиваю на свои слова,
так это от любви. Что в том дурного?

Совсем иначе, без словесных кружев, говорил Булат о большой родине, причем, с годами, все жёстче, прямее и тревожнее:

Я живу в ожидании краха,
унижений и новых утрат.
Я, рождённый в империи страха,
даже празднествам светлым не рад.

Всё кончается на полуслове
раз, наверное, сорок на дню...
Я, рождённый в империи крови,
и своей-то уже не ценю.
1996.

Предвестником в высшей степени жестких слов поэта о стране, в которой ему довелось родиться и жить, явилось для меня его письмо, написанное осенью 1989 года:

Я и раньше знал, что общество наше деградировало, но что до такой степени – не предполагал. Есть отдельные достойные сохранившиеся люди, но что они на громадную толпу?.. Не хочется ни торопиться, ни участвовать в различных процессах, происходящих в обществе. Хочется тихо, молча, смакуя, не озираясь, не надеясь, не рассчитывая...

Помню, что меня удивила мерцающая в этих строчках нотка безнадежности. *Не надеясь, не рассчитывая...* Ещё больше удивило стихотворение, *первая строфа* которого появилась в «Вечерней Москве» 4 февраля 1991 года:

Ребята, нас вновь обманули,
опять не туда завели.

Мы только всей грудью вздохнули,
да выдохнуть вновь не смогли.

Мы только всей грудью вздохнули
и по сердцу выбрали путь,
и спины едва разогнули,
да надо их снова согнуть.

Ребята, нас предали снова,
и дело как будто к зиме,
и правды короткое слово
летает, как голубь во тьме.

Эти стихи, звучащие, как набат, как сигнал тревоги, навеяны грозными событиями 1990 – начала 1991 годов. То есть того исторического момента, когда советская империя дышала на ладан. Как оказалось вскоре, она умирала, находилась в состоянии агонии. Вот некоторые из этих событий:

1990, январь: погромы армян в Баку. В город вводятся войска, объявлен режим чрезвычайного положения. 130 погибших, около 700 раненых.

Март: для нейтрализации сторонников выхода Литвы из состава СССР власти направляют в Вильнюс танки.

Май: столкновения в Ереване между ополченцами и частями Советской Армии, 24 погибших с армянской стороны.

Декабрь: председатель КГБ СССР Крючков выступает по телевидению с заявлением о заговоре западных стран против СССР и их намерениях добиться его распада. 20 декабря уходит в отставку министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе, заявив, что в стране существует угроза установления диктаторского режима.

1991, в ночь с 12 на 13 января: штурм телевизионной башни в Вильнюсе.

– Булат Шалвович, что кажется Вам самой страшной бедой нашей страны? – спросил у поэта в 1992 году журнал «Столица». Ответил он так:

– То, что мы строили противоестественное, противоречащее всем законам природы и истории общество и сами того не понимали. Более того, до сих пор по-настоящему степень этой беды мы не осознали... Мы по-прежнему не умеем уважать человеческую личность, не умеем видеть в ней высшую ценность жизни, и пока всё это не будет у нас в крови, ничего не изменится, психология большевизма будет и дальше губить нас и наших детей. К сожалению, она слишком сильна и разрушительна, и необыкновенно живуча...

Через год тема «большевизм в постсоветской России» прозвучала вновь – в интервью Андрею Крылову для газеты «Подмосковные известия» (11 декабря 1993):

– Но у нас, повторяю, нет никакого демократического общества. У нас большевистское общество, которое вознамерилось создавать демократию, и оно сейчас на ниточке подвешено.

Серьёзность диагноза – **у нас большевистское общество** – усугубляется тем, что к тому времени у Окуджавы не осталось никаких иллюзий относительно истинной природы этого общества. Оно, как оказалось, мало чем отличалось от другого тоталитарного монстра XX века – фашизма.

...Мы и сами были не лучше фашистов. У нас был такой же фашистский режим. Но тогда я этого не понимал.

Открылось поэту и то, что его сограждане, глубоко завязшие в своём тоталитарном прошлом, могут – рано или поздно – вновь возжелать над собой вождя, диктатора, тирана:

Нашему дикому обществу нужен тиран во главе?

Чем соблазнить обывателя? Тайна в его голове,

в этом сосуде, в извилинах, в недрах его вещества.

Скрыт за улыбкой умильною злобный портрет большинства...

В том же 1991-м году прозвучал еще один мощный сигнал тревоги, в стихотворении, посвященном поэту Владимиру Корнилову:

Хрипят призывом к схватке глотки,

могилам братским нет числа,

и вздёрнутые подбородки,

и меч в руке, и жажда зла.

Победных лозунгов круженье,

самодовольством застлан свет...

А может, надобно крушенье,

чтоб не стошнило от побед?

Нам нужен шок, простой и верный,

удар по темечку лихой.

Иначе – запах ада скверный

плывёт над нашей головой.

23 июня 1995 года, стоя перед микрофоном на парижской сцене, Окуджава отвечал на вопрос, как он относится к войне в Чечне. Поэт назвал её страшным явлением,

которое будет помниться много, много десятилетий, если не столетий... Этот маленький народ, в котором нет даже миллиона, – допустим, он даже очень-очень самовлюблённый и очень сложный, – всё-таки надо считаться с национальной психологией... Тем более – такого маленького народа. (*Аплодисменты*) А его в прошлом веке в течение 50 лет уничтожали... В этом веке в 44-м году выслали весь народ на гибель. И сейчас опять уничтожают. Ну что такое? Неужели российская власть не может самоутвердиться другим способом? Неужели для этого нужно убивать своих же сограждан?

(Цитата по расшифровке фонограммы концерта в зале ЮНЕСКО, изданной впоследствии на двух CD под названием «Когда опустеет Париж».)

Окуджава не дождал до второй чеченской войны – очередного акта самоутверждения российской власти, за которым последовали грузинский поход 2008 года, аннексия Крыма в 2014 году и оккупация Донбасса.

Милитаристский способ самоутверждения приносит, конечно, не только моральное удовлетворение, но и реальную пользу – приобретение территорий. «Широка страна моя родная» растеклась-расстелилась аж на

одиннадцать временных поясов. Неоглядное русское приволье вызывало восторг и вдохновляло многие поколения народных певцов и профессиональных поэтов. Но почему-то стало – под конец жизни – «доставать» русского поэта Булата Окуджаву: его настигла чрезвычайно редкая для российского человека болезнь – агорафобия (боязнь открытого пространства).

С Фазилем Искандером. Вермонт. 1990. Фото А. Смирнова

Меня удручают размеры страны проживания.
Я с детства, представьте, гордился отчизной такой.
Не знаю, как вам, но теперь мне милей и желаннее
мой дом, мои книги, и мир, и любовь, и покой.

А то ведь послушать: хмельное, орущее, дикое,
одетое в бархат и в золото, в прах и рваньё –
гордится величиём! И всё-таки слово «великое»
относится больше к размерам, чем к сути ее.

Заметьте: *величием* (а на самом деле – размерами!) страны в равной мере кичатся все – и верхи, и низы. Те, кто одеты *в бархат и в золото*, и те, кто – *в прах и рваньё*. Вывод этот легко подтверждается историей императорской России. В определённые её моменты гордость за непомерно разросшуюся державу накаляется и вскипает, превращаясь в патриотическую истерию, смешанную с ненавистью к явным или потенциальным врагам Государства. В один такой момент, в дни польского восстания 1863 года, Александр Герцен писал в своём «Колоколе»: «Дворянство, литераторы, ученые и даже ученики повально заражены: в их соки и ткани всосался патриотический сифилис».

За год до кончины Окуджава написал стихотворение, в котором он размышляет о русских людях – из далёкого вчера и нынешних, сегодняшних. Звучит оно вначале тихо и проникновенно, с мягкой, певучей грустью:

Мне русские милы из давней прозы
и в пушкинских стихах.
Мне по сердцу их лень, и смех, и слёзы,
и горечь на устах.

Интонация первой строфы окрашивает и две последующие, но к концу четвёртой плавное течение стиха внезапно прерывается громким горестным возгласом:

Мне по сердцу их вера и терпенье,
неверие и раж...
*Кто знал, что будет страшным пробужденье
и за окном – пейзаж?*

Открылось за окном поэту нечто такое, что заставило его воспроизвести устрашающий образ диких скифов, привидевшийся в 1918 году Александру Блоку:

Что ж, век иной. Развенчаны все мифы.
Повержены умы.
Куда ни посмотреть – *всё скифы, скифы, скифы.*
Их тьмы, и тьмы, и тьмы.

И с грустью озираю землю эту,
где злоба и пальба.
И кажется, что русских больше нету,
а вместо них толпа...

В русской школе Норвичского университета. Вермонт. 1990

«Мы больны, у нас дикое, больное общество», – не раз говорил Булат, наблюдая российскую жизнь из-за океана летом 1990 и 1992 годов. В то время теленовости из России уже можно было принимать через кружившие над планетой спутники. Окуджавы и Фазиль Искандер, другой почётный гость Русской школы, ходили на ежедневные просмотры, как на работу. Новости были невесёлые: забастовки, протесты, грызня в верхах, вечная нехватка то того, то другого, выступления «красно-коричневых». Булат заметно тревожился, мрачнел. Возвращаясь на родину, делился своими тревогами и мыслями, своим пониманием обступивших страну проблем – с друзьями, со слушателями его выступлений, с читателями журналов и газет.

Вы говорите про Ливан...
Да что уж тот Ливан, ей-богу!
Не дал бы Бог, чтобы Иван
на танке проложил дорогу.
Когда на танке он придёт,
кто знает, что ему приспичит,
куда он дула наведёт
и словно сдуру что накличет...

Так начинается стихотворение, написанное под впечатлением от разговоров с израильскими друзьями во время гастролей Окуджавы в декабре 1992 года. Речь шла об угрозах существованию этой маленькой, окружённой врагами страны, где *кровью и порохом пахнет от близких границ*, как сказано в другом стихотворении Булата, написанном тогда же в Иерусалиме. Как видно, чаще всего упоминался Ливан, где наращивала силу и влияние коварная и агрессивная «Хезболла». С него и начал Булат свой ответ друзьям, вылившийся в стихи. А продолжил он его так:

Когда бы странником – пустяк,
что за вопрос – когда б с любовью,
пусть за деньгой – уж лучше так,
а не с будёнными и с кровью...

Сладко спится на майской заре,
Петуху б не кричать во дворе.
Но не может петух умолчать,
Потому, что он призван кричать.

Он кричит, помутнел его взор,
Но никто не выходит во двор.
Видно, нету уже дураков,
Чтоб сбегались на крик петухов.

Эта песенка появилась у Булата в 1961 году, во время недолгой хрущёвской оттепели. Верил ли он тогда, что это навсегда, что больше не будет в России дураков готовых слушать профессиональных лжецов и безоговорочно им верить? Ни в коем случае. Булат довольно рано понял одну странную особенность истории России: ее цикличность, ее склонность двигаться по замкнутому кругу, как движется карусель, ее привычка повторять одни и те же ошибки, наступать на одни и те же грабли. Вот, для примера, «Старинная солдатская песня» написанная в 1974 году:

Норвичский университет. Присуждение почетной степени Доктора Наук. 1990

Спите себе, братцы, всё придёт опять:
новые родятся командиры,
новые солдаты будут получать
вечные казённые квартиры.
Спите себе, братцы, всё начнётся вновь,
всё должно в природе повториться:
и слова, и пули, и любовь, и кровь...
Времени не будет помириться.

Через пять лет в ходе 10-летней афганской войны *вечные казенные квартиры* получили 15 тысяч советских солдат. Прошло еще 30 лет. За два года и два месяца бессмысленной и преступной войны в Украине погибли и тяжело ранены, по данным британской разведки, 450 тысяч российских военных. Как реагирует на это население России? Никак. Значительная его часть слушает крики новых петухов, утверждающих, что все идет по плану, что больших жертв нет и не предвидится и что победа не за горами.

Карусель продолжает катиться по своему привычному, порочному кругу. Власть все ту же закручивает гайки. Мрак сгущается...

Шлю слова благодарности Елене Крыжановской, оказавшей мне неоценимую помощь при написании этой статьи.

Проза

Илья Репин. Не ждали. 1884 -1888

Юрий Бриль

Екатеринбург, Россия

О чем шепчутся деревья. Главы из книги

Так о чем же они шепчутся?

Деревья живут долго, сотни, случается даже, тысячи лет, многое повидали на своем веку – есть о чем пошептаться.

Растения первыми пришли на нашу планету. Обжили ее и дали нам пищу и кров. Жизнь на планете задумана таким образом, что растения являются основой и условием существования всех живых форм на Земле, в том числе и человека, и тем не менее мы мало что знаем о них.

Попытаемся вспомнить, что значили для человека растения в древности, приоткроем завесу эзотерических знаний и удивимся тому, что происходит в науке о деревьях сегодня, какие головокружительные перспективы открываются. Расскажем, как с помощью деревьев определяются месторождения полезных ископаемых и добываются металлы, как ученые расшифровывают «записи» годовичных колец и по ним отслеживают состояние окружающей среды, а извлеченная с помощью биохимии информация используется в таких смежных науках, как астрофизика, геология, история и археология.

Растение – это прежде всего живой организм. Мы находимся на пороге удивительных открытий: оказывается, у деревьев есть своя тайная жизнь, они по-своему мыслят, чувствуют, соперничают, обмениваются сообщениями, вступают в договорные отношения с насекомыми, вырабатывают стратегии со своими братьями по виду, чтобы сообща противостоять угрозам.

Автор опирается на свои наблюдения, на трактаты древности и современные научные исследования, находит общее между такими далекими друг от друга источниками, как тексты шумерских глиняных табличек и статьи в научных журналах.

Присмотримся к, казалось бы, хорошо известным деревьям, таким как береза, лиственница, кедр, и обретем новые знания о них. И восхитимся редкими, фантастически красивыми, умными и полезными для человека растениями, что живут в далеких, труднодоступных уголках Земли. Путешествуя по миру, автор фотографировал деревья, которые удивляли его, узнавал о них всё, что можно узнать. Его также интересовало, чем примечательно место, где они произрастают, какие звери и птицы обитают в тех заповедных краях. Так на протяжении многих лет он открывал для себя

целые миры и вот теперь предлагает в них войти читателю: мир тундры, мир Уссурийской тайги, особые миры Килиманджаро, Огненной Земли, африканской саванны и т.д.

Земля прекрасна, природа восхитительна – пока в нее не вмешался человек. В книге автор делится мыслями о космобиологическом предназначении человека, о том, что нужно сделать для восстановления хрупкого баланса биосферы, чтобы не наступил так настойчиво прогнозируемый конец света, рассказывает о реально действующих экологических программах в России и в мире.

Часть 1. ХУЛУППУ – самое первое дерево

И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что [это] хорошо.

И был вечер, и было утро: день третий.

А на четвертый день Бог создал Солнце и светила. Обращаю внимание, сначала растения, а потом звезды и планеты. Выходит, растения жили без солнечного света. А нас в школе учили: хлорофилл образуется только на свету. Возможно ли такое? Богословы объясняют, солнечному материальному свету предшествовал астральный свет, извечное энергетическое поле Творца. Не вызывает сомнения одно: растения появились на земле раньше человека. Им было назначено Создателем подготовить планету для проживания животных и человека.

Как считают антропологи, человек особо не изменился со времен неолита, разве что мозг несколько уменьшился, – думать стал меньше: в древние времена человеку было свойственно не только заботиться о хлебе насущном, но и философствовать, как устроен мир, мечтать о будущем.

У каждого народа почитались священные деревья, что выделялись своим ростом и могучестью, их тенистые раскидистые кроны располагали к отдыху и размышлениям. Никто не мог сказать, сколько им лет, в памяти поколений они жили всегда, потому накопили мудрости и проникли в тайну бессмертия.

Дерево в сознании древнего человека имело символическое значение, его ветви, ствол и корни вмещали в себя всё представление о мироздании. Глубоко в подсознании укоренился архетип мирового дерева.

Древнейшим из нам известных мировых деревьев является Хулуппу. Родом оно из Междуречья, о нем мы узнали, когда археологи раскопали Шумерскую цивилизацию, с ее загадочно высоким уровнем. Тысячи глиняных табличек с клинописью удалось расшифровать, и нам предстал во всех удивительных красках полный чудес древний мир.

И нам открылось самое древнее литературное произведение – поэма о Гильгамеше, человеке, который везде бывал и всё видел. Герой, полубог, но его образ далек от идеализации. Наряду со своими подвигами он совершал непростительные ошибки, на них учился и обретал мудрость. В шумерских глиняных табличках содержатся первоисточники основных мифов

человечества, которые интерпретировались в Библии и других священных текстах.

Главная загадка для археологов: откуда произошла шумерская цивилизация? Раскопали культурные слои до 10 тыс. лет до н.э. Шумерской цивилизации предшествовали убейдская, халафская, самаррская... Найденные артефакты свидетельствовали о переходном периоде неолита, когда на смену охоте и собирательству приходило земледелие и скотоводство.

Глиняная табличка с изображением шумерского мирового дерева

Шумерская цивилизация появилась около 5 тыс. лет до н.э. и резко отличалась от предшествующих. Возникли города-государства, построены оросительные системы, благодаря которым шумеры получали высокие урожаи пшеницы и ячменя. Но главное - им была знакома письменность.

Эта цивилизация будто с неба упала. Так и есть, утверждает шумеролог-самоучка Захария Ситчин. Он расшифровал клинописные тексты на глиняных табличках и поведал историю о том, как прилетевшие с планеты Нибиру боги (ануннаки) основали на Земле колонию. Колонизаторам нужны были рабочие биороботы для добычи золота, которое применялось для космического кораблестроения. Местный биоматериал не очень подходил, и они решили генетически подработать его. Не добившись нужного результата, они прибегли хотя и к архаичному, но безотказному методу: любвеобильный бог Энки совратил земную женщину – у нее родился полубог Адапа (у израильтян Адам). От него и пошел род сапиенсов. Адапа научил людей культуре земледелия и скотоводства, научил разбираться в минералах, выплавлять и обрабатывать металлы.

Большинство археологов склоняется к тому, что шумеры – племя пришлое. Если так, тогда откуда оно? На этот счет есть только предположения и догадки. В мифах упоминается родина шумеров райский Дильмун. Земля Арали, земля Перекрестия, родина золота, гористый Дильмун, сверкающий рудными жилами. Каждый уралец, услышав такое, непременно воскликнет: «Да это же мой родной Урал!» Нет, почему-то археологи склоняются к тому,

что имеется в виду острова Бахрейна. Там тепло, плодородная земля, богатая минералами и рудой. А в древние времена там было достаточно много воды – словом, райское место – Эдем. Однако водные источники иссякли и Эдем закончился. Шумерам пришлось эмигрировать и создавать Эдем на глинистом и топком берегу Евфрата своими руками.

Дерево жизни росло в Дильмуне и называлось оно Хулуппу. Лингвисты заключили: шумерский язык не принадлежит ни к какой группе, единственный в своем роде. Однако откроем этимологический словарь Фасмера: корень хул (хал) прослеживается в разных языках, чаще слово означает – «халупа», «дом», «хижина», в славянских – еще и «кустарник у воды». Очевидно, корень «добашенный» (протоностратический), слово жило еще в те доисторические времена, когда язык был единым для всех людей. К какой породе принадлежало дерево, в мифах не раскрывается. Предполагают, ива или тамариск. Я бы выбрал тамариск, географически уместнее и более располагает к мифотворчеству. К тому же замечен в колдовских ритуалах. По легенде, шумеры опускали ветку в источник у мирового дерева и хлестали ею больного, выгоняя из него болезни и злых духов. Именно тамариск (в Библии он называется эшель) производит ту самую манну, которой питался народ Моисеев во время блужданий по пустыне. Есть и другая версия, производит манну съедобный лишайник леканора. Бедуины и сегодня используют его в пищу.

Тамариск в пустыне Неgef. Это дерево я снял, идя путем, по которому Моисей вел свой народ из египетского плена. Еще сохранилась система накопления воды, устроенная арабским племенем набатеев 2 тыс. лет назад.

Тамариск – священное дерево многих древних народов. Не зря его называли Божье или Авраамово дерево. В персидском эпосе из его древесины была изготовлена стрела, и ею был поражен герой Исфандияр. В Египте – это

символ Осириса. Китайцы ассоциировали дерево с бессмертием, греки считали его деревом Аполлона.

Авиценна и древние целители использовали его листья для лечения язв и прыщей.

Хулуппу – самое первое дерево, которое явилось на свет прежде самой Земли. Предвечные времена, еще не отделилась тьма от света, а оно уже росло. Шумеры, как и евреи, настаивают на том, что Создатель прежде звезд и планет создал царство Растений. В сознании древних вся вселенная представлялась в образе мирового дерева.

Хулуппу вырастила богиня любви и материнства Инанна (у вавилонян – Ишкуль) из обломка деревяшки, что нашла на берегу Евфрата.

Своими ветвями Хулуппу возносится в небесные сферы, мир богов. Корнями уходит в землю, обиталище мертвых. Сам ствол – это земная жизнь. Таков неизменный контур мирового дерева, который запечатлен на многих древних символических изображениях.

Хулуппу – это и дерево, и дом, который населяют разные сущности, видимые и невидимые.

В корнях его змея, заклятий не ведающая, гнездо устроила.

В ветвях его Анзуд – птица птенца вывела.

В середине его Лилит – дева жилье себе соорудила.

Дева белозубая, сердце беззаботное.

И еще важная деталь: под деревом бьет целительный источник.

Богиня Инанна намеревалась сделать из этого дерева трон и ложе, поэтому призвала героя Гильгамеша освободить его от обитателей.

Что из себя представляет ствол, кто такая Лилит, олицетворяющая саму сердцевину и первопричину жизни? Мифический образ этой демоницы происходит из тьмы древнейших времен. Ассирийцы, вавилоняне и евреи говорили о ней шепотом, делясь тайными знаниями.

Что до евреев, то поначалу ей отводили особую роль. Это белозубое с легким сердцем создание было первой женой Адама и должно было стать праматерью человечества! Предполагался другой сценарий. Другая любовь, другие дети, другие нравы, история – другая! Каин не убил бы Авеля, проклятие убийства не тяготело бы из века в век над родом человеческим... Хотя где гарантия, что не было бы хуже?! Лилит – единственная альтернатива Еве, другие не рассматривались. Конечно, и она небезупречна. Как женщина не в меру амбициозна. На то, конечно, есть причина: слеплена из той же красной глины, адова, что и Адам, а это основание быть равной мужу. Быть равной – и ни в чем не уступать, заметьте, не одно и то же.

Адам пришел к Создателю и попросил:

– Господи, дай мне жену попроще.

– Ты хорошо подумал, человек?

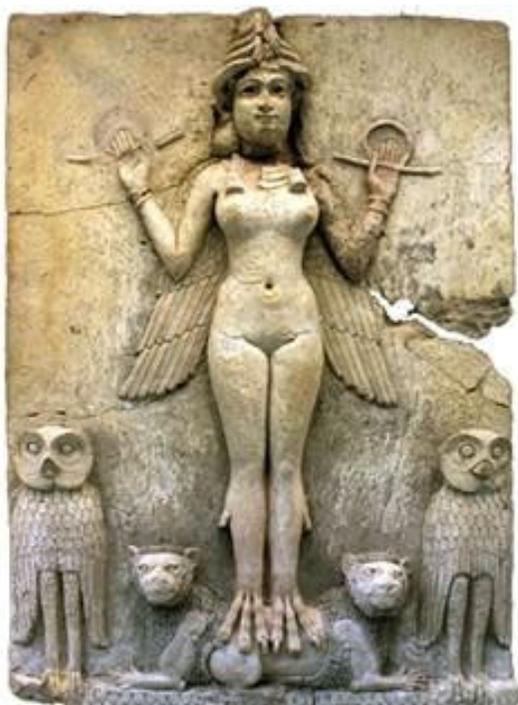
Лилит – древнееврейское имя, но я не слышал, чтобы в Израиле так называли детей. Этим именем пугают малышей: пожирательница младенцев, суккубка, дьяволица. Женщины Лилит боятся и ненавидят, что и понятно: мужиков уводит. Поманит – и уведет, такое дело. Увы, в природе человека: сначала возвеличить, назвать героем или даже Богом, потом низвергнуть с пьедестала и проклясть. Что же стало с Лилит? Какова ее судьба?

Тысячи лет она дремала в сердцевине дерева, Гильгамеш вызволил ее оттуда. Надо отдать ему должное, он поступил как джентльмен, высвободив

Лилит из заточения, вступил с ней в брачный союз, правда, недолгий – впереди у него было еще много героических дел.

Сюжет Лилит не завершен, демоница вышла из сердцевины материальной жизни, но не исчезла вовсе, она и по сей день пребывает в астральной сфере, породив невероятное количество невидимых существ.

Далеко не всегда герой оставался джентльменом в отношениях с женщинами. Богиня Инанну, в благодарность за оказанную услугу, предложила ему себя в жены. Отказался. И правильно сделал. У богини была скверная привычка убивать каждого очередного мужа. Однако нет большего оскорбления для женщины, чем отказ. Естественно, у него появился смертельный враг. Полубог и герой, он совершал немало и сомнительных подвигов. Будучи правителем города-государства Урук, злоупотреблял пивом, нещадно эксплуатировал своих подданных на строительстве крепостной стены, похищал чужих жен.

Богиня Инанну, а возможно, и Лилит; кто изображен на глиняной табличке, точно не определено.

Бахвалясь своей молодецкой силой, они с другом Энкидой нарушили табу, проникли в волшебный лес и с корнем выдернули из земли священный кедр. Возмущенные боги приговорили Энкиду к смерти. Пытаясь спасти друга, Гильгамеш отправляется в опасное путешествие, встречает Зиусудру, этого шумерского Ноя, которого за праведную жизнь боги сберегли при потопе; наконец, добывает со дна моря цветок бессмертия, но по дороге домой теряет

его. Пока купался в озере, проворная змея проглотила этот цветок и уползла, оставив после себя лишь старую кожу. Гильгамеш не добыл бессмертия ни для себя, ни для своего друга.

В библейском мифе Адам и Ева были лишены бессмертия за то, что откушали плод от древа Познания – в шумерском варианте мифа сюжет, хотя и фантастический, но более правдоподобный. Однажды бог Энки «запряг» межзвездную колесницу и отправил сына своего Адапу на Нибиру представиться дедушке, богу Ану, правителю планеты. Мальчика провели в тронный зал, выставили угощение. Он произвел благоприятное впечатление на дедушку, воспитанный, знал язык Нибиру, но обидел тем, что отказался от еды. Выяснилось: Энки строго-настрого запретил ему пить и есть. Дело в том, что секрет бессмертия ануннаков заключался в их особой диете. Если бы Адапа отобедал с дедушкой, то стал бы бессмертным подобно богам-ануннакам.

Суровый Энки отказал сыну в том, чем сам обладал. Он уготовил Адапе судьбу конечного индивида, родоначальника нашей смертной человеческой расы. Что до бессмертия, оно не исключалось для человеческой популяции в целом. Меняются поколения, род человеческий продолжается. И эта эстафета поколений, если ее не прервет сам человек, будет продолжаться бесконечно долго. Адапа прожил как индивид 127 лет, древо же его родовое продолжает расти и ветвиться.

Шумерский вариант мифа более честный, чем библейский, неприглядная правда в том, что человеческий индивид задуман как смертное существо.

Коли не нравится – тогда меняй конструкцию! Рецептов инжиниринга хоть отбавляй.

«ТАТИЩЕВ» – ЭТО ЛИСТВЕННИЦА

Дом на Урале и в Сибири и сегодня строят из дерева. Те, что из лиственницы, легко отличить: со временем дерево обретает благородный красноватый оттенок. Стоят такие дома не одну сотню лет. Нижние венцы, как правило, рубились из лиственницы. Ее древесина не боится сырости, не гниет, а со временем только каменеет. Для Екатеринбурга это дерево знаковое, можно сказать, заложено в само его основание. Город начинался со строительства плотины на реке Исеть в 1723 году. Из лиственницы была сооружена свайно-срубная конструкция (ряж), затем ее засыпали бутовым камнем.

К юбилею города плотина была реконструирована и теперь пролежавший в воде три столетия закаменевший чурбачок выставлен на всеобщее обозрение в областном краеведческом музее.

Известно ли вам, что дома Венеции стоят на фундаментах из лиственницы? Прошло 1500 лет, а дерево не сгнило и не разрушилось. его не берет ни топор, ни пила – настоящий камень! Но откуда взялись лиственницы в тех южных краях? Единственно, откуда их могли привезти, это из Сибири. Венецианские купцы могли себе позволить такую роскошь.

Лиственница – одно из самых распространенных деревьев России. Морозы ей не страшны, продвинулась на самый Север, до Приполярного Урала и Якутии. Любит солнце, скромна, не слишком требовательна к почве. В суровых местах на мерзлоте растет медленно, видом худосочна. Большую, по-

настоящему кряжистую лиственницу нужно еще поискать...Чем мы и занимаемся. Мы – это общество «УОЛЕ-Наследие».

Взрослые люди устроили хоровод, будто впервые увидели дерево. Погодите, вы еще не знаете, что это за дерево! У него есть имя – «Татищев». И паспорт, удостоверяющий личность, табличка с фото и данными. Год рождения – 1723. Лиственница оказалась ровесницей Екатеринбурга. И потому мы назвали ее именем основателя города. 300 лет – так совпало.

Недалеко от Екатеринбурга есть почитаемое туристами место – «Соколиный камень». Живописная гора, выложенная останцами, вокруг нее бурлит чистая речушка.

Посмотрите на этих городских сумасшедших

Натоптанная тропа начинается от Северки, на окраине поселка, по левой стороне увидите груды бревен и лесопилку. Пройдете еще пару километров, вас встретят стерегущие Соколиный лес лиственницы-патриархи.

Вот и «Татищев». Люди останавливаются, читают табличку. Могучее дерево, красивое, да сохранит его общественность от лесоруба!

По деревьям у общества обширная программа. Мы находим самые старые деревья, методом дендрохронологии - и на базе Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук определяем их возраст.

«ТАТИЩЕВ» СДАЕТ АНАЛИЗЫ

Приходилось слышать упреки: что же вы дерево сверлите, нельзя ли как-то иначе определить его возраст? Уже изобрели сканер, но установка получилась слишком громоздкой, в лес ее не потащишь, к тому же, информация, которую он предоставляет, далеко не такая полная, какую дает керн*. Так что ученые отбирают керн, пользуясь буровом Пресслера. Наш руководитель проекта «Деревья – живые свидетели истории» дендрохронолог Института экологии растений и животных УрО РАН Л.А. Горланова успокоила: «Это не так страшно, всё равно что кровь из пальчика взять, вы же сдаете анализы».

А как же, вот получил результат – целая простыня с показателями. Аналогично дендрохронологи, исследуя керн, получают данные о состоянии дерева. Важно, что не только о здоровье конкретного растительного организма, но и о том, что происходило с окружающей средой на протяжении времени, свидетелями которого он являлся. Ученые берут биохимию не обязательно у здорового организма – в отличие от медицинской практики, бывает не поздно взять такой анализ и у давно усопшего, ископаемого «пациента».

Подсчитать годовые кольца и определить возраст – это только начало. Дальше начинается самое интересное. В записях годовых колец можно прочитать изменения температуры, засухи и наводнения и многие другие параметры окружающей среды. Деревья являются надежным индикатором глобального изменения климата.

В мире достаточно институтов и лабораторий, способных производить экологический мониторинг планеты. Создаются новые чувствительные приборы, совершенствуются методики, совершаются открытия. Об одном широко известном в узком кругу ученых открытии я бы хотел вкратце рассказать. Это так называемое «событие Мияке». О нем уже немало шумела зарубежная научная пресса, на русском же языке я бы советовал прочитать обзорную статью Рашита М. Хантемирова в «Лесотехническом журнале», 4-2/2023, в ней изложены основные тезисы самого открытия и его значение.

В 2012 году научное сообщество всколыхнула статья в журнале «Nature», которая рассказывала об открытии молодой японки, никому не известной аспирантки Фузы Мияке. Она определяла в старой криптомерии, срубленной в 1956 году, содержание стабильного, C-12, и радиоуглерода C-14 и заметила одномоментный всплеск присутствия радиоуглерода, который выпадал на 774 год. Продолжая исследовать ископаемые деревья, она снова и снова обнаруживала эти всплески, указывающие на скачок радиоуглерода в атмосфере Земли именно в 774 году. Очевидно, в это время происходило какое-то событие космического масштаба и в нем необходимо было разобраться.

Событие назвали именем первооткрывателя – «событие Мияке».

Обычно радиоактивный изотоп углерода C-14 постоянно образуется в верхних слоях атмосферы под воздействием частиц высокой энергии из космоса. Когда протоны сталкиваются с атомами молекул газа, возникают нейтроны, и один из этих нейтронов выбивает протон в атоме азота, этот азот превращается в C-14. Углерод, окисляясь, становится углекислым газом и поглощается деревьями.

Сама Мияке не смогла объяснить причину события, но последовал ряд публикаций, где авторы строили свои предположения. В разных странах повторяли ее опыты: все исследуемые деревья в Германии, Швейцарии, Австрии, Австралии и т.д., где бы они ни произрастали, запечатлели в своих кольцах событие Мияке. Так что же происходило? О каком таком космическом происшествии сообщают нам деревья? Может, таким образом отмечалось рождение сверхновой, может, в наше светило врезалась комета? Наиболее вероятной версией ученые посчитали мощнейшую вспышку на Солнце.

Дальнейшие исследования определили еще несколько событий, происшедших в доисторическую эпоху: около 12350 г. до н.э., в 7176 и 5259 гг. до н.э., в 775 и 993 г. н.э. уточняются события 5410 г. до н.э., 1052 и 1279 гг. н.э.

Искали ответ в древних рукописях и церковной литературе. В «Англо-Саксонской хронике» нашли свидетельства, что происходило нечто необычное: «На небе после захода солнца появилось красное распятие», а еще в небе были замечены «удивительные змеи». В западных хрониках упоминается «огонь с небес», «всадники на белых конях». В восточных летописях тоже были отмечены яркие небесные свечения. Ученые пришли к выводу, что, скорее всего, речь идет о полярном сиянии, а оно, как известно, сопряжено с солнечной активностью.

Надо представить, какой силы протонный шторм во время таких событий обрушивается на Землю. Если таковое случится сейчас, произойдет отключение электросетей, выйдут из строя спутники, мы потеряем навигацию и другие сервисы, произойдет критическое разрушение озонового слоя...

Открытие Фузы Мияке дало толчок к развитию не только самой дендрохронологии, но и таких наук, как астрофизика, геология, история и археология.

Астрофизики, изучающие Солнце, получили картину периодичности супервспышек и теперь могут предугадывать протонные события.

Гляциологи сравнивали данные ледовых колонок, полученные в Гренландии и Антарктиде, с древесными кольцами, запечатлевшими события Мияке и уточняли датировки мощных извержений вулканов, землетрясений, цунами.

Археологи и историки уточняли даты войн, правления монархов, строительства величайших сооружений. С датировкой у археологов большие проблемы. В разных странах, в разные исторические периоды был свой календарь, своя система счета времени. За давностью веков сложно соотнести календари разных народов. Теперь же событие Мияке определило единую точку отсчета. Человечество получило абсолютный и точный маркер времени. Им уже активно пользуются археологи.

Если вы думаете, что Колумб открыл Америку, то вы отстали от жизни. Первыми высадились на американском на острове Ньюфаундленд викинги. По выводам ученых, в 1021 году они точно были там.

Сдатирована неолитическая стоянка Диспилио на Эгейском море. По древесине дуба и можжевельника было определено, что строительные работы продолжались 188 лет, с 5328 по 5140 г. до н.э.

Точно определено время строительства бревенчатой крепости на острове озера Арайши в Латвии. Оказалось, что деревья были срублены в 930 году.

Предстоит еще уточнить датировки эпохи Старого царства в Египте, выяснить, наконец, когда в Междуречье появились загадочные шумеры.

Проще будет понять, когда и как различные цивилизации взаимодействовали друг с другом.

Со временем «биохимический анализ» станет еще более информативным, научимся более полно расшифровывать скрытые записи. Интересно, отражаются ли в древесных кольцах социальные события, войны, революции и прочие человеческие безумства?.. Ну, это тема для фантастов, скажете вы. А что особенного, ведь в нашем зеркальном мире всё отражается во всём.

* Проба вещества (прим. ред.)

Владимир Шамов

Россия

Красное Солнце в солёной воде. Из истории чукчей

«Я хочу рассказать правду про кровавую империю - тюрьму народов.

Это пробный шар».

Автор

Альбатросы встретили криком первое солнце. Красный шар надолго завис на горизонте, купаясь в солёной воде. Скоро, уже скоро тьма уйдёт надолго. Будет светло, даже когда настоящие люди будут спать. Этот красный шар - предвестник белых ночей. Однако снег ещё не сошел и яркий дневной свет, отражаясь от белоснежного наста, может испортить зрение охотникам. Чтобы этого не случилось, на их глазах – дощечки с прорезями. Вон они уходят за сопку.

Все знают, что это Солнце дарит настоящим людям оленей и тепло, а те несут ему дары, когда шаман стучит в бубен. Говорят, старая Энеха видела истинную сущность Солнца – то был небесный погонщик на белых оленях. Всё в этом мире, дарованном настоящим людям, имеет голос. Голос Солнца всех громче, он заглушает прочие голоса. На его призыв летят птицы. Хозяин рыбы и большой дух моря, и владыка диких оленей благодарны ему.

Девушка по имени Рауле взошла на сопку посмотреть на дивное долгожданное явление, ведь духи тьмы совсем утомили её народ. Она хотела просить, чтобы сын богатого оленями Чаучу красавец Уакут забрал её к себе в дом. Все мысли девушки вдруг унеслись в то самое время, когда они гуляли вдвоём среди морошки, он хвастался прекрасным костяным ножом, а потом подарил фигурку моржа. Она полюбила его всем сердцем.

Вдруг позади себя она услышала гнусный мужской голос: «Смотри, чюхча - баба!» Рауле обернулась и увидела двух воров из тех, что приходили к ним год назад по теплу и говорили, что их главный вор по имени император повелел настоящим людям отдавать ему часть всей добычи. Мужчины осмеяли воров, и те, хоть и были вооружены огненными луками, ушли ни с чем.

Рауле впрыгнула в снегоступы и кинулась бежать, но казаки на лыжах нагнали девушку и кинули на наст. «Ишь, ей богу, капуста», - проворчали они,

раздевая отбивающуюся Рауле. Им даже пришлось её ударить. Справившись с меховой одеждой девушки, они увидели её молодое тело. То-то было радости: «Баско!» Скинули голицы, распахнули тулупы, стянули шаровары и стали её насильничать. Благо для несчастной девушки, продолжалось это недолго, хоть и очень больно. И вот Афанасий, надев папаху, занёс нож над девушкой, но Дмитрий остановил его: «Погодь, пуцай уходит». Они натянули одёжу и отправились восвояси, оставив изнасилованную Рауле на помятом весеннем насте.

Только к вечеру доковыляла она до своих яранг. Очаг не горел. Истерзанные тела матери и отца, бабушки с дедушкой, младшего братика лежали на красном от крови насте. Старший брат с костяным ножом в руке, его жена, пришедшая с севера – тоже были убиты. Всюду следы воров. Оленей нет, собаки убиты, шкуры и всё имущество пограблены. Рауле стащила трупы в одну из яранг. На дедушку положила его бубен и отправилась ночевать во вторую ярангу.

Утром, запечатав вход, собрав остатки оленины, вяленой рыбы и морской капусты, она отправилась на запад. По пути ей попало несколько разорённых жилищ. Все семьи убиты, некоторых пощадили – только выкололи глаза. Песцы поедали останки детей. Оленей не было. Даже если часть их убежала в тундру, всё равно их не вернуть. Если олень убежал в тундру, он сразу становится диким и никогда больше не вернётся. Только очень сильный шаман может его вернуть.

Рауле повела слепых и раненых людей за собой. Она плелась по снежной пустыне и пела грустную песенку: «Когда вернутся птицы, духи счастьедарные устанут танцевать. Ничего не кончается в этом мире под охраной богов». Люди шли за её тонким и нежным голоском.

У очередного разорённого селения идущие по тундре испугались: стая волков лакомилась человеческими трупами. Люди приготовили палки и два копыта, чтобы обороняться. Слепым и калекам подали в руки костяные ножи. Но волки были сыты и лишь лениво посмотрели в сторону живых.

Вот наконец вдали показались яранги Чаучу – неужели и там все мертвы? Но нет, над внешней ярангой шел дым, звучал бубен, вдали угрюмо стояли олени. А вот и тени людей. Путники возликовали. Во внешней яранге проходило камлание.

«Шаман призывает отдельный голос», - шептали сородичи. В это время Повелевающий птицами упал на пол главной яранги и его зрачки закатились. Сёстры шамана, демонстрируя сородичам, что тот уже находится в мире духов, стали втыкать в его тело тонкие костяные иглы. И тут пришёл другой голос – он появился в районе колен, и тело Повелевающего птицами неестественно согнулось пополам. Рот старика был приоткрыт, и казалось, отдельный голос звучит сам по себе. Он был страшен: хриплый, суровый, неприемлющий возражений голос из другого мира. Он повелел собирать много воинов и пообещал победу.

Уакут взял Рауле к себе в дом: «Воистину ты достойная спутница – ты спасла столько людей! Разделить с тобой жилище – честь для меня». Девушка была счастлива, насколько это возможно. Семья Чаучу кинула клич по всей земле луораветланов.

Крылатые воины пожаловали вместе с птицами. Их было очень много. Это был лес копий, каждое из которых способно проткнуть сразу двух врагов. Над

головой каждого храбреца – большое крыло, даже стрелы огненных луков, которыми вооружены воры, застревают в них. Спереди – панцирь, на поясе – костяной кинжал, на голове – шлем.

А потом пришла волнующая весть: отряд воровского атамана Афанасия Шестакова стоит на реке Кытапель, и войско луораветланов отправилось навстречу неприятелю. Им предстоял далёкий путь вдоль сопок и гор.

И вот настал великий день возмездия – многочисленные отряды настоящих людей и казаков - захватчиков сошлись в битве. Ружья в ту эпоху требовали время на перезарядку, и после первого залпа казаков настоящие люди бросились на неприятеля. Удар, поворот крыла. Снова удар, снова поворот крыла. Воры, которые до сих пор могли лишь грабить яранги и уводить оленей, не смогли противостоять великим воинам и стали отступать. И вот среди боя Уакут увидел убийцу и насильника Афанасия Шестакова. Он скинул крыло и натянул тетиву лука. Предводитель воров был одет в стальные доспехи, его приспешники защищали его со всех сторон. Но Уакут бил без промаха, и его стрела, словно месть богов, ударила Шестакову прямо в шею. Атаман упал и пополз к оленьей упряжке. Взобравшись на нарты, он стегнул животных. Но среди сражающихся людей был хозяин оленей и преданные животные ринулись прямо к нему.

Луораветланы окружили предводителя воров. В его глазах был страх. «За всех невинно убитых!» - вскрикнул хозяин упряжки, и люди вонзили копья в корчащееся тело Шестакова.

Уакут погиб в той битве, но Рауле родила от него сына и назвала в честь отца. Она часто гуляла с ним среди морошки и подарила мальчику фигурку моржа. Говорят, он стал великим воином и прогнал воров-казаков с родной земли. Много было убито настоящих людей, но ничего не кончается в этом мире под охраной великих богов. Так поётся в древней чукотской песне.

Примечание

Завоевание русскими Чукотки, проходившее с середины XVII по конец XVIII века, потерпело неудачу. Чукчи отказались платить ясак, после чего русские казаки прибегли к жестокому военным действиям и террору. Однако нападения отрядов Семёна Дежнёва, Алексея Чудинова, а также «Анадырская партия» Павлуцкого и Шестакова были успешно отражены чукчами.

Захватнические экспедиции против чукчей были неоправданно жестокими. Этнограф В. Г. Богораз описывает расправы над коренными народами: «И приказчик Алексей Чудинов велел к тем юртам приступить и на том приступе в тех юртах мужеска пола человек с 10 убили, а жён их и детей в полон взяли и многие полонённые у них сами давились и друг друга кололи до смерти...». В результате этой войны: «Целые народности были в буквальном смысле слова стерты с лица земли». В результате имперской политики пострадали не только чукчи. Алеуты, к примеру, были истреблены почти полностью.

Однако только чукчи одержали победу над русскими. После гибели отрядов казачьего головы Шестакова в 1730 году и майора Павлуцкого в 1747 году, русское правительство оставило чукчей в покое и вывело с Чукотки войска. С тех пор чукчи жили свободно и не платили ясак.

Это рассказ о любви и подвиге великих воинов луораветланов ради свободы своего народа (историческая справка от автора).

Николай Божиков

Болгария

Уязвленная душа

Утром - это было уже в десятом часу - он пошел в свою поликлинику сдать кровь на надзорный, как его именовали в народе, анализ. Антон всякий раз сетовал на это, но что мог он поделать. Не сдашь анализ вовремя - и не заставят себя ждать неприятности. Да и неприятностями это можно назвать с большой натяжкой. Скорее уж, кары.

Не допустят к экзаменам, закроют доступ к онлайн магазинам, а если заглянешь в обычный супермаркет, не продадут товар с объявленной скидкой. После двух предупреждений интернет-компания выкинет тебя из сети, и не факт еще, что тебе возместят убытки. Автоматом ты окажешься в списке "невъездных" во всемирную сеть. Тут надо оговориться, что увесистое сочное яблоко глобального интернета в отечестве давно сморщилось до размеров плода дичка.

Но хуже всего даже не это. Хуже, что родителям придется оправдываться за него перед своими начальниками, а тем, в свою очередь, перед своими. Этой кладкой из бюрократических кирпичей, скрепленных раствором из страха и угодничества, предков примутся усердно замуровывать, пока не заделают проем с доступом воздуха наглухо. Социальные рейтинги в помощь поденщикам надзора!

И тогда прощай повышение по службе и путешествие с семейством к морю, а на поездку к больной матери в другой город придется брать специальное разрешение.

Провидение так решило, что таблетки, которыми пичкали большую часть жителей страны, на Антона не очень-то действовали. Были и другие, подобные ему. Все они тщательно скрывали свою инакость. Видно, поговорка "в семье не без урода" простирается и на все народонаселение. Когда внедрялась программа по поддержанию духа патриотизма в гражданах медикаментозными средствами, упор был сделан на разработку отечественных ученых с бесхитростным названием "Патриотин".

Целый институт трудился над созданием препарата, а река из бюджетных денег всегда была полноводной. "Отцы" лекарства проверили его действие сначала на группе добровольцев, включая себя. Дальше испытания проводили по облегченной процедуре, в которой было трудно узнать любимое детище западных университетских профессоров. Сама концепция доказательной медицины, не берущая во внимание опыт конкретного доктора, была признана вредной, а статьи на эту тему перестали появляться на страницах медицинских

журналов. У нас есть свои столпы. Матвей Мудров, Сергей Боткин, которые завещали "лечить не болезнь, а больного". И сам Гиппократ на нашей стороне!

Надо признать, лекарство удалось. Для абсолютного большинства клиентов таблетки "Патриотина" напрочь отбивали охоту к умствованиям и привычке задавать провокативные вопросы. Освобождались от приема пилюль лишь те, кому перевалило за восемьдесят, дети до четырнадцати лет, онкологические больные на поздних стадиях страдания и больные с психозами. Последние и без того были с обмякшими от нейролептиков мозгами и телом.

Когда фельдшер-лаборант наблюдал, как кровь Антона бодро заполняет вакуумную пробирку с вишневою крышкой, то даже причмокнул:

- Вот что значит молодые упругие вены!

Он только что намаялся с двумя пожилыми пациентками. Одна была тучной со спавшимися венами на огромной студенистой руке, другая, напротив, слишком худая с венами - ниточками.

- У меня для Вас хорошая новость, - снова забасил лаборант. - Прогресс не стоит на месте! Наши ученые постарались. Теперь достаточно выпить одну таблетку "Патриотина ретард" в неделю, а действие сопоставимо с ежедневным режимом. Здорово, правда? Вам реже посещать поликлинику, а уж какое нам облегчение! Контроль приема таблеток станет заметно проще.

- Хорошо, конечно, - пробормотал он в ответ.

Когда Антон вышел на улицу, то сразу прибавил шагу, чтоб поскорей отдалиться от шаблонного здания поликлиники. Вскоре на небольшой площади с трехъярусным фонтаном ему попался на глаза гигантский уличный экран, каких в городе было множество. На нем транслировали трехдневный телемарафон "Все мы дети большой страны! "

Название звучало несколько двусмысленно. Предполагалось, что у этих бесчисленных детей есть некий общий великий отец, который цепко держит их в своих отеческих объятьях. Детишки, по определению, зависимы от родителя на все сто. Пластичны, как свежезамешенная глина. Что вылепишь, то и получишь.

Такие мысли возникли в голове у Антона, когда он наблюдал за бегущей строкой на экране, гласившей: "Внеси свой вклад в Державное Величие!" В правом верхнем углу экрана красовался QR-код, по которому предлагалось перевести деньги на поддержку национальных проектов, главным из которых был неуклонный рост военного потенциала страны. Баннерные стойки с таким кодом были повсюду: в госучреждениях, аптеках, банках, магазинах, ресторанах, барах, закусточных, киосках по продаже газет и журналов, а также - мороженого, на автозаправках.

Можно было сократить путь к дому Антона, если не обходить пространный прямоугольник школьного двора, напоминавшего плац. Требовалось лишь пересечь его. В задней части двора была ржавая металлическая калитка, отчаянно скрипевшая, когда ее беспокоили.

Антон так и поступил. Но невольно столкнулся тут с любопытным зрелищем. К парадам детей-барабанщиков в камуфляжных костюмах по улицам и площадям города уже привыкли, но тут было иное. В этот самый момент поднималась на помост рядом с временной трибуной, на которой сидели члены жюри и гости, чиновница из окружного начальства.

- Дорогие мои! - вступила она сильным, хорошо поставленным голосом.

Окинула взглядом присутствующих и продолжила:

-Дорогие финалисты межрайонного конкурса ансамблей юных гусяров! А также их педагоги, родители и друзья! С удовольствием передаю вам приветствие от префекта нашего округа Аскольда Егорыча Фазанова. Как же замечательно, что сегодня возрождается интерес к исконно русскому народному инструменту- гусли! В песнях и в музыке душе народной всегда было где развернуться..

Задора чиновницы хватило минут на семь, и все были этому рады. Тем более солнце начинало припекать, а конкурсанты и без того успели вспотеть от волнения. Гусяры, которые сидели напротив трибуны тремя равными группами, были одеты в белые косоворотки с сине-красной вышивкой на груди и подпоясаны кушаками цветов национального флага. Почему-то это были исключительно мальчики. Еще ближе к трибуне была оборудована площадка для выступления, представлявшая из себя настил из обструганных, не крашенных досок.

Интерес Антона к тому, что он наблюдал, не был праздным. Он несколько лет подряд ходил на занятия по классу балалайки в Центральный дом детей железнодорожников. Игра на балалайке доставляла ему удовольствие, он овладел ею настолько, что по протекции преподавателя попал без конкурса в оркестр русских народных инструментов.

Антон с увлечением читал все, что попадалось, о струнных музыкальных инструментах. Что касается гуслей, то их прабабушкой можно считать кифару, которая услаждала досуг еще древних греков.

С этими гуслиями все было непросто. Антон не был уверен, что чиновница знала, каким гонениям от властей и церкви подвергались в средневековой Руси гусяры. Гусли, приписанные к языческим символам, нещадно уничтожались, а их обладатели буквально рисковали собственной жизнью. Возможно ли забыть сцену со скоморохом из "Андрея Рублева" Тарковского?! С тем же остервенением, что двое дружинников саданули о дерево головой скомороха, старший над ними разбивает гусли о землю рядом со входом в избу. Краткому стону человека перед тем, как ему отключиться, вторит обрывающийся низкий звук исковерканных гуслей.

Первым выступал коллектив 315 школы. Солировал Ярополк Иванов, смуглый мальчишка с насмешливым взглядом. Надо сказать, в последнее десятилетие мода на славянские имена просто зашкаливала. Появились в изрядном количестве Светозары, Бериславы, Доброжиры, Ратиборы, Гостомыслы, Жданы, Любомилы, Доброгневы, Добрыни и проч.

По странной иронии, в одном из соревнующихся ансамблей играли Ждан и Неждан. К тому же они были близняшками. Ох уж эти родители! Обрекли своих чад, и без того тяготящихся избыточным вниманием окружающих, еще и на постоянные подтрунивания от сверстников.

Антон спешил, но одну композицию все же прослушал. Инструментальная пьеса с главной темой и ее ответвлениями, освобождала душу от скованности, а звонкие и вместе с тем нежные звуки с яркими наплывами завораживали. "Молодец, Ярополк!- подытожил он в уме свое мнение. - Да и все ребята достойно сыграли".

Он договорился с Катей о встрече во дворе ее дома. Это было в двух минутах ходьбы от места, где жил Антон с родителями. Катя, его сверстница из параллельного класса, стала его первой любовью. Нет сомнений, что это о них

писал когда-то поэт: "Любви все возрасты покорны; Но юным девственным сердцам Ее порывы благотворны, Как бури вешние полям.."

Когда Антон подошел к Кате, они не стали целоваться и обниматься. Такое ныне порицалось. Они лишь ласково улыбнулись друг другу и пошли на пустырь за домами, где не было чужих глаз. Там и наверстали свое. Губы их затаило в водоворот поцелуя, и долго они не размыкали объятий.

Потом они говорили о том, как им жить дальше. Катя, подобно Антону, была из числа неподверженных влиянию "Патриотина".

-Вчера у нас забрали Анфису Севрюгину из второго подъезда, - сказала Катя.- Уже второй случай за месяц. Говорят, она расклеивала листовки с призывами не потворствовать беззаконию.

-В моем доме состав жильцов обновляется на глазах, - в ответ поделился Антон. - Прямо вражеское гнездо, а не дом. Самых упертых и неисправимых отправляют в итоге в темницу. А тех, что потише и поговорчивей, в места перевоспитания на манер лагерей для уйгуров в Синьцзяне. Зря, что ли, наше ФСИНовское начальство ездило туда опыт перенимать?

Антон вспомнил, как неделю назад стал свидетелем задержания на глазах жителей его дома знакомого юноши, открытого пацифиста. Пара удалцов в камуфляже с резиновыми палками на боках волокла по асфальту к зарешеченному автобусу тощего парня с прической в виде конского хвоста. Третий росгвардеец, как только парень пробовал упираться, багровея и раздувая ноздри, что есть силы сладострастно дергал его за хвост, и тогда тот вопил от боли.

Антон знал Стаса и несколько раз беседовал с ним. В одном из разговоров Стас пояснил свои убеждения.

-Тут ведь вопрос широкого понимания мира как равновесия, - говорил он увлеченно. - Мира между государствами и народами, взаимного согласия решать спорные вопросы без насилия в частной жизни, подавления в своей душе гордыни и презрения к людям и культивирования неосуждения и милосердия. Круговая порука зла держится на страхе. А от этого происходят жестокость - с одной стороны, и притворство, добровольный самогипноз - с другой.

-Да, многие сейчас и под гипнозом, и под самогипнозом одновременно, - согласился Антон. Чертов "патриотин"-катализатор того и другого. А самогипноз - неизбежный спутник конформизма.

Стас вскинул голову:

-Пусть нас, пацифистов, поносят и гонят, но то, что миротворцы "блаженны", это ведь сказано на все времена. А как насчет приветствия? Существует ли что-то лучшее, чем "Мир вам!?" И, возразите мне, если есть что-то слаще мирной жизни на этом свете..

Пара влюбленных сидела на самодельной скамейке из досок и старых автомобильных покрышек. Солнце на миг-другой выныривало из-за облаков и снова скрывалось. Со стороны железнодорожного переезда временами доносился протяжный гудок локомотива.

Катя провела рукой по его светлым волосам ежиком и сказала:

-Откладывать больше нельзя - тебе нужно скрыться. Мой брат в этом поможет. Васька Челобитный злобу на тебя затаил из-за меня. Все знают, что он доносчик. В городе тебе оставаться не вариант. Всюду камеры с

распознаванием лиц. А подашься в деревню, там доброхоты-аборигены быстро вычислят чужака и сдадут властям.

Этот жирдяй Васька нагло подкатывал к Кате, предлагал ей стать его девушкой, пуская при этом слюни как хряк над похлебкой. Прозрачно намекал ей, что если не согласится, то ее брату, и не только ему, не поздоровится. Катя как-то, не сдержавшись, пожаловалась Антону на приставания Челобитного. Тогда Антон подкараулил Ваську на пустыре, когда тот выгуливал за плату соседского бассета.

-Еще раз к Кате подойдешь, зубы повыбиваю, - сказал он отрывисто, сжимая кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Знал бы кто, каких усилий ему стоило удержаться от того, чтоб Ваське в рожу не двинуть!..

Антон бережно взял в руку рыжую прядь волос Кати и поцеловал ее. Потом сказал озабоченно:

-Тебе ведь тоже грозит опасность. Надо уходить вместе.

-Есть место, заброшенное, труднодоступное, куда верный человек брата может нас провести, - сказала Катя.- Когда-то там стояло большое село с просторным храмом. Говорят, там есть заглохший сад и останки строений. Церковь, конечно, большей частью разрушена. Теперь там что-то вроде братства иначе.

-Где это место?- спросил Антон.

-Я точно не знаю. Где-то в Мещерском крае, на границе Московской и Владимирской областей. А от ближайшей жилой деревни дотуда километров пятнадцать ходу по дикому лесу. С дороги собьешься, и можно угодить в болотные топи.

-Вот оно как,- приподнял брови Антон.- Это бы нам подошло.

Катя добавила немногие известные ей подробности:

-В начале пятидесятых большие начальники приняли решение о создании в тех краях артиллерийского полигона. Всех жителей окрестных деревень как скот в одночасье согнали с родной земли. А когда полигон закрыли через несколько лет, никто из местных уже не вернулся туда.

Они помолчали какое-то время, затем Катя сказала:

-Ты же после ночной смены, Антош! Тебе нужен отдых. Пойдем я провожу тебя до дома.

Антон за год освоил профессию пекаря, хорошо овладел ремеслом. Этот навык был бы очень полезен для новой жизни в глуши.

Когда, лежа в постели, он уже соскальзывал в сон, то увидел вдруг Ярополка с гусями на коленях. Мальчик сидел на стуле напротив Антона и играл для него. Глаза Ярополка поразили Антона. Это были глаза человека, который долго пожил и изведаль немало скорбей.

-Уязвленная ты душа! - только сказал Ярополк, лишь музыка прекратилась. И тотчас исчез.

Через мгновение затух и последний звук гуслей.

Нина Гольдмахер

Бостон, США

Зелёные брызги и белая пена

Однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь также равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства...

А.П.Чехов

Моё детство прошло у тёплого южного моря, где дети учились плавать и ходить почти одновременно. Подростками мы проводили на пляже всё лето. На пляже начинались дружбы, на пляже школьники с выгоревшими за лето волосами и просоленной кожей ныряли, общались, влюблялись. Вечерами гуляли по набережной. Секреты поверялись на скамейках у воды, под шум прибоя. На них же целовались, объяснялись, расставались. Катера перевозили пассажиров между бухтами, под килем кипела зелёная вода и белая пена. Единственный в городе открытый кинотеатр стоял у самой воды, и в ветреные летние вечера прибой заглушал звуки с экрана. После выпускного вечера, перед отъездом в холодные университетские города вчерашние школьники шли на старую пристань с тяжелыми колоннами – посмотреть на рассвет, послушать, как волны бухты набегают на каменные ступени. И даже моей первой встречей со смертью стали похороны сорокалетнего папы одноклассницы, он утонул, заплыв куда-то к горизонту. Говорили, что он отлично плавал...

Уехав из города детства учиться, я каждое лето проводила у родителей в нашей старой квартире. Полуподвальный этаж длинного серого здания, две прохладные комнаты, вишнёвые деревья во дворе, налитые солнцем тёмно-красные вишни в белой миске. Сколько раз я летела из Свердловска или Ленинграда в симферопольский аэропорт, междугородний автобус, за окном жёлтые поля, южные пирамидальные тополя, и вот оно - праздничное море в солнечных бликах.

В последний раз перед эмиграцией я видела это сине-зелёное море летом 1980-го.

В прихожей нашего ньютонского дома, напротив лестницы на второй этаж, висит акварель в белой рамке, работа моей племянницы. На картине - море. Непокойное, с белыми барашками, тревожными синими пятнами, тёмной грядой камней, белой пеной там, где они разбивают волну, и зеленой горой берега справа. Облачно, поэтому вода приглушённая, серо-голубая. А ниже, близко к берегу дрожат рыжеватые и тёмные пятна – как будто через серое и синее смутно просвечивают покрытые скользкими водорослями прибрежные камни. Но когда в прихожей меняется освещение, меняется и цвет воды, она вдруг становится слегка сиреневой. Я всегда думала, что сиреневый – холодный цвет. Но этот сиреневый – тёплый.

Муж нашёл для картины место возле огромного окна в лестничном пролёте, там много солнца, и вода всё время сиреневая. Но я перевесила море вниз, на стенку прихожей у самой лестницы, туда, где волна с неизбежностью идёт на меня, когда я спускаюсь на первый этаж. Туда, где много раз в день я вижу морские брызги и пену, даже не поворачивая головы.

Та ли это волна, в которую я, пятиклассница с косичками, прыгала с мола на пляже моего детства? Или это океанская волна набегающая на мои американские берега? Волна, в которую то прыгают с волнореза, то вбегают со счастливым смехом мои внуки. Я вхожу в неё медленно, ложусь на спину, слушаю прибой и смотрю на небо.

*«Хочу уснуть я сном осенних яблок
и ускользнуть от сутолоки кладбищ.
Хочу уснуть я сном того ребенка,
что все мечтал забросить сердце в море...»[\[1\]](#)*

Море соединяет две мои жизни.

Первая прошла в большой социализм стране, под властью тьмы, сулившей всеобщее благо и светлое будущее. И вторая, в которой море стало просветом в нескончаемой эмиграции, в калейдоскопе памяти, где каждая картинка мгновенно взрывается шквалом суетного, печального, смешного, постыдного или трагического.

Между первой и второй жизнью - январь 1980-го. Москва, увольнение с работы. *Не надейтесь сидеть одной задницей на двух стульях, и преподавать, и на выезд подавать!* – в рифму гремит ректор моего института, подписывая характеристику для ОВИРа[\[2\]](#), в обмен на мой уход с работы «по собственному желанию». Письменное согласие измученных чередой моих ошибок и безрассудств родителей на эмиграцию дочери и любимого внука. Масса форм, документов, подписей. 18-го января – подача заявления на мой с ребёнком выезд из страны. И через девять дней – так не бывает! - после двух лет ожидания, Витя получает разрешение на выезд. Регистрация брака, переезд Вити ко мне в коммуналку, счастье Гриши (можно мне называть дядю Витю папой?). Война в Афганистане, повестки из военкомата, письма Брежневу – оба без работы, жить не на что, отпустите мою жену. Мои уроки школьникам, кандидатская диссертация про неизвестный Вите вирус, которую он за 500 рублей пишет фарцовщику Диме. Хождения за советом к заслуженным отказникам. И слухи-слухи – тем дали визы, а потом отобрали, этим отказали, эмиграцию запретят через месяц... Летняя поездка к родителям в Севастополь.

В Москве - олимпиада и похороны Высоцкого.

Проходят дни, недели, месяцы. Второклассник Гриша, наш островок нормальной жизни, ходит в школу. Поток разрешений на выезд превратился в ручеек. Почти никого не выпускают. Отказников и подавших на выезд на работу не берут. У отщепенцев, желающих покинуть Родину, статус предателей. Мы не здесь и не там, мы – нигде. Витя ждёт нас больше десяти месяцев. Его разрешение на выезд истекает через семь недель. Неизвестность и бессилие - как будто стоишь перед глухой бетонной стеной.

И вдруг, в самом конце ноября – взрыв, ослепительно белый конверт в почтовом ящике. Мне с Гришей разрешён выезд. Витю конверт сбивает с ног, после года бетонной безнадежности - высоченная температура. Перед тем, как заснуть, он объявляет: *Уезжаем через 10 дней. – Папа в Москву не придет, я поеду попрощаться. – Ты вот-вот родишь, эмиграцию прикроют, и мы застрянем здесь навсегда! - Я быстро, за три дня - Ты забыла, как тянула с отъездом моя бабушка, как в 1926-м закрылся железный занавес [3], как дедушка вернулся к ней из Парижа, как он дважды сидел? Ты этого хочешь?!*

Температура сорок способствует красноречию. Я молчу.

Папу я больше никогда не видела, он умер через полгода после нашего отъезда. Ждал ли он вызова на партсобрание? Не знаю, он никогда не говорил о своих проблемах, только о наших. Уверена, что - после двух инфарктов - папа не боялся партийного суда, скорее, чувствовал себя виноватым за мой отъезд. *Как могли Вы, член партии и советский офицер, согласиться на выезд дочери за рубеж?* Сколько раз он прокрутил в голове эту сцену? - до того, как 2 июня упал во время утренней зарядки.

Мы уехали 11 декабря, через двенадцать дней после получения белого конверта. ОВИР, домоуправление, визы, чемоданы, прощальный вечер накануне отъезда, приехали друзья из Свердловска. Ранним серым декабрьским утром такси в Шереметьево, весел только Гриша, держит за руку бабушку, понимает ли он, что это прощание - навсегда? Витя напряжён, я устала от предотъездного марафона. Первый раз в моей жизни - международный аэропорт, в огромном зале много похожих семей, взволнованные подростки, плачущие малыши, помятые от ночного стояния на таможне лица взрослых. Тем родным и друзьям, которые не в подаче, ехать в набитый гэбэшниками аэропорт нельзя, попадут в чёрный список. Провожает мама - *это конец, больше никогда вас не увижу*. Но держится: *в 41-м мы тоже уходили в никуда, только тогда бомбили...* Объявляют рейс на Вену. Толпа пассажиров рвётся вперёд. За барьером – поникшие провожающие. И моё прошлое, вся моя жизнь. Оглядываюсь. Мама плачет, не скрывая слёз, внуки машут бабушкам, руки родителей заняты сумками и детьми. Вот она - финальная сцена моей первой жизни. Гриша тянет за рукав, пошли, опоздаем. Уходим. За нами опускается железный занавес.

У выхода на посадку в самолёт происходит невероятное – моя последняя встреча с прошлым. В группе людей в пальто и шляпах, ожидающих у трапа посадки в наш самолёт, стоит Александр Борисович Куржанский, мой профессор по теоретической механике в Уральском университете. Надеюсь, он меня через столько лет и с животом не узнает. Отворачиваюсь. Но о памяти Куржанского недаром ходили легенды (*со второго часа этой лекции Вы ушли*

5 октября - сообщил он мне на январском экзамене, когда я не ответила на дополнительный вопрос). Смотрю в сторону, но он идёт прямо ко мне и - на глазах у штатных сопровождающих и стукачей-любителей - протягивает мне руку. *Здравствуйте, Александр Борисович, вы тоже в Вену?* - *Да, на конференцию, а вы, я вижу, по-другому.* - *Да, я совсем, с мужем и сыном. - Познакомьте же меня с вашим мужем.* С ума он сошёл, это же конец его карьере! Но он, не торопясь, пожимает руку Вите, желает удачи. Объявляют посадку, он возвращается к своей группе. О, мой университет, мои любимые друзья и профессора, мой прекрасный мат-мех!

Эта встреча – мой талисман удачи.

Наконец, мы в самолёте. В ряду перед нами курят два длинноволосых блондина, говорят на непонятном языке, ноги в дырявых джинсах - на спинках пустых сидений впереди. Гриша крутит головой от окна к проходу, Витя напряжённо молчит два часа подряд. И только, когда объявляют - самолёт снижается в Вене, Витя вдруг счастливо улыбается. *Теперь не отберут!* - *Что не отберут, ты о чём?* - *О визах. Теперь не отберут!!*

Неделя в пансионе, ряды кроватей с металлическими сетками стоят в большой длинной комнате, где спят и бодрствуют тридцать женщин, даже в колхозе на картошке – *где мои семнадцать лет?* – нас было меньше в одной спальне. В Вену не выпускают. И не надо, мне нужна пауза после гонки последних двенадцати дней. И двенадцати месяцев судорожных попыток пробить бетонную стену.

Вечерами, уложив детей, женщины из нашей общей спальни болтают в коридоре. Этой рыжей даме не дали провезти бриллианты, которые «на чёрный день» заставила взять бабушка. Смуглая, невысокая, крепко сбитая грузинка, похожая на женщин из народа в итальянских фильмах, убегает из-под следствия, заплатив какому-то еврею за фиктивный брак. Говорят, она работала на бензоколонке. Она едет в Израиль, он в Канаду, почему-то лезет в голову - *над Канадой небо синее...*

17 декабря - ночной поезд в Рим. Нашу пёструю чемоданную толпу – плачущие дети, узлы, одеяла, как в фильмах про войну – высаживают за одну остановку до главного вокзала в Риме, говорят что-то про террористов... В день приезда - Гришино девятилетие. Пансион в Риме, три раза в день макароны в томатном соусе. В очереди к ведущей в HIAS[4] кто-то советует снимать квартиру не в Риме. *Зимой на морском курорте дешевле. А делить квартиру - кивая на мой живот - с вами никто не будет. И снимайте окнами на солнечную сторону, они тут топят пять часов в день.*

Квартира с высокими потолками и холодными мраморными полами на Via Garibaldi в Ладисполи[5], бесплатные куриные пупки из синагоги, дешёвые подмятые апельсины с рынка, соседи по дому едут из Риги в Австралию, ждут виз почти полгода. Говорят, в Америку быстрее...

Было на римском курорте и море. От нашего дома на Гарибальди можно было дойти до него пешком. Опустелый пляж, серое небо, резкий ветер, позимнему суровые, чужие волны стального цвета. Неизменно энергичный просветлевший Витя бежит в воду - *мы на Средиземном море!* - и выскакивает на берег слегка посиневший.

8 января – третья серия, «Роды по-итальянски» без итальянского (учила я родильный словарь по-английски). Утром приезжаем в Рим за покупками, на рынке дешевле. Внезапно у меня боли в животе, до родов ещё двадцать дней, но всё же едем на трамвае в госпиталь. Меня оставляют, протестую – *мне ещё три недели...* В пять врач уходит, акушерки не говорят по-английски, не понимаю ни слова - но в восемь вечера с криком появляется на свет маленький мальчик. В огромной послеродовой палате госпиталя Святого Камилло - сорок рожениц и сорок новорожденных. И сорок семей, навещающих своих с утра до вечера. Только Витя с Гришей помнят про антисептику - о, незабвенный московский роддом, где к роженице не допускали даже отца ребёнка! - они снимают куртки и кладут их на дальний подоконник зала, возле дверей. И какая-то темпераментная синьора хватает моего двухдневного ребёнка на руки, прижимает к плещу, с которого стекают крупные капли дождя, и радостно кричит: Бамбино! Белиссимо! Протестовать почему-то не решаюсь, хотя вот они, мириады римских бактерий атакуют моего бамбино! Может, из-за ощущения неполноценности – люди оглядываются, смотрят на моего малыша в привезённых из Москвы пелёнках, а все приличные младенцы вокруг – в ползунках.

Переезд из госпиталя в ладиспольскую квартиру. На мраморном полу антикварный стол с инкрустациями, на столе - фибровый чемодан с оторванной крышкой, сколько их ехало с нами, этих чемоданов, 7 руб. 50 коп. в Военторге на Калининском проспекте. На дне, на фланелевой пелёнке, спит пятидневный Лёня - зрелище, ошеломившее хозяйку дома синьору Ренату, которая пришла поздравить.

Долгая борьба INS (иммиграционной службы США) с упорным малышом за безупречную фотографию для въездной визы, с опасным террористом Лёней, который при фотовспышке молниеносно зажмуривается. Итог двухмесячной борьбы - Лёнина победа над бюрократами, ему разрешён въезд в США с закрытыми глазами! На исторической визе - зажмурившийся младенец в костюмчике горчичного цвета, подаренном на прощание красавицей-блондинкой, его педиатром в госпитале San Camillo.

И вот, наконец, 4 марта 1981 года. Аэропорт в Риме, в самолёте больной двухмесячный Лёня у меня на руках, у Вити в кошельке - 70 долларов, всё наше достояние. Пересадка в Нью-Йорке, темнеет рано, моря на подлёте к Бостону не видно. Длинный коридор аэропорта с надписями на чужих языках, квартира спонсоров в деревянном доме, где нельзя давать плакать малышу с температурой - хозяевам завтра на работу.

Через неделю замусоренный Брайтон, односпальная квартира - две смежные комнаты и кухня (а сколько у вас было ванн? - спросит через много лет мой любознательный внук), с мышами и тараканами, зато без соседей. Покупаем два матраса – себе и Грише, на улице в мусорный день подбираем стол. Витю берут пост-доком в MIT. Машину на его зарплату не купишь, на работу он добирается на метро.

Эпопея с Гришиной школой, отдали, куда взяли, на уроках скучает, приносит из школы порнографические открытки... Гришино окно в новую жизнь – старый чёрно-белый телевизор с маленьким экраном, купленный за 50 долларов в ремонтной мастерской неподалёку. Каждую пятницу Гриша смотрит шоу про

невероятного Халка, всесильного гиганта, в которого превращается главный герой Дэвид, чтобы защитить слабых и обиженных. Вариации зла неисчерпаемы, оно бесчинствует, спасения нет, и – лучшие минуты каждой серии – в приступе ярости человек становится великаном и побеждает Зло. Года через три, когда мы купили цветной телевизор, шоу уже закончилось. Но Гриша где-то нашёл старый эпизод, и оказалось, что его любимый Победитель Зла - зелёного цвета.

Из капиталистической Америки нельзя писать и звонить родителям. Друзьям в Свердловск тоже не напишешь, письмо черевато расследованием их связей с заграницей. Пишу длинные письма в Москву, родители эмигрировавшей подруги переправляют их маме в советских конвертах. В письмах – хроника новой жизни, без неприятных подробностей...

У Вити нет потребности анализировать новую жизнь. После трёх безработных лет он пропадает в лаборатории. Гриша не рассказывает об одноклассниках – боюсь, что его дразнят, не зря он так любит Халка. Гриша и маленьким старался меня оберегать. Уже учась в колледже, он рассказал мне историю из московского детства. *Помнишь, в первом классе я ходил домой из школы по Лялиному переулку? Там было такое длинное здание, подходя к нему, я начинал бежать. На скамейке во дворе сидела тётка с овчаркой. Когда я шёл мимо, она спускала собаку, крича «Ату жидёнка!» - Боже мой, Гриша, почему же ты мне об этом не говорил?! - А что бы ты сделала? Ты ведь не могла уйти с работы, чтобы забирать меня из школы.*

Новые эмигранты знакомятся на курсах английского языка. Звонок из еврейского агентства – объявлен вечерний класс, недалеко, можно добраться без машины. Преподаёт пятидесятилетняя стройная американка с копной вьющихся волос, мать троих детей, умная, живая и тёплая Фрэнсис, моё окно в американский мир. Она - волонтер, работает без оплаты, хочет помогать беженцам. Рассказы о её семье обнадеживают, вижу её дважды в неделю с семи до девяти вечера. В классе - товарищи-эмигранты из разных городов и республик. Но близости не возникает. Бегство из страны не было моей целью, я уехала за Витей, для них же эмиграция – исполнение мечты, ослепительное достижение. Им здесь очень трудно, кандидат наук работает грузчиком, врач – няней в доме для престарелых. На СССР надо сбросить бомбу, говорит один, гомосексуализм здесь насаждает КГБ, чтобы развалить эту страну изнутри, вещает другой. Ненависть к прошлому придаёт им сил, и моя ностальгия их нескрывая раздражает.

И всё же во вторник и четверг сцеживаю молоко и несусь в класс к ясноглазой Фрэнсис. Но через шесть уроков – после каждого я летаю - Витя говорит: *я не могу уходить с работы в 5:30, чтобы отпускать тебя на английский, я так никогда ничего не сделаю.* Окошко захлопывается, у меня больше не будет весёлой Фрэнсис, с её сочувствием, мудростью и верой в наше будущее. В Бостоне у нас нет ни родственников, ни старых друзей. И никому нет до нас никакого дела.

Можно позвонить Фрэнсис, она предлагала. Но для чего ей, в её благополучной жизни, клубок моих проблем? Примерно через год в трамвае встречаю одноклассницу из того вечернего английского класса. *Я наша*

работу, говорит она, не зря я учила язык. А ты помнишь Фрэнсис? Она полгода назад умерла от рака, я ходила на похороны. Оказывается, она долго болела.

В мае нас приглашают в гости в Бруклайн, хозяева - опытные эмигранты, приехали в 1978. Мы идём в гости пешком. На чистых улицах не валяются банки и бумажные стаканчики, на бульварах и газонах белым и розовым кипят яблони и магнолии. И - о, счастье - узнаваемые лица гостей, все в стране несколько лет, все работают, уверенно держатся, обсуждают какой-то фильм, а вот эти люди уже купили дом, говорит хозяйка. Сидящая рядом молодая женщина с выражением участия на лице, бывшая москвичка, рассказывает о своих детях. Что-то внутри разжимается, хочется поговорить - и я жалуясь ей на ужасную Гришину школу. Женщина поворачивает симпатичное лицо к хозяину дома и громко говорит: *вот так они все, только приехали и хотят, чтобы им всё поднесли на блюдечке с голубой каёмочкой!*

Так начался в тот майский вечер мой томительный поиск понимания и новых друзей.

Через два года моя будущая соседка по рент-контрольному[6] зданию в Бруклайне, вещая Наташа скажет мне во дворе на бегу:

Самое трудное в эмиграции - не поиск работы и не английский язык. Трудно другое - здесь нет людей, которым не надо ничего о себе объяснять.

«О Горацио! Тысячу фунтов за каждое слово призрака!»[7]

Какой болью сближений и расставаний, надежд и потерь заплатила Наташа за своё грустное открытие? Нашла ли она друзей, сумела ли воссоздать в эмигрантской пустыне начала 80-х понимание и любовь её ленинградской молодости? А может быть, лет через пять, когда чудом открылись запертые больше полувека границы, к ней приехали её любимые друзья... О, наши дружбы, наше единство, наше бегство от официальной лжи - в походы, песни, книги, гитары, стихи, самиздат... И хриплый голос Высоцкого на магнитофоне в прокуренной комнате общежития, который кричал о свободе, заглушая фанфарные марши в честь кровавых годовщин. Где теперь друзья нашей юности? По каким странам, по каким сторонам баррикад разметал нас 21-й век? Тех городов, где мы были едины и счастливы, больше нет на карте.

На третий месяц в Америке я жила в вакууме, в равнодушном пронзительном мире - ворох проблем, два беззащитных мальчика, чувство вины перед оставленными и ностальгия, про которую нельзя говорить.

О смерти папы я узнала в середине июня, через две недели после его похорон. Мама не решилась сообщить - звонок в Америку лишил бы сестру преподавательской работы. Наверное, именно тогда до меня дошла степень моей отрезанности от прошлого, разлом саднил и раньше, теперь он душил. Меня накрыла депрессия.

Август в 1981-м выдался жаркий. Витя семь дней в неделю работал, Грише дали бесплатную путёвку в еврейский лагерь в Нью-Хэмпшире. Кондиционера у нас не было, машины тоже. На детской площадке случайная знакомая рассказала - есть городок, где океанский бриз, песчаный пляж и тёплая вода. Туда ходят рейсовые автобусы.

И вот однажды, пылающим влажным утром Витя отвёз меня на метро на South Station, захихал огромную коляску-монстра болотного цвета в бок

большого автобуса, а меня с шестимесячным Лёней на руках посадил на подножку, из раскалённого Бостона - в кондиционированный автобусный рай.

Через два часа я вышла из автобуса в продуваемый ветром Денниспорт, спросила у прохожего, где океан, и, толкая перед собой коляску с Лёней, понеслась почти бегом. Минут через двадцать я увидела море, сначала в просвете между домами, затем в конце узкой зелёной улицы, ближе и ближе, вот они, солёные брызги и белая пена...

Море - солнечное, безмятежное, зеленоватое, похожее на Чёрное море моей первой жизни. Моё вновь обрётённое счастье.

Мерный шум волн, запах морской травы, крики чаек. Сине-зелёный сон моего детства...

[1] Федерико Гарсиа Лорка. «Газелла о тёмной смерти». Перевод А. Гелескула (здесь и далее прим. автора).

[2] ОВИР - Отдел виз и регистраций, подразделение Министерства Внутренних Дел, ведавшее выездными документами для эмигрантов из СССР

[3] Политический термин для обозначения информационного, политического и пограничного барьера, который изолировал СССР от капиталистических стран Запада.

[4] Еврейская организация, помогавшая беженцам получить право на въезд в страны расселения и добраться до нового места жительства

[5] Город в Италии, расположен примерно в 48 км от Рима

[6] Регулирование *квартирной платы*, которую владельцы жилья имели право получать со своих съемщиков

[7] Цитата из пьесы В.Шекспира «Гамлет», перевод Пастернака

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

Из писательского архива. Завещание Самуила Маршака

Совсем недавно я писала о фильме, сделанном якутским режиссером Любовью Борисовой, – фильме о родной земле и ее людях, снятом удивительно красиво и поэтично. Мой друг Евсей Цейтлин бывал в Якутии в советские годы, познакомился с цветом ее интеллигенции, написал об этих удивительных, неизвестных в столицах людях, и вот я подумала, что эти очерки Евсея, написанные и напечатанные еще в доинтернетную эпоху, будут интересны и нам сегодняшним. Предлагаем один из них читателям ЧАЙКИ.

Ирина Чайковская

Я читал одно из последних писем Самуила Яковлевича Маршака. Под письмом стояла дата: 14 мая 1964 года. А умер Маршак четвертого июля. Письмо, отпечатанное на машинке и подписанное рукой тяжелобольного человека, было адресовано якутскому поэту Семену Титовичу Руфову. Он тогда переводил сонеты Шекспира на свой родной язык и некоторые из переводов, опубликованные в газетах, послал Маршаку.

Самуил Яковлевич Маршак

Старые писатели обязательны и вежливы. «Очень рад, что Вы познакомили Ваш талантливый народ с поэзией Шекспира», — писал Маршак. Еще он прислал Руфову книгу — одно из изданий «Сонетов».

Мы встретились с Руфовым вскоре после того, как он закончил перевод «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Работа эта вконец вымотала его, но оставила ощущение неповторимого счастья.

Руфов переводил «Витязя» пятнадцать лет. В это время у него рождались и вырастали дети, появлялась седина, но почти ежедневно он упрямо уходил к «Витязю». Кто-то спрашивал с недоумением: зачем нужен его перевод? Ведь есть «Витязь в тигровой шкуре» на русском, и этот текст доступен любому образованному якуту. Он усмехался: взрослые люди, а похожи на только что родившихся оленят. Перевод нужен для совершенствования якутского языка, для национальной культуры, которая тем богаче, чем больше ценностей вбирает в себя. Наконец, это надо подросткам в дальних якутских селах: через книгу они впервые глядят в незнакомый мир.

Наверное, при этом Руфов вспоминал собственную юность. Он пробивался к знаниям, как золотоискатели Брет Гарта вождельно пробивались к золоту. Руфов родился в Верхневилуйском районе Якутии, его родители были

неграмотные колхозники, сам Руфов после окончания семи классов тоже работал в колхозе.

Книга в его жизнь пришла в годы войны. И пришла неожиданным путем. В войну в селе работали, как никогда, много, зарабатывали, естественно, тоже немало. А тратить деньги было некуда. Вечерами играли в карты. Потому это был очень дефицитный товар. Совсем юный Семен Руфов стал рисовать карты. Он продавал их, краснея, не назначая цены, — кто сколько даст. Вырученные деньги тут же отправлял в город Вилюйск другу — Афанасию Федорову, позднее известному якутскому поэту; тот ежедневно ходил в книжный магазин и делал покупки для предприимчивого сельского книголюбца.

Представляю, сколько отбушевало карточных баталий на родине Семена Руфова. Видел у него книги, приобретенные на те фантазмагорично доставшиеся деньги. Книги были состарившиеся, как люди. Не раз испытанные верные товарищи.

Очень рано он прочитал Пушкина. Пушкин, непонятно почему, помогал жить. Было легко и ясно на душе, когда он повторял вслух строки «Евгения Онегина» и косил сено.

Я не буду рассказывать его биографию, писать о том, как после войны Руфов плыл на лодке в Якутск — поступать в культпросветшколу, как потом вернулся в родные места — был бухгалтером, рабочим, заочно учился в школе... Не буду писать о его семье, хотя жена Руфова — удивительный пример понимания человеком своего долга перед талантом и делом любимого: было время, она, учительница, усадила мужа дома — «пусть присмотрит за детьми, за коровой, а главное — пусть пишет стихи».

Скажу только о верности человека призванию. Это трудно — в течение многих лет помнить о главном, отсекая соблазны и радости сегодняшнего дня. Все эти годы он почти не выезжал в отпуск: боялся отвлечься от «Витязя». Уже окончив Литературный институт, Руфов отказался от нескольких достаточно солидных предложений. Работал корректором районной газеты. Газета выходила три дня в неделю. Остальные дни можно было отдавать своим стихам и переводам.

Конечно, он был покорен «Витязем». Покорен мелодикой и афористичностью стиха, строгой и мудрой этикой автора, его органичным интернационализмом, не мешающим человеку более всего на свете любить Родину.

В эти годы, медленно поднимаясь к «Витязю», Руфов многому научился. Он думал: «Как странно: якуты и грузины — совсем разные народы, а поэма Руставели похожа на олонхо — якутский эпос». Сходство — в мощном гиперболизме мышления. Сходство — в силе и бездонной, как небо, отваге героя. Понимание различий тоже помогало ближе подойти к Руставели. У якутов нет восточного орнаментализма, сравнений типа «озера — глаза», «розы — щеки», «хрусталь — зубы». Или другое. В «Витязе» люди не стесняются чувств — здесь плачут не одни женщины, но и мужчины. Якутская поэзия строже: пережива-ния героев скрыты от постороннего взгляда.

Трудно было войти в ритм оригинала. Так же трудно первый раз войти в обжигающе холодную воду северных рек. Трудно было найти в якутском языке рифмы и размеры, соответствующие очень сложной художественной структуре «Витязя». Но еще труднее представить здание поэмы в целом. Он сравнивал все имеющиеся русские переводы «Витязя», беспрестанно

вчитывался в подстрочник. Он анализировал чужие поиски, не замечая, что ведет свои.

В один из отпусков Руфов все же приехал в Тбилиси. Жил в маленькой гостинице среди вечно спешащих туристов. Дышал воздухом тех же мест, что и Шота Руставели, глядел на горы, ничуть не постаревшие через восемь веков. Вошли ли те горы, воздух в его перевод? Я не знаю якутского, но решаюсь ответить утвердительно.

Конечно, он учился и поэтической технике. Уходил от «Витязя», чтобы вернуться к нему другим. Он перевел не только все сто пятьдесят четыре шекспировских сонета — многие стихи Лермонтова, Маршака, Мусы Джалиля, современных поэтов Монголии, Киргизии, Башкирии. Продолжала расти, но уже обычным путем его библиотека. Росла известность Семена Руфова как одного из самых образованных и глубоких работников якутской культуры.

А в своих стихах он писал в те годы о Севере. Эти стихи естественны, точно человеческое дыхание. Не зря их любил переводить русский поэт Николай Глазков, который в литературе предпочитал безыскусную образность самой жизни.

Провожая я друга —

Ощущается грусть.

Сердце бьется, как утка,—

Успокоится пусть!

Кого-то сравнение сердца с уткой покоробит, но северянин-охотник скажет: правда!

Правда — буквальная — есть и в другом стихотворении Руфова — «Кочующий стол». Оно о том, как поэт три раза в день переставляет от окна к окну свой рабочий стол — догоняет солнце, без которого ему трудно, даже невозможно писать...

Как-то и я сел за стол Семена Титовича. Стол писателя всегда притягивает: предметы, напоминающие о дорогах и героях литератора, его рукописи, книги... Одна из книг неизвестно чем привлекла меня. Это был изданный на якутском языке сборник статей народного поэта Кюннюка Урастырова. Смущаясь, Руфов перевел мне дарственную надпись — слова, с которыми обратился к нему один из первопроходцев якутской литературы: «Ты вновь доказал богатство, беспредельную мощь родного языка. Восхищаюсь твоими переводами, преклоняюсь перед твоим талантом...»

Я вспомнил тогда о давнем письме Маршака. Разные бывают завещания. Иногда человек не подозревает, что прокладывает своим словом дорогу другой жизни. «От души желаю Вам успешно закончить работу над сонетами»,— писал Руфову Самуил Маршак незадолго до смерти. А на другом конце страны эти слова были услышаны и поняты как программа.

...В сутолоке и беспощадной суете жизни многое, увы, не сбывается. Поэтому особенно радуешься, когда, пусть не сам, кто-то другой доходит до финиша. Однажды на почте мне подали пакет из Якутии. Там лежала книга. Я не сразу разобрал восточную вязь названия — «Витязь в тигровой шкуре».

Смерть в Педагогическом музее

1

- Усталая смерть?^[1] Что за вздор? – громко по-русски произнёс молодой человек лет двадцати пяти, едва в синемаатографе вспыхнул свет. – Какой глупый сюжет!

- Для вас, может быть, и глупый, - ласково проговорила молодому человеку на ухо его спутница. – А мне было так жалко эту милую девушку! Ведь ни в одной из тех ужасных драм, в которых эту бедняжку заставила участвовать смерть, она так и не смогла спасти жизнь своему возлюбленному!

- И всё равно! – словно не слушая женщину, продолжал молодой человек. – Смерть никогда не устанет! Никогда! Смерть два года ходила со мной рядом, прихлёбывала чай из моего самовара, снимала дырявые сапоги со своих жертв. Смерть для меня, всё равно что пьяный актёршкa из кафешантана. Однажды он взял в руки штык, и теперь никогда больше не остановится, всё будет играть и играть одну и ту же роль – роль убийцы! Вам видно, Мария Павловна, знaвать таких актёршeк не доводилось? А мне однажды повстречался один такой...

Молодой человек и его спутница вышли на улицу. Теперь в свете фонаря можно было хорошо разглядеть черты лица молодого человека, – его глубоко посаженные глаза, волевой подбородок и поджатые губы, а также его спутницы, женщины чуть старше тридцати пяти, с милым личиком, обрамлённым светлыми волосами. Внимательный наблюдатель мог бы также прочесть афишу с названием фильма: «Der müde Tod».

Молодая женщина бросила на афишу прощальный взгляд и произнесла:

- Ну не сердитесь на меня, Роман Борисович^[2], за то, что я сегодня вечером притащила вас в синемаатограф на этот фильм! Что с меня взять? Вы ведь герой Ледяного похода и подающий надежды писатель. А я всего лишь содержанка одного немецкого банкира, и я хочу немного развлечься, прежде чем в Берлине произойдёт какой-нибудь очередной дурацкий путч или курс рейхсмарки снова провалится на самое дно! Я ведь просто хожу в синемаатограф, потому что в моей жизни было мало опасностей и приключений.

- Ну уж, тут вы на себя наговариваете, - довольно холодно произнёс в ответ Роман Борисович. – Вы ведь служили сестрой милосердия в госпитале во время Великой Войны^[3]. Стало быть, вы тоже видели смерть вблизи, а не только на экране синемаатографа.

- А ведь и в самом деле! – продолжала она немного развязнее, - раз у меня такое бурное воображение и обилие свободного времени, почему бы мне тоже не сочинить на досуге какую-нибудь историю. Вы знаете, Роман Борисович, недавно в книжной лавке мне на глаза попался роман одной англичанки, тоже бывшей сестры милосердия в Великую войну о том, как муж отравил жену стрихнином! Честное слово, очень занимательно было написано! Хотя

содержанкам, наверное, не стоит браться за такие темы, - нервно хохотнула она.

- И вы хотите, чтобы я как более опытный собрат по перу подсказал вам сюжет? – задал шутливый вопрос её спутник. – А вы не слышали новый анекдот из советской России? Есть там у них один новомодный поэт – Сергей Есенин. К нему пристала как-то одна дамочка, кажется, какая-то экзальтированная поэтесса, мол, покажите да покажите, как расстреливают в чрезвычайке. Наш поэт молчал, крепился, а потом и говорит: «У меня есть приятель по фамилии Блюмкин, и он вам вполне может показать такое представление!» Какой была реакция этой мадам – о сём история умалчивает!

- Ну и нравы у них там в Совдепии! – отпрянула Мария Павловна. – Но всё равно не понимаю, почему вы весь вечер рассказываете мне гадости. То про шута из кафешантана, ставшего убийцей, то про какого-то безумного большевицкого поэта с его пошлыми шуточками!

- Тысяча извинений, дорогая Мария Павловна! – сказал в ответ первопроходник, впрочем, всё ещё немного сухо. – В числе моих друзей, разумеется, нет своего Блюмкина. Но с одним интересным человеком я, пожалуй, мог бы вас познакомить. В прежние времена он был судебным следователем в Лодзи, затем царь Николай назначил его военным следователем при ставке Верховного главнокомандующего в годы Великой войны, а царь Антон, так на юге России иногда ещё совсем недавно называли генерала Деникина, дал ему чин действительного статского советника. Поговаривают, - тут Роман Борисович понизил голос, - поговаривают, будто бы перед тем как всплыть в Одессе начальником контрразведки вооружённых сил юга России, он даже был нашим агентом в ЧеКе, служил там под видом польского товарища, желающего помочь делу «мировой революции» и спас при этом от расстрела немало порядочных людей, а потом, когда комиссарские ищейки вышли на его след, сбежал в Финляндию по льду.

И что такого интересного может мне поведать этот ваш действительный статский чекист? – нетерпеливо спросила Мария Павловна.

- Видите ли, - ответил Роман Борисович. – Недавно к Владимиру Григорьевичу[4], так зовут моего знакомого, обратился один бывший офицер и попросил его внести ясность в одну весьма запутанную историю. Владимир Григорьевич, надо сказать, при исполнении подобных просьб идёт до конца и он достиг, скажем так, некоторых результатов. Он готов ими поделиться со мной и с вами, если вы будете готовы составить мне компанию, дражайшая Мария Павловна.

2

Спустя пару дней Роман Борисович вместе со своей спутницей посетил Владимира Григорьевича. Их взорам предстал мужчина лет сорока. Глаза мужчины скрывались за стеклами пенсне, а голова была выбрита налысо. Лишь небольшая курчавая русская бородка придавала лицу хозяина квартиры немного простоты. Да и в глазах за блестящими стёклами можно было заметить живое лукавство.

Владимир Григорьевич живо поднялся из-за стола и протянул руку первопроходнику:

- Добрый день! Перейдём сразу к делу! Скажу сразу сменовеховских[5] симпатий ваших, юноша, я не одобряю. Но сегодня вы будете важным свидетелем в нашем деле и посему мы оставим наши политические разногласия. Скажу даже больше, вы будете нашим летописцем. Читал, читал, знаете ли, в «Архиве Русской революции» вашу «Киевскую эпопею». К этой вашей эпопее мы сегодня обязательно ещё вернёмся.

- Простите, Владимир Григорьевич, - вмешалась тут в разговор спутница летописца. - Это не тот ли «Архив русской революции», который Иосиф Владимирович издаёт здесь в Берлине?

- Да, - в том самом, что Иосиф Владимирович Гессен[6] издаёт, - тотчас же ответил бывший судебный следователь. - Исповедь вашего спутника помещена во втором томе, недавно увидевшем свет. Кстати, наш рыцарь тернового венца забыл представить мне свою даму, - с лёгкой укоризной взглянул он на Романа Борисовича.

- Это Мария Павловна, моя... хорошая знакомая, - поспешил тот исправить свою оплошность. - Мы с ней впервые встретились в редакции «Новой русской книги»[7], куда она однажды принесла свои стихи, а теперь иногда ходим в театр или в синематограф. Мария Павловна мечтает стать писательницей и хотела бы услышать от вас какую-нибудь занимательную историю, - добавил он скороговоркой.

- Занимательную историю? - холодно переспросил Владимир Григорьевич. - Вы, молодой человек, хоть и пописываете иногда в газетки совдеповские... Не скрою, того я, милостивый государь, не одобряю... Виноват! Сам первым заговорил о политике, хоть и зарёкся сегодня не упоминать её, проклятую... Тем паче, что к нашему делу сие обстоятельство не имеет отношения. Так вот, несмотря ни на что, я вижу в вас способного беллетриста. А человек, хоть немного сведущий в литературе, должен понимать, что не всю правду следует доверять бумаге. Вот и в своей «Киевской эпопее» вы умолчали, скажем так, о некоторых вещах, - продолжал он всё тем же строгим голосом. - Вот эти, казлось бы, забытые вами подробности и станут предметом нашей беседы...

Пространные рассуждения Владимира Григорьевича прервал громкий звонок в дверь.

- А вот и явились те, кто помогут вам освежить вашу память, Роман Борисович, - многозначительно проговорил он и направился открывать дверь.

3

Вскоре он вернулся в сопровождении двух гостей, мужчин лет сорока пяти. Военная выправка выдавала в обоих гостях бывших офицеров.

- Вы как раз вовремя, господа, - радушно сообщил им Владимир Григорьевич. - Прошу садиться, - приветливо указал он визитёрам на кресла. - Может быть, вы хотите чаю? Или кофе? Ежели вам угодно, вы могли бы остаться к обеду - моя квартирная хозяйка превосходно готовит Eisbein mit Sauerkraut[8], - продолжал хлопотать он.

Пока гости располагались, Роман Борисович имел возможность получше их рассмотреть.

Один был сухопарым человеком худощавого телосложения с аккуратно подстриженными усами на печальном лице. В его строго причёсанных волосах начинающий писатель заметил несколько седых прядей. Второй человек был

полным мужчиной, чуть подволакивавшим хроющую ногу. На его гладковыбритом, словно у актёра, лице, хранившем следы всех пороков, проступали красные пятна, а в маленьких кабанных глазках таилась ярость. Взгляд его встретился со взглядом Романа Борисовича.

- А, господин первопроходник! - скривил он рот в неприязненной усмешке. – Давненько мы с вами не виделись! Вот уж не знал, что снова встречу дезертира и кадетского щелкопёра вроде вас.

- Я по своей воле вступил в ряды Добровольческой армии, по своей воле и покинул их, - сухо ответил Роман Борисович.

- Каков гусь! Истинный доброволец, а? - развязно бросил полный. – Да если бы каждый мог так просто покинуть ряды армии, было бы чёрт знает что!

- Господин подпоручик, ради памяти Алексея, вы не могли бы прекратить все эти ваши филиппики? - строго обратился к нему его спутник. Затем он осёкся и продолжил мягче: – Павел Артемьевич, сегодня мы все только гости Владимира Григорьевича. К тому же здесь дама, - перехватил он укORIZненный взгляд Марии Павловны.

- Да, вы все сегодня мои гости, - подхватил бывший судебный следователь. - И по этой причине я бы попросил вас вести себя прилично. К тому же я не намерен, дамы и господа, кого-либо задерживать здесь надолго. У нас сегодня ожидается ещё один гость, но он будет позже, - тут Владимир Григорьевич достал из жилетного кармана луковичу часов и мельком взглянул на неё. – Убеждён, наш vis-à-vis не опоздает, - твёрдо заверил он. - А пока что мы могли бы перейти к изложению сути тех событий, что заставили нас всех сегодня собраться вместе. Роман Борисович, с ваших, так сказать, показаний мы, наверное, и начнём... Итак, что вы помните о сидении под арестом в Киевском педагогическом музее? – осведомился он спокойным голосом.

- Ну, всё что знал я изложил в своём сочинении, - спокойно начал он.

- Да уж, припоминаю, припоминаю, - нарочито громко заявил Павел Артемьевич. – Видел-с сию писанину! Как, бишь, она называется! Киевская илиада? Нет, киевская одиссея? Ах да, киевская эпопея! И едва ли не в каждой строчке: я, я, я!

Владимир Григорьевич лишь строго взглянул на крикуна из-под стёкол пенсне, но тот сразу же замолчал.

- Продолжайте, Роман Борисович, - попросил он мягко.

Тот охотно возобновил свой прерванный рассказ:

- Так вот, я ушёл из Добровольческой армии и жил в Киеве у тётки, мадам Высочанской, более не желая участвовать в какой-либо политике. Но в Германии началась революция и стоявшие в Украине немецкие и австрийские войска стремительно разлагались. Гетману Скоропадскому было просто нечем и нечем защищать свою столицу от армии восставших крестьян Симона Петлюры. И тут гетман вспомнил о многочисленных русских офицерах, проживающих в городе, - и объявил мобилизацию. Как офицер подлежал мобилизации и ваш покорный слуга. Меня мобилизовали в отряд, или, точнее, дружину, под командованием генерал-майора Льва Ниловича Кирпичёва.

- Да уж, весёленькое было время! - присвистнул Павел Артемьевич. – Немцы винтовки побросали, обыватели в Киеве как сыр в масле катаются, а тебя тащат, словно овцу, на убой! И везде эти плакаты: «Героем можешь ты не быть, но добровольцем быть обязан!» Впрочем, вы ведь об этом тоже писали, Роман Борисович?

- Да, безусловно, - живо откликнулся тот. - Я продолжу? – спросил он и, не дожидаясь ответа, заговорил вновь: - Мы выдвинулись на фронт, на окраину местечка Жуляны... В общем нас предали, - продолжил он сбивчиво, - немцы сражаться не пожелали, а мы сдались в плен к прорвавшим фронт петлюровцам через посредничество городской думы Киева. Впрочем, петлюровцы фронт не прорывали, а фронт, как мне заметил один остряк, просто «ушёл»! – выпалил бывший первопроходник опустошённо.

- Вот тут я с вами совершенно согласен, Роман Борисович! – поднял на него мутные глаза Павел Артемьевич.

- В общем мы сдались! – продолжал тот. – По итогам переговоров местом нашего пребывания был определён Педагогический музей, открывшейся в 1912 году. Музей стоял на Владимирской улице Киева, той, что возле собора... После начала Великой войны в здании, строго говоря, был уже и не музей, а военная школа лётчиков-наблюдателей. А до гетманского переворота там проводила свои заседания украинская Центральная Рада. Здание имело библиотеку и концертный зал, но несколько не было приспособлено для размещения нескольких сотен мужчин. Несмотря на то, что нас осталось человек пятьсот или шестьсот из двух тысяч, – остальных петлюровцы отпустили к родственникам в Киеве за взятки, – всё равно было ужасно неудобно. Все комнаты, проходы, лестницы были заняты. Приходилось спать на полу, подстелив под голову шинели.

- Неудобно – не то слово! – снова вмешался Павел Артемьевич. – Мне этот Киев перед Рождеством 1918 года напоминал одновременно Париж и гвианскую каторгу, сухую гильотину, - он встретился глазами с дамой и осёкся, едва не добавив крепкое, непечатное словцо. - Париж, потому что кругом полно обывателей, всюду музыка, женщины, шоколад, как говорится, обилие плодов земных и благорастворение воздушных. А сухую гильотину, потому что на входах этого проклятого музея стоят украинские, либо же германские и австрийские караулы и караульные никого не выпускают, чёрт подери! Разве что в уборную! Пардон, мадам! – снова вскинул он взгляд на Марию Павловну.

- Ну, не всё было так плохо! – примирительно заметил Роман Борисович. – Нас кормили, правда довольно скверно, доложу я вам, а за небольшую плату у караульного можно было купить газету и узнать последние известия. Наша стража разрешала свидания с друзьями и близкими, передавала нам посылки от них. Лежать целыми днями и брэнчать на гитаре «Ой вы сени, мои сени, сени новые мои» в общем-то не возбранялось. Мы, скорее, просто маялись от безделья.

- Смею заметить, - недобро усмехнулся Павел Артемьевич. – Мы не просто там, как вы изволили выразиться, дурью маялись. Мы ещё и большевичков ждали! Даже ребёнку было понятно: неумолимо надвигающиеся красные скоро будут у стен Киева! А все эти опереточные казаки, сердюки и прочие хлебобобы, способные лишь кромсать и грабить мертвецов, конечно же, город не удержат! И тогда нас всех бы ждал неминуемый расстрел! Словом, нервы были у всех ни к чёрту!

- Действительно, - неожиданно поддержал его Роман Борисович. – Нервы были ни к чёрту. Английский писатель Киплинг заметил в одном из своих рассказов [9], что солдаты, долго живущие, ничего не видевшие, кроме друг друга и рутины армейской жизни, становятся истеричными, словно школьницы из пансиона!

- Вот тут мы и подходим к тому, что вы утаили в своих записках, - проронил доселе хранивший молчание Владимир Григорьевич. – Вы ведь ничего не написали о смерти полковника Кислицына, не так ли?

- Верно, не написал, - искренне признался Роман Борисович. – А что здесь такого? Обычная трагическая случайность. Его нашли ранним утром с посиневшим лицом, выпученными глазами и вывалившимся изо рта таким же синюшным языком. Это было спустя пару дней после Рождества, той же ночью, когда в музее взорвалась невеста откуда взявшаяся там бомба, несколько наших погибло. Бомбу в здание музея бросили террористы из числа скрывающихся в Киеве анархистов, либо же большевиков, а, весьма возможно, взрыв был делом рук одного из отрядов петлюровцев, не подчинявшихся своему верховному командованию. Но наши стражники обвинили в организации взрыва нас самих. К этому их, видимо, подтолкнуло бегство нескольких наших офицеров в возникшей суматохе. Словом, они усилили строгость условий нашего содержания, запретив посылки и встречи с близкими. Итак, Кислицын умер где-то за час до взрыва... Ну а числа 30-го декабря нам объявили, что нас будут отправлять в Германию по железной дороге на поезде и лишь желающие продолжить службу в армии Петлюры могут остаться, - закончил он.

- Так что же случилось с полковником Кислицыным? – въедливым голосом настаивал бывший судебный следователь. – Разве его смерть никому не показалась подозрительной?

- Будет вам, Владимир Григорьевич, играть в кошки - мышки и строить из себя Порфирия Петровича! – вскричал тут офицер с подстриженными усами. - Мой брат Алексей погиб недавно в Эстонии, едва покинув лагерь для интернированных военнослужащих Северо-Западной армии генерала Юденича. Говорят, наложил на себя руки. Такому исходу способствовали слухи, будто это он ночью задушил полковника Кислицына...

- Да не верю я, будто Алексей это сделал! – отмахнулся Павел Артемьевич. – Вот вам истинный Крест! – громко и ясно заявил он, набожно перекрестившись, но в голосе его явно читалось сомнение. – Я ведь тоже у Юденича вместе с ним повоевал. Но, Бог миловал, контужен был и отправлен на лечение в английский плавучий госпиталь, прежде чем чухня наших разоружила и по баракам разогнала.

- Буду откровенен, мой брат писал в письме, что не может жить в атмосфере этих мрачных подозрений! – резко ответил ему офицер. – Расскажите без утайки, господа, что вы знаете! И пусть Владимир Григорьевич попробует разобраться в этом.

- Да-с, задали вы мне задачку, милейший Иван Алексеевич, - вытер платком свою рельефную лысину, Владимир Григорьевич, - но, с вашего позволения, чтобы её разрешить, продолжу я, как вы изволите выражаться, играть в Порфирия Петровича. Итак, что за человек вообще был полковник Кислицын?

- Что за человек? Мелкий штабной карьерист, вот что он был за птица, - буркнул в ответ Павел Артемьевич. – Настоящий шпак[10] в офицерском мундире. К тому же любитель посылать солдат на верную смерть за обещание Георгиевского креста. В Великую войну толковали, что он – настоящий мясник! Вот уж чью-чью, а его смерть многие хотели представить трагической случайностью, как соблаговолит выразиться Роман Борисович. Да только здоров он был как бык, настоящий бугай черкасский. Пил и жрал в три горла!

И всё посылочки получал от дам, сидя под стражей в музее! «Это мне от дорогой Мими, это от милой Фифи», - так любил он хвалиться! А мы ещё его и спрашиваем: «Леонтий Александрович, если у вас в Киеве так много знакомых дам, почему они не заберут вас к себе домой из этой гвианы?» А он нам и отвечает с улыбочкой: «Дело, господа, заключается в том, что все эти дамы замужние!» Каков был гусь, а? Тьфу, срамота, - добавил он горько. - И помер грешно. Знать бы только какая свинская собака проболталась...

- Полно, Павел Артемьевич! - мягко произнёс первопроходник. - Думаю, скрывать далее все трагические обстоятельства той ночи не имеет смысла. Незадолго до смерти у покойного, - обратился он к Ивану Алексеевичу, - была ссора с вашим братом. На это, право же, не стоило бы обращать внимания. Но позже мы проснулись от шума той ночью, когда умирал Леонтий Кислицын. Ваш брат был рядом с ним, нам показалось, будто он его душил! Но он сразу отпрянул от него и еще всё время повторял: «Это не я, а он сам!»

- Так у нас в детстве всегда и было, - быстро заговорил Иван Алексеевич. - Алёшенька ребёнком графин разобьёт, а потом говорит: «Это не я, а он сам!»

- Минуточку, господа! - вмешался тут Владимир Григорьевич, - А в чём же была причина ссоры?

- Причина ссоры? А из-за концерта! - охотно пояснил Роман Борисович. - Я ведь писал об этом концерте в своих записках. Перед Рождеством наши офицеры, изнывающие от безделья, обратились к петлюровскому коменданту с предложением провести любительский концерт для своих товарищей по несчастью, для украинской охраны и для всех желающих. И комендант разрешил! Уж не помню наверняка, что там придумали наши, помню было чтение со сцены юмористических рассказов Аверченко, а также вот этого стихотворения Игоря Северянина: «В шумном платье муаровом...Вы проходите морево...»

Ещё очень ярко запомнились мне какие-то лубочные песни, исполняемые хором, и особенно эти частушки на манер «Яблочка»:

Ой, яблочко, куда ты котишься?

В музей попадёшь не воротишься![\[11\]](#)

Что я хорошо сейчас припоминаю, - чуть запнулся бывший корниловец, - так это то, что концерт очень понравился охранявшим нас петлюровцам. Они даже позднее прислали к нам делегата с просьбой организовать ещё один такой же.

Вот тут среди нас и возник спор, поначалу шуточный, потешный... Одним словом, полковник Кислицын сказал, раз уж всё потеряно и России больше нет, то почему бы ещё раз не сплясать перед хохлами! В ответ на эти слова брат Ивана Алексеевича гневно бросил, что из-за таких вот равнодушных, как полковник, наша Родина-то и пропала! А потом, ночью..., - вновь сбивчиво заговорил Роман Борисович, - мы и услышали предсмертные хрипы Кислицына, а в темноте увидели Алексея Алексеевича, склонившегося над ним!

- Но, мои уважаемые господа, - проговорил тут Владимир Григорьевич тоном строгого учителя, деликатно прочистив горло. - Вы, словно дети малые, скажу я вам. Будьте любезны, поясните, пожалуйста, кто-нибудь видел на шее у покойного следы удушения? А проводила ли украинская сторона какое-либо дознание по поводу убийства?

- Дознание? – ухмыльнулся Павел Артемьевич. - Да вы шутить изволите, господин советник! Они хотели побыстрее замаять всё это дельце. И потом той же ночью бомба взорвалась, генерал Кирпичёв под шумок во время взрыва сбежал, да и парочка других генералов тоже... Попросту говоря, нашим тюремщикам не до того стало.

- То есть вскрытия никто не делал? – настойчиво спросил Владимир Григорьевич.

- Ну, конечно же, нет! – устало отозвался Роман Борисович. – Помилуйте, какое вскрытие?

- Таким образом, какие-то распространители слухов обвинили человека в убийстве, не имея никаких доказательств! – строго заметил бывший судебный следователь. – О чём тут вообще, казалось бы, можно говорить?

- А зачем же тогда Алёшка над ним склонился посреди ночи? – воззрился на него Иван Алексеевич.

- Ну, мало ли! – оборвал того первопроходник. – Увидел ночью, что человеку плохо, склонился помочь, расстегнуть пуговицу, а тот помер. А на Алексея Алексеевича все подумали, потому что давеча была эта ссора...

- Вот вы говорите, помер, Роман Борисович, - не согласился тут Павел Артемьевич. – А я готов под присягой утверждать, здоров он был, точно бугай. Бабы вокруг него увивались, только он плевать на них хотел. Вечно сласти какие-то жрал... Ладно, что-то я увлёкся воспоминаниями. Но, говоря по совести, абсолютно не ясно, от чего Кислицын помер-то. Выходит, его кто-то другой придушил, а вовсе не Алексей?

- Чёрт вас подери, поручик! – вскричал тут Роман Борисович. – Попробуйте-ка вы сами ночью в помещении, где спит несколько десятков, здоровых мужиков, задушить одного из них! Поэтому и в виновность Алексея я никогда не верил! Думаю, Павел Артемьевич, чтение «Протоколов сионских мудрецов» и других подобных брошюрки Винберга [12], которые вы жадно поглощали, ещё сидя под замком в Киеве, превратило вас в параноика!

- Милостивый государь, позвольте мне самому определять круг моего чтения! – с холодной вежливостью отчеканил поручик. – И, может быть, вы мне тогда потрудитесь объяснить, что в конце концов произошло?! Кислицын был, хоть и сволочь штабная, а всё же офицер Российской императорской армии и мой боевой товарищ! Хотелось бы мне узнать, что с ним случилось! Может быть, это комиссары в ту ночь испытали на нём некий таинственный газ или лучи смерти? Как вам версия, господин следователь? - победно взглянул он на Владимира Григорьевича, прищурив свои маленькие, налитые кровью глазки. – Могло такое быть, а?

Владимир Григорьевич лишь бесстрастно взглянул на офицера и, казалось, углубился в чтение лежавших перед ним на столе бумаг.

- Извольте! – ответил Роман Борисович. – Я готов предложить своё объяснение. Всё было гораздо проще. Спёртый воздух, постоянное тягостное ожидание неминуемой опасности, вероятно, смерти, плохая однообразная пища, - всё это сделало своё чёрное дело, и сердце полковника Кислицына не выдержало. Прочёл я как-то в одной книжке, что один бенгальский набоб загнал несколько десятков пленных английских офицеров в одну душную комнатку и оставил там на ночь. А к утру обнаружилось, что почти все они были мертвы...

- Киплинг, английские офицеры, какие-то набобы, - грубо прервал первопроходника поручик. – Вы мне эти британские кадетские штучки бросьте! У нас там, чай, была не Бенгалия! А что касается того, могу ли я кого-нибудь придушить, когда в помещении полно спящих мужчин, то, ручаюсь, я вам так шею сверну, мальчишка, что вы даже не проснётесь, и никто вокруг даже не пикнет! – добавил он угрожающе.

- У меня складывается впечатление, - с ледяной вежливостью произнёс в ответ бывший корниловец. – что вы сейчас, Павел Артемьевич, прямо свидетельствуете против себя самого. Я бы посоветовал вам выбирать выражения!

Лицо поручика побагровело ещё сильнее, и он неуклюже поднялся с кресла. Когда он медленно, тяжело двинулся к Роману Борисовичу, могло показаться, будто его самого сейчас хватит апоплексический удар.

И в это время в передней снова раздался дверной звонок.

- А вот и наш долгожданный гость, - удовлетворённо проговорил бывший судебный следователь, с облегчением вынимая из кармана луковицу часов. – Я уж, грешным делом, думал: он не придёт! Сейчас провожу его к нам, в нашу, так, сказать, Wohnzimmer [13], а вам, господа, настоятельно рекомендую пока отложить все свои политические и иные разногласия, - твёрдо произнёс он.

4

Через несколько минут Владимир Григорьевич вернулся в сопровождении рослого мужчины лет тридцати. Первопроходник разглядел длинные висащие усы на простоватом крестьянском лице нового гостя.

- Вітаю, панове [14]! – зычно гаркнул тот с порога, снимая пальто, под которым все увидели пиджак и ворот вышитой рубахи.

- Надо же какой живописный малороссийский пейзаж! – в притворном восторге воскликнул Павел Артемьевич. – Вы, господин Орлов, должно быть, смерти моей хотите! – гневно обернулся он к хозяину квартиры. – Сперва я должен был выслушивать оскорбления от какого-то молокососа, кадетского шелкопёришки. А теперь вы иуду-мазепинца сюда позвали! Не смею вас более затруднять своим присутствием! - резко заявил он, поднимаясь с кресла и хватая свою шляпу. – Честь имею-с!

- Сядьте, поручик, - ледяным голосом остановил его Владимир Григорьевич. – Вы уйдёте не раньше, чем мы закончим. Или вас уже не волнует смерть вашего боевого товарища?

Павел Артемьевич под тяжёлым взглядом бывшего судебного следователя вновь расположился в кресле.

- Навіщо ви все це зараз говорите, ваше благородіє? – укоризненно взглянул на него украинец. – Коли ви в Києві під арештом сиділи, а я вартував вас з багнетом в руках, тоді я для вас не був «Иуда», а, навпаки, був я, Петро, тоді для вас, для всіх благородієв, дуже гарною, порядною та дуже необхідною людиною. Ви зараз мене ображаєте, а, між іншим, я також військовий та теж маю гонор... [15]

- Уверяю вас, Пётр Иванович, вы и сегодня нам просто необходимы для установления истины в одном в одном деле, - сказал тут Владимир Григорьевич, обращаясь к бывшему солдату украинской армии. – Поверьте, моим помощникам стоило немалых трудов, чтобы найти вас в Польше, в лагере

для интернированных, и убедить вас приехать в Германию. Пришлось подключить некоторые старые связи...

- Зрозуміло! – с готовностью откликнулся тот. – Якщо треба, то питаєте. Я розповім вам все, що я пам'ятаю[16].

- Насколько мне известно, - заговорил вновь Владимир Григорьевич, - у вас сложились хорошие отношения с офицером Алексеем Алексеевичем N?

В ответ Пётр поведал, что Алексей Алексеевич однажды дал ему денег, чтобы купить газету. Вот так они и разговорились, оба оказались не единственными сыновьями в семье и у обоих в лихолетье последних лет исчезли братья. Так постепенно они и сблизились

- Це була дуже гарна та благородна людина, - закончил свой рассказ он и, помолчав, добавил: - Справжній чоловік![17]

- Занятно, - мотнул своей лысой головой Владимир Григорьевич. – Хотя, с точки зрения судебного следователя, всё это лирика... А, скажите пожалуйста, Пётр Иванович, вы заранее не говорили своему новому другу, что вашим командованием планируется по договорённости с немцами эвакуация пленных офицеров в Германию на германских же поездах?

- Так, - после небольшой паузы ответил тот. – Так, звісно казав. Я це чув від ад'ютанта пана полковника Коновальця. Лише я попередив Олексія, щоб він нікому зо своїх друзів про це не повідомляв[18].

- Вот видите, господа офицеры, - удовлетворённо проговорил Владимир Григорьевич. – Что и требовалось доказать. Алексей Алексеевич раньше других узников педагогического музея знал, что вы будете спасены, как от неминуемого расстрела большевиками, так и от томительного общения друг с другом. В таком случае, ему вовсе незачем было убивать полковника. Он прекрасно знал, что спустя несколько дней расстанется с ним навсегда. К тому же, если ему так хотелось убить Кислицына, то проще это было сделать в поезде, убил и выпрыгнул из вагона, а ещё проще в пересыльном лагере.

- Выходит, всё-таки сердечный приступ? – с потаённой надеждой в голосе задал вопрос Роман Борисович.

- Нет, это не был сердечный приступ, - строго взглянул на него бывший судебный следователь. – Это было убийство. И я вам даже больше скажу: убийца находится рядом с нами в этой комнате.

5

- В самом деле? – Павел Артемьевич едва не разинул рот от изумления. – Как это возможно, дражайший Владимир Григорьевич? Объяснитесь-ка приятель?! - добавил он грубее. - Если это снова будут какие-то оскорбления и грязные намёки, то я вам попросту морду набью, господин действительный статский советник!

- А ведь вы, поручик, были не так уж далеки от истины, - спокойно проронил тот, словно не заметив оскорбления.

- Не далёк от истины? – непонимающе уставился поручик на бывшего судебного следователя. – Что вы, собственно, хотите этим сказать, уважаемый?

- Всего лишь то, что полковник Кислицын, действительно погиб от воздействия некоего вещества, назовём это так. Только данным веществом являлся вовсе не таинственный газ, а обычный и достаточно

распространённый цианистый калий. Посиневшие губы, выпученные глаза, смерть от удушья, – таковы симптомы отравления цианидом.

- Цианистый калий? – переспросил офицер. – Хитро! Как Гришку Распутина, что ли?!

- Именно так – как Гришку! – нетерпеливо потёр подбородок бывший следователь, готовясь продолжать. – Или как Вилли Гюнтера^[19], если вам будет угодно, - многозначительно добавил он. – Гюнтеру, смею заметить, повезло больше...

- Одну минуточку! – возразил Павел Артемьевич. – Звучит вроде бы складно, да есть загвоздка! Во все не похож был Леонтий Александрович на тех декадентов, что носят с собой отраву и сводят счёты с жизнью ради позёрства! Да и никто из нас не мог подсыпать ему яд незамеченным. Это ещё сложнее, чем задушить ночью. И откровенно говоря, - подёрнул плечом, скрывая отвращение, поручик, - Как-то это не по-мужски, не по-офицерски так губить человека!

- Вы снова совершенно правы, Павел Артемьевич! - ответил его собеседник. - Но убийца и не был офицером. Убийцы вообще не было в здании музея. Яд полковнику передали, скажем, в отравленной плитке шоколада, я не зря тут упомянул Вилли Гюнтера, которого именно таким способом пытались угостить ядом в тюрьме – в шоколадной плитке от поклонника или же от поклонницы. Вот и Леонтий Александрович получил отравленный шоколад под видом посылки от одной из его многочисленных любовниц. Вы же сами давеча утверждали, любезный поручик, что знакомых дам в Киеве у Леонтия Александровича было немало и посылки от них со всякими сладостями и прочими приятными мелочами он получал во множестве.

- Ну и кто же передал отравленную посылку? – нетерпеливо спросил Павел Артемьевич. – Ревнивый муж?

- Нет, - сказал в ответ Владимир Григорьевич. – Зачем ревнивому мужу травить того, кого завтра, возможно, расстреляют вошедшие в город большевики. Нет, убийца испытывал куда большую ненависть к жертве, чем обычный ревнивец. К тому же убийца гораздо лучше разбирался в ядах... Я мог бы предположить, что убийца – женщина и, вероятно, сестра милосердия, знающая толк в морфии и других опасных вещах. Найти цианистый калий в петлюровском Париже в декабре 1918 года несложно. Наша дама отравила им шоколад и передала его с записочкой через одного из украинских солдат, описав тому внешность нужного офицера, ведь так обычно и передавали посылки, разве нет?

- Вот тут вы ошибаетесь, господин следователь! – сказала вдруг Мария Павловна. – Я передала шоколадку через немецкого солдата. Мне показалось, что так будет надёжнее...

- А, стало быть, через немецкого? – едва скрывая торжество в голосе переспросил тот. – Ну вот вы, голубушка, и сознались.

- Маша! Но как?! Почему?! – крикнул бывший первопроходник.

- Покорнейше прошу простить меня за этот небольшой спектакль, Роман Борисович, - произнёс тут Владимир Григорьевич. – Ведь я сам давно просил вас привести ко мне в гости какую-нибудь взбаламошную литературную даму. Мои люди следили за вами и знали о вашем знакомстве с Марией Павловной. Я и не сомневался, что вы придёте именно с ней... Что касается того, зачем и почему, то, вы, Мария Павловна, сами нам обо всём расскажите или

предоставите вашему покорному слуге возможность внести ясность? Молчите? Ну, хорошо же...

Тут, в общем-то, любезный Павел Артемьевич снова почти угадал, когда назвал, полковника «мясником». Одной из жертв этого, по его выражению, «мясника» стал и ваш жених, верно, Мария Павловна? Вы узнали о его смерти и о том, что его погубил офицер по фамилии Кислицын от одного из раненых, когда служили сестрой милосердия в госпитале. А в декабре 1918 года вы были в Киеве и стали любовницей немецкого генерала. Через него к вам и попали списки офицеров, содержащихся в Педагогическом музее. Найти эти списки было также абсолютно не сложно. К находящимся в заключении офицерам постоянно приходили какие-то люди и уточняли их анкетные данные. Об этом писал Роман Борисович в своей пресловутой «эпопее».

- Да, совершенно верно, - подтвердил тот.

- Чтобы убедиться, вы посетили музей во время концерта под видом сестры милосердия. Ведь на концерте присутствовали сёстры милосердия? – снова обратился Владимир Григорьевич к участнику Ледяного похода.

- Верно, присутствовали, - тусклым голосом снова подтвердил он.

- Одно мне не ясно, - вмешался тут Павел Артемьевич. – Если Кислицын погиб от отравленной плитки шоколада, то куда потом девались остатки шоколада и обёртка, вероятно, весьма яркая и приметная?

- Та що тут гадати? - бросил ему в ответ петлюровец. – Тієї ж ночі бомба вибухнула в музеї... Така була метушня в ночі та вранці теж! Ніхто взагалі не звертав уваги на вашого мертвого полковника, чи було щось поряд з тілом, чи ні... [20]

- Ну, конечно же! – подхватил Роман Борисович. – Как только он умер, мы сразу стали думать об Алексее и его ссоре с покойным. А тот неумело, как нам тогда показалось, оправдывался. Плитку шоколада на полу никто и не заметил, возможно мы сами её и растоптали в темноте. А потом действительно взорвалась бомба и утром стало не до того... Тем более, тот солдат, который передал отравленный шоколад мог позаботиться о себе и в утренней суматохе легко замести следы. Ведь если бы отравленная плитка шоколада всплыла, никто бы не поверил, что он получил отраву от незнакомой женщины, - тут он повернулся к Марии Павловне:

- Маша, неужели вам действительно больше нечего сказать?

- Я, словно та девушка из фильма «Усталая смерть», не смогла спасти своего возлюбленного, но я отомстила за него. Возлюбленные, как и смерть, никогда не устают... в своей мести, - добавила она. – Ну что ж, я благодарю вас, господа, за приятный и поучительный вечер, но мне, пожалуй, пора! Вы не подадите мне пальто, Роман Борисович! А где я тут оставила свою шляпку?

С этими словами Мария Павловна встала, безмолвно взяла поданное пальто и спокойно принялась одеваться. Когда Роман Борисович подавал ей пальто и шляпку, в голове его вдруг снова забилось то стихотворение, звучавшее на том рождественском любительском концерте 1918 года:

Жизнь доверьте Вы мальчику в макинтоше резиновом,
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым –
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

Разве он тоже не был всего лишь мальчиком с закрытыми глазами?

Лишь на пороге Мария Павловна обернулась и произнесла:

- И всё же ненавижу я вас всех: тебя, самодовольный черносотенец, тебя, жалкий писака, и тебя, дурак, искавший правду, и тебя, услужливый хохол! А больше всего тебя, паук! Когда ты в деникинской контрразведке в Одессе людей отправлял на виселицу, уверена, ты не столь утруждал себя доказательствами! Не столь был вежлив! Сам так же закончишь свою жалкую жизнь! От петли или от пули в подвале! Ну, а теперь прощайте, господа! Надеюсь вам не придёт в голову жаловаться на меня полицей-президенту[21] Берлина?

- И что вы так просто её отпустите! - вскричал Павел Артемьевич, когда убийца закрыла за собой дверь.

- Что поделать? – меланхолично отозвался Владимир Григорьевич. – В берлинскую полицию нам обращаться явно не с руки... Впрочем, как мне известно, её нынешний любовник почти разорился. А недавно нашу даму видели в советском полпредстве, где она оформляла просьбу на возвращение в РСФСР. Куда ей, собственно, податься?

- Но ведь, - пробормотал Роман Борисович, - для неё, дочери крупного чиновника, служившей сестрой милосердия в Добровольческой армии, возвращение в лапы большевиков это верная смерть! В газетах писали, будто из двух с половиной тысяч человек, вернувшихся в Совдепию из Константинополя в Новороссийск на пароходе «Решид-паша» в апреле 1921 года, расстреляно было до тридцати процентов, а остальные отправлены в лагеря на Север[22]...

- Забавно слышать такие стенания от сменовеховца, - кисло заметил тут Павел Артемьевич. – Bravo, bravo!

- Верная смерть! Тут вы очень точно подметили, юноша, - согласился с первопроходником Владимир Григорьевич. – Но разве она жила с тех пор, как Кислицын отправил на смерть её жениха? Глубоко сомневаюсь в этом...

- Да! Пусть отправляется к большевикам, они её приглубят пулей в затылок! – зло скрипнул зубами Павел Артемьевич.

- Кто знает? - грустно заметил бывший судебный следователь. – Возможно, я тоже скоро закончу свою жизнь с пулей в затылке [23] в красном, или, быть может, в ином застенке. Но сегодняшнее дело я довёл до конца и вы все теперь узнали правду. Довольны ли вы ею, господа?

[1] «Усталая смерть» - немой художественный фильм 1921 года режиссёра Фрица Ланга (1890-1976).

[2] Героем рассказа является русский писатель Роман Борисович Гуль (1896-1986), который действительно жил в Берлине в 20-е годы XX в; участник Ледяного похода генерала Л.Г. Корнилова. Его воспоминания из рассказа основаны на его книге «Ледяной поход».

[3] Великая война – здесь Первая мировая война.

[4] Владимир Григорьевич Орлов (1882-1941) – также лицо историческое; российский юрист и контрразведчик. В 20 –е годы прошлого века также проживал в Берлине.

[5] Сменовеховцы (от названия сборника «Смена веж», изданного в Праге в 1921 г.) – представители идейно-политического течения русской эмиграции 20-х годов, выступавшие за примирение и сотрудничество с Советской Россией. К ним некоторое время примыкал и Р. Б. Гуль.

[6] Иосиф Владимирович (до крещения Саулович) Гессен (1865-1943) - российский государственный деятель, издатель и публицист. В 1921-1937 гг. издал многотомный

сборник «Архив русской революции», во втором томе которого, изданном в 1921 году, были опубликованы и воспоминания Р. Б. Гуля «Киевская эпопея».

[7] «Новая русская книга» - русский эмигрантский журнал, издававшийся в Берлине в 1921-1923 годах. Секретарём в его редакции служил Р. Б. Гуль.

[8] Свиные ножки с капустой (нем.)

[9] Здесь речь идёт о рассказе Р. Киплинга «Дело об одном рядовом» из сборника «Три солдата» 1888 г.

[10] Шпак – оскорбительное прозвище, которым штатских называли офицеры царской армии.

[11] Текст данной частушки, а также описание концерта содержится в воспоминаниях Р. Б. Гуля «Киевская эпопея», а также в его автобиографическом романе «Конь рыжий». Стихотворение И. Северянина «Кензели», также действительно по воспоминаниям, Гуля звучавшее на концерте, было написано в 1911 г.

[12] Винберг Фёдор Викторович (1868-1927) – русский офицер, ультраправый публицист, член Союза Михаила Архангела. В 1918 г был взят в плен армией УНР и содержался в киевской Лукьяновской тюрьме. Позднее жил в Германии и занимался распространением текстов «Протоколов сионских мудрецов» среди немецких обывателей (прим. авт.)

О пропагандистской антисемитской фальшивке «Протоколах сионских мудрецов» см. в ЧАЙКЕ статьи С. Е. Резника (прим. ред.)

[13] В гостиную (нем.)

[14] Приветствую, господа! (укр.)

[15] Зачем вы всё это сейчас говорите, ваше благородие? Когда вы в Киеве под арестом сидели, а я охранял вас со штыком в руках, тогда я для вас не был «Иудой», а, напротив, был я, Петро тогда для вас, для всех благородий, очень хорошим, очень порядочным и очень нужным человеком. Вы сейчас меня оскорбляете, а, между прочим, я также военный и тоже имею честь...

[16] Понятно! Если нужно, то спрашивайте. Я расскажу вам, всё, что помню.

[17] Это был очень хороший и благородный человек. Настоящий мужчина!

[18] Да, да, конечно говорил. Я слышал об этом от адъютанта господина полковника Коновальца. Я только предупредил Алексея, чтобы он не сообщал об этом никому из своих друзей.

[19] Вилли Гюнтер – один из участников и организаторов убийства министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау 24 июня 1922 г. В заключении во время судебного процесса Гюнтер пережил неудачную попытку отравления и получил по приговору суда 8 лет тюрьмы.

[20] Да что тут думать? Той же ночью бомба взорвалась в музее... Такая была суматоха ночью и утром тоже! Никто вообще не обращал внимания на вашего мёртвого полковника, было ли что-то рядом с телом, или нет...

[21] Полицей-президент Берлина – должность главы берлинской полиции.

[22] Такие сведения приводил С. П. Мельгунов в своей книге «Красный террор в России», ссылаясь на материалы, опубликованные в русской эмигрантской печати.

[23] В. Г. Орлов действительно был убит гестапо в Берлине выстрелом в затылок, и труп его был найден в берлинском парке Тиргартен.

Вадим Чирков

Нью-Йорк, США

Королевское «Яблочко»

«Людей неинтересных в мире нет»

Евгений Евтушенко

Мичман Дурнев (фамилия не придуманная), Иван Сергеевич, здоровенный, словоохотливый дядька-пенсионер, с огромными ручищами, нос... не картошкой даже, а целой картофелиной, был моим соседом. С тех пор, как он узнал, что я тоже служил на флоте, мы с ним сблизились. Сблизились вот как. Завидев меня во дворе, он приглашал меня на свою скамейку, я усаживался, и Иван Сергеевич начинал что-нибудь мне, салаге, по сравнению с ним, салапету и салабону рассказывать или доказывать. Как слушатель я его устраивал, потому что и слушал, и не возражал. Правда, слушать бывшего мичмана было интересно. Когда распался Советский Союз, он немедленно высказал свою точку зрения на событие.

-Всё будет в порядке, - успокаивал он меня. - Поиграются и вернутся. Или вернут их. Вернем, вернем, не сомневайся! - И мичман подносил к моему носу такой могучий кулак, что сомневаться я сразу же переставал. Только думал, завидуя: "Мне бы его уверенность!"

ПАРАБЕЛЛУМ

В день Победы я увидел Ивана Сергеевича на той же скамейке. Он только что вернулся с демонстрации, его пиджак был увешан двумя десятками медалей и других наград. Но поверх медалей был орден Красной Звезды. Опа!! Я знал, что это один из самых высоких орденов в стране, что его давали за настоящее, и спросил, присев на скамейку, за что именно он его получил.

Мичман Дурнев воевал в Финскую кампанию. Тот ее эпизод, где он отличился, выглядел так. Был флотский десант на финский берег. Зима, хвойный лес, глубокий снег, мороз. Маскхалаты. И финский снайпер-"кукушка", который оставляет неподвижными в снегу одну за другой фигуры краснофлотцев. Движение десанта остановилось. Мичман, буровая снег, ползет вперед. В его руке только парабеллум, тяжелая "машинка" с длинным стволом и крупной мушкой.

Остановился, прорыл в снегу яму поглубже, подождал, поднял осторожнейше голову над снегом. Стал оглядывать лес. Неподвижные зеленые

высокие и густые сосны и ели. Где-то за гущей ветвей скрывается "кукушка". Нужно дождаться ее выстрела, тогда, может быть, он определит место финна. Тишина, снег, мороз - такой, что, чувствует он, рука в шерстяной перчатке, которая держит тяжелый пистолет, перестает его слушаться. Прежде всего пальцы. И первый из них - указательный, лежащий на ледяном спусковом крючке. И мизинец, конечно, самой природой отделенный от четырех. Его бы растереть, чтоб не отмёрз, но пошевелиться нельзя. Ведь финн так же, как он, следит за каждым движением на том пространстве, который выбрали для атаки русские.

Метрах в 30 от мичмана лежит полузанесенная снегом упавшая сосна. Снайпер может быть - скорее всего! - за ней: сосна длинная, место лёжки можно менять. Будь он на дереве, как и полагается "кукушке", наверняка бы увидел уже продвинувшегося вперед русского. Туда всё внимание, на сосну!

Началось то, что называется на языке снайперов дуэлью. Иван Дурнев, подложив левую руку под правую, водит стволом парабеллума от вершины сосны до ее комля. И финн наверняка не спускает глаз со снежной площади за сосной. Ему, должно быть, лучше: он в шубе, и подстилка есть, от глаз закрыт густой хвоей, термос с горячим кофе у него, лежит, знай, постреливает.

А Иван Дурнев головы не подними, рука уже задубела, онемели колени, в животе лёд и, главное, указательный палец может уже не подчиниться. Наверно, и побелел уже. Мизинец - черт с ним, с мизинцем...

Мы сидим на скамейке, вокруг нас зеленый праздничный май, а моего рассказчика, да и меня частично, перенесло в зиму 1939 года, на чужую финскую сторону, в напряженную тишину снайперской дуэли...

Пересидел мичман финна, перележал, перемерз! Шевельнулась ветка в зеленой массе сосны, палец подчинился, пистолет ахнул, дернулся... За сосной послышался вскрик из тех, которые не обманывают... Но Иван Дурнев еще минут пять лежал, вслушиваясь в тишину на снежном поле и в лесу впереди. Потом пополз. Переметнулся через сосну, увидел ткнувшегося лицом в снег снайпера, брызги крови у его головы. Отбросил пистолет на умятый за сосной снег, стянул зубами шерстяные перчатки, бросился к финну... перевернул его... расстегнул шубу... куртку... задрал толстенный свитер и рубашку с ворсом и... сунул задубевшие руки ему подмышки, здесь было единственное в этой чужой местности, с 25-градусным морозом, тепло...

Руки бойцу надо было срочно спасать, а где их еще спасешь, как не подмышками только что убитого им финна?..

За "проявленную в бою с белофиннами храбрость и самоотверженность, благодаря которым был уничтожен вражеский снайпер" мичман Иван Дурнев и был награжден орденом Красной Звезды.

И "Красная Звезда", и честное признание о том, чем кончилась дуэль на морозе (это не придумается), сказали мне, что всё остальное так и было: финская сторона, лес, глубокий снег, "кукушка" за упавшей старой сосной, долгое выжидание и наконец выстрел парабеллума.

КОРОЛЕВСКОЕ «ЯБЛОЧКО»

Разговор с королевой Великобритании можно, конечно, и сочинить, но я бывшему мичману стал после первого рассказа доверять.

Было так. В 1953 году советский крейсер "Свердлов" прибыл в Великобританию для участия в параде королевского флота. "С дружеским визитом", как было принято тогда говорить. Пришвартовался на предназначенное место, отказавшись от лоцмана, за 12 минут - в отличие от американского корабля, который швартовался с лоцманом 2 часа, в отличие от французского, который швартовался 4 часа. Это был триумф.

Мичман Дурнев был среди личного состава корабля, он - участник флотского Ансамбля песни и пляски, которым тоже можно удивить англичан. Мичман танцует "Яблочко" в форме рядового матроса (суконка, гюйс, клёш, бескозырка, белые перчатки) и лих в танце как никто!

Дальнейшее я передаю приблизительно: признаться, я не очень внимательно слушал Ивана Сергеевича, потому что не знал, использую ли когда-нибудь байки (но не травлю!) старого моряка.

Ансамбль выступал где-то - может быть, на палубе крейсера, может быть, на сцене какого-то театра, может, даже во дворце - в присутствии, по словам рассказчика, королевы Великобритании (теперь я понимаю, "королевы-матери", Елизаветы Боуз-Лайон). Было "Яблочко" в исполнении моряков и Ивана Дурнева, центра композиции. И таким это "Яблочко" было зажигательным, таким англичанами не виданным, что королева, опять-таки по словам рассказчика, подозвала его к себе и сказала, что... хотела бы иметь такого сына, как он! Мичману слова королевы перевели, он классно, сорвав бескозырку и подметя ленточками не то палубу, не то пол, поклонился ей, в стиле "Яблочка", и героем вернулся в строй моряков...

В рассказ Ивана Сергеевича можно верить, и вот почему. У королевы-матери не было сыновей, а было две дочери: старшая - ставшая королевой Великобритании, Елизавета Вторая. Младшая же, Маргарет-Роуз, слыла "мятежной" принцессой, она "отличалась скандальным характером, была завсегдаем лондонских ночных клубов, охотно появлялась в обществе рокеров, со стаканом спиртного и длинным мундштуком в руке". Понятно, что королева-мать жалела, что у нее нет сына, будущего короля Англии, и комплимент Ивану Дурневу, лихому моряку, ладному мужику, хотя и был придворным, но не вынужденным.

Можно рассказу и не верить. Когда Иван Сергеевич докладывал мне эту занимательную ситуацию, я машинально глянул (каюсь) на его нос-картофелину и вскользь подумал, что королевскую семью охватили бы смятение и переполох, явись в ее компанию претендент на престол с таким украшением на лице.

Ну, не буду ни на чем настаивать, никого охаивать, за что, как говорится, купил, за то и продал. Да и кто теперь меня поправит? Нет в живых ни Елизаветы, королевы-матери, ни Ивана Дурнева, мичмана-орденоносца, мичмана-плясуна...

Яков Фрейдин

Калифорния, США

Как распознать дурака?

Мой полёт в Европу был долгим, хотя и не слишком утомительным. У меня с собой на планшете было несколько книг в электронной форме, так что было чем себя занять на 10 часов пути. Вдобавок, мне повезло с соседом — рядом сидел приятной наружности господин лет 50-и, в руках у него была книга «Sapiens» израильского писателя Юваля Харари. Именно эту самую книгу я прочёл лишь пару недель назад, что дало мне повод заговорить с моим соседом — было интересно узнать его мнение. Мы немного поговорили о книге (наши мнения по ряду вопросов не совпадали — но не об этом здесь речь), потом разговор перешёл на иные темы. Мы познакомились, и мой собеседник сказал, что его профессия психология, у него свой консалтинг- бизнес. Среди его клиентов всевозможные частные компании и такие государственные организации, как NASA, Госдепартамент, ФБР и даже ЦРУ. Его задача составлять психологические портреты претендентов на некоторые критические позиции. Меня это заинтересовало, и я спросил:

— Чтобы глубоко понять человека, вам, наверное, приходится проводить с ним много времени. Полагаю, что у вас есть заготовленный список вопросов, вам приходится проверять правдивость резюме, копаться в биографии, собирать рекомендации. Я правильно понимаю?

— Во все нет, — ответил мой собеседник, — изучение резюме кандидата, наведение о нём справок, беседы с его прошлыми коллегами и вообще сбор информации — это дело работников отдела кадров. Они в таких вопросах крепкие профессионалы и своё дело знают хорошо. Моя задача другая — разобраться в том, что в резюме не написано и редко какие бывшие коллеги или знакомые способны прояснить. Мне надо понять эмоциональные и умственные способности человека: быстро ли он соображает, любит ли он работать в одиночку или в коллективе, как поведёт себя в стрессовой ситуации, умён он или глуп, честен он или врун, и тому подобные характеристики.

Со своими подследственными, будем так их называть, я стараюсь общаться в неформальной обстановке, скажем, в ресторане, на прогулке в парке или даже на пляже. Мы с ним или с ней беседуем на самые разнообразные, порой совершенно отвлечённые темы, не связанные с профессией и будущей работой: о жизни, здоровье, родственниках, друзьях, последних фильмах, что

видел, о детях, их воспитании, и т. д. Я внимательно слушаю речь этого человека, причём мне важно не столько, о чём он говорит, куда важнее — как он говорит, как при этом выглядит и как себя ведёт. То есть, какая у него манера речи, какой выбор слов, как строит фразы, какое у него при этом выражение лица, положение рук и головы, куда он смотрит, часто ли моргает, плавная ли у него речь или он перед каждой фразой должен подумать. Есть масса внешних факторов, которые большинство людей не могут сознательно контролировать, но специалисту они могут сказать очень многое. Существуют, конечно, талантливые актёры, которые, сами не обладая умом, могут прекрасно сыграть большой ум и обмануть специалиста. Бывало, и меня обманывали. Но мы о таких талантах не говорим, это особый, довольно редкий случай.

— Разве можно только по внешним факторам узнать умный человек или дурак? — спросил я.

— О да, обычно я это могу определить довольно быстро. Изредка всё можно понять лишь взглянув на внешний вид человека. Вернее, интеллектуала по внешнему виду понять трудновато, а вот явного дурака распознать бывает просто. Прежде, чем я вам объясню, как это делается, хочу подчеркнуть важное: ум — это штука не универсальная. Умный человек — он не всегда умный, а дурак не во всём дурак — в чём-то он может быть очень даже неглуп. Это особенно заметно в экстремальных случаях, когда мы имеем дело с людьми, у которых мозговые аномалии, я имею в виду аутистов. Такой человек, будучи, к примеру, полностью неприспособленным к повседневной жизни, даже шнурки на туфлях завязать не умеет, в то же время может быть гениальным математиком. Как, по-вашему, умный такой человек или дурак? Вот то-то и оно: почти во всём — дурак, а в некоей узкой области — мудрец. Но это, конечно экстремальные случаи. Тем не менее, у обычных людей примерно то же самое: по жизни они могут быть дураками, а в какой-то одной области — хорошие специалисты. Так что не стоит сразу навешивать универсальный ярлык.

Вы спрашиваете, как распознать дурака по виду? Не всегда, но часто это бывает очень просто потому, что многие дураки любят своим внешним видом объявлять всему миру, что они дураки. Хотя, разумеется, в таких терминах они о себе не думают.

— Чем же внешний вид дурака отличается от вида умного?

— Есть набор внешних атрибутов, — продолжал мой сосед по самолёту, — которые, как вывеска, сообщают всему миру: «я дурак!» Дурак любит исказить или даже менять свой облик из примитивного желания выделиться чем-то из толпы. Причём, не талантом, не умом, а именно внешним оформлением. Приведу вам самые очевидные наружные признаки дурака:

Первое: джинсы с драными коленками; красоты или эстетики тут никакой, а просто дань безвкусной моде. В прежние времена в драных джинсах мог появляться, скажем, ковбой после драки или тяжёлого рабочего дня, но, когда сегодня я вижу девчонку в джинсах с дырками на коленках, это смешно и глупо. Лично я бы такую девчонку на свидание не пригласил — она явная дура, и добавить тут нечего. Впрочем, на такую дуру всегда найдётся дурак тоже с драными джинсами, так что я о ней не беспокоюсь. Дурак дурака видит издалека.

Второе: татуировка на видном месте — на руках, ногах, на шее, вообще где угодно, главное, чтобы все видели. Если у умного человека есть интерес к графическим фигурам, так он свои художественные потуги будет изображать на бумаге или холсте и повесит на стенку, а не на своё тело. Татуировка — очень простой признак распознать дурака: чем больше наколото снаружи, тем меньше ума в голове;

Третье: Колечки и всякие блестящие булавки в традиционно непотребных местах: например, в носу, на губе, на бровях, на языке, или даже на пупке. Я имею в виду места непотребные для нашей западной культуры, хотя они могут быть вполне обычными где-то в Африке или в джунглях Амазонки.

Четвёртое: Покраска волос в неестественные цвета: розовый, зелёный или даже во всю радугу.

— Погодите, — сказал я, — это вы всё про внешний вид. А если человек выглядит нормально, без всех таких драных коленок или татуировок, он что, обязательно умный?

— Конечно нет. Я вам только сказал про самые явные признаки дурака. Но бывает, что глупость зарыта поглубже. Тут надо с человеком пообщаться на самые отвлечённые темы и его глупость станет проявляться. К примеру, при разговоре дурак очень негибок в своих суждениях, у него нет сомнений в своей правоте, таких мы называем «упёртыми» или «твердолобыми». Дурак станет спорить по пустяковому поводу, непрерывно повторяя одни и те же слабые аргументы или для убедительности ссылаясь на авторитеты. Чтобы при разговоре распознать дураков обращайтесь внимание на их пристрастия. Если их интересы ограничены, скажем, спортом и это единственное, о чём они говорят — тут интеллектом и не пахнет. Глупые люди практически лишены любопытства. У них нет желания докопаться до сути вещей, они довольствуются поверхностным. Дураки не задают вопросов. Они не умеют слушать или предпочитают этого не делать. Они обычно не читают книг, особенно нехудожественных. В кино или на ТВ предпочитают боевики с драками или слезливые мелодрамы. Глупые люди неразборчивы в знакомствах, а среди их приятелей вы не найдёте умных людей. Дураки часто бывают ленивы, не умеют самостоятельно анализировать события и не подвергают сомнению общепринятое, избегают фактов. И главное: они мыслят эмоционально, а не рационально. Как видите — есть масса признаков дурака.

— Хорошо, с дураками менее-более ясно, а есть ли способы распознать умного человека?

— Безусловно есть, только умного распознать сложнее, хотя люди моей профессии это умеют делать довольно хорошо и тоже по внешним признакам — мы внимательно наблюдаем за тем, что называется «языком тела». Как и при распознавании дурака, для умного человека тоже есть целый набор признаков.

Первый признак умного человека — хорошая осанка. Она косвенно выражает самодисциплину, умственный самоконтроль и открытость. Скрещённые на груди руки — признак неуверенности в себе и закрытости, а вот если человек в разговоре двигает руками и делает жесты — это признак живости ума, уверенности в себе и способности убеждать. Ещё один знак языка тела, который часто свидетельствует о высоком интеллекте — наклоняться во время разговора. Это едва уловимое движение тела вперёд

показывает живой интерес к тому, что говорит собеседник. Умные люди от природы любопытны и жаждут знаний. Они склоняются, чтобы показать свою вовлеченность и желание узнать больше, будь то новости политики, науки или просто интересный анекдот. Наклоняясь вперёд, вы также создаёте ощущение близости и связи во время разговора, будто говорите: "Я полностью здесь, с вами, поглощён нашей дискуссией". Поэтому в следующий раз, когда кто-то наклонится к вам во время разговора, это может быть признаком того, что вы общаетесь с интеллектуальным человеком, который ценит ваши мысли и идеи.

У людей умных очень выразительные лица, при разговоре на их лицах видны чувства и эмоции. Повышенная выразительность показывает их живой интеллект и страсть к знаниям. Самый чёткий признак живого ума — уверенный, открытый взгляд. Такие люди смотрят в глаза собеседника и внимательно слушают. Умные люди при разговоре не боятся смотреть вам в глаза, потому что уверены в своих мыслях и идеях и знают цену подлинному человеческому общению. Взгляд в глаза собеседника показывает уважение, понимание и участие — все это признаки острого ума. У людей умных обычно хорошая память, широкий кругозор, разнообразные интересы и тяга к творчеству.

Есть ещё одна интересная черта у интеллектуальных людей — они часто кивают в знак согласия во время дискуссий или просто разговора. Кивок — это не просто автоматическая реакция. Это мощный сигнал, говорящий о понимании, сочувствии и вовлеченности. Он говорит: "Я здесь, с вами. Я понимаю и ценю то, что вы говорите". Так ведут себя умные люди, они понимают ценность кивка. Это их способ подтвердить мысли и чувства собеседника, дать ему почувствовать, что его слышат и уважают. Поэтому в следующий раз, когда вы встретите человека, который задумчиво кивает во время разговора, знайте, что вы, скорее всего, общаетесь с по-настоящему умным человеком.

И ещё. Умные люди часто улыбаются, легко и искренне. Это улыбки, при которых морщатся глаза, показываются зубы и которые излучают тепло и позитив. В нашей профессии даже существует термин для обозначения такого типа улыбки: "улыбка Дюшена", названная в честь французского анатома XIX века, изучавшего признаки эмоций на лице. Напротив, фальшивая «панамериканская» улыбка — это вежливая, искусственная улыбка, которую люди надевают, когда думают, что это входит в их обязанности (например, стюардесса или продавец в магазине), или когда они чувствуют себя неловко или неуверенно (как американская вице-президент Камала Харрис). А вот умный человек будет улыбаться не только ртом, но и всем лицом. Если вы встретили человека с улыбкой, которая не только на губах, но и в глазах, велика вероятность того, что он более умён, чем большинство других.

Когда будете смотреть телевизор, наблюдайте за языком тела политиков и примените к ним то, что я вам сейчас рассказал, и вы поймёте, кто из них умён, а кто нет, кто искренен, а кто врун. Наблюдайте, к примеру, за Трампом. У него очень выразительные внешние признаки, прямо хоть вставляй в учебник по «языку тела»; поэтому Трампа легко анализировать. Я много наблюдал, как он себя ведёт при разговорах либо с одним собеседником, или на трибуне, когда вещает на толпу. У него очень живое лицо, он много жестикулирует обеими руками, всегда смотрит в глаза собеседника, слегка наклоняется вперёд, внимательно слушает, не

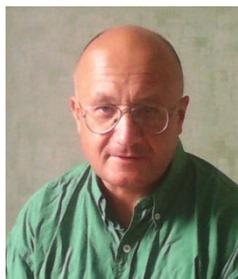
перебивает, при построении фразы старается подобрать правильные слова. Он очень хорошо чувствует собеседника и подстраивается под него — с простыми людьми из американской глубинки он будет говорить незатейливым языком на их уровне и совсем не так, когда беседует, скажем, с опытным журналистом или политиком. Я пришёл к выводу, что он говорит то, во что сам твёрдо верит, умеет анализировать факты, быстро соображает и не избегает сложных вопросов. Иными словам — он умён и искренен, хотя часто недипломатичен, несдержан и резок в проявлении своих эмоций. Но это не характеристика ума, а свойство нервной системы. Я не говорю, что являюсь его политическим сторонником или противником, просто делаю профессиональный вывод на основе психологического портрета.

— А Байден, как вы читаете его «язык тела»? Он умён или нет?

— Я не стану его анализировать, он не по моей части. Этот человек с признаками деменции, а в таких случаях надо обращаться не к психологу, а к психиатру или геронтологу — улавливаете разницу?

Юрий Токарь

Украина

Птичье молоко

Днепропетровск семидесятих годов прошлого, то есть двадцатого столетия, это для меня - город детства. Естественно, что события в нём тогда происходящие, те, которые так или иначе пересекались с дорогой, или тогда ещё только дорожкой моей жизни, врезались в память и многие из них вычеркнуть оттуда уже не представляется возможным. Одно из них связано с заветной коробкой шоколадных конфет или, точнее, с ассоциацией, возникшей благодаря упомянутой дефицитной коробке "Птичьего молока". Именно так назывались дразнящие малышей, да и не только, произведения кулинарного искусства, являющие собой необыкновенного вкуса, почти невесомые, белые, ненавязчиво-сладкие помадки в молочном шоколаде. Представили ? Нет.

Если Вы их не пробовали, то описание конфет окажется бессильным. И сейчас в Украине можно приобрести в магазине сладости с таким же названием, но, собственно, только оно и сохранилось, а вот вкус того "Птичьего молока" исчез, как исчезает детство.

Но сейчас речь не о загадочных рецептах, воплотившихся в тайнах вкуса, скрывающихся в покрытой тонкой целофановой плёнкой тёмно-коричневой

картонной коробке, на которой крупные золотые тиснёные буквы рождали словосочетание: "Птичье молоко", а о людях.

Вы помните первую несправедливость, с которой столкнулись в жизни? Сколько вам тогда было ? Семь ? Двенадцать ? Может больше ? А со сколькими различными несправедливостями встречались потом ? А сами их творили? Все мы не безгрешны... Но вот первое неестественное, неправильное, на ваш взгляд, чьё-то действие, слово, или, может, даже злую улыбку, против чего протестовала, пусть и молча, вся ваша сущность, вы, вероятно, запомнили.

В один из зимних, каникулярных дней меня, семилетнего, мама моя, учительница младших классов, с которой мы жили только вдвоём, разбудила неожиданно рано и сообщила, что нам с ней очень повезло и тётя Света, давняя её подруга, будучи депутатом районного совета (бр-р-р, тогда я мог произнести этот ряд слов лишь неосознанно) пообещала провести нас на сессию народных избранников. Что такое сессия, я, конечно, не представлял тогда, но смысл слова «депутат» осознал - как что-то, относящееся к людям не простым, а очень уважаемым.

Сорокапятилетняя моя мама собралась ещё до того, как подняла с кровати меня. Она надела розовое, однотонное, но красивое креплённое своё платье, которое обычно носила только по праздникам. Мне же надлежало облачиться в мой любимый синенький костюмчик, тщательно выглаженный с вечера, подарок бабушки Шуры... О !... Тройродная или даже четырёхродная (всегда путался) моя бабушка Шура, которую мне доводилось видеть только на фотографиях !

О ней здесь вспомнить необходимо. Она, девушкой, во время Второй мировой войны была угнана немцами из Советского Союза в Германию на принудительные работы, но после мая 1945 года домой не вернулась, а уехала в США со своим другом, поляком по национальности, с которым они встретились на тех самых работах в Рейхе.

По теперь мне понятным причинам, но в детстве совсем не ясным, в СССР после войны она не приезжала никогда, но с некоторыми своими родственниками, в том числе с моей мамой, переписывалась. А незадолго до того, как я пошёл в первый класс, прислала нам даже небольшую посылочку и в ней костюмчик, очень мне понравившийся. Вот якорёк только жалко. На лацкане пиджачка имелась аккуратная треугольная кожаная вставочка с маленьким золочёным якорьком, но когда я первый раз появился в школе в своей обновке, учительница объяснила моей маме, что с якорьком на уроки нельзя.

Я долго не мог понять, кому мешал маленький позолоченный корабельный символ, но на следующее утро якорька на лацкане уже не было, а когда через несколько дней меня и всех моих одноклассников приняли в октябрюта, на кожаной вставочке засияла октябрютская звёздочка с изображением головы Володи Ульянова.

Вот в этом костюмчике я и отправился с мамой за коробкой конфет "Птичье молоко ". Читатель может уточнить: "Так вы же вроде на депутатскую сессию собирались?".

Сессия, то есть собрание, как я потом понял, являлась для моей мамы возможностью оказаться в депутатской очереди за дефицитной коробкой конфет, которые купить в обыкновенном магазине было до нереальности сложно, а вот в депутатском буфете - без проблем.

Неискушённый, то есть не живший в СССР, человек может спросить: "Разве в те времена в магазинах не продавались конфеты?"

Продавались, но в основном дешёвые леденцы, кстати, очень вкусные, и, вообще, с хлебом и колбасой в Днепропетровске в те времена перебои не наблюдались, а вот приобрести шоколадное "Птичье молоко" в коробке – это было чем-то запредельным.

Понятно, что никто мне причину такого положения дел объяснить не мог, да никто и не пытался. А вот на мой вопрос касательно бабушки Шуры, когда я спросил у мамы, почему она из-за границы не приезжает к нам в гости, ответ, удовлетворявший меня аж до тех пор, пока я не повзрослел, мною был получен:

- Понимаешь, Юра, - задумчиво и серьёзно сказала мама, почему-то внимательно посмотрев в потолок, - в Америке очень плохие автомобили и они не способны ездить по нашим дорогам, потому бабушка Шура никак не может к нам приехать.

- А...,- понимающе кивнул я, отметив для себя отсталость заморского государства.

Не могла же мама говорить мне, семилетнему, о "железном занавесе" и тонкостях политики.

На депутатскую сессию, проходившую в небольшом уютном и тёплом здании студенческого клуба, расположенном в городском парке, на который медленно опускались крупные январские снежинки, тётя Света нас провести смогла, несмотря на отсутствие депутатского удостоверения у мамы.

Но выяснилось, что буфет откроется только во время перерыва, и таким образом два часа я слушал выступления уважаемых людей, сидя в мягком кресле рядом с мамой, не вникая безусловно в то, о чём говорили со сцены, а лишь всматриваясь в кажущиеся почему-то скучными лица сидящих в зале мужчин и женщин. Рассматривая тогда депутатов, возможно, где-то на детско-посознательном своём уровне я пытался понять, чем же люди в зале отличаются от простых (ведь они-то не обыкновенные) жителей Днепропетровска, но ответа на этот вопрос не нашёл.

И вот прозвенел наконец звонок, как в школе. Начался перерыв, и народные избранники толпой, а другое слово подобрать сложно, ринулись к буфету, находившемуся в подвальной части клуба, под залом заседаний. Через несколько мгновений в очереди к прилавку оказались и мы с мамой. Помню, удивился тогда, что депутаты такие сладкоежки. Все, кто стоял перед нами, брали по две-три коробки "Птичьего молока", а стопки этих самых упаковок на прилавке стремительно уменьшались.

И тут подошла наша очередь. Мама уже протянула деньги кассиру, чтобы заплатить за одну коробку конфет, но тут властная рука женщины-депутата, стоявшей за нами, оттолкнула руку моей мамы и народная избранница визгливым голосом обратилась к буфетчице:

- А пусть эта женщина с ребёнком покажет своё депутатское удостоверение. У неё же нет значка на одежде, может, она и не депутат вовсе, а ведь "Птичьего молока" на всех не хватит.

И только после этих слов я заметил, что действительно у всех стоявших в очереди имелся значок, но не такой маленький, как мой, исчезнувший с костюмчика якорёк, а несколько больший по размерам, в виде развёрнутого флажка.

Мама моя растерялась и не знала, что ответить, а крикливую депутатшу сразу же поддержали несколько её коллег, зашикав на нас:

- Пусть уходят.
- Это простые люди.
- Как они сюда попали ?
- Надо позвать милиционера, пусть выведет их на улицу.

А я ошарашенно смотрел на возмущённые лица и не мог понять, что происходит и почему нам с мамой не должно достаться "Птичье молоко".

Милиционер нас из здания не выводил. Мы с мамой, на лице которой заискрились слезинки, сами пошли в гардероб. Я надел моё клетчатое зимнее пальтишко и чёрную кроличью шапку-ушанку, а мама своё длинное многолетнее пальто вишнёвого цвета, и мы молча вышли на заснеженную площадь перед клубом. Вышли и остановились, перевести дух, наверное. Я почти по-взрослому ничего не спрашивал. Чувствовал, по-видимому, что ни о чём в те минуты спрашивать у мамы и не стоило. А она просто крепко держала меня за руку и смотрела куда-то вдаль, мимо сосен, тесно окружавших студенческий клуб.

И вдруг мы услышали, как за нами хлопнула входная дверь клуба, а обернувшись, увидели вышедшего или даже выбежавшего из здания высокого лысоватого мужчину лет пятидесяти, в хорошо сидящем на нём чёрном костюме, белой рубашке с тёмно-синим галстуком, обутого в начищенные до блеска чёрные кожаные ботинки. На лацкане его пиджака в солнечных лучах блестел депутатский значок. В руках он держал коробку "Птичьего молока" и, подойдя к нам, обратился к маме:

- Женщина, возьмите, пожалуйста. Это вам.
- Мне? - удивилась она.
- Вам! И денег не надо. Это подарок от Деда Мороза для вашего малого, - ответил депутат, кивнув в мою сторону.
- Как же так? Я должна заплатить за конфеты.
- Нет, нет, даже не вздумайте. Держи, - обратился он уже ко мне, сунув в мои руки заветную коробку, которую я, не отказываясь, быстро, но осторожно прижал к туловищу, провожая взглядом торопливо зашагавшего по снегу назад, к зданию клуба, мужчину.
- Человек, настоящий человек, - тихо и медленно проговорила мама, тоже смотревшая вслед народному избраннику.

Какой я тогда сделал вывод из этой истории? Наверное, такой же, как и читатели, - что все люди разные, а степень человечности не определяется наличием или отсутствием значка на лацкане.

Детский Альбом

Илья Репин. Портрет дочери Нади. 1881

Борис Пукин

США

Моя собачья жизнь

Здравствуйте! Меня зовут Чабби. Я стар и болен кучей болезней, но в душе - я юнец. Всю сознательную жизнь я хотел поделиться своими воспоминаниями, но, как-то не решался, да и не с кем было. Кому интересны душевные излияния пса? Теперь же, почувствовав, что жизнь моя вышла на финишную прямую, я наконец решился на этот шаг. Вот, включаю диктофон... слушайте..., если, конечно, кто-то когда-то меня услышит.

Родился я двадцать восьмого апреля тысяча девятьсот девяносто четвёртого года (Боже мой! В прошлом веке!) в городе Нью-Йорке.

Вместе со мной на свет появились четыре брата такой же, как и я, чёрной масти, и одна, красного цвета, сестра. У отца моего характер был лютый. Он ненавидел всех и всё, считая себя хозяином округа, чего у нас, на Статен Айлэнде, – вотчине мафии, делать нельзя: здесь у каждого хозяина есть свой босс. Вот и посадили моего будущего папочку на цепь, но однажды он с неё всё-таки сорвался, набросился на юную собачонку, сделал своё чёрное дело - и помчался за машиной, которая ему чем-то не угодила. Итог – перелом задней лапы; так он и остался хромым цепным псом до конца своих дней.

А вот моя мама всю жизнь оставалась эталоном доброты. Она напоминала мне застенчивую гимназистку конца девятнадцатого века, посвятив себя детям и заботе о покалеченном непутёвом муже. Вас, наверное, заинтересует, откуда я всё это знаю о моих родителях. А всё очень просто: по ночам, когда летом в домах открыты окна, вы часто можете слышать собачий лай и кошачьи мявки – это наш интернет. Мы – животные, общаемся мозгами и голосом, а не пальцами и кнопками, как вы, человеки.

В семье моего будущего Хозяина было горе: в достаточно молодом возрасте от сердечного приступа восьмого июня девяносто четвёртого года умер Герд, мой. Предшественник. На следующий день в местной газете появилось объявление о продаже щенков, то есть о моей и моих братьев и сестры. На следующий день вечером в нашем доме появилась семья из трёх человек: мама, папа и он - мой будущий Хозяин.

Нас выпустили в комнату на ковёр, и в этот самый момент его глаза встретились с моими. Мы мгновенно сделали наш выбор. Я подбежал (если это можно было назвать бегом) к молодому парню, пожевал шнурок его обуви и облизал носок башмака. Это была метка, что означала – я твой! Мой будущий Хозяин вытащил из маминой сумочки пузырёк с белым лаком для ногтей и

мазнул им кончик моего уже обрезанного хвостика. Люди – странные существа! Зачем он это сделал? Я бы узнал его из миллиона без всяких мазков... Забрать меня должны были через три недели, но мы уже не могли существовать друг без друга, и через неделю я, облистав мамин нос, покинул место своего рождения и отправился на машине в его дом.

И так разрешите представиться ещё раз. Моё полное имя, зарегистрированное в штате Нью-Йорк, Лорд Чабс, я - Доберман Пинчер. Как положено по экстерьеру, хвост мой был уже подрезан, а вот ушами ещё предстояло заняться. Для нас, Доберманов, подрезка ушей - это что-то вроде удаления зуба для человека. Процедура, мягко говоря, жуткая, но ничего не поделаешь – я должен выглядеть злым красавцем. Но как я могу выглядеть злым, когда я всего двадцать пять сантиметров длиной (или один фут, если вы предпочитаете английскую систему измерений) и голос мой скорее напоминает осипшего мышонка, чем Страшила. А теперь самое главное: когда я вошёл (меня скорее внесли) в мой новый дом, первое, что я почувствовал – это то, что дом этот пах любовью и добротой. Я, конечно же, не слизняк и не желал родиться болонкой. Я - Доберман... и вдруг такое вот чувство?!

... Не найдя ответа, я оставил обсуждение этого вопроса на потом. А пока что я стоял на коврик у стенного шкафа с приоткрытой дверцей, откуда вкусно пахло ношеной обувью. Не долго думая, я сунул нос в щель и, ухватив первый попавшийся башмак, вытянул его наружу. Этим башмачком оказалась тапочка мамы Хозяина. Лизнул я пятку той обувки - и у меня от удовольствия закружилась голова.

Боже мой, какой это был цимес («прелесть» - откуда я знаю это еврейское слово?), но я тут же осознал, что буду немедленно наказан за содеянное и, укусив носок башмака, я уселся на бок попы и, склонив голову влево, посмотрел на женщину. Она же, к моему удивлению, сказала сыну: «Лёва, пусть он грызёт этот старый тапок, он ведь всё равно весь рваный, а у меня есть новая пара». Так я узнал, что моего босса зовут Лёва, но для меня он на всю жизнь остался Хозяином. Отец Лёвы, огромный дядька почти до потолка ростом, стоял в стороне и чему-то улыбался. Вот тогда я по-настоящему почувствовал, что в этом доме, который теперь и мой тоже, мне будет хорошо и тепло. Я был прав – в доме пахло счастьем, уютом, ну и ещё немного с кухни веяло вкусным запахом котлет.

Пока люди умиленно смотрели, как я грыз старую тапочку, которая, честно говоря, мне уже изрядно надоела, я подумал себе, что хватит возни с обувью и, бросив тапку в сторону, я пошёл к лестнице, ведущей на второй этаж. Объясню – это для вас, человек, прошло всего пять минут моей возни с тапочкой, а для меня по-моему, собачьему, времени прошло целых тридцать пять минут! Уяснили? Итак - я у лестницы.

Вообще-то, для нас, Доберманов, лестница - это камень преткновения, но тут во мне проявился характер моего папаша, который ничего и никого не боялся (к сожалению, не от большого ума). Я потянул носом воздух – сверху пахло местом, где люди спят, и я стал бесстрашно карабкаться вверх по ступеням. Слава Богу, они были покрыты ковром, за который я цеплялся коготками, а то моему восхождению была бы хана.

Достигнув второго этажа, я повернул морду (увы, у собак нет лица, а только морды – и это чрезвычайно печально) и, встав в позу горного козла, уставился на жильцов дома. Хозяин и его родители удивлённо смотрели на меня, не

понимая, как это я отважился взойти по лестнице на второй этаж, ведь мы, Доберманы, боимся этого «упражнения», как огня. Ну и покуда они стояли с раскрытыми от удивления ртами, я отправился осматривать, как я думал, свои будущие владения. В маленькой спальне места для меня не было; в комнате Хозяина, кроме мебели, пол был усеян одеждой, книгами, обувью и другим барахлом, что мешало мне даже войти в неё, не то, чтобы найти себе место.

А вот в спальне Лёвиных родителей я сразу облюбовал себе уголок у двери: здесь было уютно и до полудня солнечные лучи обогревали бы моё, как я думал, будущее жилище. Ко всему здесь хорошо пахло чистым постельным бельём и рядом было два туалета – один для людей и второй для меня, в котором я буду пить воду из унитаза, когда, как вы сами понимаете, подрасту. Размечтавшись, я свернулся калачиком в «своём уголке» - и задремал...

Оторвал меня от столь приятных мыслей громкий хлопок свёрнутой газеты по ладони. Рядом со мной стоял Хозяин. Он ещё раз ударил свёртком по ладони и так же хлётко сказал: «Нельзя! Место!» - и пошёл в сторону лестницы, строго глядя мне в глаза. Я сделал вид, что не понял, чего от меня хотят, но не тут-то было. Хозяин взял меня пальцами за ошейник и потянул за собой.

Мы – Доберманы, умные твари, и я, поняв, что проиграл, заковылял к лестнице. Лёва пропустил меня вперёд и скомандовал: «Вниз!». Вот тут начались мои проблемы: идти вниз оказалось намного труднее, чем карабкаться вверх. Боком, на попе я, кое-как сполз до середины лестницы и ... остановился - мне вдруг стало страшно. Хозяин, как бы дразня меня, легко сбежал вниз по ступеням и поманил пальцем, мол давай, давай, не тяни время.

Я заставил себя собраться, сделал шаг вниз и, потеряв равновесие, съехал на пузе к ногам Лёвы, ухватившись за его тапочку, совершил кувырок и приземлился пузом вверх у стенного шкафа. Люди, увидав мой «цирковой номер», смеялись до слёз, а мне стало так стыдно – прямо не грозный Доберман, а какой-то котёнок. Разрядил обстановку Хозяин. Сказав: «Чабби, пошли, я покажу тебе твоё настоящее место», и повёл меня на кухню. Не могу сказать, что я был в восторге от моего нового места жительства, что находилось между стеклянной дверью на террасу и газовой плитой.

Да, там было тепло; да, это была солнечная сторона до часу дня; да, там вкусно пахло едой; но место это было далеко от комнаты Хозяина и мне стало очень грустно. Почему люди выбирают себе дома и мебель по вкусу, а мы – собаки должны обитать там, где нам прикажут? Стоп! Я – собака и должен подчиняться человеку! Кто придумал эту бяку? Люди говорят, что так наказал Бог. Кто такой этот Бог? Не знаю я никакого Бога! Не знаком! Но есть Хозяин и он сказал, что это моё место – значит, это будет мой угол. Всё! Я так решил – так оно и будет! Устав от этих треволнений, я свернулся калачиком на подстилке, что принёс Лёва, и сладко (как скажут люди) задремал, прикрыв нос лапкой.

Вы, люди, когда женитесь, довольно долго «притираетесь» друг к другу; так же и мы – собаки, только нам надо привыкать не к себе подобным, а к вам - человекам. Редко, когда у владельцев собак бывает желание «притереться» к животному. Мне в этом смысле очень повезло: и Хозяин, и его мама, и даже этот Громила-Мужик с первого дня моего пребывания в доме старались найти со мной контакт. У меня даже сложилось такое впечатление, что они частенько

забывали, с кем имеют дело, и сюсюкали со мной, как с котёнком, а я – Доберман.

Первая ночь на новом месте прошла беспокойно: я долго не мог заснуть, а когда проваливался в дрему, мне снилась мама и, просыпаясь, я громко скулил, не давая обитателям дома покоя. Скорее бы уже повзрослеть, прекратить распускать нюни и.... мочиться на подстилку. Мне стало стыдно, и я даже покраснел от этих мыслей, но люди, к сожалению, не видят, как собаки краснеют. А, может быть, это к лучшему.

На второй день утром я пошёл в школу. Нет, конечно же, не так, как ходят в школу дети; мой Хозяин начал меня учить правилам этикета. Другими словами, он начал меня обучать, как сидеть, как лежать, как ходить, как когда кушать и пить, как и когда справлять нужду и прочая, и прочая... Приказы он повторял два, а то и три раза, и это частенько меня задевало. Мы, собаки, особенно Доберманы, очень умные существа, и мне не нужно повторять команду несколько раз, просто нужно посмотреть в глаза - и вы сразу увидите, что я всё понимаю, просто иногда мне не хочется подчиняться, а хочется пошалить да поиграть, ведь жизнь - то у нас в семь раз короче, чем у вас, человек.

Да, и ещё одно замечание: нам не нужен Универсальный Переводчик, как в телевизионных сериях "Звёздная Дорога", мы понимаем все языки, ведь самое главное - это не то, что вы нам говорите, а как вы это делаете. Так вот, когда вы, человеки, доходите до этой элементарно простой истины, тогда и кончаются все проблемы между вами и нами. Ну, так вот, моя учёба началась с того, где мне можно мочиться и справлять большую нужду.

Лёва отгородил участок кухни размером метр на метр, застелил его газетами и сказал: «Здесь ты можешь справлять любую нужду». Хочу заметить, что, по моему, учитывая какую дрянь печатают в прессе, газеты были использованы по их прямому назначению. Ну, так вот, я, слегка склонив голову на бок, поднял взгляд на хозяина, как бы вопрошая: «Ты хочешь, чтобы я написал на пол, застланный газетой?» - и, не увидев отрицания в его взоре, смачно помочился на портрет губернатора штата Нью-Йорк. Мы – Доберманы, никогда не были и не будем либералами, это наше политическое кредо, если хотите. Почему кошкам ставят специальные поддоны с песком для справления нужды, а мы должны начинать с газеты на полу? Абсурд! Тем не менее я вежливо отошёл к оградке и улёгся возле неё, напевая про себя слова песенки из фильма «Айболит бб» - «... нормальные герои всегда идут в обход...»

Мы – собаки - просыпаемся от каждого шороха - и посему очень много думаем «за жизнь» в ночной тиши. Мой предшественник Герд частенько общается со мной из нашего собачьего рая. Да, есть и такое место, как рай животных, но вам, человеку, этого не понять. Герд прожил очень короткую жизнь, но жизнь полную любви и покоя. Гердушка, как называл его Человек-Гора, был пёс редкой красоты и интеллекта.

Огромный мужик, которого Хозяин зовёт папой, величал Герда интеллигентом и говорил, что эта собака должна была жить в Букингемском Дворце и большую часть времени красоваться у камина с одной согнутой в коленке лапой, а по вечерам созерцать королевскую семью, обсуждающую мировые проблемы с бокалами портвейна в руках. Волей судеб Герд прожил свою жизнь в Нью-Йорке в семье эмигрантов из Союза, но ни секунды об этом не пожалел.

Лёвин папа, по натуре своей очень мягкий человек, но он такой большой, что называть его папой, как-то странно, ему, скорее, подходит слово отец. Наверное, поэтому мой Хозяин называет его мягко «Отеса». Так вот, Человек-Гора окрестил меня Ломоносов и говорил при этом, что я сельский, неотёсанный, но очень умный грубиян. У главы этой семьи всегда существует своё мнение по разным поводам, которое не приемлют члены семьи, и друзья и порой даже смеются у него за спиной, просто считая его недоумком. Но! Он человек, у которого есть своё мнение, и это уже чего-то стоит. Да, надо бы не забыть спросить у Герда, кто такой этот Ломоносов, мои родители никогда не упоминали это имя... Пожалуйста, поймите, что я попал из дома простолюдинов в обитель образованных людей. Вы только послушайте, как я уже излагаю. Вау!

Что-то у меня разболелась голова, пойду полежу на террасе и погрею её на солнышке, нам, собакам, это помогает лучше, чем лекарства от головной боли людям... А? Что? Где я? Ах, вот я проснулся. Солнце уже ушло на другую сторону дома; голова прошла. Сколько же я спал? Почти два часа, ого! Да, я сильно постарел. Ну да ладно, чего уж там судить-рядить, продолжу-ка я лучше диктовать свои воспоминания. Включаю диктофон, ну, поехали...

... Итак, мой Хозяин начал моё образование с умения мочиться и делать всё прочее на газету. С каждым днём размер пола, покрытого свежими новостями, уменьшался, и я старался справлять нужду точно по середине «Зоны Обстрела». Это напоминало мне прыжки парашютистов затычным способом, чтобы приземлиться точно в центр круга. Только разница была в том, что парашютисты управляли куполом руками, чтобы ноги попали точно в цель, а я должен был управлять всем телом, чтобы струя из моего мужского достоинства попала на портрет губернатора или самого президента. М-да... и вот настал день, когда Лёва вывел меня первый раз на улицу.

Б-же мой! Сколько новых запахов! Все их надо постараться запомнить и отметить в местах нашего собачьего общения, а у меня не было столько мочи. Вот тебе, Чабби, и первый урок: надо побольше пить и подольше терпеть, чтобы оставить сообщение новым знакомым, типа «здесь гулял Доберман Пинчер по имени Лорд Чабс, прошу всех иметь это в виду». Из-за дефицита жидкости пришлось поваляться на травке и, потерявшись, оставить свой запах, чем Хозяин был очень недоволен и резко бросил мне: «Чабби, осторожно - клещи!» Да, я знаю всё об этих «милых жучках» от мамы и папы. В ответ я твякнул, что означало: «Больше не буду», - и мы пошли домой.

Прошло несколько недель, и мы отправились к собачьему доктору-садисту, который занимался обрезанием ушей. Да, такова наша доберманова участь – обвислые от рождения уши должны быть высокими, ровными с острыми кончиками и обязательно должны стоять. Чтобы это произошло, их необходимо подрезать. Сейчас я всего лишь вспоминаю об этом - и мне уже больно. Только мы вошли в приёмную инквизитора, как я увидел одного из своих братьев и сестру. Было много радостной возни под стульями, на которых восседали наши Хозяева. Мой брат хоть и любитель поболтать, по натуре чрезвычайно застенчив, а вот сестра – эдакая красotka красного цвета с не совсем уживчивым характером: я так ей и сказал: «Тебе не надо выходить замуж – ты сразу готова стать тещей».

Вообще-то мы, Доберманы, не имеем права ничего бояться, но предстоящая процедура, а, скорее, незнание того, как она будет проходить, взволновали

меня до такой степени, что я помочился под стулом Хозяина. «Вот тебе баба и Юрьев День!» - это такая старая русская поговорка. А откуда я её знаю? Вероятнее всего, наследственная информация; кто-то из моих предков жил в России. Мои философские раздумия прервал голос медсестры: «Лорд Чабс, заходите, пожалуйста, в кабинет». Перед глазами поплыли тёмные круги, и я, покачиваясь, медленно пошёл в инквизиторскую.

Дальше ничего не помню, а, точнее, не хочу помнить... Очнулся я в комнате, расположенной рядом с операционной; на голове у меня возвышалась странная конструкция из металла и бинтов, а на шее был надет воротник, похожий на те, что в шестнадцатом веке носила английская королева и придворные дамы. Увидев своё отражение в зеркале, я затрясся от ужаса, что мне подрезали не только уши, а ещё и моё мужское достоинство, но обнюхав себя и не обнаружив никаких изменений в области живота, немного успокоился. Не хочу больше ничего рассказывать о четырёх неделях мучений с Пизанской Башней на голове (вы же понимаете, что мои четыре недели это ваши полгода), а только замечу, что хирурга, который делал мне «обрезание», я возненавидел.

После того, как с меня сняли «головной убор» и воротник, уши мои выглядели превосходно – теперь я полноценный Доберман! Люди на улице, когда я выходил на прогулку, обращали внимание на мой экстерьер и одобрително кивали головами, а дома, в отместку моему учителю-хирургу, я иногда сгибал одно ухо, как бы говоря доктору: «Смотри на свою работу, шлимазл, и не очень-то ободряйся результатом!» Как будто он мог меня видеть или слышать. У нас, знатоков словесности, это называется «показать фигу в кармане». Вы только подумайте, я уже знаток словесности! Как говорил Мужик-Гора: «Он такой умный, потому что живёт напротив школы, и ум просто кусками отваливается». Время шло, я рос и постигал науки, которыми меня беспрестанно пичкали жильцы нашего дома. О, уже нашего дома, того и гляди, я скоро причислю себя к хозяевам сего жилища. Вона как!

Жил я в обществе консервативных республиканцев и, конечно же, не мог иметь либеральные взгляды на жизнь, но всё же иногда меня раздражали некоторые ситуации. К примеру: Мужик-Гора частенько смотрел вечерние новости на CNN, низкопошибном либеральном телевизионном канале, как он говорил, – это помогало ему понять идеологию врага. Или вот вам ещё одна хохма: мой Хозяин настоятельно требовал, чтобы я по команде «рядом» шёл по левую от него руку. Ну а что, если я левша? Вас же не заставляют в школе писать правой рукой, если вам удобнее всё делать левой.

В общем-то это меня не касалось, я – правша, но «за державу обидно», как говорил актёр Павел Луспекаев в фильме «Белое Солнце Пустыни». Замечательный фильм – в нём превосходно играют лошади. По статистике, двадцать процентов Доберманов левши, так какво же им переносить эти издержки Демократической Диктатуры? Что касается меня, я ходил по левую сторону от Хозяина с гордо поднятой головой, грудью вперёд, уши вверх – природа статью меня не обидела, и, когда мне исполнилось девять месяцев, я начал замечать, что прохожие, идущие по тротуару нам навстречу, стали переходить на противоположную сторону улицы. Почему бы это? Наверное, человеки пугались Мужика-Горы, который чаще других гулял со мной по вечерам.

Я больше не приседал под кустиком, чтобы оставить «написанное» мной сообщение друзьям, а лихо с разворота поднимал заднюю лапу и оставлял свой автограф на стволе дерева. Как-то в канун Нового Года Мама-Галя, подойдя к окну, сказала мужу: «Посмотри на улицу, какой снег валит». Про снег я ещё ничего не знал и увидел его впервые. С неба летели огромные хлопья чего-то белого, похожего на кусочки ваты, что сыпется из моего спального диванчика, который мне купили вместо подстилки, когда я ухитрюсь его надорвать. Мы – Доберманы, очень любим жевать и рвать тряпки: я, например, обожаю жевать, кусать и тянуть нитки из куска толстого каната, который подарил мне Хозяин. На улице быстро темнело – наступило время моего обеда, и я пошёл на кухню к своему столу, чтобы напомнить Гале про мой пустой желудок.

Да, у меня был свой обеденный стол с двумя мисками: для еды и для воды. Съев половину порции, я отошёл в угол и лёг на свой диван. Мне почему-то стало грустно и пропал аппетит. Хозяина не было дома – он умотался к друзьям встречать Новый Год, совершенно забыв про меня. Я не нуждаюсь в шампанском, но хорошая компания, такая, к примеру, как мой Хозяин, не помешала бы. Хорошенькая перспектива для меня, скажу я вам, встречать такой праздник со стариками. Настроение у меня было никудышное, и я решил подпортить вечер Человеку-Горе: подошёл к креслу, в котором он восседал, уставившись в экран телека, сел напротив и заскулил. Он сразу понял, что мне надобно на улицу по нужде. Чертыхнувшись, он нехотя поднялся с кресла и пошёл напяливать на себя куртку и бахилы для прогулки. Я послушно подставил шею с ошейником, и он, ловко пристегнув поводок, открыл входную дверь... Что произошло потом мне стыдно вспоминать, но я обязан это сделать.

И так, входная дверь отворилась, и я увидел и почувствовал запах снега. Он уже не падал с неба, а лежал на земле; за пару часов сорок сантиметров этой бяки, и я должен был пробивать себе дорогу к улице грудью, как бульдозер отвалом. Десять минут я боролся с этим безобразием, пока добрался до первого дерева, чтобы оставить на нём свою метку. Я поднимал заднюю лапу и так, и эдак, дабы передать правильное сообщение соседям о моём здоровье и настроении, и конечно же, поздравить с Новым Годом, но почерк был очень неровным со множеством ошибок. Мне тут же вспомнился анекдот, который я недавно слышал от Бори: «Как-то утром под окнами Лувра на снегу было написано мочой «Король дурак». Его Величество вызвал к себе главного сыщика и приказал выяснить, кто это сделал.

Вечером того же дня следователь сообщил Королю, что по анализу мочи – это немецкий посол, а по почерку – Королева». Ха! Вам, человекам, это трудно понять, но попробовали бы вы сами оставить на дереве правильную метку, когда ваши, с позволения сказать, «мужские достоинства» опущены в холодный мокрый снег. Вспомните, как вы входите в холодную воду моря, чтобы искупаться, и волна внезапно покрывает вас от колен до талии, так вот это детский лепет по сравнению с тем, что я испытал, оставляя автограф на стволе дерева. Первое знакомство со снегом сильно подействовало на мою психику и всё такое прочее: я возненавидел его и с тех пор каждое гуляние в «белом царстве», как сказал, какой-то классик, доставляло мне головную (и не только) боль. И всё же этот Новогодний Вечер неожиданно принёс мне радость. Извините, но эти воспоминания меня слегка утомили. Я должен вздремнуть, а рассказ свой я продолжу чуть-чуть позже.

...Наступила Новогодняя Ночь. В доме нас было трое: Мама Галя, Человек-Гора и ваш покорный слуга. Хочу заметить, что Галя превосходная стряпуха, это можно определить по двум факторам – у мужа живот растёт не по дням, а по часам, и у меня начинается обильное отделение слюны, когда мама только идёт на кухню. В эту ночь стол был уставлен такими яствами, что, когда Галя с Борей сели за него, чтобы проводить Старый Год, у меня закружилась голова и я, покачиваясь и чуть не падая в голодный обморок, побрёл на место, где свалился на свой диванчик. Мой стол тоже был накрыт: в одной миске уже была насыпана собачья еда, в другой налита свежая вода, а между ними лежала вкусная косточка. Но нюхать мамины деликатесы и кушать что-то с моего стола было выше моих сил.

Я положил голову на лапы и попытался заснуть, как вдруг Человек-Гора позвал меня. «Что ещё?» - подумал я, нехотя вставая, и пошёл в столовую, как хорошо муштрованный солдат по приказу старшины заступить на дежурство. Боря подозвал меня к себе и приказал сесть, что я и сделал, выражая глазами самую глубокую степень грусти, на какую только был способен. И вдруг! Столб Верстович (так я за глаза называл Галиного мужа за его огромный рост), поднёс вилку с кусочком вкусно пахнущего мяса к моему носу и изрёк: «Чабби, можешь взять это, только очень аккуратно, интеллектенько».

Я нежно, одними передними зубами взял кусочек вкуснятины, пожевал и проглотил, млея от удовольствия, а на вилке уже маячил кусочек котлетки... С тех пор я понял, что Боря очень добрый парень, но такой большой, что его боятся собаки и...маленькие дети, которых он нежно любит. Мы, собаки, привыкли смотреть на человекoв с колена вверх, но такие высокие мужики вызывают у нас определённые неудобства: на них легче смотреть с расстояния, как на Эльбрус в облаках, - из соседнего города, но по команде «рядом» мы должны находиться в непосредственной близости от человека и это требует от нас, тренированных собак, большой отдачи. Если бы вы видели меня в тот момент, вы поняли бы, что мы с Борей с той Новогодней Ночи стали очень близкими друзьями. По нашим собачьим меркам, мой живот сейчас не уступает в размере пузу Человека-Горы.

Я рос, учился и.... продолжал получать вкусные кусочки со стола Гали и Бори, конечно же, когда не видел Хозяин. Лёва по этому поводу сильно сердился, а Боря объяснял это очень просто – он, Чабби, член нашей семьи и заслуживает вкусности со стола, когда хорошо себя ведёт. Я, конечно, поддерживал точку зрения Человека-Горы; устоять от того, чтобы не слопать чего-нибудь со стола, было неимоверно трудно. Заверяю вас, что вы бы тоже не смогли удержаться, зная как Галя готовит.

В марте девятого шестого года мой Хозяин женился и, покинув отчий дом, переселился в отдельную квартиру. «О, горе мне!» - как сказал бы старик Хоттабыч, но нет худа без добра, как утверждает старая поговорка: меня стали меньше учить и мне стало больше перепадать со стола. Моей главной Хозяйкой, по моему мнению, теперь стала Галя – она больше подходила мне по характеру: мы оба живчики и не любим сидеть долго на одном месте, а самое главное, – она готовит еду! Нет, не подумайте пожалуйста, что я стал меньше уважать Борю, ни в коем случае (ну, может быть, самую чуточку, но ему об этом не надо знать).

Видите ли мы, Доберманы, очень умные особи, а с Галей мне было легче найти общий язык потому, что для Бори получение вкусной и обильной еды было обычным делом, а для меня это было как манна небесная. Я мог нашкодить, за что Галя меня наказывала, но, быстро оттаяв, давала кусочек вкуснятинки или, на худой конец, собачью конфетку.

С Борей было посложнее: даже, когда он выводил меня на прогулку, я обязан был идти слева на коротком поводке по команде «рядом» и, не дай Бог, мне дёрнуться влево или вправо, его левая рука поднимала мою переднюю половину тела в воздух, как подъёмный кран. Я зависал, терял опору передних лап и выглядел как какая-то шавка. Сопротивляться было бесполезно, Человек-Гора был сильный парень, и я принимал единственно правильное решение на данный момент – слушаться команды. Когда мы приходили на место гуляния, он отпускал меня на длинный поводок, и в тот момент, когда я устраивался выдать своё «сообщение», он подставлял пластиковый мешок мне под попу, и все мои «газетные новости» попадали в него. Боря оставался доволен – ему не надо было за мной убирать. Беда в том, что из-за этого «номера смертельного риска», как говорят в цирке, окружающий меня животный мир знал обо мне очень мало и собаки и кошки считали меня эдаким инкогнито-задавакой, который не хочет ни с кем общаться.

Грустно. И всё же у меня была одна отдушина – это игра теннисным мячиком на баскетбольной площадке. Площадка эта была огорожена высоким сетчатым забором с закрывающейся калиткой. Мы приходили на корт, когда там никого не было, Боря закрывал дверь, бросал мячик в дальний угол, и я носился, как угорелый, таская этот мяч обратно к Человеку-Горе. Садился рядом, высунув язык, и наблюдал за рукой – куда она запустит эту волшебную игрушку и, увидав направление полёта, нёсся, что было силы, чтобы отыскать, схватить его зубами и притащить обратно к скамейке, на которой сидел Боря.

Вот так мы играли в эту замечательную игру минут двадцать, после чего медленно шли домой, где я, отдышавшись, выпивал целую миску холодной свежей воды и валился на карпет, чтобы немного вздремнуть, считая, что жизнь - это сплошное удовольствие.

Хозяин с женой изредка навещали наш дом и я, забыв обо всём на свете, включая мамины вкусности, тёрся возле его ног, а когда он брал меня погулять, я выполнял все его команды, стараясь показать, чему я научился, питая тайную надежду, что он возьмёт меня с собой в его новый дом и мы снова заживём вместе. Я даже был готов полностью перейти на собачью диету. Но этому не суждено было сбыться: Лёва получил новую работу и переехал с Элей во Флориду. С тех пор я получал новости о семье Хозяина только от Гали и Бори, которые навещали его, когда он с семьёй жил в Джексонвилле...

Двоих Лёвиных детей я увидел в первый раз, когда они переехали жить в Нью - Джерси. Встречались мы довольно редко; Лёва и Эля были заняты семьёй и работой, и поэтому короткие часы общения с ними, перепавшие на мою долю, были счастливейшим для меня временем. Я, как мог, старался не показывать, что скучаю по Хозяину, но у меня это не очень получалось. Лёвины предки, понимая состояние моей души, отдавали мне всю свою любовь, считая меня полноправным членом своей семьи. Насколько я знаю, мало кому из моих знакомых собак и кошек жилось так сладко и уютно, как мне. Особенно я ощущаю это сейчас, старея и чувствуя, что жизнь моя

подходит к концу. Мы – животные чувствуем близость ухода в Другой Мир гораздо острее, чем человеки.

Дорогой мой Хозяин!

Я знаю, что после моего ухода, рано или поздно, ты возьмёшь в свой дом собаку и это обязательно будет Доберман Пинчер. Уверен, что жизнь его будет длинной и сладкой, потому что ты отдашь ему всю ту свою любовь, которую не имел возможности отдать мне. У тебя были другие более важные дела – поверь мне на слово, я это хорошо понимаю и знаю от двух Человеков, которые одарили меня своей заботой и любовью. Но я до сих пор помню запах и вкус шнурка твоей обуви, который я слегка пожевал, когда мы выбрали друг друга: ты – меня своей собакой, а я – тебя своим Хозяином.

Ну, вот кажется и всё.

Твой Чаби.

Стоп, диктофон!

Юмор

Илья Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану. 1880-1891

Владимир Белорусец

Калифорния, США

Садисты Петровы. Победитель конкурса Юмора 2024 года

Сидоровы, муж и жена, уже четыре дня сидели на диете, чтобы хоть как-то уменьшить то, на чём сидят. Диете не нравилось такое давление, и она периодически из-под них вырывалась, нарушая наложенные на неё весовые запреты. Сидоровы были оба примерно одной комплекции. Поэтому жена Сидорова взвешивалась каждый день по два раза: утром - за себя, а вечером - за мужа. Если второй раз вес был больше, то муж получал серьёзное предупреждение и в наказание его вечерняя порция переходила жене.

В воскресенье приятели Петровы пригласили Сидоровых на ужин к семи часам вечера отведать дары моря. Сидоровы весь день ничего не ели, готовясь к кулинарному марафону. Но в пять позвонил Петров и сказал, что Петрова себя плохо чувствует и ужин на сегодня отменяется. Настрой у Сидоровых был боевой, и они тут же бросились заполнять пустоту желудка. Но в шесть позвонил Петров и сказал, что Петровой уже лучше и они могут приехать.

Переполненные Сидоровы, оторвавшись от своего стола, прибыли к радушному столу Петровых. Есть не хотелось, но отступить было некуда.

- Пусть лучше лопнет собственное брюхо, чем пропадёт бесплатный харч от Петровых, - прошептала Сидорова лозунг мужу.

Вечером того же дня Сидоров получил от неё нагоняй за лишние килограммы.

В следующее воскресенье уже Сидоровы пригласили Петровых с ответным визитом. Весь день они опять ничего не ели, но в пять позвонил Петров и сказал, что у машины проколото колесо и они приехать не смогут. Сидоровы, не сговариваясь, молча накинулись на свою приготовленную еду. Но в шесть Петров опять позвонил и сказал, что колесо им поменяли и они приедут и привезут ещё много еды.

Когда Петровы приехали, то Сидоровым есть уже не хотелось, но через силу всё было съедено, включая редкие крошки.

- Сегодня взвешиваться не будем. Я тебя прощаю, - шепнула Сидорова мужу.

На следующие выходные Сидоровы и Петровы решили собраться на пикник. Зная болезненность Петровых, Сидоровы, на всякий случай, съели обед на завтрак. Но в этот раз Петровы не подвели и приехали вовремя с большим запасом еды. А Сидоровы прибыли с полным ужином, оставшимся от обеда.

Они ели тяжело и молча, пока от привезённой еды осталась только скатерть. По дороге домой Сидорова жаловалась мужу:

- Эти Петровы - прямо гастрономические садисты.

- А мне нравится быть с ними мазохистом, - подумал Сидоров.

А вслух сказал:

- А может, к чёрту эту диету. Ведь Петровы — наши друзья.

На том они и порешили. А весы сдали на благотворительность. Так они и жили долго и счастливо, питаясь без ограничений днём и ночью.

Арон Корби

Бостон, США

Мюнхенский лифт

Вы когда-нибудь пересаживались в Мюнхене? Два часа хода из одного конца аэропорта в другой – хотя очень чистенько и народ рассредоточен так, что не верится, что Европа континент обжитой. Это тебе не Шарль Де Голль, изогнутый в бараний рог. Мюнхенский аэропорт прямой как тевтонская сабля.

Они там лифты новые придумали, чтобы людей быстро транспортировать с этажа на этаж. Входишь в лифт в одну дверь, а на другом этаже двери напротив открываются, так что выходишь вперед по ходу, удобно тем, что поворачиваться не надо. Правда, если вы нормальный человек, то вы, как и вся остальная публика, набившаяся в лифт с чемоданами и баулами, чтобы не задерживать остальных, разворачиваетесь, наезжая колесами на окружающие мозоли и обильно извиняясь, не до-жидаясь пока лифт достигнет другого этажа. Потому что все помнят, откуда во-шли и подвоха не ожидают.

К моменту, когда двери лифта бесшумно открываются за спиной, все уже развернулись. Когда я говорю «бесшумно», я имею в виду таки отсутствие шума, а не тихий шелест. Народ ждет на полусогнутых, склонившись к своим чемоданам, как штангисты перед рывком. Когда лифт, довольный собой, начинает обратное движение, урча про себя “Ты можешь привести коня к воде, но ты не можешь за-ставить его пить”, люди, почувствовав движение, начинают переглядываться, не выпрямляя коленей.

Надо сказать, что лифт – на один этаж, поэтому вы можете себе представить удивление публики, скопившейся у лифта, когда никто из приехавших с того этажа не выходит, а норовит прокатиться обратно.

“Ну, выходите”, – подбадривают ожидающие.

“А нам сюда не надо”, – уклончиво и исподлобья отвечают лифтовые.

“А зачем зашли?” – выражают свое недоумение в закрывающиеся двери ожидающие. Когда, совершив следующую езду, двери лифта снова гостеприимно открываются, предоставляя агонизирующему взору ожидающих все ту же групп-пу лифтовых на полусогнутых, страсти нарастают.

“Постыдитесь, взрослые люди, мы же на самолет опаздываем”.

“А мы, может быть, тоже планировали сегодня улететь с первого этажа”, – отбиваются слегка ошалевшие лифтовые.

“Так зачем же вы на второй? Ведь это же второй, на котором мы”.

“Вот именно, а здесь даже туалета нет”, – откровенничают лифтовые.

“Да вы что, им еще туалет туда, а марципанов вам не надо?” – негодуют сильно ошалевшие ожидающие.

“Нет, спасибо, от них пить хочется...”.

“А туалета у вас нет”, – отказываясь входить в положение, язвят те, которые не могут войти в лифт. На очередной езде вверх, лифтовых осеняет - и они, предвкушая освобождение, разворачиваются, распрямляют уставшие ноги, но продолжают склоняться над своим багажом.

На втором этаже изумленному взору ожидающих лифт любезно открывает вид сзади на скульптурную группу в вызывающей позе, которую ожидающие принимают как хунвейбиновский вызов. Эффект усугубляется тем, что ожидающие смотрят в лифт тоже склоняясь к своим чемоданам, что несколько снижает и непроизвольно фокусирует их обзор. “Ну, Европа дает”, – восхищается ракурсом российский бизнесмен.

Предприимчивые японские туристы, которые есть везде, фотографируют-ся на фоне видимой части внушительных лифтовых и устремляются вниз по лестнице, чтобы успеть сфотографировать себя на фоне лифтовых с обратной стороны при выходе. Это движение увлекает толпу за собой, хотя, даже спускаясь по лестнице, многие продолжают недоумевать: “Ну что там, медом намазано?”

Вот что получается, когда инженерная мысль опережает свое время. Никакой специалист не должен добиваться стопроцентного результата. Настоящий профессионал никогда не рубит сук, на котором сидит. Ну так, ножичком вырежет на нем: «Здесь был специалист Вася», – и все. Ты шум снижай, если ты акустик, но так, чтобы работа оставалась тебе и другим поколениям акустиков, а то все будут как в Мюнхене по лестнице ходить.

Илья Криштул

Москва, Россия

Сфумато

Он на своём балконе пьёт утренний кофе, задумчиво глядя в мутные воды канала, я выхожу на свой... «Бонджорно, синьор Антонио!». «Бонджорно,» - отвечает. - Мой русский амиго!». И стоим на своих балкончиках, дышим воздухом Венеции, молчим... Он молчит о Муссолини, я – о Медведково... Мы уже всё знаем друг о друге... Антонио – пенсионер, сейчас кофе выпьет и гулять пойдёт, купит по дороге газету, сядет на лавочке у церкви Сан-Себастьяно и до обеда там будет с такими же стариками разговаривать, голубей кормить да кошек венецианских. А я на работу.

В Медведково я на проезде Шокальского работаю, в конторе какой-то, а в Венеции у меня своя кофейня у Моста Академии...

Милая румыночка Магда, барменша моя, уже открылась, уже получила вкусные свежие булочки и ждёт меня на чашечку кофе... В Венеции кофе пьют все и постоянно... Мы с ней, пока народа нет, сядем за уличный столик и болтать будем обо всём на смеси итальянского, румынского и русского. О погоде – сегодня плохая, но, чем хуже погода, тем лучше Венеция...

О любви – она жалуется на своего парня, а я ей – на одиночество... «Как можно быть одиноким в Венеции? - удивляется Магда. - Как можно одному здесь гулять?».- «Это в Медведково одному гулять нельзя, - отвечаю я. - А здесь можно... Да я и не один, со мной всегда Безмятежнейшая...». И Безмятежнейшая Венеция благодарит меня, погладив ветерком... «Хочешь, пойдём вечером, я покажу тебе палаццо Контарини?» - предлагаю я. - Говорят, там жила Джульетта...». - «А кто такая Джульетта? - хохочет Магда. - Твоя бывшая?». «Это же Шекспир...» - удивляюсь я. - «А кто такой Шекспир? Твой бывший?» - заливается Магда. Я вздыхаю. Магда не училась в школе № 2 в Банном переулке, откуда ей знать Шекспира... Она, может, вообще не училась в своей Олтенице, что на Дунае... «Нет, не могу...

Я сегодня занята.» - говорит Магда - Мой травку принесёт, курнём и он мне татушку бить будет, давно обещал...». - «Купола?» - спрашиваю я. - «Зачем купола? - удивляется Магда. - Моё имя по-японски и мордочку Микки...». Микки - это её собачка, чихухуа... И уже пришли первые туристы, американцы, шумные, беспардонные... Магда упорхнула за стойку, а я так и сижу за столиком, пью кофе и смотрю на дом напротив.

Там девушка на балконе плачет, а в комнате мужик какой-то бегаёт, вещи, наверное, собирает. Или свои, или её. Американцы уже набрали всего, сели за столик рядом, и Магда снова ко мне пришла, минералки себе принесла. Ковбои

галдят, хохочут, на Магду поглядывают, она им глазки строит... «В Америку хочешь, Магда? - спрашиваю. - Хочу. – улыбается. - Ты ж меня в свою Медведкову не приглашаешь...». - «А ты поедешь?». - «Поеду.».

Тут один американец встал, к нам подошёл: «Извините, а мисс не хочет увидеть Лос-Анджелес?». - «Увидеть и умереть? - спросил я и ответил за Магду. Нет, не хочет. Девушка хочет увидеть Медведково.» - «Медведково? - переспросил американец. - Это где?». - «После «Бабушкинской», - ответил я на русском - и американец отошёл. Они, когда русский слышат, всегда отходят почему-то...

А девушка на балконе всё плачет, и голос мужской слышен: «Порка Мадонна, порка Мадонна...». «Магда, - спрашиваю. - А что это за девушка там, на балконе? Плачет, видишь?». - «Ольга. - Магда всех здесь знает, к ней все поболтать забегают. - Тоже из России. Полгода уже живёт, ты разве её не видел? Я ей про тебя рассказывала, про твою Медведкову... Позвать? Ольга!». Девушка с балкона помахала рукой, улыбнулась, и мужик высунулся и сразу исчез. «Ольга, иди к нам! Хозяин кофе угощает!» - и я вздохнул. Магде надо было не барменшей в Венеции работать, а сводницей в своей Румынии. Девушка с балкона ушла, а мужик снова высунулся и на меня внимательно посмотрел. Я в ответ улыбнулся – итальяшки это ж не шпана с Широкой улицы, которым, если улыбнёшься, то зубы потеряешь. Да им и не улыбался никто...

И снова сидим, молчим, американцы ушли, Магда стол за ними протёрла, а по мостику уже Ольга идёт - в коротком платье, белозубая, ноги стройные, глаза смеются и ни следа от слёз недавних... «Чао! - здороваются на итальянском. - Кофе ва?». - «Хорошо дела. - отвечаю на русском. - А у тебя как? Почему плакала? Обижает тебя твой макаронник?». - «Нет, не обижает... - говорит Ольга. - Ревнует...»...

Магда пошла кофе делать, а Ольга про себя рассказала – мы соседи, оказывается, она в Москве в Свиблово жила. «Не скучаешь?» - спросил я. - «По Свиблово? - улыбнулась Ольга. - Нет. По маме скучаю...». - «Хочешь, вернёмся? - предложил я. - Чайхану откроем на Джамгаровке, ты управляющей будешь...». - «Поздно... - ответила Ольга. - Мы завтра в Амстердам улетаем, моему там место хорошее предложили, уже билеты купили...». «Сфумато...» - сказал я, показав на канал. - «Да, - кивнула Ольга. - Ты прав - сфумато...».

Дымка ползла по каналу, дымка застилала Венецию, дымка скрыла будущее и прошлое, оставив только настоящее – меня за столиком кофейни, улыбающуюся Ольгу напротив, подошедшую Магду с чашечкой кофе... Где-то там, за дымкой, белело блочными домами моё Медведково, блестел Джамгаровский пруд с кладбищем на берегу и шумел проезд Шокальского...

«Я тоже билет купил.» - вдруг сказал я. - «Куда?» - удивилась Магда. - «В Медведково. На завтра. Кофейню тебе оставляю. Два условия – ты сходишь, посмотришь на палаццо Контарини и прочитаешь Шекспира... Хорошо?». - «Бине...» - по-румынски ответила Магда, а я встал и пошёл. Потом вернулся, поцеловал Ольгу с Магдой и снова ушёл, уже навсегда. Пусть живут – Ольга со своим итальянцем, а Магда со своим румыном или кто он там. А я больше не хочу в Венеции просыпаться.

Потому что Светлейшая меня простит, а вот проезд Шокальского – нет.

Я там перееду по реновации и всё хорошо будет.

И никакого сфумато. Откуда в Медведково сфумато?

Григорий Яблонский

Сент Луис, США

Необходимость женщины. Быль

Моим друзьям, профессорам Владимиру Гальвите и Евгению Редекопу

Они столкнулись – нос к носу – в лобби лионского отеля. Улыбнулись. Обнялись. Друзья... Владимир, постарше, черноволосый крепыш, уверенный в себе. Валерий, помоложе и повыше, узколицый, бородака, серьга в ухе. Оба из бывшего СССР, но очень давно в Европе. Уже совсем европейцы, делить нечего. Часто встречаются, чуть не каждые полгода, в разных местах Европы. По общим делам. Дела у них общие...

Владимир с тревогой оглядел Валерия.

- Я смотрю, тебе женщина нужна, - сказал Владимир.

Валерий оторопел: «А ты откуда знаешь?»

- Знаю, - уклончиво сказал Владимир.- Мне такие ситуации знакомы. Так нужна или не нужна?

- Нужна,- вздохнул Валерий.- Очень! Просто позарез.

-А какая тебе нужна? Ты хоть представляешь?

- Да любая, - простодушно сказал Валерий.- Конечно, чтоб какие-нибудь данные были.

- Ну смотри! – сказал Владимир и головой указал Валерию направление, куда смотреть. - Видишь вон ту, растрёпанная, в красном брючном костюме. Около столика с журналами. Подходящий экземпляр. Легко соглашается.

- Отсюда плохо видно, - сказал Валерий.

- Ну так подойдешь поближе. И скажешь. Так мол и так. Без всяких яких.

Скажешь: «Мне нужна женщина!» И всё...

- И всё?- спросил Валерий.

-Конечно, всё. А что ещё? Да, определишь, на каких условиях. Деньги – главное. И имей в виду, она женщина порядочная. Данные у неё вполне приличные. Хотя она и не молода, лет под 50. В общем, ты будешь доволен.

Валерий пошёл в указанном направлении и достиг цели. Владимир заботливо следил за ним. Вскоре Валерий вернулся. Выражение лица было безрадостным.

- Ну что? Не получилось? – спросил Владимир.

- Говорит, что связана обязательствами.

-Какие в чёрту обязательства, - вспыхнул Владимир. - В прошлом году она со мной согласилась. И ещё у неё был один, кроме меня...Шлюха последняя!.. Ну ничего, ничего...Найдём тебе, найдём...

Здесь много таких...Целая конференция, -усмехнулся он. - Вон видишь ту, в сиреновом пальто. Зовут Анной. Анечкой...Русскоязычная. Вот подойди и скажи по-русски: «Анечка, можно вас на минутку!» ...Рискуй! Кто не рискует – тот не пьёт шампанское!

-Я вообще не пью шампанское,-сказал Валерий. – У меня кислотность.

- Ничего, - успокоил Владимир. – Будет женщина, забудешь про кислотность.

- На этот раз Валерий вернулся ещё быстрее. Оказалось, это не Анечка, а Леночка. И она жутко разозлилась, когда её неправильно назвали. В доказательство того, что Леночка, а не Анечка, она показала тэг, на котором было написано её имя.

Владимир не пал духом, хотя и смутился.

- Какие переборчивые. – сказал он.- Что им, дурам, надо? Сами не знают, чего хотят.

- А вот ещё одна! - он указал на полную женскую фигуру в пончо. Женщина садилась за стол, по-видимому, собиралась работать. Там уже были два компьютера, баночка с кактусом и чашечка, наверно, кофе. Рядом - большой чемодан, к которому была привязана маленькая собачка, корги.

- Вот это то, что нам надо, - с восторгом сказал Владимир. — Вот это фигура! Не песочные часы! И как мы можем такое пропустить?

- Пончо! – сокрушенно заметил Валерий. – А если она из Латинской Америки, из Мексики? Это может быть незаконно.

- Не бойся! – успокоил Владимир. – Есть очень много исключений.

И Валерий покорно пошёл к пончо.

Через пять минут он вернулся совершенно счастливый. Согласилась сразу. Зовут Мадлен. Француженка. А работает в Италии, в Милане. Данные у неё совершенно прекрасные.

- Ну вот видишь,- сказал довольный Владимир. – Вот ты и нашёл. Это не так трудно, как думают. Ведь они тоже хотят.

- Слава богу, пока всё складывается, - сказал Валерий. Его голос приобрёл какое-то умиротворённо-воркующее звучание. - Вот завтра мы с ней и начнём. Прямо с утра.

- С ней? - спросил Владимир в крайнем удивлении. - Не понимаю. А со мной когда? И как? Учти, мне тоже нужна женщина. Я без женщины не могу. А ты думал, я только для тебя стараюсь. Ты что? Наивный или прикидываешься? И ты мне нужен...

В общем так, голубчик, писать заявку и подавать на грант будем вместе. Я, она и ты... Понял?

Понял, понял, - пролепетал Валерий, осмысливая ситуацию.

От автора

Эта история имеет вполне реальную основу. Нынешние правила финансирования научных исследований достаточно интересны.

https://www.eeas.europa.eu/eeas/lets-hear-it-women-science_en

Horizon Europe also has a new eligibility criterion that research organization applying for funding must have an actionable Gender Equality Plan, with a target for a gender balance of 50% in all Horizon Europe related decision -making bodies and evaluators.

Перевод. Программа «Горизонт Европы» имеет новый критерий для права на участие. В соответствии с ним исследовательские организации, подающие заявки на финансирование, должны иметь действенный План Гендерного Равенства, нацеленный на гендерный баланс около 50%. Эта цифра принята для всех организаций и лиц, принимающих решения по программе «Горизонт Европы».

Весьма похожие критерии сформулированы и в американских научных программах.

Таким образом, женщина необходима.

Сведения об авторах

Нина Аловерт (р. Ленинград). Окончила исторический факультет Ленинградского университета. Специалист в области балета и балетной фотографии. С 1977 года живет в Америке. Внештатный балетный критик и фотограф журналов Dance Magazine, Ballet Review, Point, журнал «Балет» (Москва), русскоязычных газет в Америке. Принимала участие в составлении Международного балетного словаря (Лондон, «Сент-Джеймс Пресс», 1994) в справочнике «Кто есть кто в современном мире», Москва, 2003. Автор книг и альбомов, имеет международные премии и награды. Фотографии Нины Аловерт, с любезного разрешения автора, несколько раз использовались для обложек Альманахов ЧАЙКА

Валерий Андронов (р. 1957, Псков). С 1976 по 1979 служил срочную службу на Северном флоте. В 1979 году поступил в Ленинградское Мореходное училище на радиотехнический факультет и окончил ЛМУ в 1982. Распределился в Балтийское Морское пароходство и до 1997 года ходил в море. В сорок лет неожиданно стал писать песни и стихи, в шестьдесят – прозу.

Анатолий Бергер (р.1938, Ленинград). Член Союза писателей России и СПб, а также Пен-клуба и «Мемориала». В советские годы с 1969 по 75 отбывал срок в лагерях и ссылке (4 года лагеря и 2 года ссылки) за свои произведения (статья 70 УК РСФСР). В 1990-м году был реабилитирован «за отсутствием состава преступления». С 1990-го года выпустил 16 книг – стихов, прозы и драматургии. Кроме России, печатался в США, Франции, Израиле, Чехии и Австралии. Живет в С-Петербурге.

Лев Бердников (р. 1956, Москва). Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской Государственной Библиотеки. С 1990 г. живет в Лос-Анджелесе. Автор 7 книг и многочисленных публикаций. Зам. главного редактора журнала «Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика». Постоянный автор журнала и участник Альманахов ЧАЙКА.

Николай Божиков (р.1960, Москва) По профессии врач, закончил 1-ый медицинский институт. Опубликовал несколько рассказов в сетевом литературном журнале "Органон ". В болгарском литературном журнале "Литературен Свят" в 2015 г. вышли переводы на русский язык стихов Димчо Дебелянова и перевод сказки Елина Пелина. Последние несколько лет постоянно живет в Болгарии.

Юрий Бриль. Писатель, автор многих книг очерков, рассказов и повестей. Живет в России, в Екатеринбурге. Он утверждает, что жизнь прекрасна, поскольку есть возможность путешествовать. Отсюда и понятно, почему его главная песня в творчестве – записки вольного путешественника. Вместе с другом он дикарем прошел и проехал по Африке 10 тыс. километров, побывал на водопаде Виктория и других труднодоступных местах, поднялся

на вершину Килиманджаро. После чего родился цикл вполне документальных рассказов.

Сергей Бычков (р.1946, Ереван). Историк русской церкви, доктор исторических наук. Занимался религиозным воспитанием детей в приходе Покровской церкви, в которой служил священник Александр Мень. После крушения СССР занимается книгоиздательской деятельностью и публицистической работой. По его сценариям были поставлены телефильмы: «ВЧК против патриарха Тихона», «Живое слово отца Александра Меня», «Завтра меня убьют» (о ходе расследования убийства Александра Меня). К годовщинам убийства отца Александра, каждое 9 сентября, публикует в ЧАЙКЕ свои материалы о нем. Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Подмоскowie.

Анна Варпаховская. Дочь выдающегося театрального деятеля и режиссёра, народного артиста РСФСР Леонида Викторовича Варпаховского (1908-1976). В 1971 году закончила актёрское отделение театрального училища им. Б.В. Шукина при государственном академическом театре им. Е. Вахтангова (курс Ю.В. Катин-Ярцева). В 1971 году была принята в труппу Московского драматического театра им. К.С. Станиславского, где проработала 23 года и сыграла множество ролей. С 1994 года живет в Канаде, где с успехом сыграла в нескольких канадских фильмах. Совместно с Григорием Зискиным создала театр им. Л.В. Варпаховского в Монреале на русском языке для русскоязычных жителей Канады и США. За создание русского театра за рубежом была награждена в 2010 году Орденом Дружбы. В последние годы А. Варпаховская играет в театре имени Леси Украинки в Киеве в совместных проектах с канадским театром имени Л. Варпаховского, занята в московских проектах, снимается в кино.

Сергей Верецагин. Родился и вырос в Ленинграде, последние тридцать с лишним лет живет в Америке, где и работает инженером.

Юрий Верецагин (р. Ленинград) окончил институт авиационного приборостроения. Эмигрировал в США в 1996 году. По профессии - программист. Печатался в журналах «Москва», «Дружба Народов», «Литературная Америка».

Игорь Волошин (р. 1955, Киев). Окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Женат, двое детей. В 1991 году эмигрировал в США. Живу в Чикаго, работаю инженером. Люблю искусство и поэзию. Увлекаюсь туризмом и велопоездками. Периодически публикуюсь в русскоязычных изданиях с очерками о национальных парках Америки, о Чикаго и о малоизвестных, но необычных личностях в истории США.

Михаил Гаузнер (р. 1936, Одесса). После окончания Одесского политехнического института проработал 42 года в крупном конструкторском бюро станкостроения, был его ведущим, затем главным специалистом, имеет 20 авторских свидетельств СССР и патенты шести ведущих стран мира. Более 20 лет публикуется в одесских и зарубежных газетах, а также альманахах и сборниках. Автор трёх книг прозы, в 2017 г. стал лауреатом литературного конкурса им. Паустовского. В ЧАЙКЕ публикует рассказы, воспоминания, очерки и стихотворные переводы. Дипломант журнала ЧАЙКА за 2021 год. Живет в Одессе.

Генрих Голин. Окончил физико-математический факультет в 1961 году в Баку, защитил кандидатскую диссертацию в 1969 г. Диссертация была посвящена изучению специальной теории относительности в средней школе. В 1987 году успешно защитил докторскую диссертацию в Ленинграде, которая была посвящена проблемам использования истории и философии физики в преподавании. Автор 8 книг и более 100 статей в советских и иностранных научных изданиях, в том числе первой в Союзе хрестоматии по истории физики. В 1969 году был избран заведующим кафедрой физики Мозырского пединститута в Белоруссии (в настоящее время - университет), где проработал более 8 лет. В 1990-1992 работал заведующим кафедрой естественно-математического образования Центрального Института Усовершенствования Учителей России. После приезда в Америку в 1992 году живёт и работает в Нью-Йорке. С 2006 года по настоящее время - профессор (Graduate School of Education, Touro College). Член Нью-Йоркской Академии Наук (2006).

Михаил Голубовский (р.1939), генетик, историк и популяризатор науки, эссеист. Окончил кафедру генетики Ленинградского университета, д.биол.наук. Работал в Академгородке (Новосибирск), С. Петербурге, во Франции, Австралии, разных университетах США. Автор книги: «Век генетики: эволюция идей и понятий» (СПб. 2000). Публикации в журналах «Природа», «Химия и жизнь», «Атом», «Звезда» (премия за лучшую публикацию 2002 г.), «Нева», «Вестник», «Мосты», альманаха «Образы жизни» (Сан-Франциско). Проживает близ Беркли, Калифорния.

Нина Гольдмахер (р. Баку). Окончила школу в Севастополе, получила математическое образование в Уральском и Ленинградском университетах. Затем, работая программистом, училась на философском факультете Уральского университета. В 1980-м году эмигрировала в США. Работала программистом, а потом менеджером в области клинических информационных систем. В начале 1990-х перешла работать в школу, где преподавала математику и русский в 9–11 классах. Создала литературно-драматическую студию для подростков, где дети из семей эмигрантов изучают русскую литературу и участвуют в ежегодных театральных постановках. Живёт в США, в Большом Бостоне.

Виолетта Гребельник (Киев). Окончила Киевский медицинский институт, медицинский факультет Римского университета «La Sapienza», кандидат медицинских наук по неврологии. Работала врачом в частной клинике. В свободное время играет на фортепиано и пишет очерки и стихи. Неоднократный победитель зимних и летних творческих конкурсов журнала ЧАЙКА для детей. Живет в Риме.

Юлий Зыслин – коллекционер и культуролог (с 1996 года живёт в США, пригород г. Вашингтона); автор четырёх сборников стихов, двух книг прозы, десятков эссе, статей и репортажей, основатель «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» (1997), «Вашингтонской аллеи русских поэтов, композиторов и художников» (2003), Цветаевских фестивалей в России (1994-1995) и Америке (2003-2004), музыкально-поэтических клубов «Свеча» (1979-1995, Москва, 1996-2000, Вашингтон), ежегодных Цветаевских костров (начиная с 1996); инициатор проведения «Всемирного

Цветаевского костра» 2002 года и создания русского отдела в новой библиотеке Большого Вашингтона (Rockville, 2006).

Виктор Есинов (р. 1939, Москва). Литературный путь начался в 1974 году с публикации стихов в журнале «Юность». Автор трех книг стихотворений. С 1989 года выступает как литературовед. Автор пяти книг по биографии и творчеству А.С. Пушкина, а также книг «Четыре жизни Василия Аксенова» (2016) и книги воспоминаний «Об утраченном времени» (2012). Составитель и комментатор семи книг Василия Аксенова, изданных после его смерти по материалам американского архива писателя. С 2006 года – старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Живет в Чехии.

Арон Корби. Родился в первой половине прошлого столетия в колыбели революции г. Ленинграде. Еще в колыбели закончил Кораблестроительный институт, что позволяет ему летать с корабля на корабль. Покинул колыбель по подстрекательству Циолковского: "Не век же сидеть в колыбели!" - подначивал он. Но выше головы не прыгнешь - в 1989 году угодил в колыбель революции г. Бостон, где и пишет рассказы (lying from experience). - "Монологи"(до войны). Часть стихов была напечатана в петербургском сборнике "Весь мир в ладони".

Илья Криштул (р. Москва). Окончил Педагогический институт, работал учителем. Лауреат нескольких литературных конкурсов, автор двух книг юмористической прозы. Дважды был победителем конкурса Юмора журнала ЧАЙКА. Писал для журнала юмористические рассказы в разделе «Страница юмора от Ильи Криштула». Живёт в Москве.

Абрам Мальяр. В Израиле, Эрец Ха Кодеш, с 20 лет. Закончил университет Бар-Илан по специальности "История еврейского народа". В Еврейском университете изучал политологию, исламоведение и Ближний Восток. В совершенстве владею арабским и фарси. Связал свою жизнь с Армией обороны Израиля. После выхода на пенсию хочу профессионально заняться художественной фотографией и написанием эссе.

Лариса Миллер (р. Москва). Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве.

Фауст Миндлин (р.1951, Одесса). Актёр, режиссёр, телеведущий. Член Национального Союза Театральных Деятелей Украины. Окончил Ленинградский институт театра музыки и кино (ЛГИТМИК), режиссуре учился в Киевском институте им. Карпенко-Карого. Около тридцати лет служил актёром в театрах Одессы, наиболее активно – в Одесском театре кукол. Прошёл «карьерную лестницу» до ведущего мастера сцены, совмещая актёрскую деятельность с работой очередного режиссёра. Создал Семейный театр родителей и пациентов. В Центре реабилитации детей-инвалидов, известном в мире как «Дом с Ангелом», работал с 2001 года. Сначала совмещал работу с репертуарным театром, с 2006 – на постоянной основе. Начинал как режиссёр и артист отделения арт-терапии Центра, с 2014 года – руководитель отделения.

Александр Муленко. Член Союза писателей России. Книги: «Волшебное озеро», «Остров Иванушкина Миши», «Счастье в яме», «Должник.

Амнистия. Ни свежего чая, ни курить», «В преддверии праздника». В настоящее время он инвалид, пенсионер. В прошлом - огнеупорщик. Был участником Чернобыльской кампании 1986 года. Последние пятнадцать лет своей трудовой деятельностью обучал строительным специальностям осужденных в колонии строгого режима. Живет в Новотроицке (Оренбургская область).

Лина Нейгауз. Дочь генетика Михаила Евсеевича Нейгауза. За исключением военных лет в Сибири (1941-1944), всю жизнь прожила в Москве. Закончила Московский Энергетический Университет, после чего тридцать лет работала в НИИ САПФИР. Кандидат физмат наук, защитила диссертацию по физике и технологии полупроводников, более сорока научных статей и изобретений. Автор трех книг: Вариации Прекрасного, Тая – имя нарицательное, Страна САПФИР.

Григорий Окландский (Беларусь). Школьные годы прошли в Гомеле, незабываемые студенческие – в Ижевске, а лучшие – в Новосибирском Академгородке. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований, а также разработкой информационных систем здравоохранения. Кандидат технических наук. Более 20 лет живет в Окленде (Новая Зеландия), где работает в области информационных технологий, что сочетается с любовью к поэзии и путешествиям. Автор 2-х поэтических книг и многочисленных публикаций в сетевых и бумажных изданиях.

Евгений Пальцев (р. 1969, Ленинград). Окончил Санкт-Петербургскую академию культуры, дипломированный культуролог. Работает детским сценаристом. Пишет стихи, авторские песни, детские и взрослые сценарии и либретто уже более 30 лет. дважды лауреат "Сентябрьского фестиваля авторской песни" в Петербурге; лауреат премии "Петраэдр" в номинации " Стихотворение года-2021" (Петербург); лауреат международного конкурса поэзии " Эмигрантская лира-2021 ".

Григорий Писаревский (р. Харьков). Инженер-электрик. В Америке с 1988 года. Около 25 лет работал в крупных американских компаниях в области информационных технологий. Живет в Нью-Джерси. Является одним из основателей и членом правления клуба «Русских американцев» в своем городке. Печатался в интернет-журнале «Беркович-Заметки», калифорнийском интернет-журнале «Кстати», «Еврейском Мире» и местной газете «Concordian» (на английском языке). Также на английском языке под псевдонимом «Jeff Pierce» опубликовал политический триллер «Hallways of Desertion» (Коридоры Обмана). Пишет для ЧАЙКИ полемические статьи и рассказы на политические темы. Постоянный автор журнала. Живет в США.

Борис Пукин (р. 1945, Урал). С 1946 года жил в Москве. С 1965 по 1968 год служил в Советской армии. По образованию инженер ТГВ и ВК. В 1981 году эмигрировал в США, где и проживает по сей день. Писать начал совершенно случайно в 1978 году. Пишет стихи и прозу для взрослых и детей.

Геннадий Разумов. Известный в области инженерной гидрогеологии ученый, автор более 110 научных трудов, среди которых несколько крупных монографий и десятки изобретений. Кроме того, он долгие годы работает в области журналистики и литературы. Более 250 его статей, очерков, эссе

напечатаны в российских журналах и газетах, («Техника-молодежи», «Наука и жизнь», «Огонек», «Новый мир», «Известия», «Независимая газета» и др.), а также в США и Израиле. Им опубликовано 13 научно-художественных, научно-фантастических, мемуарных и детских книг, изданных на нескольких европейских языках. В настоящее время живет в Лос-Анджелесе.

Семен Резник (р.1938, Москва). Писатель, журналист, историк. Более десяти лет работал редактором серии «Жизнь замечательных людей», в которой вышли его первые книги. Биография академика Н. И. Вавилова была признана «идеологически вредной», только вмешательство крупнейших ученых и международная огласка спасли книгу от уничтожения. Исторические романы «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель» – о кровавом навете на евреев и Кишиневском погроме – вообще не могли быть изданы, что заставило писателя эмигрировать в США в 1982 году. Автор фундаментальных книг о Вавилоне и Солженицыне. Постоянный автор журнала. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Большом Вашингтоне.

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Известный московский поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик Российской академии естественных наук, Петровской академии и турецкой Академии поэзии. Лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских и еще ряда российских и иностранных премий. Стихи переводились на многие иностранные языки и отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии. В ЧАЙКЕ постоянно ведет свой «поэтический» блог. Постоянный автор журнала и Альманахов. Живет в Москве.

Александр Сиротин (р. Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер, радиожурналист. Мама Александра Нехамы Сиротина играла в ГОСЕТе Соломона Михоэлса. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва-Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Нью-Йорке.

Юрий Токарь (р.1967, Украина). Преподаю математику в Украине. Мои стихи, рассказы, очерки на русском и украинском языках публиковались в Украине, России, Беларуси, Германии. Например в таких изданиях: "День" (Украина), "Южная Звезда" (Россия), "Жінка" (Україна), "Література та життя" (Україна).

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». Опубликовал дебютную книгу художественной прозы на основе рассказов, напечатанных в журнале ЧАЙКА. Ныне автор двух книг художественной прозы. Постоянный автор журнала. Лауреат премии журнала ЧАЙКА в номинации «художественная проза» за 2017 год. Живет в Сан-Диего, Калифорния.

Елена Фролова. Окончила факультет журналистики Львовского университета и театроведческий Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Член Союза журналистов и Союза театральных деятелей. Печаталась в журналах - "Театр", "Театральная жизнь", "Звезда", "Обсерватория культуры", "Балтийские сезоны", "Петербургский театральный журнал", в альманахах. Вышло 2 книги, написанные в соавторстве с мужем - Анатолий Бергер, Елена Фролова " Состав преступления" и "Горесть неизреченная", в 2018 - моя автобиографическая книга "Выбор. Сюжет- жизнь".

Владимир Фрумкин (р.1929, Брянск). Музыковед, журналист, эссеист, выпускник теоретико-композиторского факультета и аспирантуры Ленинградской консерватории. Еще в советскую эпоху стал исследователем феномена независимой, неподцензурной «гитарной поэзии» и исполнителем песен Окуджавы, Галича и других поэтов-певцов. В 1974 эмигрировал в США, работал в Оберлин-колледже (штат Огайо) и Русской летней школе при Норвичском университете. С 1988 до 2006 года — сотрудник Русской службы «Голоса Америки». Среди опубликованных работ – «От Гайдна до Шостаковича», «Особенности сонатной формы в симфониях Шостаковича», два сборника песен Б. Окуджавы на русском и английском языках с нотной строчкой и буквенным обозначением аккордов, «Певцы и вожди» (2005 и 2017). В журнале ЧАЙКА вел рубрику «Музыкальная Академия», автор статей на общественно-политические темы. Живет в Маклейне – пригороде Вашингтона.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художеств. журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА и постоянный консультант при создании Альманахов. Дипломант журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Чикаго.

Алла Цыбульская. Театровед, критик, лектор, член Союза театральных деятелей России. В настоящее время живет в Америке (Бостон). Выпускница Ленинградского института театра музыки и кинематографии.. Ею написано и опубликовано бесчисленное количество рецензий на драматические спектакли, привозимые на российские гастроли в Америку, и на спектакли американских театров. Публиковалась в России в журналах "Театр", "Театральная жизнь", "Музыкальная жизнь", "Музыкальная Академия", "Телевидение и радиовещание". В газетах "Ленинградская правда", "Вечерний Ленинград", "Вечерняя Москва", "Советская культура". В Америке публикации в газетах "Новое русское слово", "В новом Свете", "Русский базар", в журналах "Вестник", "Чайка", "Слово.Word", "Кругозор".

Вера Чайковская (р. Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат

премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Кипренский, Тышлер). В 2019 году изданы две ее книги: «Дух подлинности. Соцреализм и окрестности», (М., Искусство-21 век) и «Анекдоты из пушкинских времен и другие новеллы» (М., Буксмарт). Живет в Москве.

Ирина Чайковская (р. Москва). Писатель, критик, публицист, драматург, кандидат педагогических наук. Область научных исследований последних 20 лет: Тургенев и его эпоха. Автор 20 книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Вадим Чирков. В прошлом житель Молдовы (Кишинев), детский писатель: сказки, рассказы, приключенческие и фантастические повести. Член СП бывшего СССР, лауреат конкурса им. Марка Алданова «Лучшая повесть Русского Зарубежья», «Новый Журнал» (Нью-Йорк), 2011, «Белогвардеец». Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Победитель нескольких конкурсов творчества для детей журнала ЧАЙКА. С 2000 года живет в Нью-Йорке.

Нелли Эпельман-Стеркис (р. Бишкек бывший г. Фрунзе), где её семья была в эвакуации. Окончила физико-математический факультет харьковского университета. Работала в вычислительном центре, на заводе им.Шевченко. В старших классах посещала литературный кружок во Дворце пионеров. Благодарна наставникам, которые учили понимать и любить литературу. 1992-м эмигрировала с мужем и детьми в США, где и живет в настоящее время. В связи с нелёгкой иммиграцией почти не писала, а когда начала опять - получились небольшие рассказы, которые объединила в цикл: "Рассказы – Крошки.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Постоянный автор журнала ЧАЙКА и Альманахов. Живет в Сент-Луисе, США.